

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**Достоевский и мировая культура:
художественное наследие и духовность**

Семей - 2026

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**«Достоевский и мировая культура:
художественное наследие и духовность»**

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2 Рус)
Д70

Управление культуры, развития языков и архивного дела области Абай
КГКП «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
города Семей»

Редакторы-составители: Мирсалимова В. В., Титаева Т. Г.

Д70 Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского города Семей. Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность» – Семей, 2026 г. – 216 стр.

ISBN 978-601-12-9238-2

Настоящий сборник статей составлен по материалам Международной научно – практической конференции «Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность», которая проходила 15-16 мая 2026 года и была посвящена 55-летию открытия литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского г. Семей и 205-летию со дня рождения великого писателя.

Статьи в этом сборнике вдохновят читателей посетить этот уникальный музей и глубже изучить творчество Ф.М. Достоевского.

ISBN 978-601-12-9238-2

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2 Рус)

© Управление культуры, развития языков
и архивного дела области Абай
КГКП «Литературно-мемориальный
музей Ф. М. Достоевского
города Семей», 2026 г.

Предисловие

Фёдор Михайлович Достоевский – один из величайших писателей не только русской, но и мировой литературы. Его произведения и сегодня продолжают погружать читателя в сложные лабиринты человеческой души, заставляют задуматься о смысле жизни, нравственных дилеммах и экзистенциальных вопросах. Достоевский, как никто другой, умел передать внутренние душевные волнения и противоречия своих героев, их тревоги и страдания, порывы и устремления, отражая в них реалии своей эпохи, с одной стороны, и вечные проблемы человечества, с другой.

Настоящий сборник статей составлен по материалам Международной научно - практической конференции *«Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность»*, которая проходила 15-16 мая 2026 года и была посвящена 55-летию открытия литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского г. Семей и 205-летию со дня рождения великого писателя.

Успешной организации и проведению конференции способствовали усилия ученых, представителей и сотрудников таких организаций города, как Управление культуры, развития языков и архивного дела области Абай, Русский дом представительства Россотрудничества в Усть-Каменогорске, НАО «Университет имени Шакарима г. Семей», Воскресенский собор г. Семей, ОО «Краеведческое общество «Прииртышье».

Торжественное открытие конференции началось с церемонии возложения цветов к памятнику «Ф. М. Достоевский и Ш. Уалиханов», выполненному московским скульптором Д. Элбакидзе и установленному в сентябре 1977 г.

В церемонии возложения цветов к памятнику, символизирующему дружбу между двумя выдающимися людьми своего времени, приняли участие аким города Семей Кожанбаев А. Н., заместитель руководителя Управления культуры, развития языков и архивного дела области Абай Мустафин Б. Н.; вице-консул Генерального консульства РФ в городе Усть-Каменогорске, заместитель руководителя представительства Россотрудничества – Дяченко А. А.; ученые и сотрудники музеев городов Казахстана и России, многочисленные гости.

Конференция была посвящена рассмотрению различных аспектов творчества Ф. М. Достоевского. Ее работа осуществлялась по следующим направлениям:

1. Достоевский и мировая культура;
2. Проблемы сохранения историко-культурного наследия;
3. Достоевский в Семипалатинске;
4. Достоевский и православие;
5. Студенческий опыт прочтения Достоевского;
6. Архивные материалы и Записки краеведов.

В настоящем сборнике собраны работы, как известных ученых, так и начинающих исследователей, музееведов и научных сотрудников Казахстана и России, в статьях которых рассматриваются не только идеи и темы, заложенные в произведениях писателя, но и поднимаются вопросы воспроизводства и всемерного сохранения литературно – исторических и культурных памятников края.

Особое внимание в этом сборнике уделяется юбилею музея Достоевского в Семее, который в этом году отмечает важную веху в своей истории. Музей Ф. М. Достоевского в г. Семее был открыт 7 мая 1971 года на основании Постановления Совета Министров КазССР. Благодаря титаническим усилиям Зинаиды Георгиевны Фурцевой, городская библиотека № 15, с 1965 года принимавшая читателей в бывшем доме почтальона Лепухина, переросла в музей, который стал не только хранилищем памяти о великом писателе, но и культурным центром, где ежегодно проходят выставки, лекции и научные конференции, посвященные его жизни и творчеству.

Юбилей музея -это не только повод вспомнить о наследии Достоевского, но и возможность осознать его актуальность в современном мире. Музей в Семее служит мостом между прошлым и настоящим, позволяя новым поколениям открывать для себя гениальность его произведений и их влияние на литературу и философию. Ежегодно музей принимает более 17 000 посетителей. За год здесь проводится около 1 500 экскурсий и разнообразных культурных мероприятий.

В этом году музей отмечает 55-летие, и мы гордимся тем, что он продолжает привлекать внимание исследователей и любителей литературы со всего мира.

Мы надеемся, что статьи в этом сборнике вдохновят читателей посетить этот уникальный музей и глубже изучить творчество Ф. М. Достоевского.

*Гайнуллина Ф.А., ассоциированный профессор (доцент)
кафедры филологии АВУ*

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Веденяпин В. В.
Институт прикладной
математики им. М. В. Келдыша РАН
Москва, Россия

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: НАУКА, РЕЛИГИЯ, РОССИЯ.

F. M. DOSTOEVSKY: SCIENCE, RELIGION, RUSSIA.

Аннотация. Рассматриваются взгляды Ф. М. Достоевского на науку, религию и будущее России. Обсуждается влияние естествознания на религиозные воззрения и возникновение атеизма. Рассматриваются взгляды выдающихся учёных Л. Эйлера, М. Планка, Я. Б. Зельдовича и др. на религию, эволюцию Вселенной и книгу Бытия. Шестоднев обсуждается с точки зрения астрофизики 20 века, большого взрыва, теории звездообразования и роста энтропии. Дается естественно-научное положительное обоснование вопроса, который мучил Достоевского, есть ли Бог, основного вопроса философии.

Annotation. The views of F. M. Dostoevsky on science, religion and the future of Russia are examined. Influence of natural sciences on religion views and appearance of atheism is discussed. The views of outstanding scientists L. Euler, M. Plank, Ya. B. Zeldovich and others on religion, Universe evolution and the Book of Genesis is considered. Hexaemeron (A period of six days) is discussed from the point of view of astronomy, Universe evolution, Big Bang, theory of development of stars, and growth of entropy. A natural scientific, positive justification is given for the question that tormented Dostoevsky: does God exist, the fundamental question of philosophy.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, католицизм и атеизм, эволюция Вселенной, основной вопрос философии, книга Бытия, Шестоднев, атеизм, большой взрыв, энтропия, смердяковщина.

Key words: F. M. Dostoevsky, Catholicism and atheism, Universe evolution, fundamental question of philosophy, the Book of Genesis, Hexaemeron, atheism, Big Bang, entropy, Smerdyakovism.

В XIX веке великим и яростным защитником православия оказался Федор Михайлович Достоевский. Но его предвиденье и прогнозы охватили и 20-й век.

1. Подозрения и прогнозы Ф. М. Достоевского. Его романы – это расследования, к чему может привести атеизм. Комплекс Наполеона, убийство, преодоление в «Преступлении и наказании», бесовщина в «Бесах», а в «Братьях Карамазовых» попытка нащупать путь России. Достоевский остро чувствует ситуацию, в продолжении «Братьев Карамазовых он собирается сделать Алешу революционером, предвидя, что многие семинаристы пойдут в революцию. Интересно, что сразу после революции как бы действует интеллектуальный безбожник Иван Карамазов, предвидя авантюрного и воинствующего атеиста Ленина. 4 сентября 1943 года Сталин встречается с 3-мя митрополитами, восстанавливается патриаршество, исчезает «Союз безбожников, обновленчество»: выступает Алеша Карамазов. После смерти Сталина начинается попытка встроиться в хвост капитализму (Лозунг Хрущева: догоним США по молоку и мясу на душу населения, как у Смердякова – умная нация должна научить глупую), линия Хрущева – Куусинена-Андропова-Горбачева-Ельцина: смердяковщина. А что получилось в итоге? Церковь восстанавливается, православие спасается, а весь мир освобождается от колониальной зависимости (Китай, Индия, Африка). Россия становится не только знаменем этого освобождения, показывая миру альтернативу капитализму, но и явным духовным лидером, противостоя содомизму и однополым бракам, признанным даже папой Римским. (Достоевский: католицизм хуже атеизма). И даже по многим направлениям научным лидером, чего даже и Достоевский не предвидел.

«Вы когда будете ценить и прославлять свою революцию? Она освободила Индию» – спрашивает индийский журналист В. В. Путина на пресс-конференции в конце 2023 года.

«Вот вы и прославляйте, а нам нескромно», – остроумно отвечает Путин. Не только Индию, но и Китай, и Африку освободила (и продолжает освобождать до сих пор). Иоанн Шанхайский считал, что смысл нашей революции – распространение православия по миру. Но освобождение от рабства – по индийскому журналисту – имеет не меньший смысл. Но этого Достоевский тоже и предвидеть не мог. Он считал, что Россия покажет миру пример духовности, но чтобы образец строя общественного вместо капитализма, или станет передовой в технологиях, запустив Гагарина и первой построив мирную атомную станцию в Обнинске, это никак.

А научная ситуация в 20-м веке в отношении религии резко изменилась усилиями именно астрономов и астрофизиков: Вселенная эволюционирует, расширяется, значит, было начало, и книга Бытия обнаружилась в Небесах. Но все по порядку. Сначала рассмотрим взаимодействие науки и религии. Перед этим, однако, рассмотрим вопрос: Достоевский и католицизм, раз Достоевский считал католицизм хуже атеизма.

2. Достоевский и католицизм. Католицизм хуже атеизма.

В романе Идиот по этому поводу высказывается князь Мышкин.

«Нехристианская вера, во-первых! – в чрезвычайном волнении и не в меру резко заговорил опять князь: – это во-первых, а во-вторых, католичество римское даже хуже самого атеизма, таково мое мнение. Да! таково мое мнение! Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас! Это мое личное и давнишнее убеждение, и оно меня самого измучило...

Мучает это не только князя Мышкина. наших уехавших за рубеж соотечественников или оказавшихся за рубежом, это мучает гораздо больше, чем князя Мышкина. И когда это искажение началось? 1054 г. это уже оформление раскола, а искажения – «непогрешимость папы», государство Ватикан, индульгенции, а сейчас и одобрение однополых браков – длинная и интересная история.

«Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле, и кричит: Non possumus! По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?!» Сильно: конечно, папизм помогал и обосновывал колонизаторскую политику запада.

«Как же было не выйти от них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого римского католичества! Атеизм, прежде всего, с них самих начался: могли ли они верить себе сами? Он укрепился из отвращения к ним; он порождение их лжи и бессилия духовного! Атеизм! у нас не веруют еще только сословия исключительные, как великолепно выразился наемный Евгений Павлович, корень потерявшие; а там уже страшные массы самого народа начинают не верить, – прежде от тьмы и от лжи, а теперь уже из фанатизма, из ненависти к церкви и ко христианству!».

Увы, высказывание яркое, и нельзя сказать, что преувеличенное. И свое государство создали (Ватикан), и индульгенции продавали (сребролюбие), и колониальным захватам помогали, и непогрешимость Папы придумали (славолюбие и властолюбие), а сейчас и прямо содомизм и однополые браки поддерживаются Папой Римским. А вот то, что атеизм вышел из католицизма – это подтвердил однажды буддийский Лама: да они (Христиане, католики, протестанты) всех развратили. Из отвращения к ним – как точно – люди становятся атеистами. Но это не единственный источник атеизма, протестантизм и католицизм как бы вливаются в единую греховодную карусель, ведущую к атеизму, но есть еще и научные, так сказать (или антинаучные) корни, о которых речь пойдет впереди.

«Князь остановился перевести дух. Он ужасно скоро говорил. Он был бледен и задыхался. Все переглядывались; но наконец старичок откровенно рассмеялся. Князь N. вынул лорнет и, не отрываясь, рассматривал князя. Немчик поэт выполз из угла и подвинулся поближе к столу, улыбаясь зловещею улыбкой.

- Вы очень пре-у-вели-чивааете, – протянул Иван Петрович с некоторою скукой и даже как будто чего-то совестясь, – в тамошней церкви тоже есть представители, достойные всякого уважения и добродетельные...

- Я никогда и не говорил об отдельных представителях церкви, Я о римском католицизме в его сущности говорил, я о Риме говорю. Разве может церковь совершенно исчезнуть? Я никогда этого не говорил!» ...

- «Нет, не преувеличено, а скорей уменьшено; именно уменьшено, потому что я не в силах выразиться, но»...

Оказалось, действительно, сильно преуменьшено. Следы капитализма и католицизма, как они нашли друг друга, породив протестантизм: колониальная система, революции (Достоевский говорит о французской, но и наша туда же), мировые войны, стравливание народов (Германия и Россия, Индия и Пакистан, Украина и Россия, Израиль и Иран). Они не остановятся. Не умеют. И как точно, что есть отдельные достойные представители и среди католиков, и среди протестантов, Христианские подвижники истинные. А вот социализм и брат его атеизм: наш народ сумел переплавить социализм в привлекательный и по мнению даже антисталиниста (при Сталине и Сталиниста после его смерти) Зиновьева в передовой строй (как продолжают его переплавлять в Китае). Так что «отпор Западу воссиял» удивительным образом внутри сталинского социализма. Но мы до сих пор «не в силах выразиться». Пытаемся, стараемся, и не в силах. «Бог, благослови Америку» – возглас Ельцина очень смердяковский. И сейчас – война не с Украиной, а с Западом – а инициатива у Запада, идем как бы на поводу. «Не в силах выразиться». «По-зволь-те же!» Князь замолчал. Он сидел, выпрямившись на стуле, и неподвижно, огненным взглядом глядел на Ивана Петровича.

- Мне кажется, что вас слишком уже поразил случай с вашим благодетелем, - ласково и не теряя спокойствия, заметил старичок: - вы воспламенены... может быть, уединением. Если бы вы пожили больше с людьми, а в свете, я надеюсь, вам будут рады, как замечательному молодому человеку, то, конечно, успокоите ваше одушевление и увидите, что все это гораздо проще... и к тому же такие редкие случаи... происходят, по моему взгляду, отчасти от нашего пресыщения, а отчасти от... скуки...

Попытка успокоить князя оказалась неудачной, но даже вдохновляющей.

- Именно, именно так, – вскричал князь, - великолепнейшая мысль! Именно «от скуки, от нашей скуки», не от пресыщения, а, напротив, от жажды... не от пресыщения, вы в этом ошиблись! Не только от жажды, но даже от воспаления, от жажды горячешной!».

«От жажды горячешной» Россия нашла Христа, потом при Петре нашла Запад, науку, при этом копируя то поляков, то немцев и голландцев, то французов, и в платье одевались, и на их языке говорили лучше, чем на родном, и манеры перенимали, потом у англичан учились. Сильно. «От жажды горячешной». А потом и «атеистами стали» и «начали требовать искоренения веры в Бога насильем», поверили исступленно в марксизм, а потом, в 1990-е снова исступленно в капитализм «русские атеисты и русские иезуиты». «Покажите ему в будущем обновление всего человечества» – именно, хотел обновить все человечество марксизмом, и ведь все человечество обновил, а себя не смог. Почему? Потому что «одною только русскою мыслью, русским богом и Христом» – а по-другому никак. «Такова наша жажда!» Т.е. жажда истины: гражданская война наша – это жажда истины. Правы белые: они пытаются сохранить веру. Но... Увы: сдают Россию Западу: Колчак много чего западу наобещал. Не говоря уж о временном правительстве, которым Запад вертел, как хотел. Правы красные: они хотят сохранить страну, а заодно «освободить мир от ига капитала», но «безбожники, марксисты, авантюристы, бандиты, экстремисты» (эти ярлыки приклеивались большевикам). И ведь

получилось. Но вот у Пушкина что-то вроде объяснения или предвиденья. «Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческий мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Русское духовенство, вплоть до Феофана, было респектабельным; оно никогда не гнушалось позором папства и, конечно же, никогда бы не спровоцировало Реформацию в то время, когда человечество больше всего нуждалось в единстве».

И сейчас мы наблюдаем позор папизма, и сейчас человечество нуждается в единстве, и сейчас не показываем дух ребяческий мелочности и словопрений, и сейчас обязаны показывать превосходство православия ...

... «И Пётр Великий, который один - всеобщая история! И Екатерина II, которая поставила Россию на порог Европы? И Александр, который привёл вас в Париж? И (положа руку на сердце) разве вы не находите чего-то впечатляющего в нынешнем положении России, чего-то, что поразит будущего историка? Верите ли вы, что это вытеснит нас из Европы? Хотя я лично предан императору, я далёк от восхищения всем, что вижу вокруг; как литератор, я озлоблен; Как человек предвзятый, я оскорблен – но клянусь вам своей честью, что ни за что на свете не променял бы свою родину, и не хотел бы иметь никакой другой истории, кроме истории наших предков, какой её нам дал Бог». (А. С. Пушкин в письме к Чаадаеву). А в нынешнем положении России «вы не находите чего-то впечатляющего?» Война вроде бы с Украиной, а на самом деле со взбесившимся Западом, который теряет свои колонии. И, конечно, Россия на острие борьбы за «свободу всего человечество от ига капитала» Это уже у Ленина. «Ради «своего» дела, т. е. ради завоевания мирового господства, империалисты Англии и Германии не остановились перед полным разорением и удушением целого ряда стран, начиная от Бельгии и Сербии, продолжая Палестиной и Месопотамией. Ну, а социалисты ради «своего» дела, ради освобождения трудящихся всего мира от ига капитала, ради завоевания всеобщего прочного мира, они должны выжидать, пока найдется путь без жертв, они должны бояться начать бой, пока не будет «гарантирован» легкий успех, они должны ставить выше безопасность и целостность «своего», буржуазией созданного, «отечества», по сравнению с интересами всемирной социалистической революции? Трижды заслуживают презрения те хамы международного социализма, те лакеи буржуазной морали, которые так думают» Это В. И. Ленин. Письмо к американским рабочим (Дата создания: 20 августа 1918, опубл.: 22 августа 1918. Источник: Ленин В. И., Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 37. Июль 1918 – март 1919. – (С. х-хi, 48-64.). Чеканный текст. Посильнее Пушкина. Но звучит очень современно. Не правда ли? Но об этом позже. А сейчас об атеизме и науке, с которыми у Ф.М. Достоевского были очень сложные отношения. И не только у него. Основной вопрос философии: есть ли Бог? Гражданская война у нас решала и этот вопрос. А с точки зрения науки?

История взаимодействия науки и богословия драматична, детективна и даже авантюрна. Прямо просится в романы Достоевского. «Мы вернулись к библейскому взгляду на мир». Это слова трижды героя соц. труда Я. Б. Зельдовича очень емкая. Кто это мы? Ученые. Вернулись. Значит, не были. Сколько лет? Со времен Коперника, лет 500. А как вернулись и когда? Но все по порядку.

3. Начало. Предвиденья и «ошибки» Иоанна Златоуста и Василия Великого.

В толковании на псалом 134:6 19 кафизмы Иоанн Златоуст перечисляет многие академические институты. Вся, елика восхоте Господь, сотвори на небеси и на земли, в морях и во всех безднах. (пс. 134:6). «А теперь показывает и то, как должно хвалить, именно: исследуя состав творений, удивляясь и изумляясь премудрости, промыслу, могуществу, попечению Его». (Комментарии Иоанна Златоуста легко находятся в интернете). Так, начало положено: сформулирована программа всех дальнейших исследований всех академий наук. Исследовать состав творений – это и есть хвалить Бога по Иоанну Златоусту. Здесь Иоанн Златоуст развивает

один из путей спасения в заповедях блаженства «Блаженны алчущие и жаждущие правды» (Мф.,гл.5) – путь, так сказать, ученых.

«Возводя облака от последних земли, молнии в дождь сотвори, изводяй ветры от сокровищ своих» (пс.134:6). «То, что воздух, сделавшись более густым, поднимается вверх и несется, поднимается то, что тяжело, получая направление противоположное своей природе. Удивительно и то, что в нем держится вода; но гораздо удивительнее то, что тяжелое носится на легком; а еще удивительнее то, что сгустившаяся в этом воздухе вода, вытекая из облака, уже не задерживается последующим воздухом и не сгущается, но разливается во все стороны и нисходит на землю». Здесь сразу несколько институтов: Институт физики атмосферы, Гидрометцентр, Полярный Геофизический Институт и много других. Уравнения для явлений, которые удивляют Иоанна Златоуста, очень трудны.

«И при дожде молнии творит». «Посмотри на другое чудное явление, как соединяются предметы, противоположные по природе. Нет ничего пламеннее молнии, и нет ничего холоднее воды; но и они здесь соединяются вместе, однако не сливаются и не смешиваются, а сохраняют каждая свои свойства». Эта задача оказалась очень трудной: токамаки, стеллараторы и прочие установки пытаются обеспечить энергией человечество, удерживая плазму. Это и Курчатовский институт, и Институт Физики высоких энергий и многие другие. Молния – это плазменный разряд, так что после первых успехов реакторов наука долгое время терпит фиаско, пытаясь создать термоядерную управляемую реакцию. Доклад Курчатова с предложением научному сообществу пробовать осваивать термояд был в 1956 году.

Василий Великий в «Беседах на Шестоднев» предстает как великий энциклопедист. Он даже критикует астрологов вполне современным способом. Так что в этот период Богословие поглощает естественную науку, и нет никаких сведений о конфронтации, кроме как о конфронтации с лженаукой.

Но откуда взялся атеизм? Достоевский изучал этот вопрос с точки зрения богословия, а мы попробуем с другого конца, с научной точки зрения. Острая конфликтная ситуация хорошо известна: открытия Коперника и успехи астрономии сделали землю рядовой планетой, а не центром вселенной. Несмотря на противодействие католичества и гонения (на Коперника и Бруно), ученые и/или философы около науки стали претендовать на объяснение всего с научной точки зрения или стараться объяснять, что так хорошо отразил Достоевский. Аркадий Долгорукий из «Подростка» в разговоре с Макаром Ивановичем говорит: «Я, конечно, не для того, чтоб вас дразнить, и, поверьте, что в бога верую; но все эти тайны давно открыты умом, а что еще не открыто, то будет открыто всё, совершенно наверно и, может быть, в самый короткий срок. Ботаника совершенно знает, как растет дерево, физиолог и анатом знают даже, почему поет птица, или скоро узнают, а что до звезд, то они не только все сосчитаны, но всякое движение их вычислено с самою минутною точностью, так что можно предсказать, даже за тысячу лет вперед, минута в минуту, появление какой-нибудь кометы... а теперь так даже и состав отдаленнейших звезд стал известен». Это намек на спектральный анализ: именно с его помощью и состав звезд, и даже с какой скоростью от нас удаляются галактики. Подростковый возраст науки, и взгляды подростковые: сейчас все продвинулось гораздо дальше, но досконально известно, что чем дальше, тем больше тайн. Но Достоевского очень беспокоит атеизм. Основной вопрос философии: есть ли Бог. В этой речи Аркадия Долгорукого в преувеличенном виде высказаны опасения Достоевского о могуществе науки и вместе с тем, что наука к этому моменту «доказала, что Бога нет». Очень беспокоит. А сейчас многих пугает искусственный интеллект: страшнее кошки зверя нет.

4. Атеизм и астрофизика. Атеизм в XVII-XIX веках в Европе был моден в «образованных» кругах. Дидро, один из авторов французской энциклопедии, корреспондент Екатерины Второй, приезжает в Россию по её приглашению. И чем же он занимается? Ходит по салонам (сам Дидерот приехал) и объясняет, что Бога нет. Откуда это взялось? Почему мода? Почему уверенность? Екатерина Вторая собирает свой салон. И приглашает знаменитого учёного

Леонарда Эйлера на спор. К сожалению, полные обстоятельства спора неизвестны, а как интересно было бы послушать обоих. Оба очень знамениты. Эйлер – признанный лидер математики и естествознания. Это его отзыву обязан Ломоносов: диссертация Ломоносова была послана на отзыв именно Эйлеру, и он отозвался о ней весьма похвально. Эйлера Екатерина Вторая перекупила у Фридриха Великого, переманив из Берлина в Санкт-Петербург. Зачем? Эйлер занимался устойчивостью кораблей и расчётом стрельб из пушек. И вот спор. Известно его окончание. Эйлер защищает в публичном споре по просьбе Екатерины Второй с Дидро христианство беспрецедентным способом: «е в степени два пи и равно единице. Отвечайте». Речь идет о знаменитой и красивейшей формуле Эйлера $e^{i2\pi} = 1$. Сейчас она доказывается очень просто на основе уравнений теории колебаний. Она связала три замечательных числа, и представляется доказательством красоты мира и единства и разумности Вселенной не только Эйлеру, хотя доказательство и не без юмора. Несколько эпатажный способ доказательства, но это и есть эйлерово антиэнтропийное рассуждение: посмотри, как гармонично устроен мир. Может ли это быть случайно. Что значит антиэнтропийное? Энтропия – это мера беспорядка. Знаменитая теорема Больцмана о росте энтропии сравнительно молода [1] (в 2022 году ей, если считать от статьи [1], всего-то 150 лет). Но это количественная характеристика беспорядка или хаоса. В теории информации взятая с обратным знаком, она оказывается мерой информации. Её сферы приложений всё время расширяются, но медленно и с трудом [2-4]. Но нематематическое понятие о росте хаоса вне высшего разума присутствовали у человека, судя по всему, всегда: это телеологический (целеполагательный) аргумент (см., например, [5]) «Суть его в следующем. Вызывают изумление красота и удивительная целесообразность устройства материального мира, живых организмов, наконец, человека с его психикой, умом, сердцем, совестью, нравственным законом. Пифагор, потрясённый картиной звёздного неба, назвал его космосом, то есть красотой. Откуда и как всё это могло возникнуть? Что за великий Разум явился источником такого мира? Этот вопрос приводил к вере в Бога очень многих и простых людей, и философов, и учёных.» [5]. Псалмы Давида все проникнуты ощущением гармонии мира, и не только ощущением, но и прямым прославлением (См., например, Псалом 103, который воспроизводит Шестоднев в поэтическом виде). Однако, этих доказательств явно не хватает: они попадают под околонучную критику Воюнда на скамейке с председателем Массолита Мишей Берлиозом и поэтом Бездомным из романа Булгакова «Мастер и Маргарита»: Браво! – вскричал иностранец, – браво! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство! Требуется хотя бы одно естественнонаучное доказательство. Огласительные беседы (катехизация) начинаются с «Символа Веры». «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца Небу и земли, видимым же всем и невидимым». Можно ли это доказать? Основной вопрос философии, как учили нас в советское время. И даже на экзаменах вопрос в билетах: наука доказала, что Бога нет. Для этого были научные основания: неизменное небо, где там книга Бытия, где Шестоднев. Явное противоречие с научной астрономией. Истязание наукой от Коперника до 20 века на 500 лет. Это и было основой, возможно, подозрительности Достоевского по отношению к науке, так как это могло стать – и стало - основой «Научного атеизма» (Эту дисциплину мы изучали на 5-м курсе мех-мата МГУ).

Именно это объясняет такое распространение атеизма в 16-20 веках, да и до сих пор. Спор Дидро и Эйлера дают намёк на это: дело как раз в науке, в её восприятии сливками общества. Может быть, самый убедительный эпизод – вопрос Наполеона Лапласу, когда тот подарил ему свою знаменитую книгу по механике. «Но где же у Вас Бог?» «В этой гипотезе я не нуждаюсь». Это что-то вроде манифеста атеизма. Действительно, Ньютоно – лапласов взгляд на мир не только не нуждался в Боге. Если Вселенная вечна и неизменна, планеты крутятся по своим орбитам всегда, то это прямое противоречие Шестодневу, началу Библии, книге Бытия, а это уже подрыв священного писания, который способствовал и подозрениям Достоевского

и появлению курса «Научного атеизма». Правильны подозрения Достоевского. Но в споре Эйлера мы видим, что Эйлер всё-таки упорно не отказывается от Бога. Да, для объяснения природы Бог вроде бы не нужен. Но... Ньютон считал, что Бог дал первоначальный толчок. Да и Лаплас не нуждается в «этой гипотезе» только в механике. Великие учёные и простой народ цепко «держались за Бога», а сливкам общества нравилось как раз с помощью науки эпатировать, убеждать, продвигать «передовые» взгляды». Теперь мы начинаем понимать корни современного атеизма: естествознание. Ньютон, Лаплас и Дарвин «исключили Бога». То есть они сами не старались это сделать, а как раз наоборот, но их популяризаторы очень постарались. Марксизм-Ленинизм – господствующая идеология СССР. Борьба за истину на государственном уровне, борьба нешуточная. Научный атеизм – это предмет в вузах на 5 курсе. И рядом – идут службы в храмах. А эта ситуация как бы сконцентрирована в словах Мити Карамазова. «Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречья вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чёрт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей. А впрочем что у кого болит, тот о том и говорит». Это из «Братьев Карамазовых» – один из братьев – Митя, Дмитрий Федорович Карамазов, как бы оценивает ситуацию в СССР. Ай да СССР, что за чудо. Вроде бы воюет с церковью, а в итоге сохраняет не только православие, но и спасает мир от сумасшествия Запада, от фашизма, совместного проекта католиков и протестантов. И именно Запад сейчас кончает идеалом Содомским. А у нас воинствующий атеист Ленин был найден, вычислен спецслужбами еще Царскими и спас страну и потому православие. Это как? Воля Божья. Эпизод этот описан и расследован сравнительно недавно в статье «Заговор царских генералов» (Володимир Шарапов. 1917. Заговор царских генералов. Наш Современник. 2023, 1, январь, 161-176 [14]). Царские генералы-разведчики вычислили, что большевики является единственной силой, способные «железной рукой навести в стране элементарный порядок и предотвратить распад Российской империи, который по факту уже стремительно происходил, поскольку в регионах воцарились хаос и анархия». К Ленину в разлив выезжает начальник разведуправления генерал Потапов и уговаривает его взять власть. Вернее, он даже говорит, что ему возьмут власть («триумфальное шествие по стране советской власти» – глава из советских учебников по истории становится теперь понятной), обеспечат ссору Керенского и Корнилова (корниловский мятеж – еще одна глава-тоже становится понятной), что и произошло потом. Об этом сотрудничестве большевиков с царскими генералами следовало скрывать от прессы и даже от партии, и знали об этом только Ленин, Сталин и Дзержинский. Так воинствующий атеист Ленин – Иван Карамазов – стал не только спасителем страны (а потому и православия), но борясь фанатично с «игмом капитала», еще и разрушителем колониальной системы. Судя по-всему, это мог сделать только атеист, ибо «Рабом ли ты призван, не смущайся» (1Кор. 7:16). А Ленин как раз смущался и даже так смущался, что не хотел, чтобы рабство вообще существовало. Ленин сделал сразу то, что должен был сделать Николай II во время войны: ввел военное положение, закрыл оппозиционные газеты и т.д. В других странах военное положение уже было введено. Но откуда такой убеждённый атеизм? «Наука доказала, что Бога нет». Ленин – в своей партии непререкаемый авторитет: что-то вроде Ставрогин. Ленин воинствующий атеист – как Иван Карамазов. Ленин многократно преступает черту: «революцию нельзя делать

в белых перчатках» – как Раскольников. Ленин обожает ученых-технарей: «это я понимаю, это умницы»: сразу после революции, в 1918 году, создаются два выдающихся учреждения: ЛФТИ (ленинградский физтех) и ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт) – основы соответственно ядерного и авиационно-космического проектов. Вспоминается Аркадий Долгорукий. «все эти тайны давно открыты умом, а что еще не открыто, то будет открыто всё, совершенно наверно и, может быть, в самый короткий срок.» Такая же фанатичная вера в науку. Коллекция героев Достоевского спасает страну от развала в лице Ленина, а потом мир от фашизма в лице Сталина. А сейчас от англо-европейского сатанизма. И снова всплыл Павел Федорович Смердяков во всей красе и с разных сторон.

5. Смердяковщина. «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». Пути Господни неисповедимы. И сейчас слышится – «пили бы баварское пиво». Щас!. Разбежались. Какое пиво пьет Украина – видим: уже все земли проданы иностранцам. Кедми (бывший глава спецслужб Израиля) сказал в одной из передач по ТВ, что никто не нанес столько вреда СССР, как Хрущев, при этом выполняя волю западных спецслужб после переговоров с ними в 1955 году: дискредитировать Сталина, развалить армию, развалить экономику. В обмен на что? Интересно бы это расследовать. А Ельцинское «Бог, благослови Америку». Это перекликается с его, Смердяковским, атеизмом как-то. «Рассудите сами, Григорий Васильевич, – ровно и степенно, сознавая победу, но как бы и великодушничая с разбитым противником, продолжал Смердяков, – рассудите сами, Григорий Васильевич: ведь сказано же в Писании, что коли имеете веру хотя бы на самое малое даже зерно и притом скажете сей горе, чтобы съехала в море, то и съедет, нимало не медля, по первому же вашему приказанию. Что же, Григорий Васильевич, коли я неверующий, а вы столь верующий, что меня беспрерывно даже ругаете, то попробуйте сами-с сказать сей горе, чтобы не то чтобы в море (потому что до моря отсюда далеко-с), но даже хоть в речку нашу вонючую съехала, вот что у нас за садом течет, то и увидите сами в тот же момент, что ничего не съедет-с, а всё останется в прежнем порядке и целости, сколько бы вы ни кричали-с. А это означает, что и вы не веруете, Григорий Васильевич, надлежащим манером, а лишь других за то всячески ругаете».

Не поспорит слуга Григорий Васильевич Кутузов с этим. Но наука сейчас уверенно спорит с атеизмом. Именно с атеизмом от Смердякова. Этот эпизод с горой и верой с горчичное зерно разобран досконально в комментариях святых отцов, а вот со следующим похуже.

«Григорий выучил его грамоте и, когда минуло ему лет двенадцать, стал учить священной истории. Но дело кончилось тотчас же ничем. Как-то однажды, всего только на втором или третьем уроке, мальчик вдруг усмехнулся.

- Чего ты? – спросил Григорий, грозно выглядывая на него из-под очков. – Ничего-с. Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?

Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное. Григорий не выдержал. «А вот откуда!» – крикнул он и неистово ударил ученика по щеке. Мальчик вынес пощечину, не возразив ни слова, но забился опять в угол на несколько дней. Как раз случилось так, что через неделю у него объявилась падучая болезнь в первый раз в жизни, не покидавшая его потом во всю жизнь».

Нет ответа ни у Достоевского, ни у Кутузова. Ни малейшего: прав Смердяков, увы со времен Коперника прав. Именно сейчас, в XXI веке, слуге Григорию Васильевичу Кутузову можно это было бы объяснить по науке и обойтись без пощечины. Ниже мы это сделаем. Здесь, конечно, ассоциация с Григорием Потемкиным, Александром Васильевичем Суворовым и М. И. Кутузовым. Победы Потемкина, Суворова и Кутузова были пощечинами Смердяковым всех мастей.

Но смердяковщина оказалась живучей и даже на государственном уровне. Если посмотреть на разорение Российско-Американской компании К. В. Нессельроде, отказ от русских Гавай – это больше, чем Смердяковщина. «Утратив всякое чувство реального, Г. А. Шеффер 1 (13) июля 1816 г. заключил еще и «тайный трактат», по условиям которого Каумуалии выделял 500 человек для завоевания «ему принадлежавших и силою отнятых» островов Оаху, Ланаи, Науи, Малокаи «и прочие», а общее руководство экспедицией поручил бравому доктору медицины. «Король дает доктору Шефферу, – указывалось в трактате, – бланк на оную экспедицию и всякую помощь для строения крепостей на всех островах, в коих крепостях и будут русские командиры, так, как в гавани Ганаруа (Гонолулу) на острове Вагу» (Оаху). Особо оговаривалось, что Российско-американская компания получила от короля «половинную часть» принадлежавшего ему Оаху, а также «все сандальное дерево» на этом острове. Каумуалии обязывался заплатить «за все, что он получил и еще получит, как-то: за арматуру и амуницию брига и шхуны и прочие реквизиции – сандальным деревом и откажет себе во всякой торговле с гражданами союзного штата Америки» (т. е. Соединенными Штатами). Со своей стороны, доктор Шеффер брал на себя обязательство «завести фабрики и лучшую экономию, через которую бы здешние жители просветились и обогатились» [15]. Т. е. доктор Шеффер уже обо всем договорился с местным населением в лице одного из правителей. Но очень не хотели этого Карл Васильевич Нессельроде и посол в Англии Христофор Андреевич Ливен, тогдашние выдающиеся Смердяковы своего времени. Потом еще одна попытка: П. Добелл доводит до сведения Нессельроде: Гавайи готовы присоединиться. Реакция более чем смердяковская: не лезем, умная нация научит, как нам жить. «Грандиозные перспективы, которые рисовал в своем донесении П. Добелл, не могли уже произвести на царское правительство какого-либо впечатления. На конгрессе в Лайбахе весной 1821 царю и К. В. Нессельроде, по-видимому, вообще было не до проектов, относящихся к далеким Гавайским островам. Канцелярия подготовила, правда, краткое резюме сделанных предложений, [16] но какого-либо ответа на свои реплики П. Добелл так и не получил». Это не единственный пример смердяковщины на государственном уровне. А деятельность Козырева и Шеварнадзе это как? Все сдать и сдавать холуйски и улыбаясь, чего изволите, «Бог, благослови Америку». Но даже пожалуй можно оценить борьбу Сталина с троцкизмом – по сути скрытая гражданская война – с троцкизмом – как борьбу с версией смердяковщины. Итак, троцкизм как смердяковщина: на этом остановимся подробнее, ибо борьба была отчаянная: с убийством Троцкого Меркадером, а потом и Сталина троцкистом Хрущевым. «Мало кто нанес СССР такой вред, как Хрущев» – Кедми. В промежутке между этими двумя событиями – 2-я мировая война и начало холодной. Троцкизм, нацеленность на «заварушки по всему миру» – это сейчас политика США. Это долгосрочная политика английских спецслужб, ссорить всех со всеми, Индию с Пакистаном, Украину с Россией (по сути две ветви одного народа). Поэтому такая ожесточенная борьба в СССР в 30-е годы. И Пушкин хорошо заметил явление смердяковщины.

Ты просвещением свой разум осветил,

Ты правды лик увидел,

И нежно чуждые народы возлюбил,

И мудро свой возненавидел.

Но вернемся к основному вопросу философии.

Научная ситуация в XX-м веке резко изменилась усилиями именно астрономов и астрофизиков: Вселенная эволюционирует, расширяется, значит, было начало, Начало Вселенной. А книга Бытия обнаружилась в Небесах.

Но с каким трудом. Даже великий, прозорливый и мудрый Макс Планк еще этого эпохального сдвига не замечает.

6. Лекция Макса Планка.

«Религия и естествознание» – таково название лекции, прочитанной Максом Планком (1858-1947), нобелевским лауреатом 1918 года, в Дерптском (Тартуском) университете в мае 1937 года.[6]

Результат этой лекции Макса Планка – религия не только не противоречит науке, но они взаимно дополняют и обогащают друг друга. Кто такой Макс Планк? Это, без сомнения, один из авторитетнейших ученых, один из создателей современной науки, сказавший первое слово в квантовой механике и ее родоначальник, на основе которой сейчас создается огромное количество квантовых приборов – лазеры, начинка компьютеров, телевизоров и мобильных телефонов – то, без чего мы себя уже и не представляем.

Вот как представляли себе ученые микромир до Планка: как собрание молекул, которые имеют свою скорость и момент количества движения. А после революции квантовой механики оказалось, что элементарные частицы это одновременно и волны (как электрон или фотон) и своего положения и импульса не имеют, и могут быть описаны только статистически, а произведение координаты и импульса их не может быть измерено точнее, чем постоянная Планка (принцип неопределенности Гейзенберга).

Начинает лекцию Планк невинным вопросом Гретхен к Фаусту «А теперь скажи, как ты относишься к религии?» Но потом он предельно обостряет ситуацию.

«Шаг за шагом вера в чудеса природы должна отступить перед твердо и неуклонно развивающейся наукой, и мы не можем сомневаться в том, что рано или поздно она сойдет на нет. При таких обстоятельствах не следует удивляться тому, что атеистическое движение, объявляющее религию преднамеренным обманом и выдумкой властолюбивых священников, у которого благочестивая вера в высшую силу над нами встречает лишь слова насмешки, усердно использует естественнонаучное познание, продолжая, якобы в союзе с ним, все более быстрыми темпами оказывать разлагающее влияние на все слои народа по всей земле. Мне не нужно более подробно разъяснять, что с победой этого движения жертвами уничтожения стали бы не только наиболее ценные сокровища нашей культуры, но и, что еще ужаснее, – надежды на лучшее будущее. Так что вопрос Гретхен, адресованный ее избраннику, к которому она питает глубокое доверие, обретает глубочайшее значение для всякого, кто хочет знать, действительно ли прогресс естественных наук имеет своим следствием деградацию истинной религии.

С этой целью рассмотрим вначале порознь два частных вопроса:

1) какие требования предъявляет религия к вере своих последователей и каковы признаки истинной религиозности?

2) каковы законы, которым нас учит естествознание, и какие истины в нем считаются непреложными? Ответы на эти вопросы дадут нам возможность решить, совместимы ли и если да, то в какой мере требования религии с требованиями естествознания и могут ли поэтому религия и естествознание сосуществовать, не вступая в противоречие друг с другом».

Далее Макс Планк подробно останавливается на этих вопросах. Обратим здесь внимание на понятие «истинной религиозности», под которой сын пастора Макс Планк понимает христианство. И по сути на призыв Планка не ждать учёным, когда вера сойдёт на нет, а дать её научное обоснование, насколько это возможно. Чем он сам и занимается. Два закона представляются ему доказательством бытия Божия – закон сохранения энергии (так как он всеобщий и действует от микро – до макромира) и принцип наименьшего действия (так как он включает и начальную точку и конечную – значит Творец знает конечную точку развития. Даже так!). Его лекцию можно найти в интернете. Впрочем, она переведена и опубликована [6]. Поэтому процитируем вывод.

«Религия и естествознание нуждаются в вере в Бога. При этом для религии Бог стоит в начале всякого размышления, а для естествознания – в конце. Для одних он означает фундамент, а для других – вершину построения любых мировоззренческих принципов».

Мы видим, что хотя он уверен, что Наука и Религия нуждаются друг в друге, но он и почти уверен в торжестве атеизма в будущем. Это что такое? Почему он так уверен? Потому, может быть, что «мы еще не вернулись к библейскому взгляду на мир». Библейский взгляд на мир – это Шестоднев. Как похоже на отчаяние Достоевского. Известен его яркий выпад против

атеизма – его символ веры. «И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (Из письма к Н. Д. Фонвизиной. А потом этот символ Веры процитирован и в «Бесах», да еще и кем: Ставрогиним, главным бесом) (см. [8]). Запредельное противостояние науки и Христианства. И Планк и Достоевский в отчаянии, не в силах ничего противопоставить науке. Действительно, именно к этому моменту космология «убедительно» «доказала, что Бога нет», не находя в небесах признаков Шестоднева, как это было объяснено выше. И потому этот вопрос исследуется Достоевским с разных сторон другими, литературно-философскими методами.

Но наука нам приготовила сюрпризы гораздо большие: в XX-м веке она вдруг начала доказывать, что Бог есть, обнаружив книгу Бытия в небесах и потому эволюцию. Это еще не доказательство, а извлечение главной занозы. Но с другой стороны запрет на любое усложнение в теореме о росте энтропии (мера хаоса) уже ведёт нас к первому естественно-научному доказательству: энтропия растёт, следовательно Бог существует. Эдакое эволюционно-энтропийное доказательство бытия Божия: с одной стороны грандиозные усложнения от элементарных частиц к клетке, животному миру и человеку – с другой – запрет на любые спонтанные усложнения. Ответ – при этом естественно- научный – на главный вопрос Достоевского, на основной вопрос философии: есть ли Бог?

7. Книга Бытия и современная астрофизика.

Я поражаюсь, почему люди предпочитают блуждать в неизвестности по многим вопросам, когда Бог подарил такую чудесную книгу Откровения.

М. Фарадей У выдающегося физика Майкла Фарадея (1791-1867), подарив-шего миру электромоторы и бывшего старостой в церкви, не возникало противоречий между наукой и религией, а он жил во время моды на атеизм в Европе. Нам сейчас легче понять его – попробуем сделать это, прочитав Шестоднев – первую главу книги Бытия глазами современного астрофизика.

Существует множество толкований Шестоднева религиозными философами, и они сами предостерегали от окончательных выводов. Взгляд, который предлагает современная астрофизика и начинает прочитываться с одной стороны епископом Василием Родзянко [7] и многими богословами. Полемика в [13] и названия статей показывает размах споров и актуальность вопросов, поднятых Достоевским и его героями, Там критикуются взгляды и протоиерея Александра Меня (О возрождении манихейской ереси в эволюционистском богословии), и протоиереев Александра Цыпина и Олега Мумрикова (Писали ли святые отцы о смерти до грехопадения), и протодьякона Андрея Кураева ((Православный эволюционизм как одно из новых мнений церкви), и митрополита Иоанна Вендланда (Где в библии эволюция), и протоиерея Глеба Коляды (Шестоднев наизнанку) и многих других – более 25 имен. Все вращается, конечно, вокруг вопроса, насколько близко решение основного вопроса философии. А с другой – выдающимися физиками[9-13]. Итак, книга бытия глазами современной астрофизики.

Быт.1:1. Вначале сотворил Бог небо и землю. 1:2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

1:3. И сказал Бог; да будет свет. И стал свет. 1:4. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. 1:5. И назвал Бог свет днем, и тьму ночью. И был вечер, и было утро; день один.

День первый. Здесь современные астрофизические теории предлагают нам следующее.

1. Тоже развитие, изменение. Ученые до 20 века полагали, что Вселенная вечна, но теперь наука приняла развивающуюся и расширяющуюся Вселенную. Значит, было начало. В точности, как предписывала Библия.

2. В 20-е годы двадцатого столетия Александр Фридман предложил нестационарное решение уравнений Эйнштейна. Эйнштейн сначала не верил, но Фридман уговорил его через посредничество Федора Круткова. Эдвин Хаббл экспериментально обнаружил как бы соответствующее этому решению разбегание Вселенной (наблюдением красного смещения: далекие галактики разбегаются быстрее, и свет от них смещен в красную сторону – это основано на том же эффекте Доплера, с помощью которого на дорогах автоинспекторы измеряют скорости водителей и ловят нарушителей). А Георгий Гамов предложил теорию Большого взрыва: это разбегание началось после взрыва в «начальный момент времени». Сейчас установлено, что звезды и скопления звезд не просто разбегаются, а разбегаются с ускорением (нобелевская премия 2011 года). Это головная боль современной астрофизики. Откуда ускоренное расширение Вселенной? Тяготение предписывает, наоборот, замедление. Вводится гипотеза о наличии темной энергии, и вот эту самую энергию темную безуспешно ищут. Авантюра продолжается и детектив развивается.

3. В точности образование безмассовых частиц (фотонов, свет).

Это даже оказалось смешно: в 1973\1974 году мы изучали философию для сдачи кандидатского минимума, где нам говорили – вселенная неизменна и вечна (научный взгляд великих Ньютона, Лагранжа, Максвелла и даже Планка). В это же самое время в нашем Институте прикладной математики (ИПМ) (позже он стал ИПМ им. М. В. Келдыша), академик Я. Б. Зельдович (трижды герой социалистического труда за три поколения ядерных бомб: 1949 – догнали, 1953 – перегнали, создав термоядерную бомбу, 1961 – «кузькина мать» – самый мощный до сих пор взрыв) выступал на семинаре института. Где доказывал, что Вселенная нестационарна и развивается, т.е. библейский взгляд, как он сам с удовольствием и даже нескрываемой радостью сообщил слушателям: «Мы вернулись к библейскому взгляду на мир». Триумф науки. В некотором смысле «религия победила науку». Не совсем так уж победила, а наука XX века победила науку XIX века. Так что о библейском взгляде на астрофизику я узнал на этом семинаре под руководством другого трижды героя соц. Труда за развитие авиационно-космических технологий М. В. Келдыша.

Быт. 1:6. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так] 1:7. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью. И стало так. 1:8. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро; день второй.

День второй. Твердь и вода – понятия неопределенные. Можно под твердью понимать элементарные частицы, а под водой – кварк-глюонную плазму. За механизм спонтанного появления массивных частиц (механизм Хиггса), была присуждена нобелевская премия в 2013 году. Можно под твердью понимать звезды, тогда вода – это космическая плазма. Можно, наконец обычную воду, тогда твердь – это Земля. Можно и то, и другое и третье. Но несомненно, что взгляд великих физиков 19 века был ограничен, а взгляд Библии оказался в каком-то смысле «вечен» и в любом смысле шире: сейчас мы это и видим. Сейчас все физики независимо от религиозной позиции описывают эволюцию Вселенной в согласии с Шестодневом (Стивен Вейнберг, «Первые три минуты». [9] Долгов А. Д., Зельдович Я. Б., Сажин М. В. «Космология ранней Вселенной» [10]). Истязание наукой можно считать завершенным.

Следующие дни творения описывают зарождение жизни (3-й день), звёздообразование (4-й день), эволюцию по Дарвину (5-й и 6-дни) и человека (6-й день) в конце эволюционной цепочки. Интересно, что третий и 4-й день перепутаны по сравнению с научной картиной. Как это объяснить? Интересное объяснение мне предложил А. Ю. Халфин: Бог показывал Моисею землю, перенеся его туда, когда она была в тумане, растения были, но звезд не было видно из-за

тумана. По дороге мы заодно ответили и на вопрос Смердякова Кутузову: прав был Смердяков, что сомневался, но наука это объяснила. Так что наука XX-го века «вернулась к библейскому взгляду на мир». Но сочетание эволюционной теории и принципа роста энтропии приводит к доказательству высшего разума. «Ты ж понимаешь, что Бог есть», – сказал мне академик В.В.Струминский в 1989 году. «Ну да, ты же занимался вторым законом термодинамики. Раз энтропия растёт, то как всё это могло получиться?» Второй закон термодинамики – это и есть простейшая версия закона роста энтропии. Со взглядами В.В.Струминского можно познакомиться в книге [12]. Струминский Владимир Васильевич – это изобретатель стреловидного крыла. «Да Струминскому только за стреловидное крыло нужно памятник поставить» –, сказал про него А.Н.Туполев. Сейчас все самолеты имеют такие крылья. В.В.Струминский выиграл это крыло у своего начальства, которое предлагало ромбовидные (очень красивые) крылья [12]. О росте энтропии или мере беспорядка. Действительно, вероятность появиться спонтанно клетке – нулевая: одна клетка сложнее, чем вся остальная неживая Вселенная. И дальнейшие усложнения вплоть до человека невероятны, невозможны без высшего замысла. Но эти усложнения несомненно были, как это признают уже физики в согласии с книгой Бытия. Так наши выдающиеся ученые участвуют в этом диалоге, и это спор, кажется, слава Богу, подходит к концу. Но споры идут: см. полемику в [13].

Итак, появлению и распространению атеизма мы, видимо, обязаны прогрессу в естественных науках. Достоевский это обостренно чувствует. В частности, противоречие Шестоднева с Ньютоно-лапласовой стационарной картиной мира. При этом самые выдающиеся учёные – Паскаль, Ньютон, Фарадей (староста в церкви), Максвелл, Планк были активными защитниками христианства. В XX веке с развитием астрофизики «мы вернулись к библейскому взгляду на мир». А развитие науки об энтропии даёт нам прямую количественную меру беспорядка, а потому доказательство наличия высшего разума. Энтропия растёт, следовательно Бог существует: без Бога мир развалится, а он наоборот усложняется согласованно по Шестодневу и современным физическим теориям. Поэтому, даже иногда физики используют антропный принцип: мир устроен так, чтобы появился человек. Но этого Достоевский тоже и предвидеть не мог. Ни в развитии науки, ни во взаимоотношении науки и религии, ни даже в будущем России. Он считал, что Россия покажет миру пример духовности, но чтобы образец строя общественного вместо капитализма, или станет передовой в технологиях, запустив Гагарина, это никак. Но каковы его удивительные предвидения, что семинаристы (Алеша Карамазов) пойдут в революцию, а «главный бес» Ставрогин выдаст его символ веры, а потом совершит самоубийство, как СССР. Это как бы предсказывая размах колебаний внутри нашей страны, когда в ней жил и воинствующий атеизм и одновременно создавалось оружие, которое спасло и спасает православие и Россию до сих пор. По воспоминаниям Молотова, он, Сталин и Ворошилов тайком пели молитву «Да исправится молитва моя». Как бывшие певцы церковных хоров, видимо, на восемь (стихирных) гласов. Отметим также свидетельства патриарха Алексия Первого о Сталине как во время войны (1944 г.) так и на похоронах (1953) с благодарностью за внимание и помощь Церкви и восхищением его гением. Так что диалог государства, науки и Богословия в СССР был в чем-то незаметным, а в чем-то трагичным, но глубоким: это в своих парадоксальных героях Карамазовых, Ставрогине, Раскольникове и многих других предвидел и старался изучать Ф. М. Достоевский.

Литература

1. Boltzmann L. Weitere Studien über das Wärmegleichgewicht unter Gasmolekülen. Wien: Akad. Sitzungsber, 1872. Bd. 66. S. 275–370. Перевод: Больцман Л. Избранные труды. М.: Наука, 1984. Дальнейшие исследования теплового равновесия между молекулами газа. С. 125–189.
2. Пуанкаре А. Замечания о кинетической теории газов. // Пуанкаре А. Избранные труды. Т. 3. М.: Наука, 1974.
3. Козлов В.В. Тепловое равновесие по Гиббсу и Пуанкаре. Москва – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2002.

4. Веденяпин В.В., Аджиев С.З. Энтропия по Больцману и Пуанкаре. Успехи математических наук. 2014. Т. 69. № 6. С. 45-80.
5. А.И.Осипов Бог. 5-е издание, исправленное и дополненное. Православное братство святого апостола Иоанна Богослова. Москва · 2015.
6. Макс Планк. Религия и естествознание. Доклад, прочитанный нобелевским лауреатом М. Планком в мае 1937 года в Дерптском (Тартуском) университете.
7. Епископ Василий (Родзянко). Теория распада Вселенной и вера отцов. Москва, Паломник, 2003.
8. Е.Г.Новикова. «Христос вне истины» и «Истинина вне Христа»:
9. Ф.М.Достоевский и Н. Д. Фонвизина. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. №3 (29).
10. Стивен Вейнберг. Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной. РХД. 2000.
11. Долгов А. Д., Зельдович Я. Б., Сажин М. В. Космология ранней Вселенной. Издательство Московского университета. 1988.
12. Яки Стенли Л. Бог и космологи. Долгопрудный, 1993.
13. Академик В.В.Струминский. ЦАГИ им. Н.Е.Жуковского. Москва. Наука. 2018.
14. Протоиерей Константин Буфеев. Православное учение о сотворении и модернистское богословие. М.: Русский издательский центр им. святого Василия Великого, 2019. – 659с. [14]. Володимир Шарапов. 1917. Заговор царских генералов. Наш Современник. 2023, 1, январь, 161-176.
16. Извлечение из журнала доктора Шеффера // РГИА. – Ф. 18. – Оп. 5. – Д. 1239. – Л. 35 – 37; КА. – 1936. – Т. 5 (78). – С. 172. Уже в донесении А.А.Баранову от 25 ноября (н.ст.?) 1816 г. Шеффер писал: «У меня здесь одна крепость каменная и 2 земляные с палисадниками почти готовы и дожидают народ из Ситхи». См. ПФА РАН. – Р. Г/. – Оп. 1. – Д. 1012. – Л. 91-92. Одну из крепостей (Fort Elizabeth) намечено восстановить»
17. История русской Америки (1732-1867): В 3 т. / Под ред. Н. Н. Болховитинова. – М.: Междунар. отношения, 1997-1999. Глава Русские на Гавайях (1804-1825). Авантюрадоктора Шеффера (1815-1819) Архивная копия от 26 декабря 2008 на Wayback Machine.

УДК 17.09.91

**Ф. А. Гайнуллина
Семей, Казахстан**

**ИСТОРИКО – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ БЛАСТИ АБАЙ: К ПРОБЛЕМЕ
КОМПЛЕКСНОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЯ**

**HISTORICAL AND LITERARY LANDSCAPE OF THE ABAI REGION: TOWARDS THE
PROBLEM OF A COMPREHENSIVE CULTURAL STUDY OF THE REGION**

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению проблем исследования историко-географических и литературных памятников области Абай как феномена отечественной культуры. На широком историко – литературном фоне исследуются вопросы сохранения и воспроизводства широко- и малоизвестных памятников культуры.

Цель работы – аналитический обзор научной деятельности ученых-краеведов, путешественников, политических ссыльных, в разные годы оказавшихся в нашем регионе и внесших заметный вклад в изучение истории, этнографии, фольклора, литературы, социального и экономического развития края, а также перспектив развития историко-литературного краеведения, выявление его значения для сохранения культурного наследия и формирования идентичности региона на примере области Абай.

Практическая значимость результатов исследования заключается в их важности для тех, кто серьезно интересуется проблемами регионального исторического и литературного краеведения.

Annotation. The subject of this article is related to the study of the problems of research of historical-geographical and literary monuments of the Abay region as a phenomenon of national culture. On the wide historical and literary background, the issues of preservation and reproduction of widely and little-known cultural monuments are studied.

The aim of the article is an analytical review of the scientific activities of local historians, travelers, political exiles who found themselves in our region at different times and made a significant contribution to the study of history, ethnography, folklore, literature, social and economic development of the region, as well as prospects for the development of historical and literary local history, identifying its importance for the preservation of cultural heritage and the formation of the identity of the region using the example of the Abay region.

The research study and its results will be important for those who interested in the problems of regional historical and literary local history.

Ключевые слова: памятники, литературное и историческое краеведение, интеграция, духовность.

Keywords: monuments, literary and historical local lore, integration, spirituality.

Сегодня особую значимость приобретают изыскания в области социокультурных явлений и процессов, глубокое осмысление роли и места культуры в становлении личности и общества и т.д. В качестве значимой составляющей исследований духовного и культурного наследия в регионе мы рассматриваем краеведение.

Известно, что область Абай, как, впрочем, и весь Восточный Казахстан, пережила различные исторические события, богата литературно – культурными памятниками. Край был не только развитым торгово-экономическим и культурным центром, здесь возникали объединения тюркских племен, вошедших позднее в состав казахского общества. Регион всегда имел и продолжает иметь большую международную значимость. На основе межкультурных, социально-экономических связей здесь создавались древнетюркские первые письмена, которые бережно хранятся не только в стране, но и за пределами республики. ВКО, и область Абай в частности, вызывают неподдельный интерес историков, филологов, но и востоковедов, алтаистов, археологов памятниками сакской и гунской культуры, древнетюркской письменности, наскальными изображениями, самобытным фольклором. Именно на востоке страны отмечается плотная концентрация петроглифов, памятников с изваяниями.

Вышесказанное убеждает нас в том, что сегодня, как никогда, необходим комплексный подход к проблеме сохранения и воспроизводства культуры края, являющейся частью национальной культуры. И в этом смысле представляется *актуальным* исследование места и роли в этом процессе литературного и исторического краеведения.

Цель настоящей статьи – исследование проблемы и перспективы развития историко-литературного краеведения, выявить его значение для сохранения культурного наследия и формирования идентичности региона на примере области Абай.

Известно, что присоединение Казахстана к России неизбежно привело к тому, что в различные регионы страны стали приезжать российские ученые, путешественники с целью изучения особенностей географии, природных ресурсов, экономики, истории, этнографии. Для этого снаряжались специальные экспедиции, проводились исследования. Остановимся лишь на немногих исследованиях, проводимых в Восточном Казахстане, в частности, Семипалатинске (ныне Семей) и его окрестностях. Так, в 1769 году одну из первых экспедиций в край возглавлял академик П. С. Паллас. Как свидетельствуют источники, ученый и члены экспедиции «...из Оренбурга направились в Сибирь, вдоль русской пограничной линии,

и посетили наиболее тесно связанные с казахами города: Троицк, Петропавловск, Омск, Семипалатинск...» [1] Итогом этой сложной экспедиции стал труд П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1773 г.). В этом труде автор подробно описывает свои наблюдения и впечатления о географическом разнообразии края, включая климат, рельеф, флору и фауну; проводит этнографические исследования, изучая обычаи, традиции и образ жизни народа; рассматривает исторические события и культурные достижения, оказавшие влияние на развитие различных регионов. При этом важно отметить, что Паллас подчеркивает важность исторической памяти для формирования идентичности народов.

Заметным шагом в исследовании Казахстана русскими учеными стала изданная в 1832 году в Петербурге работа известного этнографа А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей». Данный труд состоял из трех томов: в первом томе была дана общая физико-географическая характеристика казахских земель, во втором – впервые была представлена история казахского народа с древнейших времен до начала XIX-го столетия, в третьем томе автор дал описание быта, культуры, традиций и населения киргизов (казахов), проживавших в различных регионах, включая Семипалатинскую область. К основному содержанию книги были приложены многочисленные планы, таблицы, карты, схемы, рисунки.

В XIX веке среди тех, кто исследовал Казахстан, были ученые, уже получившие мировую известность, как, например, П. П. Семенов-Тянь-Шанский - руководитель Русского географического общества. Ученый путешествовал по Алтаю, Семиречью, Средней Азии. Под его непосредственным руководством было составлено и издано многотомное исследование «Россия. Полное географическое описание отечества». Два тома из них: «Киргизский край» и «Туркестанский край» были посвящены Казахстану и Средней Азии. В работе были описаны географические условия, природные богатства, история, быт казахов.

Большой вклад в изучение Восточного Казахстана внес Г. Н. Потанин – один из крупнейших ученых, активно занимавшийся комплексными исследованиями Северной и Центральной Азии. Так, в 1863-1864 гг. он принимал участие в экспедиции на оз. Зайсан и в Тарбагатай, где занимался, кроме исследования природы, этнографическим изучением быта кочевников-казахов, записывал фольклорные тексты. Г.Н. Потанин является автором ряда этнографических работ, имеющих важное значение для изучения культуры и традиций казахского народа. Так, в работе «Сказания народа казахов» собраны и исследованы казахские народные сказки, в которых отражены мифы, легенды и предания, а в книге «Казахские народные песни» подвергнуты анализу песни, изучено их жанровое разнообразие и культурное значение. [2, 52]

Известно, что в Семипалатинске отбывал срок ссылки Ф. М. Достоевский. Семипалатинский период его жизни стал важной вехой в творчестве писателя. Здесь писатель встречался с первым казахским ученым – этнографом, историком Ч. Ч. Валихановым, с которым познакомился еще в г. Омске. Повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» были написаны им в Семипалатинске.

В отечественных краеведческих исследованиях заслуженно отмечается большая роль Ч. Валиханова. Так, в 1855 году в качестве адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорга он принял участие в поездке от Омска до Заилийского Алатау, где в то время закладывалось укрепление Верное. Во время этой поездки пытливому исследователю удалось собрать и обобщить богатый материал по истории, религии, обычаям, фольклору казахов. В 1856 году Валиханов принял участие в экспедициях от Ала-Куля до Иссык-Куля, а также в Кульджу. По результатам этих путешествий были написаны: «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о киргизах» и др. Ученый записал также отрывки из знаменитого киргизского эпоса «Манас». Ч. Валиханов одним из первых ввел в научный оборот такой пласт исторических источников, как казахский и кыргызский фольклор. Ему также принадлежит первенство в постановке и решении ряда важных проблем истории тюркских народов, таких как этногенез, социальная структура, политическое положение, национально-освободительная борьба, роль ислама в их жизни.

Замечательным источником по краеведению можно считать книгу польского ссыльного А. Янушкевича «Дневники и письма из путешествия по казахским степям». Двадцать четыре года он прожил в наших краях, свободно говорил на казахском языке, изучал фольклор. Его историко-этнографические записи о казахах переведены на многие языки мира. Поступив на государственную службу в Пограничное управление Сибирских Киргизов в Омске, Адольф Михайлович в составе разных комиссий совершает длительные поездки в летние месяцы 1843, 1845 и 1846 годов. Так, например, экспедиция 1846 года длилась почти полгода – с мая по октябрь. Путь пролегал от Омска через Семипалатинск и Аягуз к отрогам Джунгарского Алатау, озеру Алаколь, вдоль реки Лепсы, и еще дальше – вокруг озера Балхаш, к речке Токрау и горам Куу, Каркаралы, Шынгыстау. Янушкевичу было интересно все, он изучал жизнь кочевников, бывая в аулах, не чурался заходить в юрты бедняков. Став свидетелем разборов тяжб и взаимных претензий казахов, он отмечает высокое ораторское мастерство выступающих. Например, с большим восхищением польский путешественник отзывается об ага-султанине Кунанбае, отце Абая. По его словам, Кунанбай был одарен умом, цепкой памятью и красноречием. Примечательно, что в письме своему другу – поэту Густаву Зелинскому, который к тому времени вернулся в Польшу, Янушкевич писал: «Народ, который одарен творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские (казахские) пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов». [3]

Рамки настоящей статьи не позволяют охватить того большого материала, касающегося исследований нашего края российскими учеными и путешественниками, среди которых были и политические ссыльные. Упомянем лишь имена Ф. К. Зобнина, Ф. Н. Педашенко, Е. Ф. Шмурло, Б. Г. Герасимова, Н. Я. Коншина, А. А. Адриянова, братьев В. Н. и А. Н. Белослодовых и многих других, чьи изыскания были посвящены скрупулезному изучению истории, культуры, быта, традиций и обычаев народов, населявших территорию тогдашней Семипалатинской области и чьи работы представляют безусловный интерес для современных исследователей – краеведов. [4]

Важно отметить, что в конце XIX-начале XX в.в. наблюдался активный рост этнического самосознания и национально-культурной идентичности наиболее ярких представителей казахского общества. По мнению современных исследователей это было обусловлено тем, что: «во второй половине XIX в. местная аристократия, столкнувшись с проблемой имущественного разорения, пыталась сохранить свой статус посредством продуктивных контактов и коллаборации с имперской бюрократией и российскими государственными структурами». [5] Поэтому многие представители казахского общества пытались получить российское образование. Учебные заведения России в разные годы успешно окончили Ч. Валиханов, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, братья Х. и Д. Досмухамедовы, М. Жумабаев, М. Тынышпаев и многие другие, чьи имена известны за пределами России и Казахстана.

После окончания кадетских корпусов и университетов, вернувшись на родину, они занимались административной работой, принимали участие в общественно-политической жизни региона, активно публикуясь в региональных и общероссийских изданиях.

Необходимо отметить, что в развитии культуры и общественной мысли в Казахстане во второй половине XIX века огромную роль сыграли научные общества и культурно-просветительные учреждения. Отделы Русского географического общества (РГО) были открыты в Оренбурге (1868), в Омске (1877), Туркестане (1897), и, наконец, в 1902 году – в Семипалатинске. Члены этих обществ издавали сборники, в которых публиковались материалы по истории, этнографии, географии. Так, уже с 1903 года семипалатинский подотдел стал издавать «Записки...», в выпуске которых активное участие принимала казахская интеллигенция.

Открытие Семипалатинского подотдела Западно – Сибирского отдела РГО находилось в тесной связи с историей Семипалатинского областного статистического комитета, органи-

зованного в 1878 году. Это было первое краеведческое учреждение в Семипалатинской области, занимавшееся изучением региона. Первым секретарем и фактически руководителем комитета стал политический ссыльный, последователь и ученик Н. Г. Чернышевского Е. П. Михаэлис. В Семипалатинске он служил с 1869 по 1882 г.г., изучил историю и культуру казахского народа.

Исследователи отмечают, что «...преобладание в рядах комитета политических ссыльных, господство традиций Михаэлиса, Абая, Маковецкого, Коншина и других обеспечили комитету плодотворные результаты в области изучения жизни и быта казахов и утверждения гуманного отношения к ним» [6,5]

Во второй половине XIX века в Казахстане были созданы областные статистические комитеты, которые публиковали «Обзоры» областей, содержащие материалы по статистике, истории, этнографии, культуре. Например, в работе областного статистического комитета активное участие принимал Абай Кунанбаев.

Изучением Казахстана занимались и другие научные организации: Общество сельского хозяйства, любителей археологии и истории Востока, любителей естествознания, антропологии и востоковедения. В Казахстане стали открываться общественные библиотеки. Одна из первых публичных библиотек была открыта в 1883 году в Семипалатинске. М. О. Ауэзов неоднократно отмечал в своем романе, что Абай очень любил посещать ее, где знакомился с художественными произведениями, созданными классиками мировой литературы. Из фондов библиотеки он получал не только лучшие образцы художественной литературы, но и книги по философии, естествознанию, истории, энциклопедии, словари, справочники по разным областям науки. Именно здесь, в библиотеке произошло знакомство Абая с политическим ссыльным Е. П. Михаэлисом (1841-1913), дружба с которым продлилась на долгие годы. Именно Михаэлис не раз советовал молодому Абаю ознакомиться с той или иной появившейся в библиотеке новой книгой. М. О. Ауэзов в монографии «Абай Кунанбаев» справедливо отмечал: «Если до встречи с Михаэлисом Абай читал много и без разбору, то после замечаний и рекомендаций своего друга стал более дисциплинирован в чтении художественной, исторической, критической литературы, книг по философии, естествознанию...» [7, 60] Обогащению знаний Абая в области истории и юриспруденции во многом содействовали и другие «политически неблагонадежные» друзья – С. С. Гросс, Н. И. Долгополов, А. В. Леонтьев и другие.

Отношения Абая с ссыльными друзьями, надо заметить, базировались на духовном и высоко – интеллектуальном взаимообогащении. Надо отметить, что не только русские друзья расширяли круг знаний Абая, но и поэт всячески содействовал тому, чтобы они стали яснее понимать тюркскую историю, мусульманскую культуру, местные обычаи, мировоззрение, верования. Вызывают интерес и воспоминания американского журналиста Джорджа Кеннана, который в 1880-ые годы оказался в Семее. А. В. Леонтьев, сопровождавший Кеннана в то время, рассказал ему об Абае, знакомого к тому времени с исследованиями Милля, Бокля, Дрэпера. В книге «Сибирь и ссылка», увидевшей свет в 1906 году Дж. Кеннан с большим восхищением пишет об Ибрагиме Кононбае (Ибрагиме Кунанбаеве), глубоко изучавшем Дарвина и Бокля. Ученый очень удивился, услышав от Леонтьева: «...Могу Вас уверить, что когда я разговаривал с ним дважды, то узнал, что он хорошо освоил работу Дрэпера «Умственное развитие Европы...» [8, 75]

Семей имеет богатую литературную историю, связанную не только с именем Абая Кунанбаева, но и талантливых продолжателей лучших традиций поэта – Шакарима Кудайбердиева, Арипа Танирбергенова, Асета Найманбаева, Кокбая Жанатаева, Уайиса Шондыбаева, Мухтара Ауэзова, Шакира Абенюва, Сапаргали Бегалина, Мухтара Магауина, Калихана Алтынбаева, Нурлыбека Баймуратова, Каюма Мухамедханова многих других. Многие из указанных поэтов и в будущем известных ученых были организаторами проведения ряда мероприятий, посвященных памяти Абая.

Так, к 10 – летию со дня смерти поэта одна из выдающихся казахских женщин того времени, общественный деятель – Назипа Құлжанова, организовала и провела литературный вечер. Об этом вечере, прошедшем в январе 1914 года, за подписью «М. М.» свое впечатление оставил выпускник медресе «Галия» г.Уфы, учитель, журналист, автор «Нового казахского букваря» (1912), общественный деятель Мустақым Малдыбаев. Так, в опубликованной им в газете «Айқап» статье автор отмечает большую роль Назипы и Нургали Құлжановых в организации этого благотворительного вечера, упоминает учеников Абая – Турагула, Какитая, Шакарима и других, называя их талантливыми поэтами. Второй же вечер прошел в клубе приказчиков 13 февраля 1915 г. Доброжелательные отзывы о первом вечере способствовали тому, что и на второй вечер собралось много народа. Об этих литературных вечерах писали в журналах «Айқап», в газетах «Қазақ», «Семипалатинский телеграф» и др. В истории и абаеведении эти литературные вечера навсегда останутся большим культурным явлением. Спустя 10 лет, в декабре 1924 г., по случаю уже 20 – летия со дня смерти Абая, также прошел литературный вечер, где были прочитаны доклады: «Место Абая в киргизской литературе» М. Ауэзовым, «Биография Абая» - Х. Габбасовым. Выступления известных ученых также вызвали большой интерес и желание знать и изучать культуру края.

Дальнейшее изучение края (история, культура, литература, образование, социальные аспекты) связано с именами Ш. Кудайбердиева, Турагула Кунанбаева, М.О.Ауэзова, А.Бокейханова, Ж. Аймаутова, и Н. Құлжановых и др.

В работах современных исследователей Ж. К. Касымбаева, В. Н. Кашляка, М. К. Каримова, А. И. Исина и других наблюдается попытка исследования Восточного Казахстана и, в частности, области Абай, с позиций историко-политических преобразований, происходящих в стране. [6]

На сегодня накоплены также литературоведческие исследования, посвященные изучению творческого наследия поэтов и писателей края. Несомненный интерес вызывают работы Смагуловой А. Т. (К.Мухамедханов) [9], Мухажановой Р.М. (М.О.Ауэзов) [10], Толебаевой К.Т. (К.Алтынбаев) [11], Ердембекова Б.А. (Поэты – ученики Абая) [12], Аитовой Ж. (А.Найманбаев) [13], Гайнуллиной Ф.А.(Поэтическая школа Абая) [14] и других ученых, восстанавливающих культурно-исторический и литературный ландшафт края.

Не менее значимыми оказываются и исследования историко – лингвистического характера, посвященные изучению региональной ономастики и проливающие свет на особенности появления тех или иных географических наименований, отражающих историко – духовный пласт отечественной культуры. Историко-лингвистический анализ топонимической системы районов области Абай обнаруживает социально-гуманитарный характер омонимов, корнями уходящих в древнюю, средневековую и новую эпоху и тесно связанных с национальной культурой и литературой, так как по территории области проходили войска древних гуннов, саков, тюрков, огузов, кипчаков: регион пережил монгольское господство, джунгарско-калмыцкие столкновения, русский колониализм и т.д. Эти и другие исторические события оставили свой неизгладимый следы в топонимике местности. В этой связи интерес современных ученых могут вызвать работы Сейитовой Ш. Б., Касымовой А. А., Гайнуллиной Ф. А., направленные на скрупулезное исследование региональной топонимики [15].

Однако целостного представления о литературном и историческом процессе ВКО как части отечественной культуры, на наш взгляд, нет. Поэтому считаем важным способствовать всемерному сохранению литературы края как части богатейшей сокровищницы казахской литературы и культуры, что в свою очередь, соответствует задачам «Концепции культурной политики Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы» и является важным шагом в ситуации, когда общество переживает дефицит духовности.

Историческое и литературное наследие области не исчерпывается памятниками, находящимися в его центральной части, а простирается значительно шире, охватывая обширную историко-географическую зону.

Сложившаяся в обществе социокультурная ситуация, процессы гуманитаризации, гуманизации, происходящие в общеобразовательной и высшей школе, попытки создать условия для формирования у учащихся и студентов ценностных отношений к достижениям культуры, потребность в интеллектуальной и духовной деятельности, в саморазвитии необычайно актуализируют проблему использования краеведения в литературном и историческом образовании. Краеведение может сыграть особую роль в актуализации ценностей отечественной культурной традиции и активно влиять на процесс воспроизводства культуры в РК, активизировать интерес к литературе и чтению и тем самым составить альтернативу массово – информационной культуре.

Итак, литературная история области позволяет говорить об уникальности ее культурного ландшафта, об огромном духовном потенциале. Область Абай сегодня является привлекательной зоной для развития познавательного туризма, доступного внешним и внутренним потребителям. Важным методологическим видением решения задач по развитию туризма в Казахстане, особенно на этапе его становления, является формирование познавательной ниши на базе историко-культурных объектов региона.

Сегодня необходимы: комплексное исследование историко-культурных и литературных памятников региона; проведение комплексного культурологического исследования литературного краеведения на материале произведений поэтов и писателей области; экспедиционное исследование районов области на предмет выявления исторических и литературно – культурных объектов; разработка историко – литературных карт области Абай, которые будут составлены IT-специалистами с учетом современных требований; разработка рекламных проспектов и видеотуров по туристическим маршрутам региона; создание программы и определение маршрута экспедиций, туристического маршрута по литературным и историческим местам (Жидебай, Борли, Аягуз, Коныр – аулие, Маканши, Бескарагай и др.); внедрение в учебный процесс средних школ и гуманитарных специальностей вузов элективных курсов по историческому и литературному краеведению; подготовка материалов для энциклопедии «Историко – литературные памятники области Абай» и т. д.

Эти и другие насущные задачи стоят сегодня перед отечественными учеными – лингвистами, географами, археологами, этнографами.

Литература

1. <https://silkadv.com/en/content/ekspedicii-v-kazahstan-xvi-xix-vvhttps>:
2. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т.VII. – Алматы, 2006.
3. Янушкевич А.М. Дневники и письма из путешествия по казахским степям.: Павлодар: Эко, 2006. – 390 с.
4. Хранитель истории. Вторая книга/ Сост. Манжибаева Ж. А., Гайнуллина Ф. А. – Астана: Фолиант, 2023.–480 с.
5. Нуркина Ж., Абиля Е., Мажитова Ж. Колонизация Азиатской России в представлениях Г.Б. Валиханова (на материалах празднования 300-летнего юбилея присоединения Сибири) // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение –2024. –Т.148. –№.3. – С.75-90.
6. Избранные труды семипалатинских краеведов: 1903-1929 гг./ КГУ «Центр документации новейшей истории» Управление архивов и документации ВКО, научный центр исторических и социально – политических исследований им. М.Козыбаева, СГПИ., – Семей, 2012. – 882 с.
7. Ауэзов М.О. Абай Кунанбаев [Текст]: Статьи и исследования / М. О. Ауэзов ; Под общ. ред. дра филол. наук И. Т. Дюсенбаева ; АН Каз. ССР. Ин-т литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. – Алма-Ата: Наука, 1967. – 389 с.
8. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: В двух частях / пер. с англ. И.Н. Кашинцева, – С.-Петербург, 1906, С.26
9. Смагулова А.Т. Каюм Мухамедханов: Монография, 2009.

10. Мухажанова Р.М. Мұхтар Әуезов және Семей. – Семей, 2004. – 192 б.
11. Төлебаева К. Т. Қалихан Алтынбаевтың шығармалар жинағы. – Алматы, 2009.
12. Ердембеков Б. А. Ердембеков Б. А. Абайдың әдеби ортасы. – Семей, 2010. – 307 б.
13. Аитова Ж. Ж. Асет Найманбаев.: Монография. – Семей, 2006.
14. Гайнуллина Ф. А.: «К вопросу о становлении понятия «Литературная школа Абая» в казахском литературоведении No. 2 (2023): Academics and Science Reviews Materials// Proceedings of the 2nd International Scientific Conference «Academics and Science Reviews Materials» (2023). Helsinki, Finland, 2023 (совместно с Р.М. Мукажановой)
15. Shynar B. SEITOVA, Serikkul K. SATENOVA, Assem A. KASSYMOVA, Farida A. GAINULLINA, Berdibek N. BIYAROV, Gulnur AKHMETOVA, Shaiza A. DOSKEYEVA Linguo-Cultural Peculiarities in Geographic Names of Ayagoz Region.//ASTRA Salvensis, Supplement no. 1/2021 ORCID 0000-0003-836-5533 <http://www.scopus.com/inward/record.url?eid=2-s2.0-85107025490&partnerID=MN8TOARS>.

УДК 82-94

Демежанов Т. М.
г. Семей, Казахстан

**ПАМЯТЬ, СТАВШАЯ ДЕЛОМ ЖИЗНИ
(О ПОЭТИКЕ МЕМУАРОВ З.Г. ФУРЦЕВОЙ «КАК ЭТО БЫЛО»)**

**MEMORY AS A LIFELONG COMMITMENT: (THE POETICS OF Z.G. FURTSEVA'S
MEMOIR «HOW IT HAPPENED»)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поэтики мемуаров З. Г. Фурцевой «Как это было». Анализируются принципы организации повествования, специфика авторской памяти, соотношение документального и личного начал, а также особенности хронотопа мемуарного текста. Особое внимание уделяется способам репрезентации исторической эпохи через индивидуальный опыт автора. Исследование показывает, что мемуары выступают не только формой личного свидетельства, но и способом культурного осмысления времени.

Annotation. The article examines the poetics of the memoir *How It Happened* by Z.G. Furtseva. The study analyzes the principles of narrative organization, the specificity of autobiographical memory, the correlation between documentary and personal elements, and the chronotope of the memoir text. Particular attention is paid to the representation of the historical era through the author's individual experience. The research demonstrates that memoirs function not only as a form of personal testimony but also as a means of cultural interpretation of time.

Ключевые слова: мемуары; поэтика; культурная память; хронотоп; документальность; автобиографическое повествование; историческая эпоха.

Keywords: memoirs; poetics; cultural memory; chronotope; documentary nature; autobiographical narrative; historical era.

Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского в г. Семей (Семипалатинск) отмечает 55-летие. За эти годы подробно изучены этапы его становления, описаны достижения в культурно-просветительской и научной работе, закреплено международное признание. Эта история стала частью общественного достояния и культурной памяти. Однако за официальной летописью существует и другая – менее известная, сотканная не из отчетов, а из человеческих усилий, сомнений, надежд и глубокой внутренней убежденности: память о великом писателе должна быть сохранена.

Главное место в этой почти неформальной «биографии» музея занимает небольшая по объему книга З. Г. Фурцевой «Как это было» [1, 416-459], которая представляет собой свидетельство очевидца и непосредственного участника событий, связанных с рождением музея Ф.М. Достоевского в Семипалатинске.

В XX веке, отмеченном стремительными историческими переменами, мемуаристика приобретает особую значимость и постепенно оформляется как самостоятельный литературный жанр. Желание сохранить уходящее время, осмыслить пережитое и передать потомкам память о «делах давно минувших дней» определяет творческую установку авторов мемуаров. В литературоведении мемуары рассматриваются как воспоминания авторов о событиях прошлого, свидетелями или участниками которых они являлись. Существенным признаком мемуарной литературы считается ориентация на художественно-образное воспроизведение жизненного материала. [2, 205-206.].

Основными признаками жанра являются документальность, субъективность повествования, опора на личную память автора и отражение исторической эпохи через индивидуальное восприятие.

З. Г. Фурцева (1965 г.)

Воспоминания З. Г. Фурцевой «Как это было» – это не просто мемуары, а взволнованный рассказ о том, как из почти забытого дома возникал живой образ памяти. Написанная в середине 1970-х годов, книга обращена к широкому читателю и подкупает живостью и искренностью интонации, которую можно было бы выразить словами самого Ф. М. Достоевского из «Записок из подполья»: «Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям».

Автор не стремится к научной объективности – *никакой потуги на это и никаких претензий, хотя мы очень много прочли литературы о Ф. М. Достоевском*, а сразу определяет свой творческий замысел – *рассказать, как, когда и с чего начали мы дело организации музея, показать к нему любовь людей и рассказать, как люди хлопотали о том, чтобы Ф. М. Достоевский навсегда остался жить в Семипалатинске в памяти народной*.

Название мемуаров – «Как это было» – на первый взгляд предельно простое и даже будничное. Однако именно в этой внешней простоте кроется глубокий смысл и авторская позиция. Прежде всего, название задаёт интонацию доверительного разговора с читателем. В нём нет пафоса, нет претензии на официальную историю или научное исследование – только искреннее стремление откровенно рассказать о пережитом, которое как бы сразу снимает дистанцию, приглашая читателя стать свидетелем и соучастником событий. Тем самым, сильнее подчеркивая документально-личный характер повествования, где важны не только факты, но и эмоции, сомнения, внутренние переживания.

В заглавии угадывается также оттенок скромности автора, который сознательно уходит от акцента на собственной роли. Но за этой скромностью ещё ярче проступает масштаб её труда: *...Ведь это благодаря Вам домик Достоевского, в котором мы были более четверти века назад, приобрел заслуженную славу. Я знаю тот огромный труд, вложенный Вами, чтобы привлечь к нему внимание, переписку со многими людьми.*

(Н. Анов. Из письма автору от 4 марта 1976 года)

Наконец, «как это было» – это ещё и форма сохранения живой памяти. В условиях, когда многое начиналось, по словам автора, «подпольно», (т. е. без приказа «сверху»), без официальной поддержки, именно такой личный рассказ становится важнейшим историческим свидетельством. Это не отредактированная версия событий, а их «живая ткань», где рядом существуют и трудности, и вдохновение: *этому делу отдана часть нашей жизни....*

Говоря коротко, название «Как это было» точно отражает суть книги: это честная, эмоциональная, исповедальная хроника, написанная человеком, который стоял у истоков музея Достоевского в Семее, рассказ не столько о фактах, сколько о людях, вере и преодолении.

В жанровом отношении в воспоминаниях сочетаются признаки мемуаров, документальной прозы и публицистики. Анализ сюжетно-композиционной организации выявляет способы раскрытия основной идеи – утверждение духовной и культурной значимости памяти о Ф. М. Достоевском. Эмоциональным ключом ко всей книге служит эпитафия – цитата из статьи Д. Гранина – *Интересно было бы проследить, как идея музея выращивалась и поддерживалась самыми разными людьми и организациями* [3], – в котором задаётся идейная направленность и подчёркивается общественная значимость музейного дела.

В композиционном плане важен отрывок из письма казахстанского писателя Н. Анова, заменяющий предисловие, который становится своеобразным импульсом к созданию мемуаров:

«И вот, сейчас я пришел к мысли, что именно Вы должны и можете написать книжку воспоминаний, как полузабытый дом, в котором обитал Достоевский, превратился в музей, и каким он скоро будет».

Итак, два документальных свидетельства (статья и частное письмо), предвещающие основное содержание книги, определяют структуру дальнейшего повествования и одновременно раскрывает авторскую позицию.

Композиция, включающая 12 условных глав, подчинена задаче показать постепенное превращение последней обители писателя в Семипалатинске в *место паломничества прогрессивного человечества*. Особенности построения текста позволяют автору соединить исторические факты, личные переживания и общественные процессы в единое художественно-документальное полотно.

Следует отметить, что названия глав мемуаров З. Г. Фурцевой выполняют не только навигационную, но и художественно-смысловую функцию. Они отражают документальный характер повествования, личную интонацию автора и постепенное раскрытие центральной темы – сохранения памяти о Ф. М. Достоевском и культурной истории Семипалатинска.

Большинство заголовков построено как указание на место, событие или встречу («Дом по улице Достоевского, 118», «В Ленинграде», «Подготовка к празднованию юбилея города»), что придаёт повествованию мемуарную достоверность, создаёт ощущение хроники жизни. В некоторых названиях заметна простота и естественность речи («Музей так музей», «Глава, в конце концов, совсем не грустная»), где **разговорная интонация** и непритязательная манера общения сближает автора с читателем, создаёт доверительный тон воспоминаний, снимает возможное ощущение печали и утверждает оптимистический итог своей деятельности. В отдельных случаях номинации часто фиксируют автобиографизм мемуаров, подчёркивая камерность, личный характер воспоминаний («Отпуск в Москве», «У академика Терновского», «У Кирпотина», «У Арденса»).

Как можно убедиться, через лаконичные и внешне простые заголовки автор создаёт атмосферу живых воспоминаний и показывает, как личная инициатива становится данью культурной памяти о Ф. М. Достоевском и истории Семипалатинска.

В целом текст о реальных событиях выходит за рамки простого воспроизведения фактов. Автор стремится осмыслить происходящее, показать внутреннюю ценность своих устремлений и деятельности единомышленников.

Мемуары пронизаны автобиографическим началом, от начала и донца повествование ведётся от первого лица, благодаря чему создаётся эффект непосредственного присутствия автора в изображаемых событиях: *Летним днём 1948 г. Николай Иванович подвел меня к маленькому двухэтажному домику по улице Достоевского №118.*

Формы авторского самовыражения разнообразны. Их условно можно дифференцировать по следующим группам:

1. Лирическое самораскрытие

Отличительной чертой мемуаров становится психологизм. Автор постоянно передаёт собственные чувства, сомнения, переживания, в которых раскрывается художественная концепция произведения: *С большим страхом берусь я за перо; Не знаю, кем и когда было произнесено слово «музей, которое привело меня в ужас неопишувемый; Я поняла, что люди правы, и совершенно растерялась; У меня возникло желание увидеть домик ..., посмотреть на стены внутри, побывать в том ... пространстве, где некогда томилась мятущаяся душа писателя.*

2. Авторские размышления

Фурцева порой отходит от описания событий и переходит к философским размышлениям о культуре, памяти, значении творчества классика: *Достоевский – писатель тревожащий, волнующий, захватывающий, потрясающий души; Ф. М. Достоевский – писатель гениальный и сложный, не все в его творчестве еще раскрыто.*

Подобные отступления позволяют раскрыть духовный мир автора и его отношение к личности писателя.

3. Оценочность повествования

Автор не скрывает своего отношения к происходящему. В тексте постоянно присутствуют эмоционально-оценочные характеристики: *святотатство было остановлено (о решении «каких-то умных голов» снести дом писателя из-за ветхости); ужасно неухоженный вид был у этого строения; он показался мне по-человечески обиженным (описание внешнего вида здания).*

Последняя фраза – почти личная боль, где контраст – между величием имени писателя и запущенным состоянием дома – передаёт горькое недоумение автора. Подобные оценки формируют нравственную позицию произведения.

4. Публицистическое начало

Автор активно обращается к читателю, стремясь убедить его в значимости описываемого дела: *Пусть люди судят, так ли мы делали или надо было иначе делать.*

Публицистичность усиливает общественное звучание мемуаров.

5. Самохарактеристика автора

Важной формой самовыражения становится самооценка: *О музейном деле мы не имели никакого понятия; Я никогда не могла делать цифры и никогда не умела округлять их в угоду начальству.*

Такие признания создают образ честного, самоотверженного человека, преданного своему делу.

Важную роль в мемуарах играет хронотоп произведения – его пространственно-временная и сюжетно-композиционная организация. Центральным пространственным образом становится дом Достоевского. По мере повествования он вырастает до размера символа. В начале произведения дом показан полуразрушенным и забытым, «обиженным»:

Домик был оштукатурен глиной снаружи и когда-то побелен известью, но известь была сведена почти на нет дождями, ветрами, непогодами, да и глина во многих местах осыпалась почти до бревен, обнажив ребра драйки.

Позднее дом постепенно превращается в культурный центр города, где в сочетании мемориального дома и современной музейной пристройки раскрывается символическая связь прошлого и настоящего – от периода ссылки писателя на берегах Иртыша до его признания в качестве одного из величайших авторов мировой литературы.

Таким образом, изменение пространства отражает развитие сюжета и идеи произведения. Временная организация текста отличается свободой построения. Автор прямо отмечает, что ведет изложение не *придерживаясь, впрочем, точной хронологии и строгой последовательности*. Повествование строится как поток воспоминаний, объединённых общей темой создания музея.

Сюжет мемуаров строится как история преодоления трудностей и духовного подвижничества. Экспозицией становится первое знакомство автора с домом Достоевского в 1948 году. Уже тогда возникает эмоциональная связь автора с этим местом.

Я и раньше проходила мимо этого дома, читала написанное. на мемориальной доске старой орфографией, задумывалась о судьбе писателя, но мысль, что этот дом может быть освобожден, не приходила мне в голову.

Завязка сюжета связана с назначением Фурцевой в библиотеку, расположенную в доме писателя. С этого момента начинается активная борьба за создание музея. Конфликт произведения имеет социальный и нравственный характер, который раскрывается в столкновениях:

- с чиновничьим равнодушием: *обращаясь за поддержкой или помощью к наиболее близкому начальству, можно было услышать что-то в таком роде: И нужен тебе этот музей. ... наживаешь себе только неприятности.*

- бюрократическими препятствиями и отсутствием поддержки: *В нашем начинании на первых порах нас не поддерживали те, кому надлежало поддержать; ...некоторые люди, так или иначе, портили нам настроение методично.*

Развитие действия строится по принципу постепенного накопления успехов: освобождение помещений – сбор книг и экспонатов – организация переписки – установление связей с учёными и музеями – рост общественной поддержки.

В мемуарах Фурцевой десятки малозначительных эпизодов, каждый из которых звучит как маленькая победа. Среди них – и история о том, с какими треволениями в 1966 году ей удалось выпросить гипсовый бюст Достоевского в московском музее писателя. Этот бюст «*в натуральную величину*» и «*с поврежденным плечом*» – который автор ласково называет «*моей сокровище*» – был благополучно доставлен в семипалатинскую квартиру и *встал на столик в простенке, в бывшем кабинете писателя.*

С его «*появлением*» происходит осознание автором собственной ответственности за музейное дело: *В кабинете была я и... Достоевский. И мне стало страшно.* Эта сцена имеет глубокий психологический смысл и раскрывает внутреннее состояние рассказчика.

Органично вплетаются в ткань повествования документальные источники, придающие ему хроникальный характер. Использование писем, газетных публикаций, воспоминаний современников, отзывов посетителей, официальных решений придают мемуарам фактографичность и создают многоголосие текста, выполняя целый ряд художественных функций: подтверждают достоверность событий; создают исторический фон; расширяют повествовательное пространство; усиливают эмоциональное воздействие.

Центральным образом произведения является сам автор – человек деятельный, эмоциональный, глубоко преданный культуре и литературе. Фурцева создаёт образ неравнодушного интеллигента, готового жертвовать личным временем и силами ради сохранения культурного наследия:

Считаю себя счастливой потому, что мне довелось прикоснуться к великому делу и способствовать славе своего родного города.

Мемуары З.Г. Фурцевой «Как это было» представляют собой значительное произведение документально-мемуарной прозы, посвящённое истории создания музея Ф.М. Достоевского в Семипалатинске. Сюжетно-композиционная организация текста подчинена раскрытию основной идеи – сохранения культурной памяти и духовного наследия великого писателя. Композиция произведения отличается многоплановостью. В тексте органично сочетаются:

- автобиографическое повествование;
- документальные материалы;
- публицистические размышления;
- лирические отступления;
- элементы хроники.

Особую роль играют формы авторского самовыражения: эмоциональные признания, размышления, оценочные характеристики, публицистические обращения. Благодаря этому произведение приобретает глубокую личностную интонацию и высокую степень эмоционального воздействия.

Сюжет мемуаров строится как история духовного служения культуре. Центральный образ дома Достоевского становится символом исторической памяти, а сам текст – свидетельством огромной нравственной силы людей, сумевших сохранить культурное наследие для будущих поколений.

Литература

1. Ф.М. Достоевский: семипалатинский период (1854 – 1859 гг.) / сост. музей Достоевского. – Астана: Фолиант, 2018. – 472 с.
2. Словарь литературоведческих терминов // Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., 1974. С. 205-206. [2].
3. Д. Гранин . Рождение музея// «Литературная газета» от 16 ноября 1977 г.

УДК 94(574.4)

**И. В. Дурново
г. Усть-Каменогорск, Казахстан**

**ИССЛЕДОВАТЕЛИ АЛТАЯ С. И. и Н. С. ГУЛЯЕВЫ и А. Н.,
Ф. Н., Н. Н., В. Н. БЕЛОСЛЮДОВЫ – ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ**

В ПОДХОДЕ К КРАЕВЕДЕНИЮ

**RESEARCHERS OF ALTAI S. I. AND N. S. GULAYEV A. N., F. N., N. N., V. N. BELOSLUDOV
– CONTINUITY IN THE APPROACH TO THE LOCAL HISTORY.**

Аннотация: данное сообщение посвящено краеведам-исследователям Алтая отцу и сыну Гуляевым и братьям Белослудовым, уроженцам г. Семипалатинска по документам государственного архива Восточно-Казахстанской области.

Annotation: This message is dedicated to local historians, researchers of Altai father and son Gulayev and Belosludov brothers, Semipalatinsk natives according to documents of the East-Kazakhstan State Archive.

Ключевые слова: краеведение, исследователь, этнография, археология, фольклор, изобретение, селекция минералогия.

Key words: Local History, explorer, Ethnography, archeology, folklore, invention, selection mineralogy.

Гуляев Степан Иванович (1805-1888) – видный исследователь Алтая, историк, этнограф, фольклорист, изобретатель. Родился в с. Алейском в семье служащего Локтевского завода.

По окончании в 1827 году Барнаульского горного училища был направлен в Петербург писцом горного отделения Кабинета. Здесь много занимался самообразованием, посещал «субботы» ученого-лингвиста И. И. Срезненского.

Первый очерк «О сибирских крутых песнях» опубликовал в журнале «Отечественные записки» (1839). В «Санкт-Петербургских ведомостях» – «Алтайские каменщики» (1845), в «Библиотеке для чтения» – «Этнографические очерки Южной Сибири» (1848), в «Вестнике экономики» – «О механике Ползунова» (1858). Избран членом-корреспондентом Русского Географического Общества.

В 1859 году назначен советником отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления, переехал в Барнаул.

Наряду с основной службой занимался этнографией, археологией, минералогией, сбором фольклора, селекцией.

Первым обратил внимание на Белокурихинские радоновые источники, построил там лечебницу. Одним из первых осуществил опытные посевы сахарной свеклы, табака, изучал рыболовный промысел.

Большую известность принесло изобретение красителя для овчины, сшитые из них шубы «барнаулки», пользовались большим спросом.

Активный поборник просвещения Степан Иванович в 1862 году на свои средства открыл публичную библиотеку, которая просуществовала недолго. Он выступал за открытие в Барнауле гимназии, университета в Сибири, состоял кандидатом в члены Совета «Общества попечения о народном образовании в Барнауле».

Главная заслуга Степана Ивановича – это фольклористика. Он в течение всей своей жизни собирал народные былины, сказки, песни. Открыл талант сказителя из с. Ересного Леонтия Тупицына и записал от него более 20 былин.

Славился в Барнауле и дом С. И. Гуляева. Это был своего рода клуб местной интеллигенции, краеведов, заезжих ученых и путешественников. Их привлекала большая библиотека, палеонтологические и минералогические коллекции, а больше всего хозяин дома – неутомимый труженик, член 11 научных обществ.

В 1878 году Степан Иванович был произведен в статские советники, утвержден в звании потомственного дворянина.

Умер Степан Иванович в 1888 году похоронен на Нагорном кладбище города Барнаула (к сожалению, могила не сохранилась).

Дело своего отца продолжил и его сын Николай Степанович Гуляев, краевед. С 1895 по 1918 годы он работал архивариусом Алтайского горного округа. Сохранил документы, собранные своим отцом, дополнил их интересными документами о замечательных людях Сибири. Кроме этого, в соавторстве с П. А. Ивачевым опубликовал работу «Калыванская шлифовальная фабрика на Алтае». Умер Николай Степанович Гуляев в 1918 году. [1]

Современная территория Восточно-Казахстанской области входила в состав Степного генерал-губернаторства и Алтайского округа.

Многие краеведы так или иначе были связаны с Барнаулом, Колывано-Воскресенскими заводами, изучением этого региона.

Бесспорными продолжателями дела отца и сына Гуляевых на востоке Казахстана являлись братья Белослюдовы – Алексей Николаевич, Виктор Николаевич, Федор Николаевич, Николай Николаевич – семипалатинские учителя.

В государственном архиве Восточно-Казахстанской области на хранении находится личный фонд Алексея Николаевича Белослюдова, состоящий из интересных документов по краеведению, этнографии. Архив был передан дочерью А. Н. Белослюдова Ольгой Алексеевной Борисовской в 1985 году. Несмотря на то, большая часть архива братьев Белослюдовых хранится в библиотеке Академии наук Республики Казахстан, Семипалатинском историко-

краеведческом музее, Музее антропологии и этнографии Республики Казахстан, а также в Российской Академии наук, документы, хранящиеся в государственном архиве Восточно-Казахстанской области, имеют большое научное значение.

Алексей Николаевич Белослюдов родился 16 марта 1887 года в городе Семипалатинске в семье небогатого чиновника из сибирских казаков. Окончил 7 классов Семипалатинской мужской гимназии и был исключен из нее в 1906 году за участие в работе нелегальных кружков. [2] В это время Алексей Николаевич много занимался самообразованием и в 1908 году сдал экзамены на звание учителя начальной школе. [3]

С 1908 по 1915 год он преподавал в Весело-Ярском, Лаптево-Логовском, Змеиногорском и Быковском начальных училищах.

Деревня Быково располагалась в Бухтарминской долине. Сюда в 1913 году приехал учительствовать Алексей Николаевич Белослюдов. Он был очарован богатством природы края. Здесь особенно ярко проявился талант собирателя. За зиму 1913/14 учебного года Алексей Николаевич услышал и записал множество сказок. Особенно он любил слушать старейшего жителя деревни Федора Первова. В государственном архиве Восточно-Казахстанской области хранится тетрадь с черновыми записями сказок, стихов, записанных Алексеем Николаевичем в разных местах. [4]

С 1916 года Алексей Николаевич работал в народном хозяйстве края: статистиком сельскохозяйственной переписи, техником по борьбе с вредителями растений, инструктором уездного и губернского отделов образования, заведующим сельскохозяйственным отделом губернского Союза, заведующим историко-археологическим отделом музея.

С 1930 по 1935 годы Алексей Николаевич работает на преподавательской работе в средних специальных учебных заведениях г. Семипалатинска. Затем семья переезжает в Алма-Ату, где в октябре 1939 года он умирает от туберкулеза легких. Похоронен в Алма-Ате. [5]

На протяжении всей своей жизни Алексей Николаевич занимался краеведением. Еще, будучи гимназистом, Алексей посещал Семипалатинский музей, помогал оформлять экспозиции, разбираться в фондах. Тогда же он познакомился с известным краеведом отцом Борисом Георгиевичем Герасимовым, который приобщил его к краеведческой работе. Совместно со своими братьями в 1906 году Алексей Николаевич открыл домашний музей, который был известен в Семипалатинске как музей братьев Белослюдовых. [6] Братья Белослюдовы с большим упорством собирали коллекции. В окрестностях Семипалатинска ими было собрано большое количество археологических находок: ножей, кувшинов, наконечников стрел, украшений, старинных монет. По степени значимости экспонатов музей братьев Белослюдовых не уступал Семипалатинскому городскому музею. В нем были сформированы следующие отделы: геологии и минералогии, палеонтологии и антропологии, доисторической археологии, старинных вещей (книги, рисунки рукописи), нумизматика, этнография, картинная галерея. Особенно богаты были отделы нумизматики – более 1000 монет и доисторической археологии – свыше 600 предметов. Всего в музее насчитывалось свыше 4000 предметов. Музей пользовался большой популярностью у горожан. На первой Западно-Сибирской выставке музей братьев Белослюдовых награжден Малой серебряной медалью. В последствии часть коллекции музея была передана в Семипалатинский областной музей. В государственном архиве Восточно-Казахстанской области хранится хронологический каталог коллекций и инвентарная книга экспонатов музея братьев Белослюдовых. [7]. В письме Виктора Николаевича к Алексею Николаевичу от 8 марта 1913 года «...о. Борис о нашем музее написал в №3 «Сибирского архива». Номер этот еще не пришел, но придет на днях, и я прочту творение о. Бориса» и далее «посетители у нас бывают, многие напрашиваются еще. Уж, не завести ли книгу почетных посетителей?», далее «начал я составлять каталог». [8]

Собирание памятников материальной культуры и этнографии предполагает участие в экспедициях. Алексей Николаевич совершал неоднократно различные экспедиции. В 1909

году братья отправляются в этнографическую экспедицию в район озера Зайсан.[9] Летом 1910, 1911 годов он принимал участие в археологической экспедиции в окрестностях Усть-Каменогорска и Зайсана возглавлял, которую Каменский В.И., заведующий отделом археологии Российской Академии наук. Целью этой экспедиции было нанесение на двухверстной карте всех археологических памятников этого громадного региона, раскопки мелких курганов, эстампирование древних надписей на памятниках, обследование древних пещерных жилищ, обследование чуждских копей. Участие в экспедиции примет Четыркин и местный археолог Белослюдов.[10]

В письме Виктора Николаевича к Алексею Николаевичу от 23 мая 1911 года читаем: «Алеша! Вскоре приедет в Усть-Каменогорск Каменский – ты его, друг, хорошенько используй. Только ты в плане знаний особенно не жди от него- хорошо будет уже и то, что при нем можно будет побыть на практике, при раскопах... Кое- что из нашей коллекции он определил, кое-что нет. При разговорах с ним я увидел, что кое-что и я знаю по археологии, что и мы с тобой «не лыком шиты». Я отдал ему, Каменскому, несколько черепков посуды из ящика в амбаре...» и далее «желаю тебе полного успеха в деле изучения родины. Бывай здоров. Виктор».[11]

Летом 1912 года вместе с братом Виктором Николаевичем совершил поездку в Томск, Москву, Петербург, Харьков, где знакомился с постановкой музейного дела. В 1913-1914 годах совершал экспедиции по Усть-Каменогорскому и Зайсанскому уездам, в которых собирал зоологический, исторический и археологический и этнографический материал.[12]

В 1917 году участвовал в экспедиции на озеро Балхаш, с целью изучения прибалхашского района и рыбного хозяйства. Такие же поездки были совершены в 1921 г. в казахскую степь, в 1924 г. в Риддер, в 1925 г. в Зайсан.[13]

Дневниковые записи об этих экспедициях сохранились в нашем архиве. Они ценны для историков, так как содержат интересные сведения о жизни, быте населения того времени.

А. Н. Белослюдов увлекался собиранием фольклора. Им было записано более 200 сказок, 97 загадок, больше 100 песен. Из всех сказок, записанных А.Н. Белослюдовым, доступными для читателей оказались немногим более семидесяти. Двадцать пять сказок было опубликовано в 1915 году в десятом выпуске трудов Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, четыре – в тридцать восьмом томе «Записок Западно-Сибирского отдела РГО» в 1916 году.

В это же время в журнале «Сибирский студент» была напечатана статья Белослюдова «О киргизской поэзии», в которой автор сделал попытку познакомить русскую интеллигенцию с устной и письменной казахской поэзией, с акынами-импровизаторами, с великими сыновьями казахского народа Абаем Кунанбаевым и Ибраем Алтынсариним. Благодаря Абаю Кунанбаеву «поет в степи акын-киргиз «Письмо Татьяны к Онегину», знает Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого, Тургенева и других. Перевел на казахский язык «Евгения Онегина», много стихотворений Лермонтова и басен Крылова, сделав достоянием казахского народа лучшие произведения русской классики. «Переводы его –отмечает автор, – вместе с его собственными стихами встречаются в настоящее время во всех концах киргизской степи... Но не знаем мы, русские, ни Абая Кунанбаева, ни Ибрая Алтынсарина, ни новых поэтов киргизских». Из стихотворений Абая Кунанбаева Алексей Николаевич познакомил читателей со стихотворением «О любви» и Ибрая Алтынсарина – «Весна». Это было попыткой сделать поэтическое наследие великих казахских просветителей достоянием русского народа, за что и получил признание и благодарность передовых слоев интеллигенции. Автор отмечал, что Абай открыл богатство родного языка: до него они думали, что киргизский язык очень беден. Абай простыми словами, понятными каждому киргизу излагал основные идеи философии. В работе по сбору устной казахской поэзии Алексею помогал его брат Николай Николаевич. Они оба считали, что Абай был основоположником письменной казахской литературы.

Собранный материал публиковался в сибирских газетах «Жизнь Алтая», «Сибирская жизнь». Так в газете «Жизнь Алтая» за 1913 год опубликовано несколько публикаций под общим названием «Наброски с Бухтармы». Здесь же появлялись и публикации сказок записанных Алексеем Николаевичем. Печатался А.Н. Белослюдов под псевдонимами «Бродяга», «Семипалатинец», «А. Б.». [14]

Кроме того, сохранилась тетрадь с первоначальными записями сказок, которая так же хранится в данном фонде.

Братьям Белослюдовым – Алексею, Виктору, Николаю и Федору принадлежит большая заслуга в развитии краеведения и музейного дела на востоке Казахстана. Трое из них были учителями (Алексей, Виктор и Николай), Федор Белослюдов родился 8 февраля 1885 года в г. Семипалатинске, окончил городское училище, служил в царской армии, после службы с 1908 по 1913 был гидротехником и чертёжником в Переселенческом управлении, а после революции работал в потребительской кооперации, в сельскохозяйственных и финансовых органах. Кроме того, Федор Николаевич был прекрасным фотографом. Умер он 9 июля 1944 года. [15]

Николай Николаевич Белослюдов родился 3 декабря 1880 года. Всю жизнь находился на педагогической работе в школах Семипалатинска и Усть-Каменогорска. У него учился известный казахстанский писатель Павел Николаевич Кузнецов, вспоминая, что Николай Николаевич был одним из старейших педагогов, пришедших из старой школы в новую советскую, он активно боролся с косностью, по-отечески помогал организовывать в школе комсомольскую ячейку, пионерский форпост, руководил краеведческим и литературным кружками. Он был замечательным воспитателем, поддерживающим дружбу между школьниками, за это его особенно любили. Умер Н. Н. Белослюдов в 1943 году. [16]

Наиболее даровитыми были Алексей и Виктор Белослюдовы. Виктор Николаевич родился в 1883 году в Семипалатинске. С детства у него открылись способности к рисованию. Он часами мог сидеть с альбомом на берегу Иртыша, наблюдая за заводами, заросшими камышом, у зарослей тальников и тополей, избушки бакенщика. Так в альбоме появлялись рисунки, а затем и этюды, написанные маслом. В рисунках проглядывали ростки таланта. Учителя Семипалатинской мужской прогимназии советовали поступать в художественное училище. Мама, Варвара Васильевна и братья решили, что надо ехать в Москву. В 1899 году Виктор Белослюдов с тремя рублями в кармане поступает в Строгановское училище. Там его способности были замечены известными художниками страны – С. В. Ивановым, Н. А. Андреевым и другими. Андреев, желая поддержать Виктора материально предложил ему принять участие в увековечении рисунка В. М. Васнецова «Георгий Победоносец» для украшения входа в Третьяковскую галерею. Таким образом Георгий Победоносец был высечен по увековечению, выполненному Белослюдовым. Кроме того, Виктор Николаевич принимал участие в росписи Чудова монастыря, работал совместно с художником Сергеем Васильевичем Ивановым. По дневникам В. Н. Белослюдова, которые он вёл почти до последних дней своей жизни, можно проследить круг его интересов и образ жизни, взгляды и увлечения, участие в выставках, материальное положение. За летние работы, которые он ежегодно выдвигал на конкурсы, каждый раз удаивался похвальных листов или денежных наград. Особой похвалы были удостоены его рисунки: «Семипалатинск», «Юрта», «Казашка», «Верблюд» и другие. Часть из них хранятся в Центральной библиотеке Академии наук Казахской ССР.

«Впереди – золотая медаль, диплом художника, командировка за границу, преподавательское место в Строгановском училище... Но этот последний год был 1905 годом, – Москва. Баррикады... Выходит журнал «Жало». На обложке рисунок В. Белослюдова «Ночь после похорон Баумана». Это имело нежелательные последствия для Виктора Николаевича: он вынужден был оставить Строгановское училище. Диплом он получит по почте. В 1906 году молодой живописец возвратился в Семипалатинск. За 10 последующих лет, умер Виктор Николаевич в 1916 году в Барнауле, он сделал столько, что для простого человека хватило бы на много лет. В это же время возникает музей братьев Белослюдовых. Виктора интересует археология и история родного

края. В Семипалатинских песках им было найдено много археологических предметов. Он активно путешествует по Алтаю, собирает окаменелости, костюмы алтайской старины, пытается создать картинную галерею, собирая работы сибирских художников. В отделе музея картинная галерея было много собственных работ художника. Кроме того, он был участником многих художественных выставок и в Томске, и в Омске, Иркутске и других городах. Его работы имели положительные отзывы, считаясь украшением выставок. Виктора Николаевича интересовал казахский эпос. Им были сделаны иллюстрации к казахским сказкам. В это же время он вместе со своим другом Григорием Гуркиным написал иллюстрации к переводу поэмы польского поэта Густава Зелинского «Киргиз» в переводе Г. Гребенщикова.

К эпосу Козы Корпеш и Баян Сулу задумывалась серия рисунков, которым не суждено было исполниться смерть оборвала эту работу.

Виктор Николаевич был прекрасным учителем рисования в Высшем начальном училище г. Семипалатинска. Помогал братьям в работе Семипалатинского подотдела Русского Императорского Географического Общества. В январе 1916 года Виктор был призван в ряды царской армии по мобилизации и отправлен в г. Барнаул, где вскоре простудился и 23 марта скончался в военном госпитале от воспаления мозговых оболочек в возрасте 33 лет. Прах его был перевезен родственниками в Семипалатинск и 28 марта 1916 г. был предан земле. [17]

В настоящее время имя Виктора Николаевича Белослюдова вписано золотыми буквами в летопись края. Его работы хранятся во многих картинных галереях на постсоветском пространстве. Большая часть работ хранится в рукописном отделе библиотеки Академии наук Казахской ССР.

Документы личного фонда А. Н. Белослюдова насчитывают 223 дела за 1870-1985 годы.

Все документы описаны в хронологическом порядке.

В их состав вошли письма, описанные в следующей последовательности: письма Белослюдову от родственников, письма В. А. Селевина, затем письма Г. Д. Гребенщикова, Троицкого Д. Н., А. Сатпаева, Щеглова М. М. и многих других.

Кроме того, в фонде хранятся документы сына А. Н. Белослюдова – Бориса Алексеевича Белослюдова ученого-зоолога.

Интересны материалы, собранные Белослюдовыми, имеет два раздела: карты, картограммы, схемы.

А также научные труды разных авторов, присланные А. Н. Белослюдову. Внутри каждого подраздела соблюдена хронология.

«Изобразительные материалы» – фотодокументы имеют два подраздела. В первом даны фотографии А. Н. Белослюдова, его родственников. Вторая группа – это видовые фотографии Семипалатинска и его окрестностей, Усть-Каменогорска, Зайсана и их окрестностях. Фотографии, включенные в данный фонд, содержат большое количество редких и уникальных снимков, которые в настоящее время являются просто бесценными. Среди них фото Николая Степановича Гуляева, относящиеся к 1915 году. На ней имеется надпись, о том, что Белослюдовы покупали палеонтологические экспонаты для своего музея через Н. С. Гуляева.

К нашему большому сожалению, архив не имеет переписки Белослюдовых с Гуляевым Н. С., она хранится в фонде Гуляевых С. И. и Н. С. в Центре хранения документов Алтайского края (бывший госархив).

В заключении хочется сказать следующее: Алексей Николаевич Белослюдов и его братья Виктор, Федор, Николай внесли достойный вклад в развитие краеведения. Все они были интересными личностями и до конца своих дней, будучи учителями, передавали свои знания и опыт подрастающему поколению, прививая им любовь к истории своего края.

Литература

1. Сибирская энциклопедия. – Барнаул, 1994. – Т.1. – 408 с.
2. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.22, л.1.

3. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.24, л.1,2.
4. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.2, л.1-22.
5. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.31, л.1
6. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.11, л.1-26.
7. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.10, л.1-76.
8. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.38, л.85оборот.
9. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.1, л.1-78.
10. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.59, л.2.
11. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.38, л.13,14.
12. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.3, л.1-103.
13. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.5,7.
14. ГАВКО, ф.132, оп.1, д.4, л.1-12.
15. Черных С. Е. С берегов Иртыша. – Алма-Ата: Казахстан, 1981. – С. 122.
16. ГАВКО, ф.180, оп.1, д.315, л.10.
17. Черных С. Е. С берегов Иртыша. – Алма-Ата: Казахстан, 1981. – С. 130–140.

Т. С. Осипова
Нижний Новгород, Россия

НАСЛЕДИЕ ДОСТОЕВСКОГО В БИБЛИОТЕЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

DOSTOEVSKY'S LEGACY IN THE LIBRARY SPACE: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Аннотация. В докладе, представленном на международной конференции «Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность», рассматриваются традиции и инновационные подходы в библиотечной работе по сохранению и актуализации наследия Ф. М. Достоевского. На примере Центральной библиотеки Канавинского района г. Нижнего Новгорода автор демонстрирует эволюцию библиотечных практик: от классических форм (тематические выставки, громкие чтения, литературные часы) к современным цифровым и интерактивным проектам, включая создание мультимедийного контента, трансформацию пространства в модельную библиотеку и реализацию международных партнёрских программ.

Особое внимание уделено сетевому взаимодействию с музеями и федеральными библиотеками, использованию архивных материалов и научных изданий, а также результатам опроса читателей 2026 года, подтверждающих непреходящую актуальность творчества писателя среди разных поколений. Подчёркивается роль библиотеки как живого культурного пространства, которое через инновационные форматы, просветительскую деятельность и диалог с аудиторией обеспечивает непрерывное переосмысление классического наследия в цифровую эпоху.

Annotation. The report presented at the international conference «F. M. Dostoevsky and World Culture: Artistic Heritage and Spirituality» examines traditions and innovative approaches in library work to preserve and keep Dostoevsky's legacy relevant. Using the case of the Central Library of the Kanavinsky District of Nizhny Novgorod, the author demonstrates the evolution of library practices: from classic al forms (the maticex hibitions, public readings, literary hours) to modern digital and interactive projects, including the creation of multimedia content, the transformation of space into a modal library (a modernized library hub) and the implementation of international partner programs.

Particular attention is paid to networking with museums and federal libraries, the use of archival materials and scholarly publications, and the results of a 2026 reader survey confirming the enduring relevance of the writer's work across generations. The role of the library as a vibrant cultural space

is emphasized, which, through innovative formats, educational activities, and dialogue with the audience, ensures the continuous reinterpretation of classical heritage in the digital age.

Уважаемые коллеги, участники и гости международной конференции «ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ И ДУХОВНОСТЬ»!

Предлагаю вам поговорить о Достоевском в контексте современной библиотечной работы.

Сегодня имя Фёдора Михайловича звучит не только в академических аудиториях, но и в коммерческом пространстве: им брендированы кафе, отели, сервисы. Нас, библиотекарей, такая ситуация настораживает. Мы полностью согласны с позицией настоятеля храма св. Иоанна Богослова протоиерея Геннадия Беловолова: «Достоевский – это не просто гений, а воплощение совести русского народа. И не надо делать из совести сувенирный бренд». Задача современной библиотеки – сохранить глубину этого наследия, сделав его доступным, живым и востребованным в цифровую эпоху.

С именем Ф.М. Достоевского Центральная библиотека Канавинского района города Нижнего Новгорода живёт с 1954 года. Историческая связь писателя с нашим городом подтверждена документально: в июле 1859 года, возвращаясь из сибирской ссылки, он вместе с семьёй провёл в Нижнем ночь, искал ночлег в разгар ярмарки и в итоге нашёл «нечто вроде конуры». Эти «скитания» он описал в письме своему другу Артемию Гейбовичу. Память о визите запечатлена в названиях улиц и нашей библиотеки.

Архивные фотографии библиотеки 1981 года показывают нам как воспринимали писателя в советское время: огромный портрет в читальном зале, цитаты, написанные тушью, и девиз, ставший ориентиром для многих поколений: «Учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь сделает остальное...».

Годы изменили инструменты библиотечной работы: карточный каталог уступил место электронному, портрет сменила цифровая навигация, но многогранное творчество Достоевского осталось стержнем нашей просветительской работы и сегодня: мы отмечаем ежегодно День Достоевского 11 ноября, проводим громкие чтения, литературные часы, мастер-классы по каллиграфии, литературное лото, лекции приглашённых специалистов – и это наша устойчивая традиция.

На фоне перечисленных форматов библиотечной работы лото может показать устаревшей формой, однако для молодежи, не знавшей такого семейного развлечения, игра оказалась интересной и увлекательной. Среди вопросов лото: сколько лет было Родиону Раскольникову в начале романа и на каком этаже жила старуха-процентщица, за сколько дней был написан роман «Игрок» и сколько лет Достоевский провел на каторге.

Статус модельной библиотеки, полученный в юбилейный 2021 год в рамках нацпроекта «Культура», открыл новые горизонты. Вместо классического фойе появился Холл Достоевского: мягкие зоны, информационный экран, книжные витрины, стильная навигация и арт-объект в виде объектива фотоаппарата, направленного на книги как пространство возможностей.

Интересно, что центральную цитату для холла Достоевского выбрали сами молодые читатели: «Любопытно: чего люди больше всего боятся? Нового шага. Нового собственного слова они больше всего боятся...». Если в 80-е нас возвышал призыв к знанию, то современная молодёжь ориентирована на действие, опыт и эксперимент.

Но современный облик холла библиотеки не отменяет глубокого внимания к книжному слову. На книжных витринах представлено великое пятикнижие, но и серьёзные монографические исследования, раскрывающие философские, религиозные и психологические пласты наследия писателя. Особое место в экспозиции отведено литературным пристрастиям самого Фёдора Михайловича. В центре этой подборки – «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» - роман испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведра.

Исследователи творчества Достоевского отмечают, что писатель считал «Дон Кихота» книгой, способной ответить на главные вопросы человеческого бытия. В подготовительных

материалах к роману «Идиот» и в переписке Достоевский неоднократно называл «Дон Кихота» одним из величайших образов мировой литературы и соотносил его с идеалом «положительно прекрасного человека». В «Дневнике писателя» он писал, что эту «самую грустную из книг» человек не забудет взять с собою «на последний суд Божий».

Удивительно, но это личное убеждение писателя находит подтверждение в мировой литературной традиции: в 2002 году по инициативе Норвежского книжного клуба был проведён уникальный международный опрос – 100 писателей из 54 стран определяли лучшие произведения в истории литературы. Роман «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса получил на 50% больше голосов, чем любая другая книга, и был назван величайшим литературным творением всех времён.

Эта мысль напоминает нам, что Достоевский был прежде всего великим читателем, впитавшим мудрость предшественников и переосмыслившим её через призму собственной гениальной прозы.

Сегодня мы, переосмысливая произведения самого Достоевского, вместе с молодыми библиотекарями разработали проект «Классика в ритме: современное прочтение классической литературы через музыку и цифровые форматы», где подростки создают музыку и видеоклипы на основе произведений авторов-классиков, выступая в ролях сценаристов, операторов, режиссеров, видеомонтажеров. Именно Федор Михайлович вдохновил нас на этот проект: первый музыкальный трек мы сделали по мотивам романа «Идиот».

Надеюсь, что после просмотра видеоклипа вы согласитесь: такие форматы доказывают, что классика не устаревает, если язык подачи соответствует эпохе.

Работая с наследием Достоевского, мы опираемся на материалы федеральных библиотек, музеев, специалистов-достоеведов.

В качестве примера библиотечно-музейного партнерства хочу рассказать о взаимодействии с Литературно-мемориальным музеем Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. В рамках договора о партнерстве в 2021 году нам была предоставлена интерактивная выставка «Раскраски Достоевского» – уникальный проект, который разрушает стереотип о «мрачном» Достоевском и открывает его творчество через игру и сотворчество.

Посетители библиотеки раскрашивали иллюстрации персонажей и сцен из романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Игрок», опираясь на цитаты из оригинальных текстов, подобранные сотрудниками музея. Раскрашивая костюмы, они узнали о привычках самого Достоевского (он следил за модой, обращался к лучшим портным) и о том, как одежда характеризует героев (шляпа Раскольников, платок Сонечки, плащ Мышкина). Игровой элемент позволил взглянуть на творчество писателя свободнее, заметить ранее упущенные детали и почувствовать себя соавтором, что особенно ценно для молодой аудитории.

Выставка успешно экспонировалась в библиотеках разных регионов России и за рубежом, подтверждая свою универсальность и востребованность. И в нашей библиотеке она неизменно находит живой отклик у посетителей.

Федеральные библиотеки играют ключевую роль в сохранении и каталогизации бесценных документов, связанных с жизнью и творчеством писателя. Наиболее ярким примером является включение рабочих тетрадей Ф. М. Достоевского в Международный реестр ЮНЕСКО «Память мира» в 2023 году. Эта коллекция, представленная Российской Федерацией, хранится в двух ведущих российских библиотеках – Российской государственной библиотеке (РГБ) и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Коллекция включает 3 записные книжки и 16 рабочих тетрадей, содержащих уникальные материалы: записи о рождении писателя в церковных метриках, графические элементы, портреты персонажей и, что особенно важно, каллиграфические вставки, характерные для черновиков «Преступления и наказания», «Идиота» и «Бесов». Эта работа по консервации и каталогизации является фундаментальной, обеспечивающей долгосрочное сохранение наследия.

Второй важнейшей функцией федеральных библиотек является создание и поддержка цифровых коллекций, делающих это наследие доступным для широкой аудитории.

Президентская библиотека, к которой подключены все нижегородские библиотеки, содержит специальную цифровую коллекцию «Фёдор Достоевский (1821-1881) [Мир Достоевского]», включающую тексты произведений и материалы о жизни писателя. Эта платформа служит не только хранилищем, но и образовательным ресурсом. Здесь проводятся онлайн-мероприятия, такие как видеолекции в рамках проекта «Знание России». Эти лекции транслируются в прямом эфире на портале президентской библиотеки и ВКонтакте. Они позволяют достичь аудитории, которая физически не может посетить библиотеку. Темы лекций затрагивают глубокие философские вопросы, например, ценность человеческой жизни или семейные ценности в христианской традиции, или исследуют технические аспекты творчества, как в случае с видеолекцией Константина Барта «Преступление и наказание» по истории создания романа в рисунках и рукописях. Библиотека транслирует эти лекции для широкого круга посетителей в холле Достоевского.

Говоря о сохранении наследия Достоевского, нельзя не отметить титаническую работу историков и филологов-достоеведов. Именно на стыке архивной работы и актуальной науки рождаются издания, способные изменить наше восприятие классика.

В этом контексте особенно ценным ресурсом для библиотекарей, студентов и всех интересующихся стал рецензируемый журнал «Достоевский и мировая культура» (ИМЛИ РАН), выходящий на русском и английском языках. Он открыт для международной аудитории и регулярно публикует работы по филологии, философии, теологии и психологии, раскрывая творчество писателя в глобальном культурном контексте.

Особого внимания заслуживает недавнее исследование историка Петра Дружинина, основанное на ранее неизвестных архивных материалах. Книга прослеживает сложную посмертную судьбу наследия Достоевского в XX веке: от послереволюционной неопределённости через идеологическую критику 1930-1950-х годов до частичной реабилитации в период Оттепели. Это не академический труд, а увлекательный «источниковедческий детектив», который помогает понять, как формировался канон и почему Достоевский оставался актуальным даже в годы запретов.

Параллельно в научный и читательский оборот возвращается личный, «человеческий» Достоевский. Издание «Федор Достоевский. Письма к жене. Невидимая сторона гения» даёт уникальную возможность увидеть писателя без парадного мундира: с его страстями, сомнениями, борьбой с зависимостями и глубокой привязанностью к Анне Григорьевне. Примечания самой А. Г. Достоевской и факсимиле рукописей превращают книгу в живой документ эпохи, особенно ценный для тех, кто хочет понять психологию творчества изнутри.

Для библиотекарей эти публикации – инструмент для построения живых диалогов с читателем. Подобные исследования и новые архивные открытия подтверждают: Достоевский обращался не к конкретному историческому моменту или национальной традиции, а к «вечным» вопросам человеческой природы. Именно эта глубина психологического и философского поиска объясняет, почему его тексты находят живой отклик у читателей по всему миру, независимо от культурного кода и языка.

И не случайно имя писателя давно вышло за национальные рамки. В нашем фонде представлена постоянная выставка «Мир читает Достоевского» с изданиями на испанском, немецком, английском, греческом и итальянском языках, а также комикс японского мастера Осаму Тэдзуки по «Преступлению и наказанию». В предисловии к книге Осаму пишет: «Я очень люблю «Преступление и наказание» и в студенческие годы перечитывал его несколько десятков раз. Я хотел познакомить детей с шедеврами мировой литературы, которые произвели на меня большое впечатление». Комикс он создал в 1953 году.

В рамках международного библиотечного проекта «Россия и Армения» диалог культур» (2023 г.), объединившего нашу библиотеку с Ширакской областной библиотекой г. Гюмри

(Республика Армения), Витебскую областную библиотеку (Республика Беларусь) и Национальную библиотеку Республики Абхазии им. И. Г. Папаскирмы выстроили устойчивую модель культурного диалога: обмен видеовизитками, совместные поэтические конкурсы, встречи с писателями, меморандумы о сотрудничестве.

В юбилейный для писателя 2026 год вместе с зарубежными библиотеками-партнерами мы запустили онлайн-акцию «Достоевский на всех языках». Её суть – создание интерактивной цифровой карты, на которой читатели и библиотекари из разных стран будут размещать короткие видеочтения ключевых отрывков произведений Достоевского на родных языках. Акция подчеркнёт, что Достоевский – не только русский, но и мировой автор, чьи вопросы о свободе, совести и вере актуальны вне языковых границ.

Занимаясь творческой и проектной деятельностью, библиотекари не забывают о необходимости популяризировать творчество Достоевского, опираясь на обратную связь: проводят исследования, опросы, интервью. В 2026 году в нижегородских библиотеках был проведен опрос «Достоевский и современность». В нем приняли участие более 300 человек – представители разных возрастных и социальных категорий: школьники и студенты до 25 лет составили 45% опрошенных; люди среднего возраста, в основном служащие, – 18% и 37% – это люди старшего поколения: 60+.

Из них: 90 человек не читали произведений Ф. М. Достоевского; 146 человек изучали Ф. М. Достоевского в рамках школьной программы; 74 человека читают и перечитывают романы Ф. М. Достоевского.

В ходе опроса нам было важно услышать размышления читателей о том, насколько актуально сегодня творчество писателя, его значении для российской культуры и каждого человека. У Достоевского нашлись как почитатели, так и критики: «жестокий талант», «икона самопознания», «великий провидец» – какими только эпитетами не награждали Федора Михайловича. Из наиболее интересных отзывов: «Достоевский – человек с удивительной судьбой, автор ряда психологических романов. Очень рада, что наше телевидение снимает фильмы по его произведениям, тем самым, просвещая современников. Ведь знать творчество Достоевского должен каждый русский человек» (30 лет, учитель). «Немного о нем знаю, но исходя из того, что известно, скажу: как личность не очень нравится, неприглядная личность. Произведения интересные, перечитывать некогда. (41 год, служащий). «Достаточно много читал Достоевского. В школе не понимал, перечитывал после школы. Очень хороший психолог, очень сложный, но в то же время очень актуальный писатель. «Идиот» и «Братья Карамазовы» нравятся больше других произведений» (19 лет, студент).

Молодежи уделялось особое внимание при проведении опроса, библиотекари использовали практики убеждения и просвещения. Например, практически никто из опрошенных не знал о том факте, что многие достоеведы считают Федора Достоевского с его «Дневником писателя» практически первым русским блогером, который ежемесячно на протяжении 5 лет описывал общественную жизнь, пропуская ее через личное восприятие. Идею Достоевского-блогера мы использовали в соцсети Умная библиотека, периодически обращаясь к читателям с вопросами от Достоевского. Например, «Человек ищет не столько Бога, сколько ...» и варианты ответа: любви, спокойствия, чуда, надежду, поддержку, помощь и свой вариант. Характерно, что в данном случае мнение 90% отвечающих не совпало с писательским. Респонденты посчитали, что человек ищет в Боге надежду, а Достоевский считал, что чудо.

Общий смысловой итог опросов-общений с читателями: Достоевский чрезвычайно нужен современному рефлексизирующему человеку, стремящемуся познать все глубины души человеческой. Каждое поколение открывает своего Достоевского. Читатели будущего наверняка найдут новые грани писательского дара Федора Михайловича.

Отшумят юбилеи, изменятся форматы, но библиотека останется пространством диалога с классиком. Вспомним слова Булгакова из «Мастера и Маргариты»: «Достоевский умер», – сказала гражданка, но как-то не очень уверенно. – Протестую! – горячо воскликнул Бегемот.

– Достоевский бессмертен!». И мы не просто храним это бессмертие на полках, мы вдыхаем в него жизнь каждый день.

УДК 94(574.4:339.1:070

А. П. Пашенцев, Э. А. Пашенцева
г. Семей, Казахстан, г. Барнаул, Россия

СЕМИПАЛАТИНСК И СЕМИПАЛАТИНСКОЕ КУПЕЧЕСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

SEMPALATINSK AND THE SEMIPALATINSK MERCHANTS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN PERIODICALS

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы предпринимательской и социальной деятельности Семипалатинского купечества во второй половине XIX века, которые нашли свое отражение на страницах периодической печати. Показан вклад купечества в экономическое развитие города Семипалатинска как областного центра с 1854 года.

Annotation. The article examines the entrepreneurial and social activities of the Semipalatinsk merchants in the second half of the 19th century, which were reflected in the pages of periodicals. The article shows the contribution of the merchants to the economic development of Semipalatinsk as a regional center since 1854.

Ключевые слова: периодическая печать, семипалатинское купечество, городская Дума, торговля и предпринимательство.

Keywords: periodicals, Semipalatinsk merchants, city council, trade, and entrepreneurship.

По указу правительствующего Сената от 19 мая 1854 г. в состав Семипалатинской области вошли «казахи, кочующие во внутренней стороне сибирской линии по правую сторону реки Иртыша, включая пространство городов: Семипалатинска, Усть-Каменогорска, Бухтарминского укрепления и селений по Иртышской линии от крепости Железинской до Мало-Нарымска включительно» [1, с.85]. Также, в состав вновь образованной области входило 46 станиц, редутов и форпостов. Семипалатинск в качестве областного центра имел свой герб.

Барон А. Е. Врангель, который находился на военной службе в семипалатинском гарнизоне с 1854 по 1858 гг., впоследствии вспоминал, что «В городе была одна православная церковь, единственное каменное здание, семь мечетей, большой меновой двор, казармы, госпиталь, присутственные места» [2, с.20].

Г. Н. Потанин, был в Семипалатинске в 1882 году и оставил в своих мемуарах такие впечатления: «Семипалатинск - это своего рода Одесса на нашей среднеазиатской границе. Но надо сознаться, что это сравнение впадает в критику... он напоминает Одессу только своею ужасною песчаною пылью, которая подала повод местным жителям прозвать его «песочницей». Вместо кораблей здесь имеются вереницы верблюдов из Туркестана и Китая. Навьюченный верблюд этот корабль пустыни, представлен на гербе области, как бы указывая на торговые сношения области с мусульманским миром» [3, с.314].

Болото и соответствующая растительность покрывала значительную территорию города. После многолетней борьбы с ним оно отступило, но ещё долгое время напоминало о себе, когда в подвалах выстроенных на этом месте домов и магазинов случались целые «наводнения». Одним из первых на этой площади было заложено здание Областного Правления. Затем вокруг площади строятся здания: Уездного правления, Полицейского управления с деревянной пожарной каланчей, Казначейства, Банков, Приказный клуб.

Площадь имела многофункциональное значение: здесь сосредотачивались объекты административно-городского управления, различные гражданские ведомства. Площадь также имела характер коммерческого центра, с торговыми рядами, государственными и частными

банками (деловой центр города). Она соединялась посредством ул. Степановской со старым городским торговым центром, где наряду с новым сохранился старый базар и торговые лавки. Улицу, ведущую от Иртыша к Новой базарной площади, стали называть Ново-базарной.

В середине 1880-х годов эта площадь стала застраиваться новыми каменными торговыми рядами, в то же время был осуществлён перенос некоторых старых деревянных лавок с Бородинской площади.

Особенно примечательным в торговых рядах на этой площади был двухэтажный магазин купца Плещеева. Вот как описывает этот магазин один из покупателей посетивший магазин в 1890 году: «На большой площади – огромное здание - магазин купца Плещеева. В различных его отделениях вы найдёте всё, что угодно, начиная с мебели, посуды, бронзы, гастрономических припасов, и кончая мануфактурой и дамскими нарядами. Если спрашиваемого товара, какой бы ценности он не был, не окажется, его тотчас, по желанию вашему, выпишут из любого города в Европейской России. Цены крайне умеренные, товар прекрасного качества, приказчики предупредительны и аккуратны в выполнении заказов.» [4, с.28]. Благодаря «Адрес-календарям» Семипалатинской области у нас имеется реклама оптово-розничной торговли потомственного почетного гражданина Семипалатинска Семёна Федоровича Плещеева «мануфактурными и колониально-бакалейными товарами», в число которых входили чаи байховые, кирпичные и плиточные, оптом и в розницу, что свидетельствует о востребованности этого товара из Синьцзяня. Также в рекламе магазина упоминаются такие продукты как мука, крупы, сахар, соль, перец, а также керосин, лампы, гвозди, скобяной товар и т. д. [5].

Также реклама в виде объявлений и различных вывесок информировала население об ассортименте и ценах семипалатинской рыночной торговли. Перемещение базаров, так же способствовало росту города. Особенно заметное влияние перемещение базаров оказало на рост татарской части города, которая в своём развитии следовала за этим перемещением.

Место для нового базара во второй половине XIX века было отведено в квартале окаймлённым улицами: Степная, Колыванская, Хлебная, Мещанская. После планировки отведённой площади началось строительство торговых рядов и лавок. В результате на этой площади разместились: Зелёный рынок (в центре), справа – мясной ряд (бревёнчатый барак с высоким прилавком и отдельными мясными лавками). С левой стороны базара стояла кирпичная керосиновая лавка Пигарева, а в глубине по левому краю базара, стоял ряд лавок, где вели торговлю продовольственными товарами татары, евреи, сарты.

С другой стороны рынка продавались на возке колотые дрова, сучья, сено, солома, картофель, капуста и овощи. Справа от базара был кузнечный ряд – каменные кузницы со стойлами для ковки лошадей и станками для обтяжки колёс. Благодаря рекламным объявлениям об ассортименте различных продуктов и товаров и ценах на них мы имеем представление о жизненном уровне населения Семипалатинска. Судя по рекламным объявлениям, можно было купить мясо и мясопродукты по следующим ценам с учетом средней ежемесячной заработной платы работников в 10-15 рублей: 1 сорт: Вырезка /рыбка/ – 15 коп фунт.

- Зад и грудинка ребровая – 6 коп.
- 2 сорт: Перед – 5 коп.
- 3 сорт: Лытка и шейка – 3 ½ коп.
- Голова – 30 коп. штука.
- Осердие – 15 коп. штука.
- Язык: малый – 15 коп., большой – 20 коп. штука.
- Ноги: от мелкой скотины – 15 коп. штука.
- от крупной – 20 коп.
- Мясо баранье:
- 1 сорт: Задняя часть – 6 коп. фунт.
- 2 сорт: Передняя – 5 коп.

- Голова – 10 коп штука.
- Осердие – 5 коп. штука. [6]

Судя по опубликованным в печати «Обзорам Семипалатинской области» отдельная часть городского населения занималась земледелием в Бельгагачской степи. Они преимущественно возделывали такие зерновые культуры как пшеница и рожь. При этом постепенно складывается местная промышленность, о которой А. Янушкевич в начале 1860-х годов писал, что «промышленность города складывается всего лишь из нескольких кожевенных заводов и мельниц» [7,с.96].

Различные рекламные объявления свидетельствуют о том, что в торговом доме Ф. Плещеева в конце 19 века реализовывалась как российская продукция, так и товары из Средней Азии и Китая. Значительным спросом у населения пользовались хлопчато-бумажные, шелковые и шерстяные ткани, кожаная мужская и женская обувь, мужские и женские головные уборы, а также различного объема самовары, чайная и столовая посуда, предметы быта [8,с.46]. Ф. Плещеев построил винокуренный завод на ключе Безымянном в районе существующего ныне кожкомбината. Также здесь же им был построен пивоваренный завод, помещения для рабочих и служащих. В газете «Семипалатинские областные ведомости» была реклама различных видов вино-водочной продукции и пива, в которой, прежде всего, обращалось внимание на качество исходного сырья и очистки этой алкогольной продукции. Обращает на себя внимание информация о реализации вина, водки и пива для населения не только в стеклянной бутылочной таре, но и ведрами. В частности, ведро водки стоило 1 рубль 50 копеек, а ведро пива 1 рубль [9].

В 1882 году Семипалатинская городская дума приняла решение о строительстве зданий для размещения в них торговых отделов и лавок, а также метизно – фурнитурного завода. К строительству привлекалось на выгодных коммерческих условиях семипалатинское купечество. В утвержденном списке Федор Плещеев стоял первым:

Плещеев Федор	2 лавки
Самсонов Сидор	1
Афонин Максим	2
Мамонтова Любовь	1
Рафиков Садык	3
Сулейманов Ахметжан	1
Сейфуллин Халил	1
Усманов Халил	1
Абдулвахитов Абдул-сатар	1
Шарипов Искак	1
Хамитов Валий	1
Абдышев Ибрагим	1
Баязитов Мухамед	1
Всего	20

Из публикаций газеты «Семипалатинские областные ведомости» становится известным как Ф. Плещеев, наряду с другими купцами, вкладывал значительные финансовые средства в увеличение торговых площадей, тем более что 1 мая 1888 года, Семипалатинская дума приняла решение о строительстве магазинов и лавок на Новобазарной площади [10]. В числе обладателей такого права был и Федор Плещеев:

1. Попов,
2. Плещеев.

3. Никитин,
 4. Афонин,
 5. Алексеев,
 6. Ахметжанов,
 7. Шипилов Михаил,
 8. Сейфулин.
 9. Ременников,
 10. Неведимов,
 11. Мерзлов,
 12. Березницкий.
- [8,с. 23].

В газете «Семипалатинские областные ведомости» публиковались статьи рекламного характера о вкладе Плещеева в благоустройство Семипалатинска: «В центре города: собор, гимназии, банк, здание штаба, казармы и вообще все 11 присутственные места. Несколько мощённых улиц, много каменных домов, большое здание гостиного двора с разнообразными магазинами, довольно порядочная гостиница. Лучший в городе дом купца Плещеева и рядом выстроенная им же на собственные средства изящная часовня. Неподалеку от города – прекрасная дача г. Плещеева с тенистыми аллеями, оранжереей, фруктовыми деревьями. Это единственная оранжерея, единственный фруктовый сад...» [11].

Также в печати привлекает внимание использование семьей Плещеевых новейших на то время технических устройств в быту. Наглядным примером этому служит приобретение велосипеда, который в конце XIX века только стал появляться в Семипалатинске и к 1896 году, в числе первых, он был приобретен семьей Плещеевых. Благодаря «Адрес-календарю Семипалатинской области» опубликованном в 1897 году дается подробная реклама велосипедов, которые впервые поступили в продажу в городе по цене 37 рублей, мы знаем первых покупателей этого вида транспорта:

1. Мещанин Збитнев
2. Отставной штабс-капитан Кузнецов
3. Подпоручик местного батальона Казакевич
4. Начальник штаба полка Первин
5. Купец Ступин
6. Купеческий сын Каримов
7. Мещанин Сарыбаев
8. Купеческие сыновья Матягины
9. Купец Муллагиев
10. Купец Плещеев
11. Отставной чиновник Рябцев

(У всех перечисленных в списке было по одному велосипеду, кроме сыновей Матягиных – у них 2) [8, с.235].

В 1902 году П. Плещеев выдвигал свою кандидатуру на должность городского головы. Однако при перевыборах был избран Алексей Васильевич Москвин. Таким образом, первый опыт П. Плещеева «вхождения в городскую власть» оказался неудачным. Пришлось срочно избавляться от имеющихся питейных домов и переписывать их на других лиц.

На рубеже XIX-начала XX вв. братья Плещеевы прочно вошли в число самых могущественных лиц, первогильдийных купцов. Об этом свидетельствуют, в частности, рекламные объявления в «Адрес-календаре Семипалатинской области». [12]

Одновременно Прокопий Плещеев был представителем «Русского страхового общества» в городе и области, реклама которого периодически публиковалась на страницах газеты «Семипалатинские областные ведомости», прежде всего, для страхования движимого и недви-

жимого имущества физических и юридических лиц, занимающихся торгово-промышленной деятельностью.

Когда постоянный компаньон Прокопия Плещеева – Алексей Васильевич Москвин оказался неплатежеспособным и началась распродажа его имущества «на удовлетворение долга 4 тыс. руб.– Богородско-Глуховской компании». Торги проходили в его доме по Ново- Базарной улице, в г. Семипалатинске о чем сообщалось в газете «Семипалатинские областные ведомости» [13].

Еще в конце XIX века Прокопий Плещеев пытался стать городским Головой, но у него не получилось. В начале XX года состоялось повторное «вхождение во власть» потомственного почетного гражданина Прокопия Плещеева, которое и увенчалось успехом. В 1906 г. Прокопий Плещеев был избран Городским Головой, где прослужил до февральской революции 1917 г. В газете «Семипалатинские областные ведомости» есть публикации о его поездках по делам службы и по своим коммерческим делам в Петербург, что помогало ему оперативно и положительно решать вопросы, связанные с городскими проблемами, например для получения ссуды на строительство здания женской гимназии, он встречался с председателем Совета Министров России Столыпиным. Взаимоотношения с органами государственной власти давали возможность Плещееву заниматься предпринимательской деятельностью несмотря на возражения семипалатинской общественности. Документы Семипалатинской городской думы свидетельствуют о том, как «...В марте месяце с.г. купец Плещеев, не испросив ещё разрешения, приступил к устройству на арендуемом участке земли винокуренного завода, вследствие чего Семипалатинский станичный сход, горожане г. Семипалатинска и Семипалатинский Уездный Начальник, в виду того вреда, который приносит населению и без того существующий близ Семипалатинска, в 26 верстах, винокуренный завод купца Щербакова, при сильном возвышении цен на жизненные продукты, а также увеличивающегося пьянства, от чего народ находится в крайней бедности, просили Семипалатинское Областное Управление домогательство Плещеева об устройстве винокуренного завода отклонить.

Областное же Правление, не входя в ближайшее рассмотрение доводов о нуждах и пользе населения и о вреде появления другого винокуренного завода около Семипалатинска, признало напротив полезным разрешить Плещееву устроить завод, а жителям города в законной их просьбе отказать, несмотря на то, что в Сибири устройство подобных заводов зависит от разрешения Генерал-Губернатора» [8, с. 69].

Главной причиной их ходатайства о запрещении строительства завода они посчитали повышение цен на дрова и муку. В газете «Семипалатинские областные ведомости» публиковались рекламные объявления о продаже и ценах на различную муку и дрова, на основе которых можно составить следующий расчет. За пять лет с 1877 по 1882 гг. цена за пуд пшеничной муки возросла с 35 копеек до 1 рубля 35 копеек, а сажень дров с 2 рублей 10 копеек, до 2 рублей 70 копеек.[8, с.73]

Канцелярия Степного губернатора, изучив различные документы и публикации, представила 27 декабря доклад Степному Губернатору:

«...В виду того, что, во-первых, согласно Высочайшего соизволения, по которому участок земли на ключе Безьямянном отведён г. Попову с тем, чтобы пользоваться всеми угодьями и заводить по усмотрению его строения и заведения, какие представляются нужными, каковое право по контракту заключённому Семипалатинским Областным Правлением с купцом Плещеевым перешло и к последнему и во-вторых, что Военный Губернатор Семипалатинской Области, со своей стороны, не нашёл препятствий к устройству винокуренного завода, к постройке коего уже давно приступлено и здание скоро будет окончено, Канцелярия Вашего Высокопревосходительства полагала бы: прошение доверенных от жителей Семипалатинского станичного схода оставить без последствий». [8, с.73]

Пока шло разбирательство Плещеевский винокуренный завод был построен и приступил к выпуску продукции. Впоследствии он стал называться Знаменским винокуренным спиртоочистительным заводом «Плещеев и К».

С 1886 года при складе плещеевского завода был открыт водочный завод, на котором работало 12 рабочих. Почти в это же время здесь был построен и пивоваренный завод, который впоследствии был взят городом в аренду, а с 11 июля 1906 года был принят в его собственность.

Винокуренный завод П. Плещеева стал быстро набирать обороты. Выгодное расположение завода, правильный подбор кадров, удешевление продукции – все это привело к банкротству завода Щербакова, вследствие чего он в 1886 году остановился и более не заработал. Судя по рекламным объявлениям о торгах имущества 1 июля 1887 года, ввиду отказа Щербакова, он был снова выставлен на аренду: «Сроком на 12 лет, со всеми войсковыми зданиями, состоящими при заводах и с выгонною и луговою местностью при оном, в количестве 144 десятины [14]. Но желающих больше не нашлось и Каштакский завод был оставлен на постепенное разрушение и умирание.

Как подчеркивают «Семипалатинские областные ведомости» к 1894 году винокуренный завод Т. Д. «Плещеев и К», при 150 рабочих, выработал 60 тыс. ведер 40 % спирта и по объему производимой продукции стал самым крупным по всему Казахстану и Средней Азии. На основе рекламных объявлений в периодической печати можно сделать вывод о масштабе выпуска алкогольной продукции в Семипалатинске [8, с.78]:

Хозяин	Местность	К-во ведер спирта	Рабочих
Т.Д. «Плещеев и К»	Семипалатинск	60000	150
Иванов И.И.	Верный	16000	20
Пугасов Н.Я.	Верный	14000	30
Абрамов А.	Самарканд	8100	60
Иванов Н.И.	Лепсинск	8000	10
Филатов Д.Л.	Самарканд	6400	16
Левнев М.	Самарканд	5200	45
Дыльниц Е.Д.	Самарканд, уезд	4000	25
Первушин Н.И.	Ташкент	3300	25
Иванов Н.И.	Наманган	3300	50
Области	К-во заводов	Производство /вед./	
Семипалатинская	1	60000	
Семиреченская	3	38000	
Самаркандская	5	25900	
Сыр-Дарьинская	1	3300	
Ферганская	1	3300	

Наладив производство винокуренной продукции, Федор Петрович стал бороться за увеличение рынков сбыта. В первую очередь надо было захватить местные пункты продажи. 5 декабря 1889 года он обращается с заявлением в городскую управу: «имея вблизи г. Семипалатинска винокуренный завод, я желаю, в будущем 1890 году открыть в г. Семипалатинске три питейных заведения и один ренсковый погреб...» [8, с.84].

В этом ходатайстве его поддержал старший сын Семен Федорович, который 8 декабря этого же года обратился с аналогичным заявлением: «желая в будущем 1890 г. производить торговлю вином, питьями, русскими и иностранными виноградными винами, имею честь покорнейше просить Городскую Управу, выдать мне разрешение на право открытия трех питейных заведений и одного ренскового погреба» [8, с.85].

И купцы добиваются своего, разрешение получают, правда не в полном объеме, а ренсковые погребки открыли - один в собственном доме Ф. Плещеева по Казначейской улице, а другой в каменном флигеле его компаньона А. Москвина. Таким образом из трех разрешенных к открытию ренсковых погребов два получил Т. Д. «Плещеев и К».

В 1898 году семейство Плещеевых полностью овладело продажей крепких напитков в городе, из 4-х разрешенных к открытию трактирных заведений – все принадлежали им.

Разрешение было получено 7 октября с условием – «с воспрещением открывать таковые в татарской части города, в упразднённой крепости, в первых кварталах, окаймляющие тарные площади, на Береговой и Больше-Владимирской улицах и в кварталах прилегающих к Колыванской улице...» [15]. К этому времени винокуренный завод перешел в ведение младшего сына Плещеева - Прокопия Федоровича, который оказался с купеческой хваткой и в декабре этого же года он добился через городскую думу разрешения на «открытие питейных и трактирных заведений во 2-ой части города и в кварталах, прилегающих к Колыванской улице» [16].

Газета «Семипалатинские областные ведомости» сообщает, что в ночь с 17 на 18 июня 1899 года завод постигло большое несчастье – случился пожар: «который начался в 9 часу вечера 17 июня и кончился в 3-м часу утра 18 июня. Причиной пожара, как полагают, были искры от топившегося паровика. Здание завода было деревянное и старое. Все машины, аппараты и проч. совершенно испорчено. Сгорело 21 330 градусов спирта, 6 полных винных и 4 дрожжевых затора и около 30 саж. дров. Из заводских зданий/контора, дом управляющего, дача г. Плещеева и проч. ни одно не пострадало. Убытки определяются в 30 тыс. руб. Завод застрахован на 14 тыс. руб.» [17]. Потушив пожар и посчитав убытки, Т. Д. «Плещеев и К» сразу же приступил к строительству нового, теперь уже каменного здания для него, а 12 октября строительство уже было завершено и произведено его освящение [18].

Таким образом, материалы периодической печати достаточно объективно показывают предпринимательскую деятельность и социальную роль семипалатинского купечества в экономическом развитии и обустройстве Семипалатинска во второй половине XIX века.

Литература

1. Абрамов, Н. А. Областной город Семипалатинск. // Записки Русского географического общества. – СПб., 1861.-174 с.
2. Врангель, Д. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. – СПб., 1912. -221 с.
3. Потанин, Г.Н. Семипалатинск и другие города Семипалатинской области. – СПб., 1884. –352 с.
4. Коншин, Н. Я. Краткий исторический очерк Семипалатинского края (до 1917 г.) – Семипалатинск.1927. – 91 с.
5. Адрес – календарь Семипалатинской области за 1897 г. Семипалатинск, 1897.
6. Аполлова, Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI-первой половине XIX в.в. – Москва: Изд-во Наука,1976 г. – 369 с.
7. Янушкевич, А.М. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. – Алма-Ата: Казахстан, 1966. – 268 с.
8. Кашляк, В. Н. Семипалатинские купечество: Плещеевы. –Семей,2013. – 286 с.
9. Семипалатинские областные ведомости. 1899, 19 апреля.
10. Семипалатинские областные ведомости.1888, 31 мая.
11. Семипалатинские областные ведомости.1894, 14 мая.
12. Адрес- календарь Семипалатинской области на 1904 г. –Семипалатинск. 1904. – 96 с.
13. Семипалатинский листок . 1905.2 декабря.
14. Семипалатинские областные ведомости. 1887.20 июня.
15. Семипалатинские областные ведомости. 1898.28 октября.
16. Семипалатинские областные ведомости. 1899.14 ноября.
17. Семипалатинские областные ведомости. 1899.23 июня.
18. Семипалатинские областные ведомости. 1899.30 октября.

О. Н. Сахник
Москва, Россия

**НЕСЛУЧАЙНЫЙ МУЗЕЙ С ОКНАМИ НА БОЖЕДОМКУ.
К ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО МУЗЕЯ ДОСТОЕВСКОГО**
**NONRANDOM MUSEUM WITH THE WINDOWS LOOKING
ON TO BOSZHEDOMKA. TO THE HISTORY
OF THE DOSTOEVSKY'S MUSEUM IN MOSCOW**

Памяти Галины Борисовны Пономарёвой
In memory of Galina Borisovna Ponomareva

Аннотация. В статье речь идет об истории Московского музея Ф. М. Достоевского. Феномен Музея Достоевского в Москве, первого посвященного писателю музея, раскрывается в контексте творчества Достоевского, отечественной культуры, истории музейного дела и современных музейных тенденций.

В качестве исследовательской задачи была сделана попытка проанализировать и обобщить материалы о роли и значении московского музея Ф. М. Достоевского, как первого музея памяти писателя.

Статья рекомендована для студентов, музейных специалистов, научных сотрудников, исследователей творчества Ф. М. Достоевского.

Annotation. The article refers to the history of the Dostoevsky's museum in Moscow. The phenomenon of first museum devoted to the writer reveals in Dostoevsky's creativity, national culture context as well as in the history of museum affairs and modern museum trends.

As a research task the author has attempted to analyze and summarize the proceeding about the role, significance and sense of the Dostoevsky's museum in Moscow as the first one to the memory of the writer.

The article is recommended for students, museum researchers, museum experts, researchers of the Dostoevsky's creativity.

Ключевые слова: писатель, Достоевский, Москва, мемориальная квартира, Мариинская больница для бедных, Божедомка, музей, христианство, почва, экспонат, произведения.

Key words: writer, Dostoevsky, Moscow, the Mariinsky hospital for the poor, Boszhedomka, museum, christianity, the memorial apartment, exhibit, ground, works.

11 ноября 2028 года, в день рождения писателя, Московский музей Достоевского будет отмечать свое 100-летие. Музей открыл двери для посетителей в 1928 году в мемориальной квартире на Новой Божедомке, во флигеле Мариинской больницы для бедных, и с тех пор не прекращал свою работу.

Москва лежит в основе личности Достоевского, здесь он родился и провел детские годы. Мир ребенка для писателя – особый мир: «...нет ничего выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома» – говорит Алеша в романе «Братья Карамазовы». В Москве, в родительском доме, он начал познавать мир – сложный, драматичный, волнующий. На московской окраине, на бывших пустырях, где стояла бесплатная больница для бедных, куда стекалась московская голытьба, где врачом служил отец. Впечатлительная душа ребёнка с глубокой отзывчивостью восприняла суровую сторону повседневности, которой жил мир больницы. Немощи, нужда, угнетенность, смерть – были постоянно на виду, заставляли задумываться о вечных вопросах. Глядя на них, возникал ранний опыт сострадания, милосердия, страданий (они, скажет Достоевский, – «школа христианства»). Не случайно свой первый роман писатель назвал «Бедные люди».

Москва – город, в котором Достоевский мечтал поселиться после каторги и ссылки, где похоронены его мать и первая жена, и где он сам хотел обрести вечный покой. В Москве были

впервые изданы его главные романы на страницах московского журнала «Русский вестник», здесь же была произнесена знаменитая речь о Пушкине, которая стала духовным завещанием писателя.

«Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего одним или несколькими сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно» – записывает Достоевский в черновых вариантах романа «Подросток». Москва щедро подарила писателю сильные впечатления. Здесь и разнообразная народная жизнь в самом богатом ее проявлении от богомольности до кабацкого безобразия. И исторические предания пополам с послепожарными постройками. Театральные представления от балаганного Петрушки до «Гамлета» Шекспира и «Разбойников» Шиллера. Близкие Достоевского – «сословный перекресток»: и богатейшие родственники – купцы Куманины, и двоюродный дед – профессор Московского университета Василий Михайлович Котельницкий. Любимый учитель словесности братьев Достоевских в пансионе Чермака Билевич – соученик Гоголя по Нежинской гимназии. Дальний родственник – художник Попов, создавший прекрасные портреты родителей. Дядя Михаил Фёдорович Нечаев – виртуоз игры на гитаре. Москва дала писателю ощущение полноты и красоты жизни. Здесь была та национальная народная почва, о которой спустя годы Достоевский будет писать, как о единственной основе русской цивилизации [1, с. 9].

Во время жизни в Москве будущий писатель накопил богатый материал, который позднее лег в основу многих его произведений. Прототипами ряда героев Достоевского были москвичи – родные, друзья, просто знакомые или выдающиеся люди своего времени. Все это позволило И.Л. Волгину назвать Достоевского «московским писателем». Возможность такого определения объясняется своеобразием метода Достоевского – синтезе личных переживаний с глубоко осмысленными, пропущенными через собственное мироощущение фактами действительности. Московские события в жизни героев приходится разыскивать и угадывать, они известны по слухам, сплетням, личным воспоминаниям, письмам, рассказам очевидцев, то есть носят характер «внесценический», но в судьбах героев нередко играют определяющую роль.

Биографы Достоевского для описания детских лет писателя используют письма и воспоминания семьи Достоевского, его родителей и брата Андрея Михайловича. Сохранилось описание квартиры, сделанное А. М. Достоевским в его «Воспоминаниях»: *«При входе из холодных сеней, как обыкновенно бывает, помещалась передняя в одно окно (на чистый двор). В задней части этой довольно глубокой передней отделялось помощью дощатой столярной перегородки, не доходящей до потолка, полутемное помещение для детской. Далее следовал зал – довольно поместительная комната с двух окнами на улицу и трех на чистый двор. Потом гостиная в два окна на улицу, от которой тоже столярною дощатою перегородкою отделялось полусветлое помещение для спальни родителей. Вот и вся квартира! Впоследствии, уже в 30-х годах, когда семейство родителей еще увеличилось, была прибавлена к этой квартире еще одна комната с тремя окнами на задний двор, так что образовался и другой черный выход из квартиры, которого прежде не было. Кухня, довольно большая, была распложена особо, через холодные, чистые сени; в ней помещалась громадная русская печь и были устроены полати; что же касается до кухонного очага с плитой, то об нем и помину не было. <...> В холодных, чистых сенях, частью под парадною лестницею, была расположена большая кладовая. Вот все помещение и удобства нашей квартиры. Обстановка квартиры тоже была очень скромная: передняя с детской были окрашены темно-перловою клеевою краскою; зал – желто-канареечным цветом, а гостиная со спальней темно-кобальтовым цветом. Обоев бумажных тогда еще в употреблении не было. Три голландские печи были громадных размеров и сложены из так называемого ленточного изразца (с синими каемками). Обмеблировка была тоже очень простая. В зале стояли два ломберных стола (между окнами), хотя в карты у*

нас в доме никогда не игрывали. Помню, что такое беззаконие у нас случилось на моей памяти раза два, в дни именин моего отца. Далее помещались обеденный стол на середине залы и дюжины полторы стульев березового дерева под светлую политурую и с мягкими подушками из зеленого сафьяна (клеенки для обивки мебели тогда еще не было. Обивали же мебель или сафьяном или волосяною материею). В гостиной помещался диван, несколько кресел, туалет маменьки, шифоньер и книжный шкаф. В спальне же размещались кровати родителей, рукомойник и два громадных сундука с гардеробом маменьки. Я сказал, что стулья и кресла были с мягкими подушками, но это вовсе не значит, что они были с пружинами, совсем нет – тогда пружин еще не знали. Подушки же у стульев, кресел и диванов набивались просто чистым волосом, от чего при долгом употреблении на мебели этой образовывались впадины. Стулья и кресла, по тогдашней моде, были громадных размеров, так что ежели сдвинуть два кресла, то на них легко может улечься взрослый человек. Что же касается никоим образом нельзя было облокотиться на спинку, а надо было всегда сидеть как с проглоченным аришином. Гардин на окнах и портьер на дверях, конечно, не было; на окнах же были прилажены простые белые коленкоровые шторы без всяких украшений. Ясное дело, что при такой небольшой квартире не все члены семейства имели удобное помещение. В полутемной детской, которая расположена была позади передней, помещались только старшие братья. Сестра Варя спала ночью в гостиной на диване. Что же касается до меня, а позднее до сестры Верочки, то мы, как младенцы, спали в люльках в спальне родителей. Няня же и кормилицы спали в темной комнатке, имевшейся при спальне родителей» [2, с. 24-26].

В другом месте «Воспоминаний» А. М. Достоевский упоминает, что в «детской» во время трапез вместе с няньками ели маленькие дети, которые еще не умели самостоятельно держать столовые приборы и потому не допускались за общий стол. К своему рассказу о квартире детства А. М. Достоевский приложил план, на котором указано расположение комнат и мебели. Копия плана, сделанная А. А. Достоевским в 1929 году, находится в фондах Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля. Из архивных документов известно, что пол в квартире был из сосновых досок, выкрашенных масляной краской «желтоватого» цвета. Люстр и ламп не было, в темное время суток квартира освещалась свечами.

Память о родительской квартире отразилась в описании интерьера квартиры старухи-процентщицы в романе «Преступление и наказание»: «Молодой человек переступил через порог в темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которою была крошечная кухня. <...> Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах... Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень и полы были оттерты под лоск; все блестело. ...с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал. Вся квартира состояла из этих двух комнат» [3, с. 6-8]; в описании квартиры Иволгиных в романе «Идиот»; в повести «Кроткая» упоминаются два ломберных стола.

В комнате за грубой деревянной перегородкой, отделявшей от прихожей детскую, Федор жил с братом Михаилом – кажется, в таком же «пороговом пространстве», в каком его герои всегда живут в преддверии, предчувствии чего-то. Здесь братья переживали – всегда горячо и серьезно – книжные впечатления, много спорили, но на общем кумире Пушкине мирились.

Желто-канареечной окраски столовая или рабочая зала – комната людей «небогатых и трудящихся», как вспоминал Федор Михайлович о своих родителях; она имела не одно назначение, приспособленная к различным жизненным обстоятельствам. Окна комнаты выходят на больничный двор, где выстраивались когда-то очереди больных и на бывшую Божедомку, что была на пути больных арестантов из ближней – Бутырской тюрьмы в мос-

ковские госпитали и больницы. В столовой однажды произошло событие, запавшее в память Федора Михайловича. Слуга Григорий (он узнаваем в «Братьях Карамазовых»), пройдя пешком 150 верст из Дарового, недавно купленной Достоевским деревеньки, до Москвы, принес известие: «Вотчина сгорела-с!». Няня Алёна Фроловна, предложившая тогда господам накопленное на старость жалованье, явила собой живое и сердечное «знание Христа». И здесь же, в рабочей зале, возможно, юный Достоевский был впервые поражен книгой, упомянутой в «Братьях Карамазовых», «Сто четыре священные истории, выбранные из Ветхаго и Новаго Завета, в пользу юношества, Иоанномъ Гибнеромъ». В этой книге особенно значима для него была библейская история Иова, которую он перечитывал незадолго до работы над «Братьями Карамазовыми», переживая «болезненный восторг».

Кобальтовая гостиная с ее ампирной, красного дерева, скромных образцов мебелью, сохранившейся до нашего времени, выдает стремления хозяев к достоинству и благообразию. Но и эта комната изменяла своему прямому назначению: она чаще служила рабочим кабинетом отцу, сидевшему порой допоздна за преддиванным столом и вписывавшему при свете сальной свечи рецепты в «скорбные листы». Больничное окружение создало особую этическую среду, атмосферу жизни Федора – «священное служение страждущему человечеству». Достоевский был и остался навсегда сыном врача.

В гостиной во время семейных чтений были прочитаны и проза Пушкина, и романы Загоскина, и «Бог» Державина, и романтический очерк «Сикстинская Мадонна» Жуковского, и многое другое.

Неповторимая атмосфера первопрестольной входила в эту мрачноватую казенную квартиру, и, живя на окраине, Федор не ощущал себя в отрыве от Москвы. Ее народная жизнь – жизнь воцерковленная. И вспоминалась Москва его детства Кремлем, московскими соборами; с детства любимы были церковь Успения на Покровке, Успенский собор – его основателя, святителя Петра, Достоевский особо упоминает в «Петербургской летописи». Иверская, Владимирская иконы Божией Матери, так связанные с защитительной, объединительной миссией Москвы, – они были особо почитаемы москвичами и в благочестивом семействе Достоевских («Я происходил из семейства русского и благочестивого»). Русское благочестие этого дома выразилось в раннем знании Евангелия, «Истории» Карамзина, в паломнических поездках в Троице-Сергиеву лавру. Памятная навсегда жизнь родительского дома на Божедомке заложила основы веры Достоевского – ей предстояло пройти через испытания, «горнило сомнений» к Богопостижению, всегда новому обретению Христа, идеалу в Нем. Все это Достоевский противопоставит в 1870-е годы усиливающимся нигилизму, «общечеловеческим идеям», делающимся общественной религией.

Достоевский покинет квартиру детства в пятнадцать лет в мае 1837 года. Москва и Божедомка оставались с ним и в Петербурге, и в сибирской каторге его «далекой родиной», его alma mater. «Вступление на поприще» – таково одно из предполагаемых названий будущего романа «Подросток». В московские годы и произошло его вступление на поприще, если иметь в виду дело жизни.

Менее чем через столетие квартира Достоевских на Божедомке была увековечена. Идея создания первого музея вынашивалась, когда еще ощущалась живая, не прерванная связь времен, связь с Достоевским. История увековечения его памяти начата трудами вдовы А. Г. Достоевской. В течение нескольких десятилетий, вплоть до своей смерти в 1918 году, Анна Григорьевна делала все возможное для сохранения памяти о Достоевском. Такой обет она дала себе в день похорон писателя. Через много лет она сделала признание: *«Я живу не в двадцатом веке, я осталась в 70-х годах девятнадцатого. Мои люди – это друзья Федора Михайловича, мое общество – это круг людей, близких Достоевскому. С ними я живу. Каждый, кто работает над изучением жизни или произведений Достоевского, кажется мне родным человеком»* [4, с. 10].

Труд ее самой был обширен и многообразен. Помимо издания собрания сочинений Достоевского, расшифровки своего «Дневника», она собирала коллекцию, закладывая основу будущего музея. А.Г. Достоевской, собравшей первоначально свыше тысячи предметов, связанных с ее мужем (эту работу она начала еще при его жизни), дирекция Императорского Исторического музея в Москве предложила поместить коллекцию в одну из башен здания. Так было положено основание Музею памяти Федора Михайловича Достоевского при Историческом музее в Москве. Анна Григорьевна вела переписку с директором Исторического музея профессором И.Е. Забелиным, с главным библиотекарем И.А. Станкевичем, из Петербурга в Москву на адрес музея шли бесценные посылки.

В Музее памяти Ф.М. Достоевского Анна Григорьевна сохраняла все ею найденное и собранное. В итоге ее коллекция насчитывала около 5 тысяч различных материалов, из них почти половина музейных экспонатов. Эти материалы Анна Григорьевна отразила в своем «Библиографическом указателе», включавшем 4332 наименования на 1906 год, но коллекция продолжала расти и пополняться [5, с. 9-25]. Этот труд находил понимание и отклик у русской общественности, тем более что первые же десятилетия после смерти писателя ознаменовались фундаментальным философским и критическим освещением его наследия.

Учрежденный вдовой писателя музей, как его тогда называли, «меморативный», не слитый с заповедным местом, не был мемориальным в том очевидном смысле, как будущий музей на Божедомке. Кроме того, весьма условно было его обозначение как «музея», он не был предназначен для широкого обозрения, а являлся «ученым хранилищем, а не экспозицией для рядового музейного посетителя» [6, с. 88].

Неослабевающий интерес к творчеству Достоевского сохранялся и в первые после-революционные годы. Выходят в свет произведения писателя, их выбор и тираж продиктованы требованиями и условиями времени. Вновь тогда оживают в печати в переизданных статьях выступления М. Горького; А. Блок привлекает наследие Достоевского к разработке острой болезненной темы: народ-интеллигенция – революция; выходит книга Вяч. Иванова «Родное и Вселенское. Памяти Федора Михайловича Достоевского». Различие точек зрения, подходов, оценок, вызванных идеями и образами великого писателя, окружает острой дискусионностью его имя.

Однако в декрете о монументальной пропаганде Ф.М. Достоевский указан на втором месте после Л.Н. Толстого в графе писателей и поэтов, которых предполагалось увековечить (Постановление Совнаркома от 30 июля 1918 года). Памятник работы С.Д. Меркурова, находившийся в мастерской скульптора уже несколько лет, был установлен в 1918 году на Цветном бульваре, в 1930-е годы перенесен к месту рождения и детства писателя.

В юбилейный 1921 год вышли приуроченные к 100-летию писателя издания, специальные номера «Летописи дома литераторов», «Жизни искусства», «Вестника литературы». А.В. Луначарский выступил с речью «Достоевский как художник и мыслитель», А.М. Горький, А.А. Блок, другие писатели, поэты, философы, общественные деятели говорили о значении Достоевского, Толстого, Гоголя в истории русской и мировой культуры. Из-за рубежа приходили известия об увеличивающихся переводах и исследованиях о писателе.

С этим продолжающимся интересом к Достоевскому были сделаны первые подступы к созданию музея. В 1922 году в квартиру на Божедомке пришла молодая исследовательница творчества Достоевского Вера Степановна Нечаева (1895-1979). Её поразило сходство увиденного с тем, что запечатлел в своих воспоминаниях младший брат Достоевского Андрей Михайлович. В планировке квартиры практически ничего не изменилось. Сохранилась даже дощатая перегородка в передней, за которой находилась детская братьев Достоевских – Михаила и Фёдора. *«Сразу поражает полное соответствие прочитанному: передняя с одним окном во двор и дощатой перегородкой (не до потолка), которая отрезает глубину комнаты и образует полутемную каморку, где была спальня Федора и Михаила. Из прихожей дверь ведет*

в большую светлую комнату с тремя окнами во двор и двумя на улицу – комнату, которая была столовой и залом, где дети учились и играли. Из этой комнаты – дверь в большую гостиную и спальню родителей, но дверь наглухо заперта. Там квартира врача, и я не пытаюсь пройти. Впитываю впечатления увиденной части – изразцы печи с синей полоской, широкие половицы простого деревянного пола, двери и окна – по рисунку явно начала прошлого века и, главное, эта полутемная комната за перегородкой. Затем поднимаюсь по чугунным ступеням лестницы во второй этаж. Та у двери ручка старинного звонка, которую надо дергать, чтобы он зазвонил» [7, с. 277].

Возникновение музея – дело памяти, работающее на сегодня, завтра, иногда на века. Вера Степановна загорелась идеей создания музея Достоевского. Она привлекла на свою сторону ведущих специалистов по творчеству писателя – Л. П. Гроссмана, П. Н. Сакулина, Г. И. Чулкова, возглавлявшего секцию по изучению Достоевского в Государственной Академии Художественных наук (ГАХН), стала разыскивать родственников Достоевского. Удалось убедить руководство Института социальных болезней им. Ф. М. Достоевского, разместившегося в бывшей Мариинской больнице для бедных, предоставить будущему музею помещение в комнатах, в которых прошло детство писателя. В организации музея приняло участие Общество любителей российской словесности (ОЛРС) при Московском университете. В 1926 году под музей были переданы первые 40 кв. м мемориальной квартиры, а 11 ноября 1928 года московский Музей Ф. М. Достоевского был открыт. Его первой заведующей стала Вера Степановна Нечаева.

Корреспонденции в газетах и журналах того времени – скупые, но выделяющие это событие большой важности. Музей ставил себе задачей осветить биографию и творчество Достоевского и быт семьи Достоевских в 20-х и 30-х годах XIX века. В числе экспонатов были рукописи и издания сочинений Достоевского, принадлежавшие ему вещи, портреты и фотографии.

Музей Достоевского был одним из первых литературных музеев - их тогда возникло несколько, включая такие, как музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и Хамовниках, музей им. Ф. И. Тютчева в Муранове. Музею Достоевского предрекали будущее расширение, превращение в один из крупнейших литературно-бытовых музеев («Красная нива», «Известия»).

За годы своего существования музей пережил многое. Менялся его статус, юридическая и хозяйственная принадлежность, вырос штат, расширялась площадь, пополнялась коллекция, обновлялись экспозиции. Первый музей Достоевского отразил в своей сложной истории разное отношение к наследию писателя. И в самые неблагоприятные для него времена он демонстрировал убедительную силу «сопротивления материала» довлеющей извне идеологии. В первые годы после основания музей представлял историко-бытовую экспозицию, посвящая ее раскрытию социальной среды и быта писателя (как было определено в первом путеводителе).

В 1940 году музей был включён в состав Государственного Литературного музея, с 2017 года Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля, отделом которого является по сей день [8, с. 15].

Мемориальная экспозиция была открыта в 1983 году после ремонтно-реставрационных работ 1979-1982 годов, с восстановлением старой планировки прилегающих помещений (коридоры флигеля, лестничная и пр.) и воспроизводила квартиру Достоевских середины 1830-х годов. Конечно, большинство вещей скромного интерьера Достоевских до нас не дошло. Экспозиция была составлена главным образом из типологической мебели. Но несколько мемориальных предметов сохранилось. Это, в первую очередь, овальный преддиванный стол и книжный шкаф, возвращённые Верой Степановной Нечаевой в 1920-е годы из Дарового – имения Достоевских, подаренные Андреем Андреевичем Достоевским канделябры из квартиры на Божедомке, портреты родителей и родственников, учебники.

Московский музей-квартира Ф. М. Достоевского был притягателен прежде всего своей подлинностью. Ни само здание флигеля, ни квартира никогда не перестраивались и точно воспроизводили топографию детства и отрочества писателя. Это был классический

мемориальный музей со своей атмосферой достоверности и жизнеподобия. В нём органически сочетались элементы быта и знаки судьбы, смысловые акценты были расставлены так, чтобы посетитель смог не только заглянуть в повседневную жизнь семейства Достоевских, но и проникнуться его духом, увидеть истоки личности великого писателя.

11 ноября 2021 года, в день 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского, на основе старейшего отдела ГМИРЛИ имени В.И. Даля открылся Музейный центр «Московский дом Достоевского». В 2019 году ГМИРЛИ им. Даля было передано всё здание северного флигеля бывшей Мариинской больницы для бедных (ныне улица Достоевского, 2). Тогда же начались работы по его реставрации и созданию масштабной историко-литературной и мультимедийной экспозиции.

Новая экспозиция посвящена личности Достоевского, основным событиям его жизни, выдающимся художественным, литературно-критическим и публицистическим произведениям писателя. Важная тема обновленного музея – восприятие и интерпретация творческого наследия Достоевского в России и мире. Отдельный раздел посвящен освоению произведений писателя в других видах искусства – от графики и живописи до театра и кино. Московский дом Достоевского – инновационный музей с современными технологиями и уникальным дизайном интерьеров, который идеально подходит для уединения и полного погружения в творческий мир писателя через визуальные, звуковые, цветовые и другие аспекты [9, с.229]. Сердце экспозиции Московского дома Достоевского – расположенная на первом этаже мемориальная квартира, где прошли детство и отрочество будущего писателя. Вокруг мемориальной зоны развернут рассказ о московском детстве Достоевского, его семейном окружении. Отдельный зал посвящён Москве времён Достоевского, истории Мариинской больницы для бедных, а также подмосковным местам, связанным с духовным опытом детства. Экспозиция второго этажа раскрывает писательскую судьбу Достоевского: триумф первого романа «Бедные люди», участие в деле Петрашевского, смертный приговор и каторга, возвращение в литературу, главные произведения – «Преступление и наказание», «Игрок», «Бесы», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Пушкинская речь». Третий этаж посвящен читательской судьбе произведений Достоевского. Опыт художественного осмысления наследия Достоевского в XXI веке представлен авторской инсталляцией Михаила Шемякина «Наваждение Раскольникова».

На трёх этажах музейного центра нашлось место для обнародования многих бесценных реликвий из коллекции А.Г. Достоевской, которые прежде хранились в музейных фондах. С первых лет существования музея закладывался уникальный фонд, ядром стала коллекция вдовы писателя (значительная ее часть ее поступила в 1932 году). Она исторически определила лицо московского музея и не теряла этого значения при том, что позднее, будучи в богатейшем собрании Государственного Литературного музея, фонд Достоевского вырос в несколько раз. Бесценными оказались отдельные находки, дары – из разных источников, а также начавшиеся и потом продолжавшиеся поступления в музей реликвий из семьи Достоевских. Среди меморий – ручка с пером, чернильный прибор, письменный стол, за которым написаны главы «Дневника писателя». В итоге в Москве образовался фонд писателя, по полноте и универсальности которому нет равных в мире.

Жизнь музея, прежде всего, – прием посетителей, ожидающих встречи с Достоевским. Для них проводятся экскурсии, лекции, консультации, научные заседания, вечера, концерты, театральные постановки, заседания читательского клуба «Достоевский», детские программы, инклюзивные занятия.

С первых дней существования музея традиционными стали научные заседания и вечера, которые с 1950 стали проводиться каждый месяц (вплоть до конца 1980-х), превратившись в непрерывающиеся научные конференции, на которых читались главы из будущих книг о Достоевском, обсуждались новые, только что увидевшие свет исследования и книги о его мастерстве, шли споры о воплощении его образов в театре, кино, изобразительном

искусстве, давались обзоры советской и зарубежной литературы о Достоевском, обсуждались главы диссертаций о Достоевском и страницы посвященных ему художественных произведений. Не раз выступали в музее Н. П. Анциферов, М. С. Альтман, Н. Н. Арденс (Апостолов), А. А. Белкин, Н. Ф. Бельчиков, Д. Д. Благой, С. Г. Бочаров, В. В. Виноградов, И. Л. Волгин, А. Гессен, Л. П. Гроссман, У. А. Гуральник, Н. Н. Гусев (личный секретарь Л. Н. Толстого), В. С. Дороватовская-Любимова, Ф. И. Евнин, И. С. Зильберштейн, Ю. Ф. Карякин, В. Я. Кирпотин, В. А. Ковалев, В. И. Кулешов, В. Р. Лейкина-Свирская, А. М. Ладыженский, Л. Д. Любимов, С. А. Макашин, Ю. В. Манн, Р. Г. Назиров, В. С. Нечаева, Ф. Г. Никитина, Ю. Г. Оксман, Н. А. Павлович, Н. П. Пахомов, В. Ф. Переверзев, К. В. Пигарев, Л. М. Розенблум, А. Л. Слонимский, Е. В. Старикова, Б. Д. Удинцев, Г. М. Фридлендер.

В стенах музея состоялась не одна встреча с потомками писателя – Андреем Федоровичем, Дмитрием Андреевичем, Алексеем Дмитриевичем Достоевскими, Е. А. Ивановой, Л. А. Спивак, М. В. Савостьяновой, И. Н. Голеновской, К. А. Розановой-Марцишевской, И. П. Розановым.

С 1980-х годов в музее проводятся «ноябрьские вечера», посвящающиеся московской дате – очередной годовщине рождения писателя. Это всегда доклады, сообщения, художественные выступления, концерты, выставки. В «ноябрьские вечера» отмечаются даты и события культурной и духовной жизни, так или иначе связанные с Достоевским: новый фильм, презентация нового исследования по Достоевскому, юбилей ученого и т. д.

В очередную годовщину смерти писателя 10 февраля обычно устраиваются проблемные доклады, дискуссии, проводятся «круглые столы» с участием ведущих достоевсковедов, писателей, философов, богословов. Темы их разнообразны, например, «Достоевский и мы», «Достоевский сегодня», «Взгляд на Достоевского на рубеже нового тысячелетия», «Достоевский, цивилизация, культура». Участие в них принимали известные современные достоевсковеды – В. Н. Захаров, И. Л. Волгин, И. А. Есаулов, А. Г. Гачева, Т. А. Касаткина, В. А. Котельников, Л. И. Сараскина, К. А. Степанян, Б. Н. Тарасов, П. Е. Фокин, В. В. Борисова, О. А. Богданова.

В стенах музея регулярно звучит слово Достоевского. Сцены и монологи из его произведений в своё время исполняли замечательные представители русской драматической школы – Валерий Баринов, Николай Грищенко, Андрей Попов, Людмила Чурсина. В самом начале своей актёрской карьеры в роли Порфирия Петровича предстал здесь перед зрителями Владимир Высоцкий – это была его первая значимая драматическая роль (ещё до поступления в Театр на Таганке).

В течение многих лет музей был единственным в стране местом, где духовное наследие Достоевского вопреки всем ангажированным интерпретациям оказывало своё живительное воздействие на души людей, жаждавших света Истины. Здесь вспоминали они «устаревшие» слова «милосердие», «сострадание», «добротолюбие». Здесь задумывались о судьбе России и её исторической миссии. Под сводами музея собирались те, кого мучили «проклятые вопросы», кого не удовлетворял схематизм трактовки человека и общества, кто, как Митя Карамазов, осознавал, что «красота – это страшная и ужасная вещь... Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Можно смело сказать, что редкий русский интеллектуал, живший или гостивший в Москве, не бывал в доме на Божедомке. Писатели, философы, художники, музыканты, артисты и режиссёры, чьи имена входят в золотой фонд русской культуры XX века были здесь «собеседниками» Достоевского.

Гости со всего мира приезжают сюда – к Достоевскому. Среди всемирно известных посетителей московского музея Достоевского писатели А. Мальро, которого в 1934 году привёл сюда В. Э. Мейерхольд, Ж. П. Сартр, Ф. Саган, исполнитель роли князя Мышкина в фильме А. Куросавы японский актёр Т. Мифуне, постановщик «Бесов» польский режиссёр А. Вайда, художник и скульптор М. Шемякин.

Музей принимает исследователей творчества писателя из России и других стран: Китая, Мексики, Болгарии, Польши, Румынии, Испании, Италии, Франции, США, Японии, Австралии. Народная тропа к Достоевскому не зарастет никогда.

Литература

1. Федоръ Достоевскій. Сильные впечатления. Путеводитель выставки / Автор текста П. Фокин. М: Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, 2021 – 3 000 экз.
2. Андрей Достоевский. Воспоминания // «Аграф», Москва, 1999 – 429 с.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман. – Л: «Худ. лит.», 1979 – 451 с.
4. Гроссман Л. П. Спутница Достоевского // Театральное обозрение. 1921. № 6, С. 9-11
5. Андриянова И.С. «Музей памяти Ф. М. Достоевского»: история и перспективы проекта. – Петрозаводск, Издательство ПетрГУ, 2013 – 190 с.
6. Пономарёва Г. Б. Музей-квартира Ф. М. Достоевского – М, 2002, 2-е изд. – 2009.
7. Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 6, Л.: Наука, Ленингр.отделение, 1985. С.274-297.
8. Музей-квартира Ф. М. Достоевского в Москве: путь в 90 лет/ Автор-составитель Г. Б. Пономарёва, науч. ред. П. Е. Фокин – М: Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля, 2018 – 60 с.
9. Акашева Т. В., Жаркова А. Д. Современные литературные музеи: от экспоната до визуализации (на примере Московского дома Достоевского) // Litera. 2024. № 8.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.43980 EDN:WVIFCM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43980
10. Достоевский. Человек и вечность. К 200-летию со дня рождения. Альбом / Авт.-сост. П. Е. Фокин, Т. Ю. Соболев, Г. Л. Медынцева. М.: Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля, 2021, 484 с, 545 ил.

УДК 8.21.161.1

**А.В. Сивицкая,
Москва, Россия**

«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: КОММЕНТАРИИ К СТИЛЮ, ГЕНЕАЛОГИИ И СПРЯТАННОМУ ХРОНОТОПУ. К 180-ЛЕТИЮ РОМАНА

«POOR FOLK» BY F.M. DOSTOEVSKY: NOTES FOR THE STYLE, ROMAN'S GENEALOGY AND LATENT CHRONOTOPE. DEDICATED TO THE 180th ANNIVERSARY OF THE FIRST EDITION

Аннотация. Статья посвящена новым деталям юбилейного романа «Бедные люди» в стилистике и жанровой генеалогии. Рассмотрены такие особенности повествовательной манеры Достоевского, как оксюморон; исповедание и скрытый хронотоп, когда примеры характеров Смутного времени превращаются в актуальные для писателя образы и новое самозванство измельчавших героев соответствует драматичной судьбе других. Сделаны наблюдения над переходом эпистолярного жанра в монолог и диалог, присущие творчеству писателя. Статья обнаруживает переключки романа с неоконченными произведениями Пушкина и с прозой XX-XX вв. Прежде всего исследование предлагает текстологические формы заданий в рамках школьного факультатива и для студентов-филологов.

Annotation. The study presents the new-opened details of the genre's and style's genealogy of the anniversary roman «Poor Folk». The latent chronotope and a sort of confessional revelation as the techniques of great interest are up for consideration as well for that is there evidence of Dostoevsky's

narration. The seeking for the whole range of the behavioral and psychological types makes closer the remote history, on the one hand, and reveals such a phenomenon as rebelliousness and new imposture at the background of the going small of some characters and dramatization of others, on the other hand. The attention is focused on the conversion of the epistolary genre to the inner monologue and oral communication, which the writer was dramatically interesting in. The roll call with unfinished novels by Pushkin and the further literature reminiscences makes the study methodologically useful for textual practice in the optional course for seniors and students philologists as well.

Ключевые слова: жанровая генеалогия, бунт, власть, исповедание, оксюморон, самозванство, эпистолярный жанр.

Key words: epistolary genre, genre's genealogy, power, confessional revelation, oxymoron, posture, rebellion.

Посвящается Льву Соломоновичу Айзерману и Борису Николаевичу Тихомирову¹

Роман «Бедные люди» (1846) изучен досконально и все равно полон загадок и текстологических казусов. Их распознавание в виде заданий и эссе уместно предложить старшеклассникам в факультативном курсе² и студентам-филологам. Будущий текстолог должен чувствовать кровяной пульс родословной этого романа и его зрелость.

Aparte³ приведем пример «Трилогии» (2012) нобелевского лауреата 2024 г., норвежца Ю. Фоссе [4], где совершенно по-новому звучит тема старушки, хотя, кажется, «Преступление и наказание» прочитано вдоль и поперек. В «Бедных людях» обнаруживаются истоки: «*Хозяйка наша – очень маленькая и нечистая старушонка, целый день в туфлях да в шлафроке ходит и целый день всё кричит на Терезу*» [1, с. 9]. Сразу проясняется текстологическая задача: найти связи первого романа с последующими произведениями писателя. Здесь есть безусловный вектор, ведущий к страннику, усыновителю и опекуну Макару Ивановичу Долгорукову («Под-росток»). Но, даже учитывая полноту критического корпуса, посвященного корням Макара Д., прежде всего незаконнорожденного «сына девушки» [1, с. 513], круг ассоциаций до конца не исчерпан.

Уточнения относятся к оксюморону, «казусу Льва Мышкина» – стержневому тропу романа, на котором держится «дуализм» Макара, рассмотренный, например, Е. Яблоковым [5, б/н]. Здесь хотелось бы остановиться на таком феномене, как человек-вещь. Мы все время идем по его следу, начиная с гоголевской «Шинели»: «не человек писал» [1, с. 582]. Человек-машина, человек-сапог, барин-щетка – вот тревожный фон, созданный властным превращением человека в вещь в переписке Вареньки Д. и Макара Д. «...я подождал его, он воротился, да и стал перо чинить, а меня как будто не замечает. А я всё про свое – что, Петр Петрович, нельзя ли как-нибудь? Он молчит и как будто не слышит, я постоял-постоял <...> да и дернул его за рукав. Он хоть бы что-нибудь вымолвил, очинил перо, да и стал писать...» [1, сс. 66–67]; «Ну, тут уж, родная моя, я и не помню <...> как прошел Выборгскую, как на Воскресенский мост попал, устал ужасно, прозяб, продрог и только в десять часов в должность успел явиться. Хотел было себя пообчистить, да Снегирев, сторож, сказал, что нельзя, что щетку испортишь, а щетка, говорит, барин, казенная» [1, с. 72]; «тут же <...> этажом выше или ниже, в позлащенных палатах и богатейшему лицу всё те же сапоги, может быть, ночью снялись, то есть на другой манер сапоги, фасона другого, но все-таки сапоги⁴; ибо в смысле то, здесь мною подразумеваемом, маточка, все мы, родная моя, выходим немного сапожники» [1, с. 84].

¹ Посвящение Л. С. Айзерману (1928–2025), выдающемуся учителю, воспитавшему поколения школьников в духе текстологической, доказательной работы, и Б. Н. Тихомирову (1952–2025), выдающемуся текстологу и исследователю Достоевского, более чем кстати. В конце жизни оба филолога познакомились по переписке [2, с. 7].

² При включении Достоевского в 20-е гг. XX в. в школьную программу (вплоть до изъятия в сер.30-х гг. и возвращения на рубеже 70-80-х гг.) «Бедные люди» никогда не входили в курс средней школы [3, б/н].

³ В сторону (лат.).

⁴ Любопытный отголосок этого феномена обнаруживается у Шерлока Холмса в «Собаке Баскервиллей», гл. V–VI, когда у сэра Генри, потенциальной жертвы, дважды разрознены пары ботинок [6].

Придумавший свой стиль Макар Д., безусловно, и сам не чужд превращениям. Если продолжить мысль Яблокова об античных рецепциях в романе [5, б/н], в антитезе душевности – галантерейности угадывается игра консонанса «Макар – Меркурий». Макар Д. мифологизируется, а не просто бегаёт на посылках Вареньки, тем самым составляя пару Федору Федоровичу, сыгравшему в финале роль *deusexmachina*. «*Я за каретой вашей побегу, если меня не возьмете, и буду бежать что есть мочи, покамест дух из меня выйдет*» [1, с. 103]. Антитеза лица и маски развивается в Макаре Д. сложным путем. Он, как Меркурий, – проводник в другие миры, письмоводитель (как и Персефона-Варенька) судеб: «*Как я благодарна вам за вчерашнюю прогулку на острова, Макар Алексеевич! Как там свежо, хорошо, какая там зелень!..*» [1, с. 40].

Так, в одной из его новелл возникает Горшков, теневая параллель Макара Д. [5, б/н]. В романе выстраивается «*Ноев ковчег*» [1, с. 9] – ономастические ряды двойников, союзников и антиподов. (Кстати, это распределение может быть полезным заданием, и для начала героев можно разместить по «Табели о рангах», по социальной значимости, условно.) И вдруг оказывается, что у Горшкова нет ономастической пары: его уничтожили, говоря неопределенно-личной конструкцией. Эпизод смерти Горшкова – это крошечная поэма о «прахе и пепле», о глиняной фигурке в руках властолюбивого горшечника. В работе над текстом необходимо вспомнить, где в переписке Макара и Вареньки для Горшкова уже был придуман коннотат, судьба-вещь: «*Ну, прощайте, мой ангельчик. Я там купил парочку горшков с бальзаминчиком, и гераньку – недорого*» [1, с. 10].

Горшков – теневой «дублер» Вареньки. Генезис ее судьбы лежит в архаике, в равнозначности свадьбы и похорон, в умыкании невесты, например, в сюжете похищения Европы Быком-Зевсом (читай: Быковым) [5, б/н]. Ср. фамилию «Доброселова» со стихами в чине отпевания: «*...идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная <...>, где души праведных водворяются*», с неперменным атрибутом «благодетелей» Вареньки – «конфekt», что согласуется с древней практикой приносить сладости на могилы.

Но стоит задаться вопросом жанровой стилистики: не кто, а что умирает в романе и дает ростки дальнейшего творчества Достоевского? Ведь не просто переписка не заканчивается браком по взаимности [5, б/н], – умирает художественная безысходность эпистолярного жанра в драматургии Достоевского, и на этом месте еще сильнее прорастает исповедное начало, откровенность, лепет, нередко «эзопов язык»; общение из уст в уста, наконец – наставничество. Общение из уст в уста у Достоевского с самого начала провоцирует «казус Федоры»: молву, итерации, преувеличения. Так быются летопись повествователя и власть искажений, доказуемость / недоказанность / ненаказуемость вины, уходящие в далекие в 1846 г. миры «Дневника писателя» и «Братьев Карамазовых».

В «Бедных людях» умирают без исповеди, – отпевание, всенощные присутствуют параллельно с сюжетом. Именно переписка, ее доверительность и даже резкая откровенность, передадут эстафету полифонизму, евангельским цитациям и старчеству. Генеалогическим предвестием может служить голос преп. Серафима [7, сс. 12–16; 8, с. 27]⁵. В силу популярности не исключены подражания прозорливцу. Так, интонационная приподнятость Макара Д. по отношению к Вареньке иной раз пульсирует двусмысленно: «*Отечская приязнь одушевляла меня, единственно чистая отечская приязнь, Варвара Алексеевна; ибо я занимаю у вас место отца родного, по горькому сиротству вашему*» [1, с. 13]. (Неоднозначность признаний заключается в поведении и ответах Макара и противоположным образом).

Ответвлением умильной интонации с обращением к близким в уменьшительно-ласкательной форме являются примеры переписки, в том числе священнослужителей, с родными. Продолжая тон дружественности сентиментализма, такая душевность и в семье

⁵ Св. Серафим Саровский (1754–1833), канонизирован Русской Православной Церковью в 1903 г.

Достоевского [9, б/н], и, например, в письмах о Всеволода (Шпиллера)⁶ [10, сс. 89, 91, 94, 98–99] играла роль своеобразного оберегания близких от злой судьбы.

В исповедном начале романа, безусловно, обнаруживается полярность Вареньки Д. и Макара Д., чему посвящена статья Буяновской [11, б/н], отталкивающаяся от традиций и новаторства. Подойдем к вопросу и с другой стороны.

Между корреспондентами есть дистанция разумности и безотчетности, вызывающая свежий интерес в XIX в. Стиль Вареньки – это трепет просвещенной души, за которой стоит линия судьбы, сильной героини, жертвенности. Стиль Макара Д. пестр, театрален, изломан. В их сосуществовании слышна потребность XIX в. в индивидуальности, психологическом портрете; в рассмотрении человека с точки зрения разума и чувств, в том числе в сфере религии. Так, современник Достоевского бл. Ньюмен⁷, посвятил в 1840 г. научный труд различию непосредственной веры и дальнейшему просвещению как методу обращения [12, сс. 130–142].⁸ В освидетельствование душевной дистанции героев можно предложить написать этюды в стилистике Вареньки и Макара Д. и проанализировать, как у каждого по-разному рождается рассказ.

Задержим внимание на шкале кротости, умильности – и дерзости (ср. *παρρησία*, свободная, откровенная до дерзости речь [13, с. 57]). Впереди находки: «пушкинский след» и исторический «казус самозванца» (скрытый хронотоп нами рассмотрен в статье о «Подростке» [14, сс. 109, 116–117]).

Как бы устная форма, высшая для Достоевского художественная форма, делает героев-корреспондентов вестниками. Так, рассказ Вареньки о старике Покровском наполнен евангельским смыслом: это весть о «лепте бедной вдовы» и о работнике «одинадцатого часа» (Мк 12, 42–44; Мф 20). Мы имеем в виду внесенную стариком сумму на последний, XI, том Пушкина. Это не просто совпадение, а рифма литературы и жизни, философии и души. Скорее всего, имеется в виду издание 1838–1841 гг. из типографии И. Глазунова. При этом мы высказываем только предположение, так как не можем утверждать, пользовался ли Достоевский изданием Глазунова на момент работы над романом. Судя по описанным у Б. Тихомирова маршрутам писателя, он захаживал к тому же букинисту [15, сс. 234–243].

Если полистать томик, обнаруживается масса всего интересного в этих записках и неоконченных вещах, что могло бы вполне дать пищу для композиции «Бедных людей». Можно предложить написать этюды по роману, ведя линию от пушкинской сюжетной литоты и афоризма: «*В тюрьме и путешествии всякая книга есть Божий дар*», «Шоссе», [16, с. 7]; «*Литераторы петербургские по большей части не литераторы, но предприимчивые смысленные литературные откупщики*», «Москва» [ibid., сс. 23–24]; «*Книги, как и граждане, ответственны за себя*», «О цензуре» [ibid., с. 43]; «*Мы каждый день подписываемся покорнейшими слугами, – и, кажется, из этого никто не заключал, чтобы мы просились в камердинеры*», «Этикет» [ibid., с. 59]; «*Полина чрезвычайно много читала и без всякого разбора. Ключ от библиотеки отца ее был у ней...*», «Рославлев» [ibid., с. 115].

Особый интерес вызывает неоконченная повесть «Мария Шонинг» – вероятный литературный прообраз «Бедных людей»: переписка, не увенчавшаяся счастьем, когда вокруг сироты после смерти отца мир разделился на врагов и недругов, финальная безысходность: «*Завтра воскресенье. Я не обновлю твоей косынки, но очень тебя за нее благодарю. <...> Пишу тебе, стоя у окошка, а чернильницу заняла у соседей*»⁹ [ibid., 134].

⁶ О. Всеволод (Шпиллер), 1902–1984, первоначально священник Болгарской православной церкви, позже вернувшийся в СССР. Служил в Москве, в церкви св. Николы в Кузнецях. Многие его духовные чада составили паству о. Александра(Меня).

⁷ Джон Генри Ньюмен (1801–1890), английский богослов, причисленный к лику блаженных Католической Церковью в 2025 г., бывший англиканский священник, уже в 30-е гг. XIX в. принявший участие в полемике о личностном начале исповедания.

⁸ Условность возрастной разницы во взаимоотношениях зрелого мужчины и юницы отзывается эхом в фильме Бертолуччи «Последнее танго в Париже» (1972).

⁹ Цитируется в совр. орфографии и пунктуации.

«След классики» ведет дальше. Макара Д., как мы писали выше, – проводник, в том числе в его ведении случай, случайность, что нередко приводит к маскараду и даже мистической взвинченности [17, б/н]. Человек, стоящий за Макаром Д., иногда представляется, входит в раж, развязен, юродствует: *«Мой фрак старый продам и в одной рубашке стану ходить по улицам»* [1, с. 50]; в ответ на просьбу Вареньки от 4 августа одолжить денег: *«На рубль серебром куплю сапоги; <...> Платочек шейный тоже был бы необходим, ибо старому скоро год минет; но так как вы мне из старого фартучка вашего не только платок, но и манишку выкроить обещались, то я о платке и думать больше не буду. Так вот, сапоги и платок есть. Теперь пуговики, дружок мой! ведь вы согласитесь, крошечка моя, что мне без пуговок быть нельзя; а у меня чуть ли не половина борта обсыпалась! Я трепещу, когда подумаю, что его превосходительство могут такой беспорядок заметить да скажут – да что скажут!..»* [1, с. 69]. Макара Д. откровенничает, давая повод для сниженной коннотации своего имени: *«Да, маточка, и на нас в оно время блажь находила. Врезался в эту актрисочку, по уши врезался, да это бы еще ничего; а самое-то чудное то, что я ее почти совсем не видал и в театре был всего один раз, а при всем том врезался»* [1, с. 55]. Его развязность перекликается с вызывающими признаниями Казарина в «Маскараде» Лермонтова (1836): *«Выманивали мы танцовщиц и актрис»* [18, с. 225]. Брошенная реплика, пьеса в пьесе, маркер власти слова над человеком возвращают к «Марии Шонинг»: *«Но многие еще гуляли по кладбищу, а я боялась, чтоб Ротберг не сказала опять: какая комедиантка»* [16, с. 134].

Рассказчики в «Бедных людях» становятся проводниками вероломной типологии поведения, «переженившей» героев «казусом самозванства». В случае с Макаром Д. генеалогия романа делает петлю, подхватывает самонадеянность пушкинского Германа, над которым берет верх рассказ Томского. «Сказки!», – отмахнулся Герман, и тем самым скрытая полемика в эпитафии к роману из В. Ф. Одоевского о сочинителях «сказочниках» [1, с. 7] интригует еще больше. Авантюризм Макара Д. сокращает дистанцию между героем «Пиковой дамы»: *«Я во все кареты заглядывал, всё дамы сидят, такие разодетые, может быть, и княжны и графини. Верно, час был такой, что все на балы и в собрания спешили. Любопытно увидеть княгиню и вообще знатную даму вблизи»* [1, с. 81], и даже в «мощах фрейлины седой» отзывается гусарской удалью у О. Мандельштама в стихотворении-рондо «Поедем в Царское Село!».

За этими примерами стоит фантазия, сочинительство. Но именно новеллистика «Бедных людей» вновь открывает суровость творчества Шекспира, интонацию власти судьбы и власти над судьбой, трагических антиномий бытия. Переход от жизни к смерти достигает космического масштаба в картине падающих из карманов старика Покровского книг, когда он идет по слякоти за гробом сына. Аллегии смерти, трещины цивилизации нуждается в остановке внимания на образе¹⁰.

Заново открытый в XVIII в. Шекспир дал твердый ориентир на внутренний монолог, внутреннюю душевную борьбу благодаря прочтению в подлиннике¹¹. В «Бедных людях» английский дух проходит тенью в образе Емельяна Ивановича: *«чистый английский почерк»* [1, с. 66].

Рассмотренная исследователями несостоявшаяся драма Достоевского «Борис Годунов» [19, б/н] (тень Шекспира) остается открытым вопросом с точки зрения исторически сложившейся типологии поведения, особенно в наиболее уязвимом моменте русской истории – времени после смерти Ивана IV. Ономастика, представленная в дальнейшем Федорами, Федоровнами и Федоровичами наводит упорно на мысль о криптограммах в романе. Сделаем заранее оговорку. Речь у Достоевского пойдет о *бедных людях*, обобщенно *бедных*. После пушкинского «Бориса Годунова» историческая молва как источник интриги умирает для писателя, оставляя за собой право человека на самосочиненность, самочиние, на бунт и власть. Скрытый хронотоп, где

¹⁰ Достоевский в это период задумывает повесть «Смерть поэта» [1, с. 411].

¹¹ На отклонение от подлинника во французской культуре обращает внимание Пушкин в том же XI т. в очерке «О Мильтоне и Шатобриан. переводе «Потерянного Рая»» [16, с. 63 etc].

история идет за героями тенью; где Шекспир (условно), как и дипломат Горсей, – лишь далекие свидетели разыгравшихся перипетий, предоставляет у Достоевского материал современной хроники в образах измельчавших авантюристов. Почему не допустить, что претендент на русский престол Стефан Баторий, или «король Степан» [20, сс. 444, 446, 450, 451, 460, 461], трансформируется в «амбициозном» Степане Карловиче, среднем арифметическом пополам со Стенькой Разиным (словно отголосок другого самозванца Ивана-Августа [21, с. 114 etc])? Дополнительную коннотацию дают «двойники» Емельян Ильич и Емельян Иванович, один из которых «подбил» Макара на заем, а другой «мается» [1, сс. 61–62]. Еще гипотеза: мир в романе обростаёт углами, замещающими башни обитателей. Анна Федоровна вершит судьбы из-за угла, в отличие от вероятного прообраза, Александры (Ирины) Федоровны Годуновой, затворницы Новодевичьего монастыря (Яблоков видит в Анне Федоровне и Федоре Федоровиче брата и сестру [5, б/н]). Здесь нельзя не подумать о переключке с московскими топонимами фамилий «Девушкин» (Девичий, Новодевичий) и «Покровский».

Но, прежде всего, в противовес измельчанию образов исторических персон у Достоевского набирает силу детализация, шекспировский интерес к человеческой судьбе. В Новой истории Достоевского волнуют другие институты власти: ссуды, опека, сутенерство, судебное преследование. Интерес смещается от убиенного Димитрия (уже у Пушкина мифологизированного) в сторону драмы ранней смертности, любых оборвавшихся родословных, что уравнивает в правах с царственными потомками студента Покровского; нищего мальчика в новелле о шарманщике [1, с. 82] с просящими у Пушкина милостыню царскими детьми и не оправдавшимися надеждами на просвещенное правление наследника Федора: «Учись, мой сын, тем легче и яснее / Державный труд ты будешь постигать» [22, с. 58; сс. 106–107].

Новый дух бунтарства, «амбивалентность бедных людей», по выражению Кантора [23, с. 220], близость самого молодого Достоевского к закрытым кружкам – все это вдруг снимает флер книжности с образов в уже первом романе и даже играет пророческую роль, превращая для писателя слова царевича Федора в реальность: «...Вот видишь: тут Москва, / Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море, / Вот пермские дремучие леса, / А вот Сибирь...» [22, с. 57]. Не исключено, что за строчкой: «Но я все-таки истинно удивляюсь, как Федор-то Федорович без внимания книжку такую пропустили и за себя не вступились» [1, с. 57] – за аллюзией на Гоголя может быть скрыт эзопов намек на стих: «И мальчики кровавые в глазах» [22, с. 44]¹².

Стилистика и генеалогия «Бедных людей» тревожат мощной проблематикой и новизной, что сказалось на научной полемике вокруг вариантов текста и в связи с вопросом об изъятом фрагменте в окончательной редакции [24, с. 177–231; 25, б/н]. Тема власти и судьбы делает в «Бедных людях» более выпуклыми исторические коллизии давнего прошлого, оставляющие литературный след в ономастике и уступающие место новому опыту времени. Автор вслед за пушкинским Пименом, пишущим «сказанье», создает неровную летопись судеб. В качестве большого темы для обсуждения учащимся можно предложить концепцию Д. С. Лихачева: «На протяжении всей творческой жизни Достоевскому был важен образ неопытного рассказчика, хроникера, летописца, репортера – отнюдь не профессионального писателя. Он не хочет, чтобы его произведение сочли за писательское, литературное творчество. Достоевскому чужда позиция спокойного писательского «всеведения» [1, с. 392]¹³.

Литература

1. Достоевский Ф. М., «Бедные люди», под ред. Баршта К. А., Российская академия наук, серия «Литературные памятники», научно-издательский центр «Ладомир», «Наука», Москва, 2015.

¹² Создание «Бориса Годунова» в 1826 г. совпадает с годом коронации Николая I Первая публикация с купюрами была в 1830 г.

¹³ Лихачев Д., В поисках выражения реального // ДМИ. Л., 1974, т. 1, с. 109.

2. Тихомиров Б. Н., «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016.
3. Павловец М. Г., Что читали советские школьники. <https://arzamas.academy/mag/412-school>
4. Фоссе Ю., «Трилогия», Скандинавская вязь, INSPIRIA, Москва, 2021.
5. Яблоков Е. А., Сын девушки, ставший словом (Мифопоэтические мотивы романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди»). // Нерегулируемые перекрестки. О Платонове, Булгакове и многих других. М., 2005. <https://www.ejablokov.ru/article1.html> //
6. Холмс Ш., СС в 12-ти тт., т. 3, РИПОЛ классик, 2005.
7. Аксакова Н., Отшельник 1-й четверти XIX столетия и паломники его времени. // Вспоминая с любовью. Преподобный Серафим, Саров, Дивеево глазами паломников XIX–XX вв., Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, Москва, 2007.
8. Леопольдов А. Ф., Рассказ очевидца о прозорливости Саровского подвижника о. Серафима. // Вспоминая с любовью... (ibid.)
9. Баршт К. А., Ранние письма Ф. М. Достоевского и его роман «Бедные люди», Литературный дебют Достоевского // Нева. 1986. № 9.
10. Шпиллер (о. Всеволод), Страницы жизни в сохранившихся письмах. Иван Шпиллер, Воспоминания об отце, «Реглант», Москва, 2004.
11. Буяновская В. И., «Бедные люди» Ф. М. Достоевского как диалог старого и нового, *Studia Litterarum*, 2018, т.3, № 4.
12. Михайлов П., Динамика веры по Дж. Г. Ньюмену. Из оксфордских проповедей. Проповедь XIII: ИмPLICITный и эксплицитный разум (пер. с англ. Михайлова П.). Тексты и интерпретации // *Философия религии. Научные исследования*, 2023, т. 7, № 2.
13. Биbihин В. В., «Начала христианства», Санкт-Петербург, «Владимир Даль», 2026.
14. Сивицкая А. В., Обстоятельства места и времени, Опыт исследования пространства в литературе, Москва, МНЦМО, 2025.
15. Тихомиров Б. Н., Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. Москва, Лингвистика/Бослен, 2022 г.
16. Пушкин А., Сочинения. Томь Одиннадцатой. Санкт-Петербургъ. Въ типографіи И. Глазунова, MDCCXLI.
17. Турьян М., Об эпиграфе к «Бедным людям»: модификации рефлектирующего «разорванного» сознания. Достоевский. Материалы и исследования, т. 14, Российская Академия наук, 1997.
18. Лермонтов М., «Маскарад», Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1953.
19. Викторovich А. В., Утраченная пьеса Достоевского «Борис Годунов» (источники, концепция), 2024 <https://cyberleninka.ru/article/n/utrachennaya-piesa-dostoevskogo-boris-godunov-istochniki-kontseptsiya/viewer>.
20. Скрынников Р. Г., Иван Грозный. Борис Годунов. Василий Шуйский, АСТ, издательство «ТРАНЗИТКНИГА», Москва, 2005.
21. Магилина А. В., Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев 1604–1612 гг. Новейшие исследования по истории России, Центрполиграф, Москва, 2018.
22. Пушкин А. С., «Борис Годунов». Комментарий Л. М. Лотман, С. А. Фомичева, Гуманитарное агентство «Академический проект», Санкт-Петербург, 1996.
23. Кантор В., Соседи. Арабески, «Время», Москва, 2008.
24. Захаров В., Кибальник С., Тарасова А., Тихомиров Б., Работы К. А. Баршта о Достоевском: имитация научного исследования, серия «Неизвестный Достоевский», 2021. https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1639999964.pdf
25. Киселюте И., «Бедные люди» Достоевского: исчезнувшие мысли о «Его Превосходительстве» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/bednye-lyudi-f-m-dostoevskogo-ischeznuvshie-mysli-o-ego-prevoshoditelstve/viewer>.

СЕКЦИЯ 1: ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

А. Н. Белякина,
Семей, Казахстан

ЯПОНСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ ДОСТОЕВСКОГО

JAPANESE TRANSLATORS OF DOSTOEVSKY

Аннотация. В статье рассказывается о выдающихся японских переводчиках произведений Ф.М. Достоевского – первом переводчике романа «Преступление и наказание» Роане Утида и первом переводчике Полного собрания сочинений Масао Йонэкава, а также о влиянии переводов Достоевского на развитие японской литературы.

Annotation. This article discusses outstanding Japanese translators of Fyodor Dostoevsky's works: the first translator of the novel «Crime and Punishment» – Roan Utida, and the first translator of the Complete Works – Masao Yonekawa, as well as the influence of Dostoevsky's translations on the development of Japanese literature.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Роан Утида, Масао Йонэкава, переводчик, японский язык.

Key words: F.M. Dostoevsky, Roan Utida, Masao Yonekawa, translator, Japanese language.

Первый перевод Достоевского в Японии был сделан 134 года назад Роаном Утида (1868-1929), который был известным литературным критиком и писателем. В своих произведениях он сатирически описывал такие социальные пороки, как коррупция и сексуальные излишества высшего класса, став ведущим автором так называемого «социального романа». При этом Роан Утида рано приобрел большой интерес к произведениям мировой литературы, огромное влияние на него оказали произведения Ф. М. Достоевского.

«Как-то летом, отдыхая у подножия горы Фудзи, я читал роман «Преступление и наказание» Достоевского, который взял с собой (имеется ввиду роман в переводе на английский язык – прим.авт). В первый раз в жизни я испытал в душе благоговение перед великим произведением, – признавался Роан Утида за год до собственной смерти. – Я не сразу принялся читать «Преступление и наказание», как только у меня появилась эта книга. Купил я ее в июне, а начал читать только в июле у подножия горы Фудзи, где проводил лето в течение двух месяцев. Вначале я совсем не заинтересовался романом, небольшой интерес вызвала лишь вторая глава первой части, но дальше дело шло с большим трудом, и понадобилась целая неделя для того, чтобы прочесть сто страниц. Но после этих ста страниц во мне вдруг вспыхнул такой интерес, что я не расставался с книгой ни на миг, читая даже во время обеда, держа книгу перед собой на обеденном столе. Фабула романа представлялась мне похожей на сюжеты китайских романов, основанных на ложных ситуациях. Вечерами, если горничная не приносила фонаря, я поднимался на энгава (открывая галерея – прим. авт.) второго этажа и читал при слабеющем сумеречном свете. Когда же меня почти совсем окутывал мрак, я вытягивал руки с зажатой в них книгой за перила ближе к свету, так как не мог оторваться от книги. Остальные 400-500 страниц прочитал в течение двух суток и почти не спал все это время. Почувствовав полное истощение от усталости, я, чтобы иметь силы продолжать чтение по десять часов подряд, должен был принимать наркотик, выписанный мне врачом. Таким образом, на протяжении этих двух месяцев, пока я там находился, я снова и снова перечитывал «Преступление и наказание» от начала и до конца. Я уверился, что заключенное в писателе глубочайшее убеждение затронуло чувствительную струну моей души и заставило познать великую силу мастера. Мне было настолько необычайно интересно читать Достоевского, что я рассказывал о нем разным людям и всякий раз по-разному. Но сколько бы я ни рассказывал, я не мог дать людям почувствовать то, что чувствовал сам. Вот почему, желая поделиться с близкими людьми своим необыкновенным впечатлением, я задумал перевести «Преступление и наказание» [1, с. 77].

Роан Утида перевел «Преступление и наказание» в 1892 году, а еще через год – «Униженные и оскорбленные». Эти переводы Достоевского занимают важное место в истории всей художественной литературы современной Японии того времени, так как он оказал сильное влияние на литераторов той поры. Влияние перевода Роаном Утидой «Преступления и наказания» на современную литературу того времени было больше воздействия всего его собственного творчества.

Это тем более удивительно, что Роан Утида перевел «Преступление и наказание» не с русского оригинала, а с английского перевода. Тем не менее, литературный мир Японии пришел к выводу, что, вне этого влияния трудно представить рождение и ход развития школы натурализма в японской литературе, так же, как и общую картину всей современной японской художественной литературы [1, с. 87].

Второй перевод «Преступления и наказания» в Японии выполнил Хакуё Накамура в 1913 году, а третий – Масао Йонэкава в 1935-м.

Масао Йонэкава еще школьником увлекся русской литературой. Ему исполнилось 18 лет, когда он поступил на кафедру русской литературы в Токийской школе иностранных языков. Через год вместе со своим другом Накамурой Хакуё он основал журнал «Росиа-Бунгаку» («Русская литература»), где напарники печатали собственные переводы русской классики.

В 1914 году Масао Йонэкава перевел на японский язык роман Ф. М. Достоевского «Идиот» и решил своими глазами увидеть страну, чья литература так его интересовала. Мечту удалось осуществить только через три года. В начале октября 1917 года, проделав долгий путь из Токио через Сеул и Сибирь, переводчик приехал в Петроград и попал в эпицентр переломных событий – разразилась Октябрьская революция. Сразу начались голодные времена, почти невозможно стало купить даже самые элементарные продукты, а сражения начавшейся Гражданской войны сделали крайне опасными для жизни путешествия по другим российским городам. Переводчику спешно пришлось возвращаться на родину, пока японское консульство еще могло переправлять своих соотечественников домой [2, с. 200].

Вернувшись в Японию, Масао Йонэкава преподавал русский язык в Высшей военной академии Императорской армии Тайсё, параллельно продолжая переводить на японский «великое пятикнижие» Достоевского – «Братьев Карамазовых», «Бесы», «Подростка» и в 1935 году – «Преступление и наказание». В общей сложности на перевод пяти поздних романов он потратил 21 год. Эта масштабная работа не осталась незамеченной, и Масао Йонэкава несколько раз официально приглашали в Советский Союз.

Но времена менялись. Интересы Японии и СССР столкнулись в Китае: первая проводила там политику территориальной экспансии, второй – приобретающую все более сложный характер политику поддержки китайских коммунистов. А вскоре разразилась вторая мировая война. СССР и Япония стали официальными противниками. В 1941 году Йонэкава Масао был уволен с должности профессора Высшей военной академии Императорской армии, после чего его арестовали по подозрению в шпионаже в пользу СССР. К счастью, его скоро отпустили за недоказанностью обвинения.

Оставшийся без работы переводчик вновь вернулся к Достоевскому. В 1941 году он взялся за свой самый масштабный труд – перевод полного собрания сочинений русского писателя. Однако в ужесточившихся условиях военной экономики катастрофически не хватало бумаги, да и отдел гражданской цензуры усилил надзор. Поэтому типографский тираж пришлось приостановить. Но сам переводчик продолжал свою работу, переведя за годы войны для этого собрания сочинений «Бедных людей», «Униженных и оскорбленных», «Дневник писателя». Публикация всех томов полного собрания сочинений Достоевского на японском языке завершилась в сентябре 1953 года. Упорство, которое Йонэкава проявлял, начиная с довоенного времени, наконец, принесло плоды. За этот перевод полного собрания сочинений Достоевского Йонэкава получил престижную в Японии литературную премию Ёмиури.

В четвертый раз Ёнэкава посетил СССР в 1961 году. В этот свой приезд Ёнэкава продемонстрировал еще один свой талант – как исполнитель японских национальных танцев. Этот 70-летний человек, стройный и гибкий, как юноша, с неподражаемым мастерством исполнял танец Льва на вечере советско-японской дружбы в Москве. Вообще Ёнэкава – незаурядный артист, исполнитель ролей в пьесах Но и кёгэнах. Он был великолепным декламатором [2, с. 203].

Когда в его жизни наступали тяжелые времена, и в дни, когда он был счастлив, Масао Ёнэкава обращался к музыке. В его семье каждый виртуозно играл на кото – легендарном национальном японском музыкальном инструменте. А младшая сестра переводчика – Тосико Ёнэкава за ее высочайшее мастерство была признана «живым национальным сокровищем Японии».

Сам же Масао Ёнэкава за славой не гнался, работал профессором на восстановленной после войны кафедре русского языка филологического факультета университета Васэда, продолжал знакомить японских читателей с русской и советской классикой.

Известные японские литературоведы Кимура Такэси и Нитта Дзюн говорят, что переводы Ёнэкава преобразили даже сам литературный стиль современной японской литературы.

В 1964 году у Масао Ёнэкавы диагностировали рак, 29 декабря 1965 года его сердце перестало биться. Но до сих пор его имя наследие остается эпохальным явлением в мире перевода. Через шесть лет после смерти переводчика, в 1971 году, его семья узнала о том, что в казахстанском городе Семипалатинске открыли музей Федора Достоевского. Вдова и сын Масао Ёнэкава решили откликнуться на это событие.

В переписке с семипалатинским Литературно-мемориальным музеем Ф. М. Достоевского вдова переводчика Такако Ёнэкава и его старший сын Тэцуо Ёнэкава указывали: «Масао Ёнэкава много перевел произведений русских писателей, начиная от Пушкина, кончая Эренбургом и Леоновым. Но больше всего он любил Достоевского и почти всю жизнь посвятил исследованию и переводу его произведений. В 1962 г. он окончил перевод всех произведений великого гения (в том числе, и «Дневник писателя», и разные статьи), всех писем и записных тетрадей (его перевод полного собрания сочинений Достоевского был издан в 21 томе издательством Кавадэ-шобо в 1954-1961 гг.). Кроме того, за два года до этого он написал монографию «Жизнь и творчество Достоевского». После его смерти издательство Кавадэ-шобо приступило к новому, исправленному и дополненному, изданию вышеупомянутого перевода Полного собрания сочинений. В редактировании этого нового издания лично участвовали старший сын Тэцуо (доцент кафедры русского языка и руссоведения) и средний сын Казуо (переводчик русской и польской литературы), а также ученики покойного профессора, уже ставшие самостоятельными исследователями и переводчиками» [3].

Так совпало, что 1971 год стал шестой годовщиной смерти Ёнэкава. По буддистской традиции, именно в эту дату необходимо оставить что-нибудь на память о закончившейся жизни. И семья Ёнэкава решила на память прислать в Семипалатинск из Токио 21-томное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Это издание сегодня занимает достойное место в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Семее.

Интерес к творчеству Ф. М. Достоевского не иссякал и во второй половине XX века, и в начале XXI века. К примеру, в 2007 году в Японии был напечатан восьмой перевод романа «Братья Карамазовы», осуществленный ректором Токийского института иностранных языков Икуо Камэяма. Этот перевод стал бестселлером и вызвал очередной бум популярности Достоевского в Японии (самый первый всплеск популярности произошел после окончания первой мировой войны).

О японском восприятии текстов Достоевского сказано немало. Порой исследователи приходят к неожиданным выводам. Так, в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Семее дважды побывал профессор Технического Университета ГУММА Коити Итокава, специализирующийся на изучении творчества Ф. М. Достоевского. В одном из своих докладов,

сделанных в стенах музея, г-н Итокава заявил: «Нет, нельзя категорически утверждать, что душевным глазам Достоевского, много предвидевшего и предсказавшего, не видны были адские пейзажи загрязнения из-за радиоактивности. Здесь нам приходят в голову строки о сне Раскольниково о каких-то «трихинах» в эпилоге романа под его развязкой. «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то странной, неслыханной и невиданной язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, весьма немногих, избранных. Появились какие-то трихины, существа микроскопические, вселяющиеся умом и волей». Понимая этих «трихин» в таком смысле, что они предрекают образ радиоактивности от испытаний ядерных взрывов в Семипалатинске, нельзя не чувствовать, что вплотную к себе подходит превосходное литературное воображение писателя» [4]. Так, японский достоевист соединил в одну парадигму пророческий посыл творчества Достоевского с новейшей историей.

Литература

1. Коити Токава «Первый перевод Ф.М.Достоевского в Японии»//Japanese Slavic and East European Studies, 1982.
2. О.Петрова «Йонэкава Масао – «Донконсай»// Русская литература, 1963, №3.
3. СМД ОФ 4277
4. СМД ОФ 4890/2

УДК 130.122-882

**А. В. Вохминцева,
Воронеж, Россия**

ЛЕКСЕМЫ РОДСТВЕННОГО КОДА КАК МАРКЕРЫ ДУХОВНОГО РОДСТВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

FAMILY CODE LEXEMES AS MARKERS OF SPIRITUAL FAMILY IN THE NOVEL «THE KARAMAZOV BROTHERS» BY F. M. DOSTOYEVSKY

Аннотация. В статье речь идет о лексической репрезентации духовного родства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Исследовательской задачей стало определение способности лексем родственного кода являться маркерами духовного родства в последнем романе Ф. М. Достоевского.

Статья рекомендована для студентов, научных сотрудников, исследователей творчества Ф. М. Достоевского.

Annotation. The article deals with the lexical representation of spiritual kinship in F.M. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov».

The research task was to determine the ability of related code lexemes to be markers of spiritual kinship in F.M. Dostoevsky's last novel.

The article is recommended for students, researchers, and researchers of F. M. Dostoevsky's work.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, роман «Братья Карамазовы», термины родства, духовное родство, братство, крещение, брат, отец.

Key words: F. M. Dostoevsky, The Brothers Karamazov, kinship terms, spiritual kinship, brotherhood, baptism, brother, father.

Понятие «духовное родство» предполагает наличие двух смыслов. С одной стороны термин называет отношения, которые возникают в результате крещения, а с другой – им обозначается глубокая эмоциональная связь людей с общими взглядами и ценностями [1, с.9].

У исследователей преобладает трактовка данного термина как следствие крещения. И.Б. Качинская на материале говоров Архангельского региона анализирует общерусские и диалектные термины родства, возникающие после совершения обряда крещения. Особое

внимание она уделяет зоне пересечения семантики кровного и духовного родства. Автор констатирует, что в ситуации, когда крестной матерью ребенка выступает его родная тетья, при выборе обращения к ней приоритет, как правило, дается термином, фиксирующим духовное родства [2, с.73]. Д. В. Жигулина определяет специфику православной метафоричности на материале славянских текстов XI-XIV веков, и отмечает, что терминология духовного родства, зафиксированная в восточно-славянских рукописях, демонстрирует тесную связь с терминологией кровного родства и родства по браку [3, с.442].

В результате синтеза обычая побратимства и христианской обрядовой практики сформировалось церковное братотворение, определяемое как «...средневековый обряд церковного благословения двух христиан, не состоящих в кровном родстве, но стремящихся к тесному духовному общению и братской взаимопомощи в мирских делах» [4, с.191]. Феномен духовного родства неродных людей нашел отражение в русском языке. В толковом словаре живого русского языка В. И. Даля одна из форм употребления лексемы «брат» актуализирует духовную близость, возникшую в контексте церковной традиции: «брат на духу, с кем вместе говел, исповедовался и приобщился» [5]. Кроме этого, В. И. Даль приводит вариант значения лексемы «отец» «отец духовный, духовник или исповедник» [5]. Приводя примеры дериватов слова «дух», В. И. Даль дает следующее определение: «духовный ... из одного духа и души состоящий; все относящееся к Богу, церкви, вере; все относимое к душе человека», а также фиксирует устойчивое положение: «духовное родство пуще плотского» [5].

Духовное родство, понимаемое как связь между людьми, базирующаяся на общности взглядов, остается практически не изученным. Г. А. Шалабаева анализирует переводлирических стихотворений М. Ю. Лермонтова, осуществленных казахским поэтом Абаем Кунанбаевым. Автор определяет наличие духовного родства между поэтами, которое выражается в созвучности и типологическом сходстве способов передачи чувств и настроений [6, с.302].

Работ, посвященных проблематике духовного родства в творчестве Ф. М. Достоевского, сравнительно немного. Н. А. Кладова рассматривает идею сродства в художественной системе романа «Бедные люди», отмечая многократное воспроизведение мотива духовной разъединенности близких людей. Анализируя текст произведения, она приходит к выводу о том, что денежная помощь выступает в романе «символическим обозначением способности человека к духовному родству, то есть способности быть родным другому» [7, с.96].

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» идея духовного родства активно прослеживается в речи старца Зосимы, проповедующего идею всеобщего братства, а также в высказываниях его духовного приемника Алеши Карамазова.

В соответствии с христианским вероучением все люди являются братьями друг другу вне зависимости от наличия кровного родства. Старец обращается к Алеше: «Около братьев будь. Да не около одного, а около обоих» [8, т.14, с.72]. Призывая его находится рядом с братьями, Зосима акцентирует значимость идеи всеобщего братства, предполагающей равные отношения ко всем людям и отсутствие предпочтительного выбора одних перед другими. Рассуждая о духовном братстве, старец утверждает: «Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства» [8, т.14, с.275]. Данное высказывание содержит тезис о том, что истинное братство сформируется лишь тогда, когда каждый человек окажется готовым любить и принимать другого в независимости от его индивидуальных особенностей. Старец говорит Алеше: «Послал я тебя к нему, Алексей, ибо думал, что братский лик твой поможет ему. Но всё от господа и все судьбы наши» [8, т.14, с.259]. Выражение «братский лик» символизирует дуальность роли Алеши: с одной стороны, он выступает в традиционном качестве единокровного брата, осуществляющего защиту и поддержку родственников; с другой – в качестве брата духовного, способного к пониманию человека, спасению его души и наставлению на истинный путь.

Катерина Ивановна обращается к Алеше: «...вы, Алеша, брат мой милый...» [8, т.14, с.171]. Употребление термина родства «брат» может быть обусловлено, во-первых, намерениями

вступить в брак с Дмитрием (и, следовательно, породнится с Алешей по линии свойства). Вторых, признание Алеши братом основывается на внутреннем ощущении единства, духовной связи и взаимной поддержки, что подтверждается словами: «... я еще чувствую себя крепкою... потому что знаю... вы оба меня никогда не оставите...» [8, т.14, с.173].

Обращаясь к штабс-капитану Снегиреву, Алеша говорит: «... возьмите <...> как от брата, как от друга...» [8, т.14, с.192]. Использование обращений «брат» и «друг» в одной фразе, обращенной к одному человеку, не состоящему в кровном родстве с Алешей, фиксирует неразрывную связь данных понятий в картине мира младшего Карамазова. Для него дружеские отношения выходят за рамки приятельских и интерпретируются как братство по духу. При этом следует отметить, что побуждение к оказанию помощи является искренним и проистекает из потребности в поддержке окружающих.

Одна из бесед старца Зосимы называется «Нечто о господах и слугах и о том, возможно ли господам и слугам стать взаимно по духу братьями» [8, т.14, с.285]. Ф. М. Достоевский актуализирует вопрос о возможности преодолеть сословный барьер и достичь подлинного взаимного уважения через признание человека в качестве полноценной единицы социума. Писатель рассматривает проблему социальных различий сквозь призму идеи духовного родства, ставящей под сомнение необходимость сохранения традиционной иерархической организации общества.

Ф. М. Достоевский описывает внутренне состояние Алеши, характеризующееся конфликтом между стремлением находиться рядом с умирающим старцем Зосимой, выступающим для него в качестве учителя и духовного наставника, и острой потребностью присутствовать при брате: «Всею существом своим Алеша стремился в монастырь к своему «великому» умирающему, но потребность видеть брата Дмитрия пересилила всё...» [8, т.14, с.202]. В данной ситуации кровное родство оказывается доминирующим по отношению к духовному. Однако неправомерно утверждать, что Алеша полностью отказывается от идеи духовного братства. Возникающий внутри личностный конфликт лишь подчеркивает сложность выбора между религиозной преданностью и необходимостью поддержки брата в кризисной ситуации. Несмотря на то что родство по крови берет верх в описываемых обстоятельствах, природа данного конфликта свидетельствует о корреляции обоих аспектов в структуре личности Алеши.

Прихожане, обращаясь к старцу Зосиме, используют термин кровного родства по отношению к нему: «Согрешила, отец родной, греха моего боюсь» [8, т.14, с.48]. Люди выбирают такое обращение к старцу, так как видят в нем символ надежды и поддержки, а также признают духовное родство с ним в соответствии с проповедуемой им идеей всеобщего родства.

Таким образом, в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевский реализует идею духовного родства через использование лексем родственного кода (брат, братство, отец), причем глубина духовных связей несколько не уступает важности кровного родства, что выражается словосочетанием «отец родной», употребляемым по отношению к старцу Зосиме. Писатель показывает, что категория «братство» не сводится к формальному отношению, а репрезентирует собой эмоционально-духовный союз, в котором главенствуют взаимопонимание и готовность помочь. Духовное братство не отменяет родство по крови, а выводит межличностные отношения на иной уровень внутреннего принятия человека вне зависимости от социальных, сословных и других границ.

Литература

1. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре. 2009. С. 7-23.
2. Качинская И. Б. Термины духовного родства в архангельских говорах / И. Б. Качинская // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 1. С. 72-79.
3. Жигулина Д. В. Терминология духовного родства, отражённая в славянских памятниках XI-XIV вв / Д. В. Жигулина // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3(49). С. 441-443.

4. Ткаченко А.А. Братотворение//Православная энциклопедия/Под. ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2003. Т.6. С. 190-194.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: Т.1. А-З. 1978.699 с.
6. Шалабаева Г. А. Лирика Лермонтова в переводческой интерпретации Абая Кунанбаева / Г. А. Шалабаева // Перевод как средство взаимодействия культур. 2014. № 1. С. 295-304.
7. Кладова Н. А. Художественная идея романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» / Н. А. Кладова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2017. № 4(60). С. 93-103.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972-1988.

Н. Л. Кузнецова
Санкт-Петербург, Россия

ДОСТОЕВСКИЙ И ДРАМАТУРГИЯ

DOSTOYEVSKY AND DRAMA

Аннотация. Данная статья – попытка осмыслить тему с позиции драматурга. Всем известно, что Ф. М. Достоевский не писал для сцены и даже отказывался от подобных предложений. Но мы также знаем, насколько сценичны произведения писателя. Литературоведы, изучающие творчество Ф. М. Достоевского, известные поэты, писатели, театральные деятели указывали на эту безусловную черту произведений великого писателя Достоевского.

Annotation. This article is an attempt to comprehend the topic from the perspective of a playwright. Everyone knows that Fyodor Dostoevsky did not write for the stage and even refused such offers. However, we also know how stage-worthy the writer's works are. Literary scholars who study Fyodor Dostoevsky's work, as well as renowned poets, writers, and theater professionals, have pointed out this undeniable feature of Dostoevsky's great works.

Ключевые слова: Достоевский, драматургия, драматург, инсценировка, повесть, театр, сцена, сценичность, замысел, комедия, трагедия.

Keywords: Dostoevsky, drama, playwright, staging, novel, theater, stage, stagecraft, concept, comedy, tragedy.

Современные театры считают обязательным правилом включать в репертуар инсценировки по произведениям Ф. М. Достоевского. С одной стороны, это похвально - театры представляют произведения нашего великого писателя-мыслителя и соотечественника. С другой – эта идея вызывает вопросы у драматургов и просвещённых людей вообще. Во-первых, зачем перерабатывать произведения Достоевского для сцены, не всегда удачно, когда доступны книги великого писателя?! И, во-вторых, нужно ли заниматься инсценировками, если сам писатель при жизни отказывался сочинять пьесы?! Пессимизма этим вопросам добавляет и то, что современные театры, ссылаясь на популяризацию творчества Достоевского, якобы из-за того, что молодое поколение мало читает, своими инсценировками закладывают в молодые умы примитивную модель писательского замысла, что естественно - невозможно передать глубину философии романов Достоевского на шестидесяти страницах пьесы (средний объём пьесы в двух действиях – 40-60 страниц печатного текста), и губительно – диалог героев остаётся, а Достоевский исчезает!

Можно, конечно, обратить внимание на замечательные фильмы, снятые по произведениям Достоевского в 60-70-е годы XX века и сценарии к ним: трилогия И. Пырьева – «Белые ночи» (1959), «Идиот» (1958), «Братья Карамазовы» (1968), «Преступление и наказание» (1969), снятый режиссером Л. Кулиджановым, «Дядюшкин сон» (1966), режиссёр К. Воинов, в которых представлен великолепный актёрский ансамбль, сохранена близость к текстам, стилистике и философскому замыслу произведений Достоевского. Но это тоже всего лишь кожзаменитель по сравнению с оригиналом.

Из зарубежного кино можно отметить «Белые ночи» (1957), режиссер Л. Висконти. Действие, конечно, перенесено в XX век, в город Ливорно, снимались М. Мastroяни, М. Шелл, Ж. Маре. Критики отмечают, что Висконти нашёл «золотую середину» между романом Достоевского и своим собственным видением истории «Бедных людей»...

Что касается современных киноверсий «по мотивам произведений Достоевского», то смотреть их невозможно, хотя кто-то, наверное, смотрит.

Тема «Достоевский и драматургия» волнует автора данной статьи по нескольким причинам. Как драматургу мне претят инсценировки, но приходилось самой делать их дважды, чтобы предложить театру интересный материал для детей. Тем не менее, позиция по инсценировкам только укрепилась, особенно после просмотра нескольких спектаклей по произведениям Достоевского в театрах Петербурга.

Со студенческих лет я привыкла очень уважительно, даже подобострастно относиться к литературному наследию великого писателя. Я родилась в Семипалатинске и со школьной скамьи посещала музей-квартиру Достоевского, выставки в музее, позже работала экскурсоводом в Мемориальном музее писателя. И когда глубина замысла и трагедия героев Достоевского нивелируются в театре, когда драматичный сюжет переделывается в фарс, театральную кичку с рогами, для меня театр перестаёт существовать.

В настоящее время, будучи руководителем драматургического семинара «Трагикомические понедельники» при Союзе писателей России (Санкт-Петербургское отделение), регулярно обсуждаем с участниками семинара проблемы инсценировки и оригинальной пьесы. Поэтому тот материал, который я предлагаю вниманию, находится в постоянном дискутировании.

Тема статьи заявлена очень широко, и материал для неё будет накапливаться. На текущий момент планирую больше внимания уделить повестям «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели», написанными в семипалатинский период творчества Ф. М. Достоевского, и их театральным инсценировкам.

Вернёмся к театральным инсценировкам! Справедливости ради надо признаться, что инсценировки по произведениям Ф. М. Достоевского на российской и мировой сцене идут почти 150 лет. В 1878 году, с разрешения Достоевского, Л. Н. Антропов написал комедию «Очаровательный сон» (по мотивам повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон»), которую ещё при жизни Достоевского поставили в московском Малом театре. Спектакль прошёл с большим успехом. А в декабре 1882 года этот спектакль представил Петербургский русский театр. Три крупные газеты того времени, «Новое время», «Голос» и «Биржевые ведомости», сообщили о премьере. Анонимный критик «Нового времени» писал, что «вышла не комедия, а рассказ в разговорной форме»...

В 1899 году сразу два театра – Малый театр (Москва) и Александринский (Санкт-Петербург) представили на своих сценах роман Достоевского «Идиот» (авторы инсценировки – Крылов и Сутугин). Критика – от неприятия до восторга...

В молодости Фёдор Михайлович Достоевский пробовал себя как драматург. Есть свидетельство друга его молодости (в пересказе О. Ф. Миллера), что в 1840 – 1842 годах Достоевский трудился над трагедиями «Борис Годунов», «Мария Стюарт» и «Жид Янкель». Нет более никаких сведений, что эти произведения были завершены.

В дальнейшем друзья и близкие Фёдора Михайловича Достоевского вспоминают, что у писателя возникали идеи написать комедию для сцены, да и сам он в письмах делился подобными мыслями. Например, 18 января 1856 года, Достоевский пишет из Семипалатинска поэту А. Н. Майкову: «Я шутя написал комедию, и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц и так понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями своего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман, но до сих пор всё писал отдельные приключения, написал довольно, теперь всё сшиваю в целое».

Здесь уместно вставить ремарку драматурга. Кто пишет пьесы, понимает, что из пьесы может получиться и рассказ и роман или повесть, если это необходимо. Применяй другие правила писательского ремесла и смело переходи к сочинению другого рода литературы. Для Достоевского, видимо, драматургическая работа была чем-то вроде составления подробного тезисного плана будущей крупной прозаической формы. Только так можно объяснить, почему Достоевский легко отказывается от драматургического жанра в пользу романа.

Конечно, роман, повесть или рассказ можно переделать и в пьесу, но важна мотивация. И тут возникают вопросы: зачем, почему, кому это нужно, сколько это стоит...

Кстати, комический роман, о котором Достоевский писал Майкову, так и не сложился. Нет никаких свидетельств о нём и рукописей. Два года спустя, в январе 1858 года, Федор Михайлович пишет из Семипалатинска брату Михаилу Михайловичу, что он «оставляет до времени» работу над большим романом, бросает «дорогой для него замысел». Вместо этого он собирается написать повесть или роман «в величину «Бедных людей», и, скорее всего, речь идёт о «Дядюшкином сне». Достоевский сетует, что раз многие причины мешают написанию большого романа, тогда он выделяет из романа один комический эпизод, чтобы прислать этот эпизод в виде повести в журнал «Русское слово». Однако и написание повести тоже буксует... Достоевский заключает: «И для денег я должен нарочно выдумывать повести... Скверное ремесло бедного литератора». В январе следующего года повесть была окончена и отправлена в Петербург, где и вышла в мартовском номере «Русского слова».

А Достоевский взялся за окончание повести «Село Степанчиково и его обитатели» для «Русского вестника», с которым был связан обязательствами. На эту повесть писатель возлагал большие надежды в случае успеха, а в успех он верил. Достоевский рассчитывал упрочить своё литературное положение, повысить собственный гонорар и издать собрание своих сочинений. 9 мая 1859 года он пишет брату: «Этот роман, конечно, имеет величайшие недостатки и, главное, может быть, растянутость; но в чём я уверен, как в аксиоме, это то, что он имеет в то же время и великие достоинства и что это лучшее моё произведение...»

К большому разочарованию Ф. М. Достоевского контракт с «Русским вестником» был расторгнут... Брат писателя – М. М. Достоевский обратился к Н. А. Некрасову в «Современник», но выдвинутые Некрасовым условия приравнивались к отказу. И тогда Михаил Михайлович отнёс рукопись «Села Степанчикова» в «Отечественные записки» к А. А. Краевскому. Именно в этом журнале вышла в 1859 году повесть «Село Степанчиково и его обитатели». На эту повесть Достоевский потратил два года с перерывами. «...тут положил я мою душу, мою плоть и кровь...»

Очередная ремарка драматурга. Многим кажется, что пьесу можно сочинить очень быстро. Наверное, есть драматурги, которым это под силу. Сама я пишу долго. И согласна со словами Достоевского про душу, плоть и кровь, которую творец возносит, как гекатомбу, на алтарь литературы, искусства – по большому счёту, будь то пьеса, рассказ, роман или стихотворение...

Достоевский вычленил комический эпизод из своего неоконченного большого романа и переделывает его в повесть. Год работы потребуется писателю, чтобы адаптировать эпизод под самостоятельную повесть «Дядюшкин сон». Это не только понимание профессионализма писателем, но и моральной ответственности за каждое слово. Напрашиваются вопросы: кому это нужно, почему так долго, сколько это стоит??? Ответы готовы! Фёдор Михайлович понимает, что ему необходимо вернуться в литературное пространство России, и совсем не хочет представить что-то скромное и легковесное, но если не получается в силу ряда причин осилить грандиозный замысел, то надо довести до совершенства малую форму. Больших денег эта работа Достоевскому не принесла, но читатели получили исключительное произведение.

«Дядюшкин сон» Достоевский писал практически одновременно с «Селом Степанчиковым», на «Село Степанчиково и его обитателей», если помните, ушло два года. Обе эти повести связаны с литературной традицией того времени. Водевильность, комедийность, актуальность – эти черты отразились в упомянутых выше повестях Достоевского.

В «Дневнике писателя» Достоевский вспоминал о семипалатинском периоде своей жизни: «Помню, что выйдя в 1854 году, в Сибири, из острога, я начал перечитывать всю написанную без меня за пять лет литературу». «Записки охотника» Тургенева, повести Писемского, «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина нашли отражение в произведениях Достоевского, начатых в Семипалатинске. Обращение к широким пластам русской жизни, изображение провинции и деревни, заострение социальных проблем, очерковость – всё это учитывал Достоевский в своих новых литературных произведениях. В «Дядюшкином сне» сказался непосредственно личный опыт писателя, который познакомился с бытом, нравами русской провинции, с разнообразием человеческих типов и характеров. Также в «Дядюшкином сне» проявился сатирический талант Достоевского, его юмор. Литературоведы считают, что эта повесть писателя восходит к старинным комедиям нравов и народному балагану.

Замечание от драматурга. Если бы Достоевский писал пьесу, то всё так бы и выглядело. Фигура молодящегося старика-волокиты, выжившего из ума, вокруг которого суетятся персонажи, мечтающие поживиться, ухватить что-то из дряхлеющей руки. Но писатель, а не драматург, Достоевский всё невероятно усложнил и в образе князя К., и в образах окружающих его персонажей. Конечно, напрашивается сравнение с комедией Гоголя «Ревизор», как и с поэмой «Мёртвые души». И не только повести «Дядюшкин сон», но и повести «Село Степанчиково и его обитатели».

Сценичность произведений Достоевского впервые публично провозглашена Д. С. Мережковским, который восхищался близостью художественной системы Достоевского и поэтикой античной драмы. А Вячеслав Иванов определял романы Достоевского как «романы-трагедии». Но практически все режиссёры, работающие с инсценировками по произведениям Достоевского, отмечают сложность перевода художественной сценичности писателя из романа на сцену. Тем не менее, утвердил себя феномен «Театр Достоевского». Достоевский великолепно сам «режиссировал» свои произведения, создавал узнаваемые персонажи-маски, потрясающие драматические сцены и главное – монологи и диалоги!

К. С. Станиславский планировал поставить «Белые ночи», «Униженные и оскорблённые» и «Село Степанчиково и его обитателей». О «Селе Степанчикове» Станиславский говорил, что в пьесе нужен чтец – это голос самого Достоевского, так как «без Достоевского нельзя».

После смерти Ф. М. Достоевского его вдова – А. Г. Достоевская написала Станиславскому в 1888 году следующую версию: приступая к созданию «Села Степанчиково», муж её первоначально собирался писать не повесть, а пьесу, «но отказался от этого намерения потому, что хлопоты по проведению пьесы на сцену... трудны, а Фёдор Михайлович нуждался в деньгах».

В. И. Немирович-Данченко утверждал: «Достоевский величайший по существу драматург, хотя никогда не писал для сцены». Знаменитый режиссёр поставил спектакль «Карамазовы».

Достоевский воспринимал действительность трагически и осмыслял тоже трагически. Так определял творческое кредо Достоевского один из моих любимых учёных-литературоведов М. М. Бахтин. Он же считал, что Достоевский выработал практически универсальную форму диалога, которая уместна в романе, в пьесе, в мистерии... У Достоевского порог и смежные с ним хронотопы - «улицы и площади являются главными местами действия в его произведениях, местами, где совершаются события». По сути Бахтин утверждает, что сценичность, карнавал и декорации созданы Достоевским внутри его произведений.

В 1873 году в письме московскому студенту М. П. Федорову, просившему разрешения обработать повесть «Дядюшкин сон» для сцены, Достоевский пишет: «15 лет я не перечитывал свою повесть «Дядюшкин сон». Теперь же, перечитав, нахожу её плохую. Я написал её тогда в Сибири, в первый раз после каторги, единственно с целью начать опять литературное поприще, и ужасно опасаясь цензуры (как к бывшему ссыльному). А потому написал вещичку голубиноного незлобия и замечательной невинности. Ещё водевильчик из неё бы можно сделать,

но для комедии – мало содержания, даже в фигуре князя – единственной серьёзной фигуре во всей повести».

Но несмотря на такой скепсис Достоевского по поводу сценического воплощения «Дядюшкиного сна», повесть эта раньше других произведений Достоевского поднялась на театральные подмостки и не сходит с театральных афиш до сего дня.

Реплика драматурга. Нет приятнее для писателя похвалы, что его проза драматургична. Но что приятно прозаику – кость в горле у драматурга. Если пьесу сравнивают с прозой, что может быть хуже?!

В заключении приведу слова Г. М. Фридлендера из предисловия к изданию полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского Пушкинским домом в 1988 году: «Творчество Достоевского – одно из важнейших явлений в истории русской литературы XIX века. Философия, психологизм и драматизм прозы Достоевского сделали писателя одним из величайших писателей-гуманистов мира. Пронизывающее творчество Достоевского нравственное беспокойство поновому преломилось в произведениях следующих поколений писателей».

История, как говорится, не знает сослагательного наклонения. Фёдор Михайлович Достоевский – величайший писатель-мыслитель для всего прогрессивного человечества.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15-ти томах. – Л.: «Наука», 1988.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972.

Н. М. Петрухина
Ташкент, Узбекистан

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТМОДЕРНИЗМЕ (В. ПЬЕЦУХ, Д. ГАЛКОВСКИЙ)

THE FUNCTIONAL ROLE OF DOSTOEVSKY'S WORK IN RUSSIAN LITERARY POSTMODERNISM (V. P'ETSUKH, D. GALKOVSKY)

Аннотация. Статья посвящена исследованию функциональной роли художественного и философско-эстетического наследия Ф. М. Достоевского в контексте русского литературного постмодернизма конца XX – начала XXI века на материале прозы В. Пьецуха и Д. Галковского. В качестве теоретико-методологической базы используются положения аксиологического, интертекстуального и дискурсивного подходов, позволяющие рассматривать творчество Достоевского как продуктивный источник культурных кодов, активно переосмысливаемых в постмодернистской парадигме.

Annotation. This article explores the functional role of F. M. Dostoevsky's artistic and philosophical-aesthetic legacy in the context of Russian literary postmodernism of the late 20th and early 21st centuries, using the prose of V. P'etsukh and D. Galkovsky as a theoretical and methodological framework. This approach draws on axiological, intertextual, and discursive approaches, allowing us to consider Dostoevsky's work as a productive source of cultural codes actively reinterpreted within the postmodern paradigm.

Ключевые слова: Медиатор, Достоевский, рецепция, перекодировка, культурный контекст, культурфилософская интерпретация.

Keywords: Mediator, Dostoevsky, reception, recoding, cultural context, cultural-philosophical interpretation.

В русском литературном процессе конца XX века функциональная роль творчества Ф. Достоевского определяется как «медиатор» культур-философских, социокультурологических и художественных рецепций, что в направленческом аспекте соотносимо с доминированием русского литературного постмодернизма. По мнению исследователя С. Трунина: «Для

современного литературоведения проблема рецепции наследия Достоевского актуальна как в теоретическом аспекте, так и в практическом. Это обусловлено тем, что рецепция представляет собой как бы «двойную призму»: идеи, образы, проблемы творчества Достоевского, становящиеся объектом рецепции, раскрываются глубже и полнее, а кроме того, получают «новую жизнь» в произведениях современных авторов. Многие писатели прибегают к рецепции как средству создания культурного полилога в пространстве русской литературы. Постмодернизм усложняет формы функционирования рецепции, порождает вариативность интерпретаций, в результате чего возникают новые культурные феномены» [1].

В русском литературном постмодернизме наблюдается особая активация внимания к творчеству Достоевского, поскольку «концентрируя» в себе русскую классическую традицию он становится наиболее благодатной почвой для «эстетических» игр с классикой. демонстрирующих обращение к наследию Достоевского. Рецептивный метод позволяет выявить множественные формы рецептивной «игры» с творчеством Достоевского как в системе собственно эстетических структурных моделях текста, так и на мировоззренческом уровне. Наиболее активно репрезентируются цитация, аллюзии, паратекстуальность, метатекстуальность, пастиш, пародийная игра, эстетика комментаторства.

В романе В. Пьецуха «Новая московская философия» можно проследить такую форму рецепции как сюжетная игровая рецепция, в романе Д. Галковского «Бесконечный тупик» интерференцию культур-философской и эстетической рецепции.

Несмотря на дифференциацию рецептивных форм необходимо отметить, что типологическая соотнесённость стратегии «заимствований» очевидна и при определённой формальной доминанте обозначенных выше форм рецепции соответственно каждому произведению наблюдается формирование общего рецептивного поля во всех направлениях текста. Такой подход определяется эстетической особенностью постмодернистской установки в целом на полифоническую «перекодировку» традиции. Если реалистическая рецепция Ф. Достоевского определяется самой стратегией актуализации традиции Достоевского и его мировоззренчески-эстетических теорий, то постмодернистские писатели ориентированы на использование «кода» Достоевского как медиатора русской литературной традиции. Отсюда эстетическая и культурфилософская интерпретация Достоевского реализуется на уровне не прямых соотнесений, а посредством особого подтекста, являющегося ключом к собственно авторской концепции.

В повести В. Пьецуха «Новая московская философия» общее рецептивное поле выстраивается в соответствии с канонами эстетики «иронического авангарда». Повествование ведётся от имени рассказчика, человека обстоятельного и неспешного. В его размышлениях доминантным становится «литературный фон», который уравнивает эстетическое поле русской литературной классики и московской реальности человека XX века. Реальность у Пьецуха парадоксальна, она строится в соответствии с литературными канонами, – на основе деаксиологизации ценностей той действительности, которая разыгрывается в рамках сюжета «Преступления и наказания»: «Это удивительно, но русская личность издавна находится под владычеством, даже игом родного слова. Датчане своего Кьеркегора сто лет не читали, французам Стендаль, пока не помер, был не указ, а у нас какой-нибудь саратовский учитель из поповичей напишет, что ради будущего нации хорошо было бы выучиться спать на гвоздях, и половина страны начинает спать на гвоздях. Такая покорность художественному слову вдвойне удивительна потому, что всем, кроме детей и сумасшедших, ясно как божий день: за этим самым словом стоит всего лишь бездыханное отражение действительности, модель. И это еще в лучшем случае; в худшем случае люди просто сидят и сочиняют всякие небылицы, самозабвенно играют в жизнь, заставляя никогда не существовавших мужчин и женщин совершать поступки, которые взаправду никогда и никем не были совершены, то есть фактически вводят в заблуждение миллионы честных читателей, пресерьезно выдавая свои

выдумки за былое, да еще и покушаются на некоторые надчеловеческие прерогативы, потому что, бывает, пишут: «он подумал», «ему в голову пришла мысль»; но ведь это кем нужно быть, чтобы знать, о чем именно он подумал и какая именно ему в голову пришла мысль!» [2].

В. Пьецух акцентирует внимание на иронизировании как ключевом приёме «декодировки» «петербургских» смыслов в «московском» бытии. По сути каждый из героев – носитель собственной индивидуальной философии. Это своего рода множасьщиеся инварианты «теории» Раскольникова. Пьецух иронически соединяет литературу с конкретной ситуацией обесценивания высших смыслов, составивших прецедент «дегуманизации искусства», да и жизни в целом. В повести петербургский вариант преступления оказывается серьезнее московского. Московская философия идет не от бонапартизма, а от душевной бедности. Вячеслав Пьецух создает особую атмосферу повести, в которой парадоксальным образом, как это возможно в игре, соединяется реальность и условность, драматизм и смех, встраивая «свою» философию в особое «карнавальное» пространство, в котором Достоевский выполняет роль медиатора между «искательствами» XIX и XX веков. Так Пьецух акцентирует позицию «двойного взгляда» – то развенчивает роль литературы в обществе, всячески утрируя ее, то стремится возродить ее гуманистические ценности через очищение смехом.

Герой повести, философствующий фармаколог Белоцветов подводит своеобразный итог: «... В процессе нравственного развития человечества литературе отведено даже в некотором роде генетическое значение, потому что литература – это духовный опыт человечества в сконцентрированном виде и, стало быть, она существеннейшая присадка к генетическому коду разумного существа, что помимо литературы человек не может сделаться человеком» [3]. Однако тут же «выворачивается наизнанку» смысл в диалоге Белоцветова с Митькой, который не читал «Преступления и наказания».

Так в общем коммунальном пространстве реализуется всё тот же «масочно-карнавальный» приём – истинное познаётся через комическое и трансформируется в трагическое – мир «новых московских философий» лишь подражает нравственным устоям русской традиционности, а в реальности оборачивается всё игрой в «нравственность». Пьецух посредством игровых художественных рецепций на уровне сюжетных, образно-стилевых, языковых форм передаёт главную «катарсическую» идею «старой петербургской философии» Ф. Достоевского – смысл человеческого бытия должен определяться нравственным самоочищением и духовным возрождением.

Важную роль в связи с этим приобретает текст, несущий помимо художественной ещё и культур-философскую функцию, как, например, роман-комментарий Д. Галковского «Бесконечный тупик», символизирующий по сути модель рецептивного пространства русской литературы XX века.

Ю. Лотман, подчёркивая характерное для новой эпохи усложнение социально-коммуникативных функций текста, в качестве одного из критериев выделял процесс «общения между текстом и культурным контекстом. В данном случае текст выступает в коммуникативном акте не как сообщение, а в качестве его полноправного участника, субъекта – источника или получателя информации. Отношения текста к культурному контексту могут иметь метафорический характер, когда текст воспринимается как заменитель всего контекста, которому он в определенном отношении эквивалентен, или же метонимический, когда текст представляет контекст как некоторая часть – целое. Причем, поскольку культурный контекст – явление сложное и гетерогенное, один и тот же текст может вступать в разные отношения с его разными уровневными структурами. Наконец, тексты, как более стабильные и отграниченные образования, имеют тенденцию переходить из одного контекста в другой, как это обычно случается с относительно долговечными произведениями искусства: перемещаясь в другой культурный контекст, они ведут себя как информант, перемещенный в новую коммуникативную ситуацию, – актуализируют прежде скрытые аспекты своей кодирующей системы. Такое

“перекодирование самого себя” в соответствии с ситуацией обнажает аналогию между знаковым поведением личности и текста. Таким образом, текст, с одной стороны, уподобляясь культурному макрокосму, становится значительнее самого себя и приобретает черты модели культуры, а с другой, он имеет тенденцию осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности»[4].

«Перекодирование самого себя» осуществляется Д. Галковским посредством «философствующего» и «юродствующего» сознания главного героя романа-комментария Одиноква, который по сути соотносится со всеми «децентрированными» автором писателями и героями русской литературы. Так Одинокв выступает в роли «концентра» некой общей традиции литературной, благополучно в процессе «тотальной иронизации» её же и декодируя: «Одинокв с ужасом понимает, что является носителем страшного разрушительного потенциала, цілого сонма демонов, не находящих себе приемлемого выхода в реальность и окончательно звереющих от этого, превращающихся в легион бесов. Эта трагедия характерна для русского, то есть типично восточно христианского сознания. Если в западно христианском мире даже в эпоху вакханалии рационализма существовал мощный выход архетипических устремлений (например, феномен европейского романтизма в начале XIX века), то русский архетип был задавлен беспросветным иноязычным логосом. В результате Россия XIX века породила взбесившееся поколение, целое поколение психически ущербных людей. Проблема национальной санации, как и предсказывал Достоевский, была решена путём физического уничтожения неполноценного поколения. Но это помогло лишь частично. Механизм перемалывания целых генераций остановлен, а проблема исхода русского архетипа остаётся совершенно нерешённой. Сущность книги Одиноква это мучительный эксперимент, поставленный на себе, – эксперимент контакта с собственным архетипом» [5].

Рассуждая о романе Д. Галковского С. Е. Трунин отмечает полифонию рецептивного поля, соотносимую в первую очередь с автором-героем: «В романе Д. Галковского «Бесконечный тупик» наблюдается своеобразный сплав культур-философской и художественной рецепции. Это объясняется как спецификой паралитературного произведения, так и спецификой мышления самого автора. Уникальность этого произведения также заключается в многочисленных переплетениях культур-философского и художественного дискурсов (чему способствует образ главного героя романа – Одиноква)»[6]. И подчёркивает при этом, что «самоидентификация Одиноква во многом осуществляется путем соотношения различных ипостасей его Я с героями Достоевского, а некоторых моментов его биографии – с эпизодами из произведений русского классика. Цель автора «Бесконечного тупика» – самопознание и, через постижение себя самого, познание русского национального характера»[7].

Литература

1. Трунин С. Е. Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX - XXI вв. – Автореф. диссер. ... на соиск. Учёной степени кан. филол. наук. – М., 2008. - <http://cheloveknauka.com>
2. Пьецух В. Новая московская философия.//Новый мир.-№1-1989-<http://romanbook.ru/book/download/9273790/>
3. Пьецух В. Новая московская философия.//Новый мир.-№1-1989-<http://romanbook.ru/book/download/9273790/>
4. Лотман Ю. Н. Семиотика культуры и понятие текста. // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. - Таллинн, 1992. – С. 129-132. – www.
5. Галковский Д. Бесконечный тупик. Роман-комментарий. – Галковский Д. Бесконечный тупик. – 2-е изд. – М.: Самиздат, 1998. – 708 с. - <http://www.samisdat.ru>
6. Трунин С. Е. Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX – XXI вв. – Автореф. диссер. ... на соиск. Учёной степени кан. филол. наук. – М., 2008. – <http://cheloveknauka.com>
7. Трунин С. Е. Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX – XXI вв. – Автореф. диссер. ... на соиск. Учёной степени кан. филол. наук. – М., 2008. - <http://cheloveknauka.com>

УДК 069.51(574.42-2С)

И. М. Рекида
Семей, Казахстан**ОБРАЗ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ФАВОРСКОГО, НА ПРИМЕРЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ «ДОСТОЕВСКИЙ»****THE IMAGE OF F. M. DOSTOEVSKY IN THE ARTISTIC LEGACY OF V. A. FAVORSKY
BASED ON THE MUSEUM COLLECTION ARTWORK “DOSTOEVSKY”**

Аннотация. В статье рассматривается образ Ф. М. Достоевского в графическом наследии В. А. Фаворского на примере произведения «Достоевский» из музейной коллекции. Анализируются художественные и идейные особенности образа, соотношение пластического решения и философского содержания, а также место произведения в системе взглядов художника.

Annotation. The article examines the image of F. M. Dostoevsky in the graphic oeuvre of V. A. Favorsky, using the work “Dostoevsky” from a museum collection as a case study. The study analyzes the artistic and conceptual characteristics of the image, the relationship between its plastic form and philosophical content, as well as the place of the work within the artist’s system of views.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. А. Фаворский, гравюра, ксилография, иллюстрация.

Keywords: F. M. Dostoevsky, V. A. Favorsky, engraving, woodcut, illustration.

Фёдор Михайлович Достоевский – фигура знаковая как в литературе, так и в искусстве. Герои его произведений многократно становилось объектом художественно творчества, а образ самого Фёдора Михайловича портретировался не раз как в живописи, так и в графике. Глубокая и цельная личность писателя ставила перед художниками сложные изобразительные задачи. Каждый решал их по-своему, исходя из собственного понимания и ощущения, творческой обстановки и условий.

В Областном музее изобразительных искусств имени семьи Невзоровых хранится графический портрет Фёдора Михайловича Достоевского, выполненный Владимиром Андреевичем Фаворским в 1929 году в технике ксилографии (КП 1179) по заказу «Литературной энциклопедии» для статьи о Достоевском. [3, с. 528] Работа поступила в музей в 1987 году от дочери художника Фаворской М.В.

В современном искусствоведении творчеству В. А. Фаворского уделяется достаточно большое внимание. Имеются монографии, систематизировано его теоретическое и педагогическое наследие. Изучая творчество Фаворского в целом, и произведения, хранящиеся в музейной коллекции в частности, сотрудники музея, опираясь на накопленные знания, ставили перед собой задачу понять значение и источник художественной трактовки каждого образа и сюжета, его место в творчестве художника. Данная статья рассматривает произведение «Ф. М. Достоевский» в контексте теории В. А. Фаворского об искусстве книжной иллюстрации, анализирует художественные методы и приёмы её исполнения, и влияние на художника личности писателя.

Владимир Андреевич Фаворский не просто художник-график. Получив художественное образование в Москве, в частной студии К. Ф. Юона, а затем в Германии, в Мюнхене, у художника Шимона Холлоши¹⁴, он в 1909 году поступил в Московский университет, и в 1913 году закончил искусствоведческое отделение филологического факультета. Это позволило ему сочетать работу художника, преподавателя и теоретика искусства. Получив образование в России и за рубежом, Фаворский в своём творчестве сочетал традиции русского и европейского искусства, при этом оставаясь в большей степени национальным художником. [2, с. 59] Анализируя законы композиции, отношения формы и пространства, сюжета и стиля литературного произведения и его визуального воплощения, Фаворский создал собственную

¹⁴ Шимон Холлоши (1857-1918) – венгерский живописец, рисовальщик и педагог. Создал собственную оригинальную художественную школу-студию в Мюнхене, которая привлекла многих художников, ищущих новые пути в искусстве.

теорию книжной иллюстрации, воспринимая книгу, как целостный организм. Художник вёл активную преподавательскую деятельность. Своими взглядами и открытиями он делился со своими учениками. Он преподавал во Вторых свободных художественных мастерских в Москве, Высших художественно-технических мастерских, был ректором, позже преподавал в Полиграфическом и Архитектурном институтах, Институте прикладного и декоративного искусства, читал курс «Формальной композиции», «Теории композиции», «Графических отвлечённых дисциплин», и другие. В своих лекциях он связывал композицию с историей искусств и философией, размышлял над отличием формы бытия от формы воздействия, опираясь на книгу Гильдебранда «Проблема формы в изобразительном искусстве», которую сам перевёл с немецкого языка. [2, с. 56] Среди его учеников были М. М. Аксельрод, А. Г. Тышлер, И. В. Голицын. В коллекции музея хранятся два портрета Фаворского, выполненных последним.

Владимир Андреевич Фаворский, говоря о книжной иллюстрации, проводил тесные аналогии с изобразительным искусством, считая книгу – художественным произведением, изображением произведения словесного, а слово – материальной вещью, которую книга вводит в наш быт. [4, с. 118] Именно поэтому в оформлении книги, по его мнению, имело ключевое значение абсолютно всё – от переплёта и шрифта до собственно иллюстраций, причём к последним так же применялись особые требования, одним из которых считалось соответствие стилю – а это уже было вопросом мировоззренческим.

Считая книгу единым гармоничным произведением, он в самом литературном тексте прослеживает те же законы формы и содержания, которые характерны и изобразительному искусству.

«Автор литературного произведения, беря сюжетный случай, беря частный момент, повышает его до типа, открывая в нём монументальные ритмы, и в конце концов доводит своё словесное произведение до состояния цельного художественного организма, в котором не фабула только, а все моменты формы уже пронизаны содержанием». [4, с. 117]

Отношения формы и содержания, как проявление стиля произведения, имеют свои законы и отношения героя к пространству.

«... Стиль в искусстве выражает основные моменты мировоззрения, анализ стилевой формы даёт нам определённое отношение в данном искусстве предмета к пространству и через то определённую форму предмета и пространства» [4, с. 119]

Согласно теории Фаворского, отношение предмета к пространству, то есть его связи и противоречия, ставят героя в определённое положение, делая его либо частью пространства, как в египетском искусстве, либо противопоставляя пространству, как в эпоху Ренессанса, либо делая его центром пространства как, например, в искусстве раннего Барокко, либо позволяя индивидуально дополнять атмосферу, что характерно, например, романтическим формам. [3. стр. 119] Это отношение уже определено стилем художественного произведения, и задача художника-иллюстратора состоит не в том, чтобы создать «непосредственно-зрительный материал», подходя к работе чисто «иллюзионистически», но достичь синтеза искусств, а *«... иллюстрация и всё пространственное оформление в книге должно и может в своём материале, своим методом подавать то, на что слово только намекает».* [4, с. 120]

Каждый писатель, по мнению Фаворского, имеет не просто свой стиль, или почерк, не просто отражает эпоху, но подаёт свою особенную идею, мысль и «сгустки чувствований», которые и строят внутреннее пространство. У Пушкина, например, он видит «объёмные скульптурные рамы», тонкую иронию и предметные образы. Отношение предмета к пространству в его произведениях определённее и сложнее. В этом он сравнивает Пушкина с искусством ампира. Произведения Гоголя натюрмортны и личны, предметность передана до предела. В произведениях Чехова важна сама фигура, лицо героя. На таком понимании характера и стиля писателя и должна, по мнению Фаворского, опираться иллюстрация.

«Подходя к какому-то художественному произведению, я всегда стараюсь представить себе отношение фигуры действующего лица к кадру всей иллюстрации. [...] Как действует эта фигура в пространстве, и какое должно быть это пространство» [4, с. 125]

Как же все эти идеи воплотились в портрете Ф. М. Достоевского?

Для Фаворского Достоевский – это глубокие чувства и переживания. Все душевные потрясения, вложенные им в уста его героев, отражаются и в его облике. Его настроение, вкусы, болезни, всё его нутро, все нравственные переживания создают эмоциональное пространство, объединяя автора и читателя, заставляя воспринимать героя субъективно и переживать его чувства, как свои собственные.

«У Достоевского начало сразу вводит меня в пространство чувств героя. Всё произведение тем самым оказывается нравственно-пространственным, где герой то предмет, то пространство, мы то во внешнем, то во внутреннем мире героя, но главным образом во внутреннем. И отсюда явное желание субъективировать героя. Или это Достоевский или это я, читатель, чего совсем нет у Пушкина». [4, с. 123]

И это понимание и прочувствование Достоевского прослеживается в его портрете, который стоит рассмотреть внимательнее.

На переднем плане листа вертикального формата, в три четверти роста изображен Ф. М. Достоевский. Его фигура помещена на фоне дверного проёма, который занимает больше половины изобразительного пространства листа и акцентирует внимание на монументальности образа писателя. Композиционные вертикали повторяются в его фигуре, в проёме двери, длинных свечах на столе, фотографиях на стене. Ф. М. Достоевский изображён стоящим у стола с рукописью в руках, и глубоким, сосредоточенным взглядом. Плотно сжав губы, он размышляет. Свет от свечи падает на фигуру и лицо, высвечивая часть одежды и высокий, покатый лоб. Тонкий белый абрис, идущий вокруг головы и торса писателя, выделяет часть его фигуры, залитую плотным чёрным цветом на фоне более светлого и прозрачного воздуха дверного проёма, отделяющего героя от пространства стены, что подчёркивает значимость отношения предмета и пространства, характерную произведениям В. А. Фаворского. Контраст светлого и тёмного усиливает драматизм и подчёркивает сосредоточенность состояния.

Ф. М. Достоевский в работе В. А. Фаворского исполнен монументально за счёт низкой точки зрения и максимального приближения героя к зрителю. Его фигура – складки одежды, поверхность рук, изгибы лица – решены плоскостями ровных прямых и изогнутых параллельных коротких штрихов. Это придаёт образу собранность и устойчивость. Фон, напротив, создаётся размашистыми диагональными штрихами. Ксилография – это вид высокой гравюры, где краска заполняет не углубление прорезанного штриха, а ложится на поверхность доски, что даёт возможность нанесения краски разными слоями и с разной интенсивностью. Это свойство ксилографии художник выгодно использует для выделения пространства дверного проёма и противопоставление его пространству стены. Образ писателя исполнен глубокого философского раздумья и сильных душевных переживаний. Взгляд устремлён в невидимую точку, словно судьбы его героев проходят мимо невидимого взора автора, а сами скульптурно-объёмные герои произведений Ф. М. Достоевского аккумулированы в образе писателя, их создавшего.

книжной иллюстрации и всего искусства в целом. Его место в культуре определяется не только его художественными достижениями. Художник-теоретик, он первым объединил искусство книжной иллюстрации духовно и материально с произведением литературным, сделав книгу – пространственным воплощением слова, а писателя – художником. В коллекции музея сейчас хранится 31 работа В. А. Фаворского. Портрет Достоевского интересен не только поклонникам творчества писателя, художникам, или поклонникам творчеств Фаворского. Он не оставляет равнодушным, заставляет остановиться, задуматься и сопереживать.

Литература

1. Адашкина Н.Л. В.Фаворский – педагог-теоретик (О курсе теории композиции) / Адашкина Н. Л. // Советское искусствознание – 1977 - №2. – С. 210 -232
2. В.А. Фаворский. Воспоминания о художнике. / сост. Г.А. Загянская, Е.С. Левитина – М: Книга, 1990 – 356 с.
3. В.А. Фаворский. Литературно-теоретическое наследие / сост. Е.Б. Мурина, Д. Д. Чебанова – М: Советский художник, 1988 – 587 с.
4. В.А. Фаворский. Об искусстве, о книге, о гравюре. / сост. Е. С. Левитина – М: Книга, 1986 – 239с.
5. Климов Р.Б. Заметки о Фаворском / Климов Р.Б. //Советское искусствознание – 1975 – № 1. – С. 201 – 236
6. Лапшин В.П., В.А. Фаворский и Н.М. Чернышев. набросок к двойному портрету / Лапшин В.П.// Панорама искусств – 1984. – № 7. – С. 18 – 51.

УДК 069.51(574)

Ю. В. Сивашова
Семей, Казахстан

ОБРАЗЫ Ф. ДОСТОЕВСКОГО И Ш. ВАЛИХАНОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖНИКОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ СЕМЬИ НЕВЗОРОВЫХ

IMAGES OF FYODOR DOSTOEVSKY AND CHOKAN VALIKHANOV IN THE WORKS OF ARTISTS FROM THE COLLECTION OF THE REGIONAL MUSEUM OF FINE ARTS NAMED AFTER THE NEVZOROV FAMILY

Аннотация. В статье рассматривается художественное осмысление образов Фёдора Достоевского и Шокана Валиханова в произведениях художников из коллекции Областного музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых. На материале живописи, графики и скульптуры выявляются особенности интерпретации личности и историко-культурного значения этих выдающихся деятелей.

Annotation. The article examines the artistic interpretation of the images of Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov in the works of artists from the collection of the Regional Museum of Fine Arts named after the Nevzorov Family. Based on paintings, graphic works, and sculpture, the study identifies the distinctive features of how the personalities and historical and cultural significance of these outstanding figures are interpreted.

Ключевые слова: Фёдор Достоевский, Шокан Валиханов, художественный образ, музейная коллекция, живопись, графика, скульптура, межкультурное взаимодействие, культурное наследие.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Chokan Valikhanov, artistic image, museum collection, painting, graphics, sculpture, intercultural interaction, cultural heritage.

В художественном наследии казахстанских и российских мастеров XIX-XXI веков особое место занимают образы культурных и исторических фигур, оказавших глубокое влияние

на развитие гуманитарной мысли. Ф. М. Достоевский и Ш. Ч. Валиханов – выдающиеся представители интеллектуальной элиты своего времени, чьи судьбы пересеклись в Семипалатинске и оставили значимый след в культурной памяти. Коллекция Областного музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых (г. Семей) включает ряд произведений, посвящённых этим личностям. Работы А. А. Гурьева, В. А. Фаворского, А. А. Сыдыханова, Н. И. Яковлева, Л. Т. Ядринцева, М. М. Беляева не только сохраняют визуальный образ героев, но и транслируют ценностные ориентиры эпохи.

Фёдор Михайлович Достоевский – гениальный русский писатель, мыслитель, философ, оказавший фундаментальное влияние на развитие мировой литературы, философии, психологии и культуры. Его произведения признаны классикой не только русской, но и мировой литературы. Автор таких бессмертных романов, как «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» и других, он исследовал глубины человеческой души, став основоположником экзистенциального направления в художественной мысли.

Одной из ключевых тем творчества Достоевского является внутренний конфликт личности, нравственный выбор, борьба добра и зла в человеке. Он первым в художественной форме поставил вопросы, которые позднее стали центральными в философии XX века: свобода воли, вина и искупление, человек перед лицом Бога и мира. Его персонажи – это не просто герои, но носители идей, философских позиций, они живут на грани духовного прозрения и бездны разрушения. Благодаря этому Достоевского читают и анализируют не только филологи, но и теологи, философы, психиатры, социологи [1, с. 7-8].

В 1849 году Фёдор Михайлович Достоевский был арестован за участие в кружке Петрашевцев – неформальном сообществе прогрессивно мыслящих интеллигентов, выступавших с критикой самодержавия и крепостничества. В числе других участников он был приговорён к смертной казни, и уже на эшафоте, в момент подготовки к расстрелу, приговор был неожиданно заменён на четырёхлетнюю каторгу в Омском остроге с последующим зачислением в армию. После отбытия срока в 1854 году Достоевского направили для дальнейшей службы рядовым солдатом в Семипалатинск, где он провёл пять лет (1854–1859). Этот период стал важным этапом в его жизни, оказав значительное влияние на его мировоззрение и последующее творчество. В условиях ссылки и ограничений он обрёл новую силу духа, переосмыслил своё место в жизни и литературе. Здесь он снова начал писать, вёл дневники, размышлял о вере, страдании и судьбе народа. Именно в Семипалатинске сформировалось духовно-философское основание тех идей, которые в дальнейшем определили содержание его крупнейших романов [2, с. 26].

Шокан Валиханов родился в ноябре 1835 года в крепости Кушмурун (близ Костаная) в семье старшего султана Аман-Карагайского округа Чингиса Валиханова. Получил блестящее образование в Омском кадетском корпусе, где проявил выдающиеся способности к языкам, математике, географии.

Важнейшей вехой в научной и творческой биографии Шокана Валиханова стали его экспедиции в Центральную Азию, Восточный Туркестан, Семиречье, районы Тянь-Шаня и Иссык-Куля. Эти путешествия носили не только географический, но и комплексный культурологический и этнографический характер. Валиханов выступал одновременно как исследователь, наблюдатель, аналитик и художник, фиксируя в полевых дневниках богатейший материал, включавший этнографические описания, зарисовки предметов быта, архитектуры, мифологических сюжетов и общественных укладов.

Несмотря на короткую жизнь, Валиханов оставил научное наследие, оказавшее значительное влияние на становление казахской этнографии, историографии и социокультурной аналитики. Особое значение имеют его труды: «Киргизское родословие», «Записки о судебной реформе», «О мусульманстве в степи», «Этнографическое наследие казахов», материалы, собранные во время путешествия в Кашгарию и другие.

Наряду с выдающейся научной деятельностью Шокан Валиханов проявил неоспоримый художественный дар. Его этнографические зарисовки – казахские юрты, традиционная

утварь, элементы костюма, сцены повседневной жизни и природные пейзажи – выступают не просто иллюстративным материалом к его исследованиям, но обладают самостоятельной художественной ценностью. Визуальное наследие Шокана Валиханова позволяет рассматривать его как одного из основоположников интеграции художественных и этнографических методов в научном исследовании культуры Казахстана [3].

Образ Фёдора Михайловича Достоевского занимает особое место в истории изобразительного искусства XIX-XX века. Художников привлекала не столько внешность писателя, сколько глубина и драматизм его духовного опыта, напряжённость философских и нравственных исканий, отражённых в литературном наследии. В этом контексте показательным обращением к образу Достоевского в графических произведениях, хранящихся в коллекции Музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых.

Линогравюра Альберта Гурьева «Портрет Достоевского» 1976 года относится к серии иллюстраций к роману Достоевского «Идиот» и представляет собой экспрессивную, обобщённую интерпретацию образа писателя. Вся фигура говорит о полной сосредоточенности и погружённости во внутренний мир, о полной замкнутости. Это подчёркивают также тесные рамки овала, в который вписан портрет писателя. Кажется, что Достоевский стремится вырваться из этих давящих рамок мучительных раздумий. Тема жизненного пути, тема страдания в жизни подчёркивается изображением крестообразной спинки стула, на котором сидит писатель. Он относит нас к образу Христа, его жизненного пути, его страданий. Техника линогравюры удачно подчеркивает общую давящую, трагичную, но вместе с тем светлую атмосферу работы. Словно из тёмного мрака появляются светлые гибкие линии, очерчивающие фигуру писателя, его руки, плечи, голову. Светлым пятном выделяется лоб писателя – мыслителя и гуманиста. Рано состарившееся лицо говорит о пережитых страданиях, но вместе с тем о нравственном подвиге этого человека, не опустившегося, не замкнувшегося в самом себе, а напротив, открывшегося людям и сострадающего им [4].

В ксилографии Владимира Фаворского «Ф. М. Достоевский» 1929 года великий писатель предстаёт перед зрителем во всей своей жизненной правде. Напряжённый, сосредоточенный, задумчивый взгляд, поджатые губы, большой открытый лоб показывают человека противоречивой, трудной судьбы, для которого творчество – жизненная необходимость [5]. Пространство в композиции строго организовано, предметная среда – книги, свечи, архитектурные плоскости – приобретает символическое значение, дополняя характер героя. Ритмически организованный, конструктивный штрих Фаворского создаёт тонкую систему светотеневых переходов, формируя образ внутренне собранного, духовно устойчивого мыслителя.

Вместе эти работы формируют многогранный образ писателя, отражающий сложность и противоречивость его личности и творчества, и подчёркивают значимость графики как формы философского и культурного осмысления литературного наследия.

Образ Шокана Валиханова с течением времени становится не только объектом исторического исследования, но и важной темой для художественного выражения. Произведения из коллекции Музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых раскрывают многогранность личности Валиханова. Живописные, скульптурные и графические работы формируют целостное представление о личности учёного, соединяя психологический, диалогический и историко-культурный подходы.

Живописное произведение Абдрашита Сыдыханова «Чокан Валиханов» демонстрирует психологическое прочтение образа. Фигура Валиханова погружена в сумрачное, почти абстрактное пространство, где человек оказывается один на один с миром и собственной судьбой. Фон работы написан тёмными, коричневыми, зелёными, синими, почти чёрными, цветами. Мастер пишет широкой кистью, корпусно накладывая слой краски. Фактура и цветовая гамма создают ощущение высоких холмов, выстроенных друг за другом за спиной

главного персонажа. Выбранная низкая точка зрения, а также изображение фигуры во весь рост, придаёт картине монументальность. Образ Шокана Валиханова сравнивается с вершинами гор, придавая ему величественность. Здесь Валиханов предстаёт не столько историческим персонажем, сколько символом мыслителя, несущего груз знания и ответственности перед временем [6].

Иное, более уравновешенное психологическое решение предлагает Николай Яковлев в живописном портрете Шокана Валиханова. В отличие от драматизации образа у Сыдыханова, Яковлев обращается к камерному портрету, в котором внутреннее напряжение выражено через живописную пластику и цветовую организацию формы. Образ Валиханова лишён парадности и внешней героизации; художник акцентирует внимание на передаче состояния сосредоточенного размышления. Лёгкий разворот головы, отведённый в сторону взгляд, этюдная манера письма создают ощущение интеллектуального поиска и внутреннего движения мысли. Обобщённый фон и сдержанный колорит способствуют восприятию образа Валиханова как универсального типа учёного и мыслителя, сформированного на пересечении культурных традиций.

Диалогический аспект личности Валиханова раскрывается в скульптурной композиции Леонарда Ядринцева «Встреча в Семипалатинске Ч. Валиханова с Ф. Достоевским» 1983 года. Здесь образ учёного формируется через ситуацию личного и интеллектуального общения. Художник концентрируется не на внешней значимости персонажей, а на самом процессе диалога, сопresутствии двух культурных и мировоззренческих систем. Шокан Валиханов изображён сдержанным и собранным, в равной позиции по отношению к собеседнику. В отличие от более экспрессивного образа Достоевского, его фигура наполнена внутренним спокойствием и достоинством, что подчёркивает интеллектуальную зрелость и самостоятельность казахского учёного.

Историко-культурное и символическое значение приобретает работа Михаила Беляева «Путешествие в Кашгария» 2006 года. Мастер соединяет портретные черты, картографические элементы и архитектурные мотивы, формируя обобщённый образ учёного-путешественника. Личность Валиханова в данном художественном решении неотделима от маршрута его экспедиции: линия пути выступает визуальной метафорой научного поиска, познания и культурного посредничества. Сдержанная цветовая гамма и стилистика, отсылающая к архивным документам и путевым дневникам, способствуют формированию ощущения исторической удалённости и подчёркивают значение Валиханова как первооткрывателя, расширившего границы знания о Центральной Азии.

Таким образом, анализ произведений из коллекции Музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых позволяет выявить специфику художественного осмысления образов Фёдора Достоевского и Шокана Валиханова в изобразительном искусстве XX-XXI веков. В обоих случаях художников привлекает не внешняя портретная характеристика, а внутренний мир личности, напряжённость духовных, интеллектуальных и нравственных поисков. Графические, живописные и скульптурные интерпретации формируют многослойные образы мыслителей, в которых индивидуальный психологический опыт соотносится с более широкими философскими и культурно-историческими контекстами. Обращение к различным художественным языкам позволяет актуализировать фигуры Достоевского и Валиханова как образы интеллектуальной деятельности, межкультурного взаимодействия и исторической ответственности личности, подчёркивая значимость изобразительного искусства как пространства философского и культурного осмысления исторического наследия.

Литература

1. Абылкасов Т. Экзистенциальная философия Достоевского // Спектр. №42 (1292).
2. Восточно-Казахстанский литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского города Семей: Путеводитель / Автушенко Т. К., Барбарат Н. Е., Соловьёва И. А. Семей, 2024-135 стр.

3. К 190-летию со дня рождения/Электронный ресурс. Окно доступа: <https://nevzorovcollection.kz/ru/novosti-ru/k-190-letiyu-so-dnya-rozhdeniya> Время обращения: 12.01.26. 15:20
4. Несина Н.Г. Карточка научного описания. Гурьев Альберт Анатольевич. Архив Областного музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых.
5. Казакова И.В., В. Фаворский о шрифте/ Электронный ресурс. Окно доступа: https://znanio.ru/media/kurs_lektsij_istoriya_kartin_v_favorskij_o_shrifte_istoriya_izobrazitelnogo_iskusstva_dhsh-160119 Время обращения: 15.01.26. 13:40
6. Халитова И.А. Карточка научного описания. Сыдыханов Абдрашит Аронович. Архив Областного музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых.

УДК 801.313.1

С. А. Скуридина,
Воронеж, Россия

**АПЕЛЛЯТИВНО-ОНИМНОЕ ЕДИНСТВО КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА
СТАРЦА ЗОСИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

**APELLATIVE-ONIMIC INTERACTION AS THE BASIS FOR CREATING
THE IMAGE OF THE ZOSIMA IN FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL
«THE BROTHERS KARAMAZOV»**

Аннотация. В статье представлен анализ апеллятивно-онимных средств создания образа старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. Отмечается, что значение имени старца становится жизненной программой: преодоление хаоса страстей возможно не через отрицание мирской жизни, а через его принятие и преображение в акте личного подвига, что и завещает Зосима своему духовному сыну Алеше Карамазову.

В качестве исследовательской задачи рассматривается выявление специфики антропонимикона отдельного персонажа в последнем романе писателя.

Статья рекомендована для студентов, научных сотрудников, исследователей творчества Ф. М. Достоевского.

Annotation. The article presents an analysis of the appeal-onymic means of creating the image of the elder Zosima in Fyodor Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov.» It is noted that the meaning of the elder's name becomes a life program: overcoming the chaos of passions is possible not through the denial of worldly life, but through its acceptance and transformation in the act of personal heroism, which Zosima bequeaths to his spiritual son Alyosha Karamazov.

The research task is to identify the specifics of the anthroponymicon in the writer's latest novel.

The article is recommended for students, researchers, and researchers of F. M. Dostoevsky's work.

Ключевые слова: Достоевский, «Братья Карамазовы», антропонимикон, подгородный монастырь, старец Зосима.

Key words: Dostoevsky, «The Brothers Karamazov», the anthroponymicon, the suburban monastery, the elder Zosima.

В последнем романе Ф.М. Достоевского подгородный монастырь, где проживает старец Зосима, играет ключевую символическую и сюжетную роль, являясь духовным антиподом карамазовского дома – локуса сладострастия. Как известно, писатель посещал Оптиную пустынь и представил в своем романе «Братья Карамазовы» «все, что видел и слышал, создавая внешнюю картину для своего романа. Но он остался чужд внутреннему духу этой обители» [1, с. 597-599].

Как верно отмечают Н.К. Шутая и Л.Н. Береснева, монастырь связан с жизнью каждого Карамазова, однако «как локус романного пространства значим именно для рассказчика, от имени которого ведется повествование» [2, с. 59].

Знакомство Миусова с Митей происходит благодаря судебному процессу с монастырскими «клерикалами» за право «каких-то ловель в реке или порубок в лесу» [3, т. 14, с. 16]. После

выхода в свет статьи Ивана Федоровича о церковном суде обитатели монастыря, у которых она вызвала «совершенное недоумение», «заинтересовались и тем, что он уроженец нашего города и сын “вот этого самого Федора Павловича”. А тут вдруг к самому этому времени явился к нам и сам автор» [3, т. 14, с. 24]. Алеша же «уже с год как проживал... в нашем монастыре и, казалось, на всю жизнь готовился в нем затвориться» [3, т. 14, с. 25].

В главе «Старцы» [3, т. 14, с. 24] Ф.М. Достоевский знакомит читателей со старцем Зосимой, который был «лет шестидесяти пяти, происходил из помещиков, когда-то в самой ранней юности был военным и служил на Кавказе обер-офицером» [3, т. 14, с. 28].

Для ономастической лаборатории писателя характерно тщательное обдумывание имени персонажа, в связи с чем герои его произведений в черновиках именуются апеллятивами, которые чаще всего обозначают принадлежность к какой-то социальной общности (например, лексема Князь для именованя Льва Николаевича Мышкина в романе «Идиот») или отражают определенную особенность (например, Наездница для именованя Лизы Дроздовой в романе «Бесь»), поэтому предсказуемо, что в набросках к роману писатель называет Зосиму апеллятивом, который используется в идентифицирующей функции имени собственного, – Старец (о языковой инновации Ф.М. Достоевского, заключающейся в использовании окказиональных онимов «с акцентированной мотивационной опорой на вид деятельности или профессию» см. работу К. А. Баршта [4, с. 34]

Полагаем, это свидетельствует о том, что Ф. М. Достоевский долго размышлял над данным собирательным образом, подбирая семантически маркированное имя (дважды автор называет его в черновиках Макарием [3, т. 15, с. 210, 211]: *Макарий* от греческого μακάριος ‘блаженный, счастливый’ [5, с. 226]; [6, с. 861]. Имя *Макарий* носили многие реальные преподобные отцы (Макарий Александрийский (IV век), Макарий Египтянин (IV век), Макарий Унженский (XIV век), а также мученик Макарий [6, с. 861], «не следует также исключать возможность, что это имя возникло у Достоевского по ассоциации с названием Оптино-Введенской Макариевой пустыни» [3, т. 15, с. 419]. В романе «Подросток» данное имя уже было использовано писателем.

Имя *Зосима* восходит к греческому Ζῶων ‘живой, живущий’ [3, т. 15, с. 419] и коррелирует с мирским именем старца *Зиновий*, производному от Ζηνοβιος: Ζεῦς ‘Зевс’ + βιος ‘жизнь’ [5 с.190]. Интересно, что имя старца соотносится с именем Зосимы Пчельника, память которого отмечается Православной Церковью 30 апреля. Жизнь пчелиной семьи является символом порядка и взаимодействия: «С незапамятных времен человек удивлялся устройству пчелиного общества и ставил его себе в образец как такое общество, где каждый член состоит при определенном деле, которое исполняет по мере своих сил, и довольствуется тем, что ему необходимо, и имеет это необходимое, где нет ни недостатка, ни излишества» [7, т. 3, с. 206].

Встречи Зосимы с посетителями монастыря – это проповедование жизни как наиважнейшей ценности. Глава «Тлетворный дух» свидетельствует о том, что старец Зосима был обычным человеком, радующимся жизни и познавшим ее во всех проявлениях, а не святым, как его представляли жители Скотопригоньевска.

Старец Зосима дожил до глубокой старости, и такое толкование имени его, как ‘живущий’, соотносится и с этим фактом: «живущий, у кого большой запас жизни, кто долго живет» [8, с. 1, с. 539]. А ведь Зосима живет за двоих. Вспомним завет Маркела, данный Зосиме перед смертью: «...ступай теперь, играй, живи за меня!» [3, т. 14, с. 263]. Подобный наказ – жить в миру – получает от старца Зосимы Алеша Карамазов: «Мыслю о тебе так: изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок. Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то и счастлив будешь, и жизнь благословишь, и других благословлять заставишь – что важнее всего» [3, т. 14, с. 259].

Жизнь – это существование духа в теле, в связи с чем «тлетворный дух, изошедший от тела Зосимы, указывает на начало посмертного пути тела» [9, с. 96]. «Тлетворный дух» – такое название выбрано для главы, в которой выявляется, что старец Зосима был человеком, а не

святым, поскольку «мощи святых благоуханны и нетленны потому, что на них воздействует Бог Своей благодатью» [10]. Появление тлетворного духа от тела старца Зосимы связано с почвенничеством Ф. М. Достоевского: «старец призывает любить землю и ее обитателей, а ведь смерть, тление, распад с сопровождающими их дурными запахами неотъемлемая часть прекрасного и вечного круговорота жизни» [11, с. 133].

Тлетворный дух, исходящий от тела старца Зосимы, противопоставляется благоуханию: «Ибо и прежде сего случалось, что умирали иноки весьма праведной жизни и праведность коих была у всех на виду, старцы богобоязненные, а между тем и от их смиренных гробов исходил дух тлетворный, естественно, как и у всех мертвецов, появившийся, но сие не производило же соблазна и даже малейшего какого-либо волнения. А некие так даже вспоминали настоятельно, что от телес их осязалось явственно благоухание [3; т. 14; с. 298]. Зосима принял старчество от Варсонофия, после смерти которого от тела исходило «явственно благоухание» [3; т. 14; с. 301], но «не старчеством заслужил, а тем, что и сам праведен был» [3; т. 14; с. 301].

В связи с проповедованием жизни Зосимой отметим, что монастырь, в котором он обитает, назван в тексте романа подгородным, то есть расположенным за городом. С одной стороны, монастырь находится на периферии города, то есть вне его основного пространства. С другой стороны, он расположен на небольшом расстоянии от города, о чем свидетельствует ежедневное количество посетителей старческой кельи и замечание рассказчика, что родовое поместье Петра Александровича Миусова граничило с монастырскими угодьями, что подчеркивает двойственное положение монастыря: он рядом с миром, и соответственно, его обитатели не чужды мирских проблем, хотя и отделен от мира забором.

События происходят не в самом монастыре, а в келье старца Зосимы, которая является переходным пространством между монастырским уставом и мирской суетой. Келья становится хронотопом исповеди героев, противопоставленным хронотопу исповеди, проводимой священником. Здесь нарушается монастырская иерархия (старец сидит на кровати, гости на стульях), время течет сбивчиво, поскольку прерывается криками посетителей и их странными выходками, однако монастырь – это пространство, где сосуществуют три типа времени: циклическое, представленное ежедневным повторением ритуалов (молитвы, трапеза и т. д.), кризисное («мгновенное»), которое демонстрирует нарушение обычного распорядка внезапным скандалом, эсхатологическое, когда старец Зосима прозорливо обозначает грядущие страдания Мити.

После смерти старца его келья, которая должна была стать пространством нетления и благоухания в результате победы сакрального времени над физическим, превращается в источник соблазна, так как вызывает много разговоров о ложной святости Зосимы, поскольку святой умирает как обычный грешник, и это становится страшным искушением для веры, поэтому «в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» «духом», исходящим от тела старца Зосимы, проверяется человеческая сущность» [12]. Как верно замечает С. М. Климова, «Достоевский употребил многозначительное слово «дух» для того, чтобы указать не столько на запах, но, прежде всего, на существо той «духовности», которую явили собой живые участники важнейшего события в жизни православного человека – смерти» [13; с. 163]. Лексемы дух и смердение, на первый взгляд, являющиеся синонимами и обозначающие некое зловоние, в контексте романа семантически разводятся Ф. М. Достоевским, превращаясь в антонимы: мертвое тело Зосимы источает дух, а живое тело лакея Смердякова – смердение.

Таким образом, Ф. М. Достоевский, создавая образ старца Зосимы и выбирая для своего героя семантически маркированное имя, в котором обозначена жизненная программа, говорит о том, что преодоление хаоса страстей возможно не через отрицание мирской жизни, а через его принятие и преображение в акте личного подвига, что и завещает Зосима своему духовному сыну Алеше Карамазову. Тлетворный дух, изошедший от тела Зосимы, свидетельствует о том, что старец – это не икона, а живой человек, прошедший путь греха к святости и тем самым доказавший возможность достижимого идеала в земной жизни.

Литература

1. Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. Репр. изд. Сергиев Посад; [Владимир] : Свято-Троиц. Сергиева лавра : Владимир. епархия, 1995. 607 с.
2. Шутая Н. К., Береснева Л. Н. «Подгородный» монастырь как компонент художественного пространства романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №3(81). Ч.1. С. 58-60.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
4. Баршт К. А. Об именах собственных в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 4. С. 25–36.
5. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 528 с.
6. Библиейско-биографический словарь, или Жизнеописания всех лиц, упоминаемых в священных книгах Ветхого и Нового Заветов, и других имевших какое-либо влияние на распространение Церкви Божией на земле / Сост. Ф. И. Яцкевич, П. Я. Благовещенский. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 912 с.
7. Брэм А. Э. Жизнь животных в 3-х тт. М.: Терра, 1996.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995.
9. Карасев Л. В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. №10. С. 90–111.
10. Буздалов А. Зачем Зосима провонял. URL: <https://vetrovo.ru/inoi/buzdalov-zachem-zosima-provonyal/?ysclid=lfm326wrec48004782> (дата обращения – 15.03.2026)].
11. Климова М. Н. Зачем «провонял» старец Зосима (Комментарий к скандальному эпизоду романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Сюжетология и сюжетография. 2016. №1. С. 126-134.
12. Скуридина С. А., Новикова М. В. Тлетворный дух и смердение как доминанты ольфакторного кода романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского // Третьи Щеулинские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина. Липецк, 2023. С. 201.
13. Климова М. Н. Агиографические элементы романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Человек. 2002. №6. С. 157-165.

**Сону Саини,
Дели, Индия**

**ПЕРЕВОД КАК МЯГКАЯ СИЛА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО
ПРИСУТСТВИЯ ИНДИИ ЧЕРЕЗ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ
НА ХИНДИ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ.**

**TRANSLATION AS SOFT POWER: RETHINKING INDIA'S GLOBAL PRESENCE
THROUGH LITERARY DIALOGUE IN HINDI AND RUSSIAN.**

Аннотация. Современная эпоха – это эпоха глобализации, которая подчеркивает концепцию «одна земля – одна семья». В эту эпоху перевод стал не просто лингвистическим процессом, а определяющим элементом международных отношений и выступает в качестве «мягкой силы». Концепция «мягкой силы», в отличие от жесткой, строгой или вооруженной силы, впервые была предложена известным американским политологом Джозефом Найем в начале 1990-х годов для обозначения идеи влияния и убеждения других мирными средствами (Най, 1990). Его теории в основном вращаются вокруг «мягкой силы» в культурном и идеологическом аспектах. В этой концепции перевод является одним из лучших способов влияния и убеждения других стран мира мирными средствами. Перевод литературных произведений на хинди на

русский язык стал важным средством укрепления отношений между Индией и Россией. Он сыграл значительную роль в укреплении двусторонних отношений, способствуя культурному и литературному диалогу, а также интеллектуальному обмену. В то же время перевод функционирует как инструмент мягкой силы. По мнению Джозефа Ная, мягкая сила действует через культурное притяжение и интеллектуальное влияние, а не через принуждение. В этом смысле перевод литературных произведений с хинди на русский язык помог Индии утвердить свою самобытную культурную идентичность на мировой арене. Сегодня Индия занимает лидирующие позиции в области йоги и аюрведы. Перевод стал мощным инструментом их продвижения. В данной статье подробно обсуждается, как перевод с хинди на русский язык служил инструментом мягкой силы. В статье также рассматривается значение перевода индийской системы знаний (йога, буддийская философия и аюрведа) на русский язык для укрепления позиций Индии в мире.

Annotation. The modern era is an era of globalization, which emphasizes the concept of «one land, one family». In this era, translation has become not just a linguistic process but a defining element of international relations and acts as a «soft power.» The concept of «soft power,» as opposed to hard, strict, or armed power, was first proposed by the renowned American political scientist Joseph Nye in the early 1990s to refer to the idea of influencing and persuading others through peaceful means (Nye, 1990). His theories mainly revolve around «soft power» in its cultural and ideological aspects. In this concept, translation is one of the best ways to influence and persuade other countries of the world through peaceful means. The translation of Hindi literary works into Russian has become an important means of strengthening relations between India and Russia. Translation has played a significant role in strengthening bilateral relations, facilitating cultural and literary dialogue, as well as intellectual exchange. At the same time, translation functions as an instrument of soft power. According to Joseph Nye, soft power operates through cultural attraction and intellectual influence, rather than coercion. In this sense, the translation of literary works from Hindi into Russian helped India assert its distinctive cultural identity on the global stage. Today, India holds a leading position in the fields of yoga and Ayurveda. Translation has become a powerful tool for their promotion. This article discusses in detail how translation from Hindi into Russian served as an instrument of soft power. The article also examines the significance of translating Indian knowledge systems (yoga, Buddhist philosophy, and Ayurveda) into Russian for strengthening India's position in the world.

Ключевые слова: Перевод, Мягкая сила, Культурная дипломатия, Литературный диалог, Индийская система знаний.

Keywords: Translation, Soft Power, Cultural Diplomacy, Literary Dialogue, Indian Knowledge System.

В современную эпоху мировая политика формируется экономической и военной мощью, а также культурными влияниями. Страны стремятся создать сильный и позитивный имидж, способный привести к долгосрочному доверию и интеллектуальному сотрудничеству между ними. В этом контексте перевод приобретает стратегическое значение как средство культурного посредничества и дипломатического взаимодействия. Индия, обладающая богатыми литературными и философскими традициями, активно использует культурные ресурсы для укрепления своей международной репутации. Перевод между русским и хинди является частью этой стратегии и важным элементом индо-российского гуманитарного сотрудничества.

Перевод индийских текстов в Европе начался с интереса востоковедов XIX века. Работы немецкого филолога-сравнителя и востоковеда Фридриха Макса Мюллера, проживавшего в Великобритании, внесли вклад в научное изучение ведической литературы. Интерес Иоганна Вольфганга фон Гёте к индийской поэзии и фольклору свидетельствует об их эстетической ценности. И.В. Гёте связывает индийскую литературу с мировой литературой. Ранее европейцы считали Индию или Азию нецивилизованным народом. Но филолог, подобно Гёте, переводил индийские произведения на европейские языки и знакомил с престижными

индийскими литературными текстами. Это изменило образ Индии, придав ей новую и лучшую идентичность.

В XX веке перевод «Рамаяны» и «Махабхараты» способствовал формированию образа Индии как страны с развитой социальной структурой. В советский период при поддержке советского правительства начались переводы произведений Хариванша Рая Баччана, Джаяшанкара Прасада и Сурьи Канта Трипати Нирала, а также многих исторических текстов с хинди на русский язык.

В XXI веке перевод стал частью стратегической культурной и международной дипломатии. Например, уважаемый премьер-министр Индии Нарендра Моди объявил об инициативе по переводу десяти современных произведений индийской литературы с различных индийских языков на языки стран ШОС, такие как русский, китайский и английский. Этот проект был реализован под руководством Академии литературы в Нью-Дели и посольства соответствующей страны. В рамках проекта Академии литературы в Нью-Дели были опубликованы литературные произведения на хинди, бенгальском, каннада и других языках на русском языке. Позже эти книги были представлены на Московской международной книжной ярмарке. С Московской книжной ярмарки эти книги стали частью мировой литературы. В основном, эти книги посвящены индийской философии, религии и культурным ценностям. Переведенные произведения и тексты с индийских языков на русский язык укрепляют отношения между этими странами, и улучшить дипломатические отношения между ними, а также обозначить свои позиции на мировой арене. Этот проект объединил индийскую литературу с огромным океаном русской литературы, что само по себе является уникальным достижением. Это был исторический момент для России и Индии, поскольку значительное количество индийских литературных произведений было переведено на русский язык при поддержке правительства после распада СССР в 1991 году. Книги, переведенные с индийских языков на русский, следующие:

№	Книга (на языке оригинала)	Автор	Переводчик
1	Иллу (на телугу)	Рачаконда Вишанатха Шастри	Аджой Кумар Карнати
2	Ek Chadar Maili si (Urdu)	Раджиндер Сингх Беди	Кулдип Джингра
3	Суруджмухир Свапна (ассамский)	Сайед Абдул Малик	Ранджана Саксена
4	Вевишаал (гуджарати)	Джаверчанд Мегани	Кулдип Джингра
5	Арогьяникетан (бенгальский)	Тарашанкар Бандьопадхай	Ранджана Банерджи и Дебасмита Мулик
6	Kavve aur kala pani (Hindi)	Нирмал Верма	Мину Бхатнагар
7	Парва (каннада)	С.Л. Бхайраппа	Абхай Маурья и Сону Саини
8	Манодж Дасанка катха о Кахини (Одия)	Манодж Дас	Чаранжит Сингх
9	Мархи да Дива (на пенджабском языке)	Гурдиал Сингх	Равиндра Натх Менон и Хариш Кумар Виджра
10	Сила Нерангалил Сила Манитаргал (тамилский)	Джаякантан	Джанани Вейдхьянатан

Россия была почетным гостем Всемирной книжной ярмарки 2024 года в Нью-Дели, Индия. Аналогичным образом, Индия была почетным гостем Международной книжной ярмарки 2025 года в Москве, Россия. На Московской международной ярмарке особое внимание уделялось индийским традициям и книгам, связанным с культурой, которые были переведены с хинди

или санскрита на русский язык под руководством Национального книжного фонда, Нью-Дели, Индия. В 2025 году Национальный книжный фонд, Нью-Дели, реализовал несколько проектов по переводу на русский язык индийских произведений по йоге, буддийской философии, индийской культуре и т. д. Эти инициативы совпали с активным участием Индии в международных культурных мероприятиях, включая Московскую международную книжную ярмарку, что подчеркивает дипломатический аспект перевода.

Перевод иногда меняет свою форму в зависимости от взаимоотношений между странами. Переводчики иногда адаптируют переводы, исходя из отношений между двумя странами. Если перевод используется для поддержания мира и процветания в мире и отсутствия политического влияния в переведенном тексте, то он подобен мосту, соединяющему две нации и культуры. Но если переводчик изменяет оригинальный текст в соответствии с политическими и дипломатическими отношениями между странами, это может создать критическую ситуацию между двумя странами. Известная книга «Sapiens: Краткая история человечества», впервые опубликованная в Израиле в 2019 году, написана Ювалем Ноа Харари. В этой книге он критикует президента России Владимира Путина. Однако некоторые части книги были изменены или удалены в русском переводе, а также вместо президента России Владимира Путина критикуется президент США Дональд Трамп. Автор также выразил несогласие с этими изменениями. Перевод не только служит формой мягкой силы, но и может стать инструментом холодной войны.

С другой стороны, иногда перевод создает очень приятную и дружелюбную атмосферу для дипломатии. Например, на 16-м саммите БРИКС в 2024 году, проходившем в Казани, во время двусторонних переговоров между Россией и Индией, президент Путин некоторое время говорил без перерыва со своим индийским коллегой Нарендрой Моди. Затем он, улыбаясь и смеясь, сказал: «У нас такие отношения, что я почувствовал, что вам не нужен никакой перевод». Это заявление было не просто набором слов, а отражением близости и взаимопонимания в отношениях между Индией и Россией, где даже перевод отошел на второй план. С точки зрения перевода, это указывает на то, что язык или перевод является не только средством коммуникации, но и символом мягкой силы и дипломатической близости.

Основная цель данной работы – определить роль перевода между русским и хинди языками в формировании и поддержании «мягкой силы» Индии, а также изучить историческую эволюцию индо-российских переводческих связей. В работе также определяется значение перевода индийской системы знаний (йога, буддийская философия, аюрведа и др.) с хинди на русский язык для международного имиджа страны.

Исследования мягкой силы в международных отношениях во многом основаны на работах Джозефа Ная, чья книга «Мягкая сила» подчеркивала важность культурного воздействия в формировании внешнеполитического влияния. В области востоковедения важную роль в распространении индийских текстов на Западе сыграли работы немецкого филолога-специалиста по сравнительному филологии и востоковеда Фридриха Макса Мюллера, проживавшего в Великобритании.

В российском контексте изучение индийской литературы связано с анализом переводов произведений Премчанда и других представителей хинди литературы. Советский период стал предметом исследований истории культурных связей между СССР и Индией, где перевод рассматривался как часть идеологической деятельности и сотрудничества. Переводческие проекты находились под прямым контролем государства, а крупные переводы не публиковались из-за цензуры.

Современные исследования культурной дипломатии подчеркивают важность институциональной поддержки перевода. Усилия Национального книжного фонда Индии и Литературной академии рассматриваются как примеры систематического подхода к продвижению национальной литературы за рубежом.

Однако всестороннее исследование перевода между русским и хинди как инструмента мягкой силы остается недостаточно разработанным, что подтверждает научную новизну данной исследовательской работы.

Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами. В контексте формирования многополярного мира значение гуманитарных каналов взаимодействия возрастает с каждым днем. Перевод становится средством укрепления стратегического партнерства между странами, особенно в контексте индо-российских отношений. Эти страны имеют очень богатые и прочные связи в области литературы. Реализация национальной стратегии «Викшит Бхарат» предполагает формирование глобального интеллектуального присутствия Бхарата, что невозможно без систематической переводческой деятельности. Несмотря на существование исследований по теории перевода и культурной дипломатии, работ, посвященных конкретно переводу с русского на хинди как инструменту мягкой силы, недостаточно.

Таким образом, данное исследование отвечает современным требованиям к междисциплинарному анализу перевода как мягкой силы в контексте индо-российских отношений.

Теоретической основой исследования является концепция мягкой силы Джозефа Ная, согласно которой культура и ценности могут быть источником международной дипломатии. Перевод в этом контексте рассматривается как канал передачи культурного влияния. Кроме того, используются положения современной теории перевода, которая рассматривает перевод как форму межкультурной коммуникации и конструирования смысла. Перевод – это не просто нейтральный процесс. Он также формирует интерпретацию культуры и влияет на восприятие страны за рубежом. Культурно-дипломатические отношения понимаются как систематическая деятельность страны по продвижению своего культурного наследия. Перевод становится одним из главных инструментов этого вида дипломатии, обеспечивая надлежащее присутствие национальной литературы на международной арене.

Методология данного исследования носит междисциплинарный характер. Для анализа эволюции переводческих отношений и государственной поддержки переводческих инициатив используется сравнительно-исторический метод. Кроме того, применяется качественный анализ документов, текстов, статей и отчетов культурных организаций и учреждений, а также сравнение теоретических позиций по мягкой силе с практикой переводческой деятельности.

Исследование показывает, что перевод с русского на хинди является важным инструментом мягкой силы Индии. Он способствует формированию позитивного международного имиджа, укреплению гуманитарных связей и продвижению индийской системы знаний.

В условиях глобальной культурной конкуренции перевод становится стратегическим ресурсом, позволяющим Индии реализовать концепцию «Великой Индии» и укрепить свои позиции в многополярном мире. Перевод следует рассматривать не как второстепенную языковую деятельность, а как системный элемент культурной дипломатии и международных связей. Правительство Индии поддерживает и продвигает переводы с хинди на иностранные языки, такие как русский, для укрепления отношений, а также для улучшения положения Индии в мире.

Литература

1. Абугацци А. (2006). *Перевод и общественное мнение: пресса в Иордании* (публикация № 304917653) [Докторская диссертация, Университет Оттавы]. <https://search-proquestcom.sdl.idm.oclc.org/docview/304917653?accountid=142908> (Дата обращения: 18 февраля 2026 г.)
2. Бейкер М. (1992). *Другими словами: Учебное пособие по переводу*. Лондон: Routledge.
3. Батчелор К. (2020). Литературный перевод и мягкая сила: африканская литература в китайском переводе. *Переводчик*, 25 (4), 401–419.
4. Из истории ММКЯ. (2024). Год литературы . (По состоянию на 20 февраля 2025 г.) <https://godliteratury.ru/articles/2024/08/31/iz-istorii-mmkia> (По состоянию на 18 февраля 2026 г.)

5. Министерство культуры. (19 ноября 2019 г.). Министерство культуры продвигает индийскую литературу за рубежом через Литературную академию – Министр культуры. Пресс-информационное бюро. (Дата обращения: 20 февраля 2026 г.)
6. Министерство иностранных дел. (2019). *Перевод выступления премьер-министра на саммите ШОС 2019*. Министерство иностранных дел. (Дата обращения: 18 февраля 2026 г.), https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/31442/Translation_of_Prime_Ministers_intervention_at_the_SCO_Summit_2019_June_14_201 (Дата обращения: 18 февраля 2026 г.)
7. Информационный бюллетень NBT. (2025). Том 43, № 10. Национальный книжный фонд. (Дата обращения: 19 февраля 2025 г., <https://www.nbtindia.gov.in/writereaddata/attachment/wednesday-december-24-202512-51-14-pmoctober-2025.pdf> (Дата обращения: 18 февраля 2026 г.))
8. Нечепуренко И., и Альтер А. (2019). Вы можете прочитать книгу Юваля Ноа Харари на русском языке, за исключением частей, посвященных России. The New York Times. <https://www.nytimes.com/2019/07/30/books/yuval-harari-21-lessons-russian.html> (Дата обращения: 18 февраля 2026 г.)
9. Най Дж. (2004). *Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике*. Нью-Йорк: Public Affairs.
10. Патель, Великобритания (2020). Академия Сахитья: 10 дней в году. РИД-ОН भाषामै अनुवाद. (Проверено 20 февраля 2025 г.)
11. Шерри С. (2015). Перевод и переводчики в Советском Союзе. В книге «*Дискурсы регулирования и сопротивления: цензура перевода в сталинскую и хрущевскую советскую эпоху*» (стр. 17–44). Эдинбург: Издательство Эдинбургского университета.
12. Тюленев С. (2022). Перевод и дипломатия: тонкости социально-системных границ. *Дипломатия и государственное управление*, 33 (3), 589–604.
13. Премьер-министр Моди в прямом эфире: встреча премьер-министра Моди с президентом России Владимиром Путиным | БРИКС | N18G. (без даты). YouTube. (Дата обращения: 18 февраля 2025 г.)

**Султанбеков Нариман,
Мадрид, Испания**

ДОСТОЕВСКИЙ О СЕРВАНТЕСЕ. ДИАЛОГ В ВЕЧНОСТИ.

DOSTOEVSKY ON CERVANTES. DIALOGUE ACROSS ETERNITY.

От моего нынешнего места проживания в Мадриде от метро Эмбаходорес до места захоронения великого испанского Рыцаря и Литератора Мигеля де Сервантеса, Calle Lope de Vega, 18, около 20 минут пешком. Там установлена мемориальная табличка, это Монастырь монахов-тринитариев (Convento de las Trinitarias Descalzas) – именно там, по последней воле, был похоронен Мигель де Сервантес Сааведра. Ирония судьбы: 1) Лопе де Вега был главным и более успешным конкурентом Сервантеса в ремесле написания пьес, мягко говоря они друг друга не долюбливали, 2) останки легендарного писателя были утеряны во время реконструкции монастыря и найдены через 400 лет.

И я с удовольствием продвигаюсь по центральным улицам Мадрида среди коренных мадридцев, где звучит высокая испанская речь и где прогуливался и сам Мигель де Сервантес Сааведра. Прохожу известные всем места: Центральный Железнодорожный вокзал Аточа, Музей де Прадо и Королевский Ботанический сад. И вот я в районе Баррио-де-лас-Летрас – исторический квартал литераторов в испанской столице, где жили и другие великие писатели Золотого века.

В связи с приближением очередной юбилейной даты ещё одного великого мыслителя человечества Федора Достоевского, а я сам родом из города Семипалатинска(ныне Семей), где Фёдор Михайлович отбывал ссылку и написал несколько своих знаменитых произведений,

включая «Дядюшкин сон», невольно начинаешь проводить какие-то человеческие и литературные параллели. Тем более я учился на русской филологии, а какая филология без «достоевщины»? И особенно приятно осознавать, что Мигель де Сервантес Сааведра был любимым писателем Фёдора Михайловича.

Вопрос о внутренней связи творчества Фёдор Михайлович Достоевский и Мигель де Сервантес Сааведра занимает особое место в сравнительном литературоведении. Речь идёт не просто о влиянии, но о глубинной типологической переключке, которую современная наука всё чаще определяет как «диалог в большом времени» (термин Михаил Михайлович Бахтин).

Для Достоевского роман *Дон Кихот* был не только вершиной мировой литературы, но и своеобразным духовным итогом человеческого самопознания. В *Дневнике писателя* (1877) он писал: «Во всём мире нет глубже и сильнее этого сочинения... это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек». Эта оценка, как подчёркивает Владимир Евгеньевич Багно, не была случайной: образ Дон Кихота сопровождал Достоевского на протяжении всей его творческой эволюции, достигая концептуальной завершенности в 1870-е годы.

Современные исследования, основанные на архивных документах (крещальные записи, финансовые акты, отчёты о выкупе пленных), позволяют говорить о биографии Сервантеса как о редком примере жизненного опыта, сопоставимого по драматизму с судьбой самого Достоевского.

Сервантес родился в 1547 году в Алькала-де-Энарес в семье бедного хирурга. А в те времена это был как мелкий лекарь и костоправ, низший в ранге врачей и даже бритьё бороды тоже входило в его услуги. За работу платили сущие копейки и, поэтому семья Сервантеса влачила нищенское существование. Постоянные долги семьи, переезды и отсутствие систематического образования сформировали у него раннее чувство социальной неустroенности – мотив, позднее столь важный и для Достоевского.

С малых лет Мигель обожал чтение, говорят что даже читал какие-то исписанные клочки бумаг, подобранные на улице. На смерть королевы написал стихи по настоянию своего учителя и получил первую премию 3 серебряные ложки от двора. Затем срочно переезжает в Рим. Есть свидетельство, что некий Мигель Сервантес или полный тёзка либо это он сам ранил шпагой на дуэли соперника. А по тем испанским законам за такое преступление грозило: отсечение руки и высылка на десять лет. В конце концов домоклов меч опустится имеено на руку юного Мигеля в Риме Мигель становится камердинером одного из кардиналов. Казалось бы вот и настала размеренная и сытая жизнь. Но мятежному духу Мигеля претит такое прозябание, и он просится на войну с Османской империи и уходит простым солдатом в элитные войска испанской пехоты. Где отличается особым мужеством среди сослуживцев. Переломным моментом стала битва при Лепанто, где Сервантес, несмотря на лихорадку, свалившую его накануне, настоял на участии в бою несмотря на запреты капитана и врача. Удивляясь непреклонности юного Мигеля, капитан назначает его командиром небольшого отряда и поручает охранять подступы к лодочному трапу. В этом бою будущий автор «Дон-Кихота» и получил тяжёлые ранения он получит два огнестрельных ранения в грудь (его спасёт железная амуниция) и одно в руку (были раздроблены кости и повреждены сухожилия и нервы). Его левая рука останется парализованной навсегда, о чем он иронично упоминал «пожертвовал левой ради славы правой». Этот бой закончится полной победой испанского флота.

Ещё более поразительным является эпизод алжирского плена (1575–1580). На пути домой, уже у самых берегов Каталонии с рекомендательными письмами командира Сервантес будет захвачен в плен корсарам и признан «ценным пленником» из-за найденных при нём рекомендательных писем к королю Испании и оценён в огромную сумму выкупа. За пять лет он организовал четыре попытки побега, каждая из которых могла стоить ему жизни. Примечательно, что, по свидетельствам современников, он всегда брал вину на себя, чтобы спасти товарищей.

Правитель Алжира, Хасан-паша, был настолько поражён мужеством Сервантеса, что, вопреки обычаям, не казнил его, хотя основания для этого были многократно. Этот факт, долгое

время оставшийся на периферии биографических исследований, сегодня рассматривается как ключ к пониманию нравственного стержня писателя.

Параллель с Достоевским здесь очевидна: переживший казнь на Семёновском плацу и каторгу, русский писатель, как и Сервантес, прошёл через предельный опыт страдания и угрозы смерти, что определило глубину его антропологии.

После возвращения из плена (его выкупят монахи – тринитарии за баснословные деньги как ветерана войны, причём большую часть соберёт его мать) Сервантес не обрёл ни славы, ни стабильности. Война давно закончилась и те герои уже не нужны, рекомендательные письма обесценены. Он служит сборщиком налогов, комиссаром по закупке зерна, по некоторым данным за реквизицию церковных запасов он даже был отлучен от церкви. В исполнении своих обязанностей Сервантес терпел большие неудачи, был осужден за недостачу и неоднократно попадает в тюрьму (в частности, в Севилье по собственной наивности, доверяет все собранные налоги обанкротившемуся банкиру, который и исчезнет вместе с деньгами). В этой тюрьме по распространённой версии, и возник замысел «Дон Кихота». Этот факт роднит его с Достоевским, для которого тюремный опыт также стал точкой духовного перелома. Но в отличие от Достоевского Мигель де Сервантес начал писать поздно, в 38 лет. Его первой работой стала пьеса «Галатея» 1585 года. А «Дон-Кихот» был написан и издан далеко за пятьдесят. Второй том Дон-Кихота появится через 10 лет. Мощным толчком для писателя будет служить появление мнимой 2-части о хитроумном идалго какого-то самозванца, вдобавок в книге содержались резкие выпады в адрес самого Мигеля Сервантеса. 1615 году он выпустил в свет собственную вторую часть романа, в последней главе которой дал гневную отповедь автору мнимого продолжения.

Как показывает В. Е. Багно, Достоевский не ограничивался восприятием романа Сервантеса, но вступал с ним в активный творческий диалог. Характерным примером является глава «Ложь ложью спасается», где русский писатель создаёт оригинальный эпизод с участием Дон Кихота, стилистически почти неотличимый от текста Сервантеса.

Это не просто стилизация, а философская реконструкция: Достоевский переносит акцент с комического на трагическое, усиливая экзистенциальное измерение образа. Его Дон Кихот – это уже не только «рыцарь печального образа», но и мыслитель, пытающийся рационально оправдать собственную веру в иллюзию.

Особую глубину сопоставлению придаёт работа Карена Ашотовича Степаняна – доктора филологических наук, специалиста по Достоевскому, автора исследований о его христианской антропологии. В книге о «диалоге в большом времени» Степанян показывает, что Дон Кихот и князь Мышкин из романа *Идиот* представляют собой один духовный тип.

Оба героя:

- стремятся к восстановлению справедливости,
- готовы к самопожертвованию,
- воспринимают свою миссию как универсальную и почти мессианскую.

Однако их трагедия заключается в столкновении идеала с реальностью. Дон Кихот, пытаясь «исправить кривду», нередко усугубляет зло; Мышкин, стремясь спасти, разрушает судьбы окружающих.

Степанян подчёркивает, что оба героя несут в себе парадокс: соединение христианского самопожертвования с неосознаваемой гордыней – верой в собственное право «спасать мир».

Таким образом, сходство Сервантеса и Достоевского проявляется не только в биографических испытаниях – плене, тюрьмах, близости к смерти, – но и в глубинном понимании человеческой природы.

Сервантес открыл трагикомическую двойственность человека, показав, как идеал сталкивается с реальностью. Достоевский довёл эту интуицию до предела, превратив её в религиозно-философскую проблему: возможно ли добро в мире, где человек внутренне раздвоен?

Именно поэтому слова Достоевского о «Дон Кихоте» звучат как итог не только чтения, но и внутреннего диалога с Сервантесом. Этот диалог продолжается и сегодня, оставаясь одним из важнейших свидетельств единства мировой литературы.

«Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и, если бы кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: «Что вы, поняли ли вы вашу жизнь на земле и что об ней заключили? – то человек мог бы молча подать Дон-Кихота...» (Ф. Достоевский. XII, 235, 255).

В какой то момент знаменитые мадридские черные дрозды завели свои концерты по всему Королевскому саду и окрест. Между прочим эти «маэстро» выступают возле каждого двора или поблизости, у многих горожан свои любимцы. И часто я слышу как местные увядающие пары хвастают друг перед другом на языке Сервантеса: – А наш дрозд голосистее! – ¡Y nuestro zorzal canta mejor!

А их главный Певец ,Рыцарь и Поэт Мигель де Сервантес Сааведра вот уже 400 лет как перепел многие поколения творцов. Роман «Дон Кихот» Мигеля Сервантеса занимает второе место после Библии по объёму общемирового тиража.

СЕКЦИЯ 2: СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТРАНЫ

Л. А. Борзых
Семей, Казахстан

«НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ...» (ОБЗОР КНИГ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ИЗВЕСТНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ ФОНДА ЛИТЕРАТУРНО- МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО Г. СЕМЕЙ)

«IN GOOD MEMORY...» (A REVIEW OF BOOKS WITH DEDICATED INSCRIPTIONS BY FAMOUS WRITERS FROM THE FUND OF THE F. M. DOSTOEVSKY LITERARY MEMORIAL MUSEUM IN SEMEI)

Аннотация. В статье говорится о таких ценных экспонатах из фонда музея, как книги с автографами. Также упоминаются некоторые интересные моменты биографии дарителей, их дружеские и творческие связи с музеем Ф.М. Достоевского.

Annotation. The article discusses valuable exhibits from the museum collection, particularly books with autographs and inscriptions. It also highlights interesting aspects of the donors' biographies, as well as their creative and personal connections with museum of F. M. Dostoevsky.

Ключевые слова: произведения, писатель, сотрудник, перевод, инскрипт, Валиханов, Брагин, Муканов, Марков, Лейфер, Бегалин.

Keywords: literary works, writer, staff member, translation, inscription, Valikhanov, Bragin, Mukanov, Markov, Leifer, Begalin.

*Надписываю книгу. Некий миг,
Когда на титуле своих же книг
Каракулями беглыми своими
Обозначаю место, дату, имя.
Не надпись, а рисунок. Не строка –
Стрела – ее метнула та рука,
Что, кстати, эту книгу написала.
Здесь автор и читатель – у начала*

*Стоят вдвоем, как у истока дней.
Писать легко, надписывать трудней.*

Лев Озеров

Действительно, сделать надпись на книге автору бывает порой не просто, о чем свидетельствуют строки известного советского поэта, переводчика и литературного критика Льва Озерова: «Дело, оказывается, серьезное – надписать книгу. Не торопитесь, подумайте, делайте это от души. Или вовсе не делайте. Надпись – личная историческая зарубка на книге. Ваша записка, положенная в бутылку, которую волны времени вручат вашим потомкам. По надписи на книге будут судить о вашем творческом поведении с той же строгостью, как и о самом творчестве. Ваш запоздалый комментарий или ваше запоздалое сожаление не будут приняты во внимание. Вас не будет, а книга останется». [1]

Если дарственная надпись представляет собой не просто подпись, а некую фразу-посвящение, и оставлена она не на клочке бумаге, а на книге или каком-нибудь другом ценном предмете, то она уже называется инскрипт. Слово инскрипт является производным от латинского *inscriptio* – надпись. А писательский инскрипт – это своеобразный литературный жанр и в этом качестве он изучается литературоведами и историками литературы. Благодаря собственноручной надписи автора издание приобретает литературно-историческую, бытовую и культурную ценность.

Надо сказать, что гордостью Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского г. Семей являются не только прижизненные издания произведений писателя, но и книги с автографами, дарственными надписями. Эти книги уникальны, так как служат дополнительным источником, который несёт информацию о литературных, фольклорных и других интересных направлениях в литературе. А дарственные надписи в адрес музея на этих книгах являются оригинальным источником изучения его истории, демонстрируют отношение к нему общества, свидетельствуют об известности и престиже музея в различные периоды его существования, показывают его значение в культурной и общественной жизни, и, конечно, свидетельствуют об отношении самих авторов к музею.

В данной работе мы хотели бы рассказать о коллекции книг, посвященных выдающемуся казахскому ученому-путешественнику Ч. Ч. Валиханову, и прикоснуться к необычному и интересному миру дарственных надписей на этих книгах, оставленных не только писателями и поэтами, но и художниками, актерами, большинство которых в разные годы посетили музей имени Достоевского.

Рассматривая нашу коллекцию книг с автографами, традиционно вызывают интерес надписи на книгах, сделанные рукой выдающихся личностей. Например, известный советский и казахстанский скульптор, заслуженный архитектор Казахской ССР Шота Едрисович Валиханов, во время своего визита в музей, подарил книгу С. Мұқтарұлы «Шокан және өнер», на титульном листе которой он оставил дарственную надпись: «Дружба Ф. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова служит для нас путеводной звездой в этой бременной жизни. 23.09.1997 г. Ш. Валиханов». [2]

Он родился 26 апреля 1932 г. в ауле Сырымбет Северо-Казахстанской области. Окончил Московский архитектурный институт. Работал сотрудником Казахского института проектирования городского строительства, заместителем главного архитектора г. Алматы, председателем Союза архитекторов Казахстана. Был Председателем Республиканского общества охраны памятников истории и культуры. Его заслуги перед отечественной культурой и вклад в ее развитие огромны. Он был отмечен многочисленными званиями и наградами. Архитектура, поэзия, драматургия, живопись, публицистика, ораторское искусство – лишь малая часть его интересов. Этот человек оставил нам поистине бесценные дары своего таланта.

В записной книжке Шота Едрисович писал: «Архитектура – большое, сильное, впечатляющее, созидательное искусство, которому подвластны и страсти, и желания человека. <...>

Самая большая радость – радость творчества, она приносит человеку наивысшее наслаждение.

Дружба – основа нравственного бытия человека.

Книга – живая память деяний людей, сокровища мыслей поколений.

Моя судьба предопределена на высшем уровне, я ею доволен. <...>

В жизни можно преодолеть любые препятствия, трудности, кроме смерти.

Моя путеводная звезда – Чокан Чингизович Валиханов». [3, с. 9]

На сегодняшний день результатом огромного труда и творческих исканий Ш. Валиханова (соавтор Ж. Малибеков) является государственный символ Республики – Герб Казахстана. Будучи его автором, Шота Едрисович исторически точно и художественно ярко воплотил в нем славное прошлое казахского народа и его надежды на будущее.

Среди шедевров Ш. Валиханова самый величественный – тридцати четырёхметровый монумент Независимости, который стал символом национальной свободы, метафорой единства прошлого, настоящего и будущего. Он был возведен на главной площади города Алматы в декабре 1996 года. Центр композиции – вертикальная стела высотой в 28 метров. Она завершается фигурой «золотого человека», стоящего на крылатом барсе. В нем воссоздан образ защитника казахской земли, воина-вождя, а самое главное – верность, любовь и почитание великих предков.

Шота Едрисович был человеком, чья личность была пронизана любовью к своему народу, уважением к его истории, памяти о героях, а также болью и сочувствием к трагическими моментами его судьбы. Данью памяти жертвам Семипалатинского ядерного полигона стал задуманный и воплощенный Валихановым монумент «Сильнее смерти». 29 августа 2001 года монумент был торжественно открыт на острове Полковничьем (сейчас Бейбитшилик). Высокая, двадцатипятиметровая каменная стела из черного габбро впечатляет. Вырезанный в ней сквозным прорывом силуэт атомного взрыва заставляет почувствовать присутствие на месте и во время трагедии. Белый мраморный силуэт матери, защищающей своим телом ребенка, возникает контрастом черному небу с пробойной взрыва. Зритель словно воочию видит склонившуюся над беззащитным ребенком мать, проникает в самую суть безмерной самозабвенной материнской любви, жертвенности и защиты.

Среди известных работ выдающегося зодчего – памятник к 150-летию со дня рождения выдающего поэта, прозаика и философа Шакарима Кудайбердиева, установленный в центральном парке г. Семей, и торжественно открытый 12 сентября 2008 года. Автор и скульптор памятника – Казытай Нарысов, архитектор – Шота Валиханов. Создание памятника Шакариму – дань таланту одного из величайших сынов казахского народа, который внес огромный вклад в национальную и мировую культуру.

Вдохновенный интерес к истории родного народа привел Шоту Едрисовича к вдумчивому и тщательному ее изучению. Результатом стали пьесы и стихи, научно-публицистические статьи и выступления. В одном из его стихотворений были строки:

Я потомок Великих и Славных,

Но впусую я жить не могу.

Груз эпохи делю я на равных,

Предки, с вами я в ближнем кругу...». [3, с.11]

Будучи чингизидом, потомком Абылай хана и Чокана Валиханова, он по праву стоял в одном ряду со своими великими предками – выдающимися сынами казахского народа. Он был не просто достоин их, но и стал их гордым продолжением в веках. Вся жизнь Шоты Едрисовича была посвящена самоотверженному служению народу, а воплощенные им творческие замыслы по праву считаются образцами современного казахского монументально-прикладного искусства и архитектуры. Его неповторимые произведения навсегда сохраняются в памяти потомков как яркое свидетельство любви к Родине и искусству, вызывая искреннее чувство гордости.

В дарственных надписях, посвященных нашему музею, авторы порой выражают сокровенные взгляды на свое творчество, эпоху, в которой им пришлось жить и творить. Вторая, представляющая особый интерес надпись, была сделана на книге Ольги Федоровны Хузе «Под именем Алимбая»: «С большим уважением к работникам музея. Для меня большая гордость, что я смогла создать образ матери Зейнеп – Чокана Валиханова. 5.06.1985г.». [4] Эти строки принадлежат известной советской и казахстанской актрисе кино и театра, заслуженной артистке Казахской ССР Меруерт Каратаевне Утекешевой.

Родилась актриса 25 февраля 1951 года в Уральске. В 1968 году окончила школу № 66 в городе Алматы, и в этом же году была приглашена на главную роль в кинофильме «Кыз-Жибек». В 1973 году окончила театральный факультет Казахского государственного Института искусств имени Курмангазы по классу народного артиста СССР Хадиша Букеева. С 1973 года – актриса Казахского академического театра драмы имени М.О. Ауэзова. Её первая роль в театре это - Алиман в спектакле «Материнское поле» Ч. Айтматова, по повести «Кус жолы», поставленном А. Мамбетовым в 1973г.

20 ноября 1985 года на студии «Казахфильм» по заказу Гостелерадио СССР состоялась премьера историко-биографического фильма «Чокан Валиханов» («Легендарный Чокан»). Картина стала ценным историческим документом, освещающим жизнь и научную деятельность одного из самых ярких учёных XIX столетия. Фильм подчёркивает вклад Ч. Валиханова в географию, этнографию, переводческое дело. Его труды не только расширили границы знаний о Центральной Азии, но и заложили основу для её научного освоения в Российской империи. Роль Чокана Валиханова сыграл казахский актер Саги Ашимов. Роль матери главного героя, как уже было сказано, сыграла актриса Меруерт Утекешева.

Каждый инскрипт имеет свою историю и свою судьбу. Дарственные надписи поэтов и писателей способны расширить наше представление о личных и творческих взаимоотношениях авторов, уточнить творческую и издательскую историю их книг, напомнить о встречах и приключениях, дружбе и сотрудничестве.

Вот еще одна интересная дарственная надпись: она сделана на книге Сабита Муканова «Промелькнувший метеор», которая как раз и дает нам представление о дружбе и сотрудничестве авторов: «Энтузиастам музея Ф. М. Достоевского. Думаю, мой старший друг Сабит Муканов – будь он жив – сделал бы свою прекрасную надпись. декабрь 1980 г.». [5] Автор этих строк – Алексей Иванович Брагин. Он известен читателям как прекрасный рассказчик, документалист и публицист, а так же как переводчик казахской прозы. Родился Алексей Иванович в 1911 году в поселке Репино под Ленинградом. В 1936 году впервые приехал в Алма-Ату, работал литсотрудником вечерней газеты «Социалистическая Алма-Ата». В годы Отечественной войны трудился в газетах «Комсомольская правда», «Правда Южного Казахстана», с декабря 1944 года – в «Казахстанской правде». Много сил и энергии Алексей Иванович отдавал художественному переводу с казахского языка. Так, в 1945-1947 годы занимался переводами стихов и поэм Джамбула Джабаева. На протяжении своей долгой литературной жизни Брагин встречался со многими писателями и деятелями культуры. Его повесть «Первый академик» посвящена замечательному ученому-геологу, первому академику и первому президенту Академии наук Каз. ССР, лауреату Ленинской и Государственной премий – К. И. Сатпаеву. На протяжении жизни они много раз встречались и дружили.

Теплые дружеские отношения связывали Алексея Брагина и с классиком казахской и советской литературы, писателем-академиком Сабитом Мукановым. Последние годы жизни С. Муканов работал над большим историческим произведением, повествующем о выдающемся сыне казахского народа Чокане Валиханове. Роман задумывался как трилогия. Увы, завершить этот труд писателю не удалось. Но всё же он успел написать две первые книги трилогии, получившей название «Промелькнувший метеор», известной в русском переводе Алексея Брагина. Первый экземпляр первого тома романа «Промелькнувший метеор», только что

поступивший из типографии, вручат Алексею Брагину в издательстве «Жазушы» 18 апреля 1973 года. Увы, в этот же день Сабита Муканова не станет.

«А в марте и первой половине апреля мы вместе жили в санатории «Алатау», – несколько позже расскажет Алексей Иванович, – гуляли по утрам, радуясь горному весеннему солнцу, неожиданным снегопадам, сменявшимся снова ясным небом, перезвону капли и ручьев. Вечерами Сабит обычно звал к себе на чай, и комната его становилась своего рода литературным клубом. Чаще всего общим вниманием завладевал сам хозяин. Рассуждал, вспоминал, даже напевал, перебирая струны инкрустированной, заветной своей домбры. Необыкновенный рассказчик, наделенный юмором и умением воспроизводить детали и давних времен, и наших дней, он одинаково свободно посвящал нас и в древнюю историю Сибири, и в нынешнюю жизнь родного аула, и в цейлонские встречи, и в биографии писателей-современников. Но не меньше, чем о прошлом, говорил Сабит и о будущем – о своих планах». [6, с. 167]

Планам тем реализоваться было не суждено. Перед переводчиком же остро встанет вопрос о том, как работать над переводом второго тома романа о Валиханове. «Стоит ли говорить, что утрата Сабита, с которым я был связан дружбой не одно десятилетие, не позволила мне сразу же приступить к работе над переводом второй книги романа, – вспоминал Брагин, – спустя некоторое время стали возникать сомнения уже этического и делового порядка. При жизни Сабита многое было достаточно просто. Я ему говорил, что такое-то описание надобно опустить, что оно не дойдет до русского читателя. А вот это место нуждается в корректировках. Сабит порой соглашался, порой не соглашался со мной, объяснял мотивы того или иного поступка героя, его поведения, и в конце концов рождался вариант, приемлемый и для автора, и для переводчика. Когда в таких случаях возникали некоторые отступления от казахского текста, переводчик был защищен, как броней, письменной авторской визой. Теперь же я оставался один на один с подстрочником... И, если бы не «добро» издателей, родных и друзей Сабита, если бы не сознание долга перед ушедшим из жизни писателем, вряд ли бы я решился продолжить работу над «Промелькнувшим метеором». [6, с. 168] Но, не смотря на все трудности, работа над переводом второй книги была закончена, и она увидит свет в 1980 году. Брагиным были переведены на русский язык почти все романы Сабита Муканова. За работу в области литературы Алексей Иванович Брагин был награжден медалью «За трудовое отличие» и несколькими Грамотами Верховного Совета Казахской ССР.

А теперь мы хотели бы вновь вернуться к дарственной надписи Брагина и напомнить вам одну из строк: «...Думаю, мой старший друг Сабит Муканов – будь он жив – сделал бы свою прекрасную надпись». [5]. Конечно, писатель при жизни успел, и не раз, посетить наш музей. Об этом говорят фотографии, хранящиеся в фондах. Во время одного из визитов он подарил свою книгу «Аққан жұлдыз» («Промелькнувший метеор»), изданную в двух томах в издательстве «Жазушы» в 1967 году с дарственной надписью: «Музею Ф. М. Достоевского, на вечную память С. Муканов. 9 октября 1971г. Алма-Ата». [7] Вот таким удивительным образом переплелись жизни А. И. Брагина и С. М. Муканова, и немалую роль в их искренней дружбе сыграли книги. Так же в фондах музея хранится письмо этого замечательного поэта и публициста на имя заведующей городской библиотеки им. Ф. М. Достоевского – Зинаиды Фурцевой: «Уважаемая т. Фурцева! Спасибо за ответ. В конце мая люди едут в Семипалатинск для чествования 125-летия Абая. Я не поеду, еду в Северный для встречи с избирателями. Но, в это лето непременно посету Семипалатинск, там я имею важное дело. Если поеду, зайду в музей обязательно. <...> Пока посылаю фотокарточку снимка 1970 г. На юбилей Ф. М. Достоевского буду непременно. С дружеским приветом С. Муканов. 24 мая 1971 г. Алма-Ата» [8]

Сабит Муканович творил во всех литературных жанрах. Поэт, прозаик, публицист, драматург, литературовед, критик, он оставил потомкам богатейшее литературное наследие. Сын великой казахской степи, навсегда останется творцом-символом, призванным вечно нести свою благородную духовно-просветительскую миссию.

В фондах музея Достоевского хранятся книги с дарственными надписями, подаренные в разное время членами одной семьи. Мы начнем с книги «Чокан Валиханов», полученной 24 января 1986 года. Автор этой книги казахский советский писатель, один из основоположников казахской советской детской литературы Сапаргали Исакович Бегалин. На титульном листе его дарственная надпись: «Сотрудникам музея Достоевского Ф. М. с пожеланиями благородного деяния во славу литературы». [9]

Он родился 24 ноября 1895 года в ауле Дегелен Семипалатинского уезда (ныне – Абайский район области Абай). Когда мальчику исполнилось 7 лет, отец отвез его к родственникам в урочище Ушаша, и отдал мулле для обучения грамоте. В 1914 году в журнале «Айкап», издававшемся Мухамеджаном Сералиным и Султанмахмутом Торайгыровым, было впервые опубликовано его стихотворение «Қазақ бозбаларына» («Казахским юношам»). В 1915 году Сапаргали окончил русско-киргизское училище. В 1921-1935 годах работал председателем Дегеленского волисполкома, членом Каркаралинского уездного исполкома, народным судьей, ответственным работником управления Туркестано-Сибирской железной дороги, Наркомзема КазАССР. В 1935-1960 годах работал в газете «Теміржолшы», вел большую научно-исследовательскую работу в Институте языкознания и литературы Академии наук Казахской ССР, собирал и изучал народное творчество своего народа, а также переводил на казахский язык произведения русской классики.

В многочисленных поездках по Казахстану писателю часто приходилось быть свидетелем трудного, полного нужды и лишений, детства аульных детей. По словам самого С. Бегалина, окончательно в литературу он пришел только в конце 40-х годов, и привело его к этому именно желание рассказать об этих рано повзрослевших детях. Его с почтением и уважением всегда встречали в студенческих аудиториях и школах.

Первая его книга, поэма для детей «Мечь орла», написанная по сюжету казахской народной легенды, вышла в 1943 году. Что же касается предлагаемой юным читателям книги «Чокан Валиханов», то над ней Сапаргали Исакович длительно работал, тщательно изучая эпоху, в которой жил Чокан, занимаясь исследованием его научного и литературного наследия как путешественника, ученого и просветителя. Эта повесть полюбилась не только казахскому народу, но заинтересовала и тех читателей, к которым она пришла в переводе на русский язык. Бегалиным были написаны еще несколько замечательных повестей, посвященных Валиханову «Чокан – подросток», «Юность Чокана», «Перевалы Чокана».

Годы жизни писателя – это годы непрерывных творческих исканий и напряженной работы. Плодотворный вклад С. Бегалина в казахскую литературу по достоинству оценен: он награжден двумя орденами «Знак Почета», орденом Дружбы народов, медалями. Основатель казахской детской литературы скончался в 1983 году, прожив долгую, прекрасную жизнь, не утратив своей душевной красоты, доброты и искренности.

Важно подчеркнуть, что работа над темой Чокана Валиханова стала общим делом, объединившим творческие усилия Сапаргали Исаковича и его сына Мажита.

Мажит Сапаргалиевич Бегалин – известный советский и казахский киноактер, кинорежиссер и сценарист. Заслуженный деятель искусств Казахской ССР. В девятилетнем возрасте с семьей переехал в город Алма-Ату, когда его отца назначили главным редактором газеты «Турксиб». В выпускном классе школы окончил нулевой курс Горного института. Но с началом Великой Отечественной войны, так и успев получить аттестат, он ушел на фронт. Весной 1943 года вернулся домой без правой руки. Демобилизовавшись, он одним из первых казахов поступил на режиссуру во ВГИК. В 1955 году состоялся режиссерский дебют Мажита Бегалина: он представил зрителям свою первую работу – фильм «Это было в Шугле». Пройдет два года, и он приступит к съемкам одной из главных картин в своей фильмографии – «Его время придет», рассказывающей о жизни Чокана Валиханова. Во время съемок картины он уделял большое внимание пространству кадра и мизансцены, ритму и актерской пластике исполнения. В роли Чокана актер Нурмухан Жантурин динамичен, стремителен, как сама мысль, которая увлекает

его и зрителя в знаменитой финальной скачке. Появляется новый герой – духовная личность, которая ведет за собой новое время!

Талантливый кинорежиссер прожил всего 56 лет, но успел снять не так много фильмов, но каждый из которых достоин признания. В фондах нашего музея хранится книга воспоминаний о Мажите Бегалине под названием «Мэтр», изданная в Астане в 2002 году. На форзаце этой книги дарственная надпись: «Фонду литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского! На добрую память! Процветания красоты! От автора 4.08.2004г.» [10] Автор этой книги и дарственной надписи известный казахстанский кинематографист, ветеран труда и участник трудового фронта Касым Сапаргалиевич Бегалин. Делом своей жизни Касым Бегалин считал сохранение памяти о своём отце – писателе Сапаргали Бегалине и брате – кинорежиссёре Мажите Бегалине.

Среди большого количества дарственных надписей есть и такие, которые можно назвать академическими: они не многословны, содержат две симметричные части – «кому» с почтительным эпитетом и «от кого» с выражением уважения и благодарности к адресату. Похожую дарственную надпись мы видим на титульном листе подаренной нашему музею книги «Прошлое в настоящем»: «Музею Ф. М. Достоевского от Александра Лейфера. Омск 15 мая 1985г.». [11] Автор книги и дарственной надписи советский и российский журналист, писатель, председатель Омской областной организации Союза российских писателей, заслуженный работник культуры РФ Александр Эрахмиэлович Лейфер.

Родился Александр Эрахмиэлович в Омске 27 декабря 1943 года. В первый класс пошёл учиться в среднюю школу № 13 в Амурском посёлке Омска. В школе точные науки он осваивал с трудом, больше интересовался литературой. В их доме всегда было много книг, отец собрал неплохую библиотеку, часто дарил ему книги и мама. Уже тогда он почитывал «толстые» журналы, сам пробовал рифмовать. В 1962 году Александр поступает на отделение журналистики историко-филологического факультета Казанского государственного университета, в котором учился с большим интересом. Много ему дали самостоятельные занятия в богатейшей университетской библиотеке. Чуть ли не с первого курса начинает попытки сотрудничества с местными газетами – университетской многотиражкой «Ленинец», «Комсомольцем Татарии» и «Советской Татарией», пробует писать и рассказы.

В истории г. Омска, в котором родился Александр Лейфер, имя выдающегося ученого и просветителя Чокана Чингисовича Валиханова, родоначальника научной и общественной мысли в Казахстане, занимает видное место. В 1847–1860 годах Валиханов учился и служил в Омске. Уже весной 1860 года имя этого молодого человека было на устах всего ученого Петербурга. Его с уважением и восхищением произносили маститые русские этнографы, востоковеды, географы. Двадцатичетырехлетнему казаху аплодирует общее собрание Русского географического общества. Видные петербургские литераторы и общественные деятели считали за честь пожать руку этому темноволосому молодому человеку. Несколько лет спустя о нем будут писать не только в России, но и за границей.

Лейфером было написано несколько исторических очерков, посвященных Валиханову, в которых он описывает жизнь и творчество казахского ученого, акцентируя внимание на его роли в освоении Центральной Азии, а также подчеркивает актуальность идей Валиханова в современном обществе. Он отмечает, что благодаря Валиханову миру стали известны Кашгар и Восточный Туркестан, а также многие ценные географические данные, что позволило поставить имя ученого в один ряд с великими географами.

Перу А. Э. Лейфера принадлежат 15 книг и более 600 публикаций в сборниках и на страницах периодических изданий. Кроме того, он был одним из основателей Литературного музея имени Ф. М. Достоевского в Омске и первым его заведующим (1980-1983). Во многом благодаря его усилиям, в 1997 году была учреждена ежегодная областная молодёжная литературная премия им. Ф. М. Достоевского.

Неоднократно посещал семипалатинскую библиотеку имени Ф. М. Достоевского русский советский поэт, прозаик, историк, географ и путешественник Сергей Николаевич Марков. Сотрудники, которым посчастливилось встречаться и общаться с Сергеем Николаевичем, вспоминали о нем как об очень хорошем, доброжелательном человеке и интересном собеседнике.

Родился Сергей Николаевич 30 августа 1906 года в Парфеньевом посаде Костромской губернии. В 1917 году отца перевели на службу в Верхнеуральск, оттуда события революции занесли семью в Казахстан. Во время гражданской войны в Акмолинске на семью Марковых обрушилось тяжёлое несчастье – умерли родители. Сергей остался круглым сиротой с пятью младшими сёстрами и братьями. Их определили в детские дома, а Сергей, оставив школу, стал работать разносчиком газет. Писать он начал рано, уже в начале 1920 года в акмолинской газете было опубликовано его первое стихотворение «Революция». В 1928 году благодаря публикации рассказа «Голубая ящерица» в журнале «Сибирские огни» был замечен Максимом Горьким. При его поддержке выпустил первый сборник рассказов под тем же заглавием и был привлечён к сотрудничеству в журнале «Наши достижения». Впоследствии он печатался во многих журналах и газетах, но прежде, чем стать журналистом и писателем, ему пришлось сменить много разных профессий.

Конечно, круг интересов писателя, ученого и поэта Сергея Николаевича Маркова чрезвычайно широк, но его излюбленная тема – история географических открытий. Она пронизывает все творчество писателя, ведь на протяжении всей своей жизни С. Марков занимался поиском и исследованием материалов об открытиях на Тихом океане, принадлежащих русским мореплавателям и землепроходцам, вёл обширную переписку со многими краеведами и архивистами. Он не только изучал в архивах старинные рукописи, книги, карты, лоции, но и сам стал путешественником. Он много ездил по Сибири и Казахстану, скитался в глухой тайге, в горах, в песках пустынь. Поэтому в 1930 году он завербовался в этнографические и географические партии, работавшие в Средней Азии, на Тянь-Шане и на границе с Западным Китаем. Путешествия в седле по живописным просторам, ночевки в юртах, дали богатый материал для первых научных исследований и новых стихов.

Известно, что в середине XIX века Кашгар был важнейшим торговым пунктом на Великом шёлковом пути, в котором царили бесконечные смуты и восстания, поднимаемые живущими там уйгурами, дунганями, киргизами, кокандцами, недовольными режимом Цинской династии. Одним из первых европейских исследователей, открывший этот регион для науки был поручик Чокан Валиханов. В июне 1858 года он отправляется в разведывательную экспедицию на территорию этого закрытого города для получения достоверных сведений о политическом, экономическом и торговом положении края. Это было крайне сложная и опасная экспедиция, растянувшееся почти на 10 месяцев, но результатом ее стал фундаментальный научный труд Валиханова «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». Это исследование стало первым научным трудом, посвященным истории, географии и социальному устройству народов Восточного Туркестана.

Одной из больших работ Маркова в области исторической географии является книга «Вечные следы», в которой помещен небольшой очерк «Чокан – наш вечный спутник» и начинается он с четверостишья, посвященного Валиханову:

*Чужая жизнь, – безжалостней моей, –
Зовёт меня... И что мне делать с ней?
Ведь можно лишь рукою великана
В лазоревой высокогорной мгле
Куском нефрита выбить на скале
Рассказ о гордом подвиге Чокана!* [13, с. 311]

«Так пробовал я воспеть Чокана, его судьбу, – писал С. Марков в своем очерке, – этих стихов мне показалось мало, и я написал книгу о нем, о его друзьях и современниках,

шедших подобно ему, к чистым и сияющим вершинам науки». [13, с. 311]. Книга, о которой упоминает Сергей Николаевич, вышла в свет в 1963 году. Это историко-биографическая повесть «Идущие к вершинам», знакомящая читателя с жизнью, бытом, обычаями, нравами населявших в прошлом веке Среднюю Азию народностей и племен, говорит о большом вкладе русских ученых в ее освоение. Читатель найдет здесь немало любопытных страниц о путешествии П. П. Семенова на Тянь-Шань, о жизни ссыльного Ф. М. Достоевского. Автор повести документами подтверждает ту большую, крепкую дружбу, что связывала их и многих других передовых русских людей с казахским народом.

«Благодарная любовь к человеку, к родному краю, стремление изменить сложившийся уклад жизни, уважение к творчеству и труду, борьба с корыстью и пережитками прошлого, безграничная преданность науке – всем эти пронизаны сочинения Валиханова, – писал Сергей Николаевич, – он исполнил великий завет Федора Достоевского». [13, с. 315]

А заветом Ф. М. Достоевского мы можем назвать одно из его писем, адресованное Валиханову от 14 декабря 1856 года: «Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм <ер>: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать; настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно всё, будьте уверены. Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе Вашей, мой дорогой Вали-хан. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать Вам первый шаг. Но вот еще один совет (вообще) – менее загадывайте и мечтайте, и больше делайте: хоть с чего-нибудь да начните, хоть что-нибудь да сделайте для расширения карьеры своей. Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего. Дай Вам Бог счастья. <...> Прощайте же, добрый мой друг». [14, с. 249]

В фондах музея хранятся несколько книг с историко-биографической повестью «Идущие к вершинам», изданных и подаренных писателем в разные годы. Одна из них – на казахском языке, автор-переводчик – известный казахстанский писатель Нияз Сыздыков. На каждой из этих книг имеется дарственная надпись автора. Вот одна из них: «Библиотеке в семипалатинском доме Ф. М. Достоевского дарю книгу о Достоевском и Чокане Валиханове. Сергей Марков 28 января 1966 год». [15] О том, что он дарит эту книгу музею, Марков упоминает в своем письме Фурцевой: «Дорогая Зинаида Георгиевна! Союз писателей переслал мне ваше письмо. <...> Заказной бандеролью посылаю вам книгу «Идущие к вершинам» и книгу стихотворений со стихами о Ф. М. Достоевском. Пишите! Уважающий Вас Сергей Марков» [16]

Последние книги С. Маркова «Земной круг» (1966 год), «Вечные следы» (1973 год) – кладезь научных сведений о замечательных делах русских людей, прославленных и несправедливо забытых землепроходцах, путешественниках, мореходах, полярниках. В этих книгах отразилась полувековая поисковая и исследовательская работа писателя – действительного члена Географического общества СССР. Недаром его называли следопытом истории. Эти издания тоже были подарены музею, и бережно хранятся в фондах. За заслуги в развитии советской литературы С. Н. Марков награжден орденами «Дружбы народов» и «Знак Почёта».

В завершение приводим несколько строк Сергея Маркова, доказывающее, что литературное наследие писателей и поэтов продолжает жить через их произведения, которые остаются актуальными на протяжении многих поколений, вызывая эмоциональный отклик и формируя мировоззрение читателей:

*Если я когда-нибудь умру,
Всё равно услышишь на ветру
Голос мой в сияющем просторе...*

Литература

1. «Встречи с книгой»: сборник / Всесоюз. добр. о-во любителей кн.; сост. Ю. М. Акутин. – Москва : Книга, 1979. Статья Л.Озеров «Надпись на книге» стр. 232
2. Мұқтарұлы С. «Шоқан және Өнер». Алматы: Өнер, 1985г. – ОФ 5698
3. Бельгер Г. К. «Вблизи и рядом: Литературные портреты на фоне дневниковых записей». Алматы. ИД «Жибек жолы», 2014 г. Электронный ресурс: <https://adebiportal.kz/web/viewer.php?file=/upload/iblock/828/828595af636051aa9e8266108b4d182e.pdf&ln=ru>
4. Хузе О. Ф. Под именем Алимбая: Ист. повесть. – Алма-Ата: «Жалын», 1981 г. – ОФ 3014
5. Муканов С. «Промелькнувший метеор». Роман. Кн.1. Перевод с казахского А. Брагина. Алма-Ата: «Жазушы», 1980. – ОФ 1455/1
6. Семьяшкин Р. Труды и дни Сабита Муканова /Простор. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 7, Алма-Ата. 2025 г., стр. 167-168
7. Мұқанов С. «Аққан жұлдыз». Роман. Бірінші кітап. Алма-Аты, «Жазушы», 1967 ж.
8. Муканов С. Письмо. Алма-Ата, 1971г. – ОФ 4402
9. Бегалин С. И. «Чокан Валиханов». Повесть. Изд. «Детская литература». Москва, 1976 г. – ОФ 3223
10. Мэтр: воспоминания о Мажите Бегалине. Составители: С. Санбаев, К. Бегалин. Астана: Елорда, 2002 г. – ОФ – 6915
11. Лейфер А. Э. «Прошлое в настоящем» Очерки. Омское книжное издательство. Омск , 1984 г. стр. 42 – ОФ 4162
12. Марков С. Н. Стихотворения. Западно-Сибирское книжное издательство. Новосибирск.1965 г. – ОФ 109
13. Марков С. Н. «Вечные следы». Издательство «Молодая гвардия». Москва, 1973 г. – ОФ 319
14. Достоевский Ф. М. ПСС в 30-ти томах. Том 28. Книга 1. Письма 1832-1859 гг. Издательство «Наука». Ленинград, 1985 г. – ОФ 3175
15. Марков С. Н. Идущие к вершинам». Казахское государственное издательство художественной литературы. Алма-Ата, 1963 г. – ОФ 135
16. Марков С. Н. Письмо. Москва, 28.01.1966 г. – ОФ3250/1

УДК 908(574.4)

С.В. Киселева
Анжеро-Судженск, Россия

ДОМ А.С. ХАХЛОВА В ЗАЙСАНЕ – СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АЗИИ

A.S. KHAHLLOV'S HOUSE IN ZAISAN – A WITNESS TO HISTORY AND GEOGRAPHICAL RESEARCH IN ASIA

Аннотация. Статья посвящена А.С. Хахлову, одному из первых жителей Зайсана. Предпринята попытка рассмотреть его вклад в развитие города и его помощь знаменитым путешественникам, экспедиции которых проходили через Зайсан, и содействие музеям РГО и Академии наук. Предложена идея сохранения дома Хахлова как свидетеля исторических событий.

Annotation. This article is dedicated to A.S. Khakhlov, one of the first residents of Zaisan. An attempt is made to examine his contribution to the development of the town, his assistance to the famous explorers whose expeditions passed through Zaisan, and his support for the museums of the

Russian Geographical Society and the Academy of Sciences. The idea of preserving Khakhlov's house as a witness to historical events is proposed.

Ключевые слова: Зайсан, дом Хахлова, путешественники –исследователи Азии, XIX век, сохранение памятников истории.

Keywords: Zaisan, Khakhlov's house, explorers of Asia, 19th century, preservation of historical monuments.

Несколько лет автор данной статьи путешествует по Казахстану по местам, связанным с жизнью и деятельностью замечательного русского географа, путешественника, этнографа, члена ИРГО, общественного деятеля Григория Николаевича Потанина (1835–1920), друга Чокана Чингисовича Валиханова, казахского учёного, географа, путешественника, этнографа. Моей мечтой было побывать в городе Зайсане, т.к. во второй половине XIX века оттуда отправлялись в Центральную Азию все известные географические экспедиции. И Г. Н. Потанин начал своё первое крупное самостоятельное путешествие в Монголию в 1876 г. из Зайсана.

В литературе встречаются путаные объяснения о дате возникновения Зайсана. Из воспоминаний Бабкова Ивана Фёдоровича (1827-1905) о его службе в Западной Сибири в 1859-1875 гг. становится ясно, что военный пост Зайсанский был основан в 1868 году как пограничный форпост. По поручению генерал-губернатора Западной Сибири Хрущёва А. П. генерал И. Ф. Бабков, бывший в то время военным губернатором Семипалатинской области, направился в 1868 году в район к югу от озера Зайсан, чтобы выбрать место для строительства военного поста для охраны границы с Китаем [1, с. 352-376].

Так появился Зайсанский военный пост на р. Джемини, который быстро разросся и превратился в город Зайсан.

Летом 1876 г. члены экспедиции под руководством Г. Н. Потанина собрались в Зайсане, чтобы отправиться в первое путешествие по Монголии. По словам Григория Николаевича, селение Зайсанского поста состояло из двух частей, разделённых рекою Джемини: на западном берегу располагалась слобода разночинцев, состоящая из низеньких домиков из сырцового кирпича (3-4 улицы, 117 домов), деревянная церковь и торговые ряды; на восточном берегу – казачье селение (одна улица). В Зайсанском посту находилось управление Зайсанского приставства, в которое входило три казачьих селения и одиннадцать казахских волостей с общей численностью населения 66 000 человек, из них русских – 2471 человек. Была открыта азиатская школа, в которой казахские дети обучались по программе приходских (начальных) училищ [2, с. 21-22].

Очень интересное описание Зайсана оставил Отто Финш, который в 1876 году вместе с известным натуралистом Альфредом Бремом путешествовал по казахским степям. Он пишет о широких улицах, засаженных ивами и окаймлённых оросительными каналами (арыками). Финш отмечает, что сложенные из кирпича домики с плоскими крышами дают приятное убежище во время сильной жары. Он упоминает о красивой деревянной церкви с колокольней, а также о школе для казахов и отмечает, что на базаре в маленьких деревянных лавочках можно купить всевозможные европейские и азиатские товары. Финш восхищается тем, что в Зайсане у офицеров был свой клуб, а пристав Зайсанского приставства майор А. К. Тихонов заложил на правом берегу реки Джемини парк с помещением для общественных собраний. Через реку был построен деревянный мост. По данным Финша, тогда в Зайсане было 163 дома и проживало 2 000 жителей, включая военных [3, с. 150-151].

В газете «Сибирская жизнь» встречаем описание Зайсанского поста в 1881 году: по всем улицам из речки Джемини проведены арыки с чистой и холодной водой, вдоль которых посажены аллеи тальника; дома построены из сырцового кирпича, а деревянных домов не более пяти. В шести верстах от Зайсана находится кожевенный завод Титова. Зайсан в то время был важным торговым (точнее, меновым) пунктом. Каждую осень город оживал, так

как туда съезжались для торговли казахи, татары и сарты. Зайсанский базар насчитывал до 40 лавок, из которых не более пяти принадлежали русским, остальные – татарам и сартам. В Зайсане в то время находились три военных врача, несколько военных фельдшеров и учеников при лазарете, аптека, русско-казахская школа, оптовый склад и шесть ренсковых погребов (магазины, торговавшие алкогольными напитками навынос, – прим. автора) [4, с. 903-904].

Экспедиция Г. Н. Потанина в Монголию в 1876-1877 годах финансировалась не только на деньги ИРГО. В её организации принял участие томский купец 1-й гильдии И. Ф. Каменский, выделивший пособие в размере 3 000 рублей [5, с. 83-84]. С середины 70-х годов основная предпринимательская деятельность И. Ф. Каменского была сосредоточена в Азии: он занимался поставками хлеба для китайской армии, войска которой прибыли в Синьцзян для подавления восстания дунган и уйгуров [5, с. 84-88]. Караваны с хлебом отправлялись из Зайсанского поста 1-2 раза в месяц. Помогал Каменскому его помощник и переводчик Андрей Степанович Хахлов (рис. 1) – один из первых жителей Зайсана. [6, с. 101, 105].

Рис. 1. Андрей Степанович Хахлов (1845-1918), один из первых жителей Зайсана, гласный Городской Думы, городской голова. Фото 1890 г. из ГАВКО, ф. 818, оп. 1.

Помимо организации отправки торговых караванов, А. С. Хахлов помогал экспедициям путешественников, проходившим через Зайсан. Когда летом 1877 года Потанин находился в Монголии, он узнал из письма Хахлова к нему, что в январе 1877 года И. Ф. Каменский пожертвовал экспедиции 15 верблюдов и 10 лошадей. Хахлов нанял казахов, оформил им заграничные паспорта, выдал по 20 рублей на дорогу, однако караван задержали пограничные чиновники Зайсанского поста. Пристав Тихонов не только не содействовал отправке пожертвования, но и вовсе запретил сопровождающим ехать в Монголию. Тогда Хахлов убедил купца Каменского выслать Потанину денежные средства и стал хлопотать о доставке серебра к месту нахождения экспедиции. [6, с. 101-102, 105-106].

Весной 1876 года, перед приездом Г. Н. Потанина, в Зайсан прибыла немецкая экспедиция в составе зоолога Альфреда Брема, а также этнолога и орнитолога Отто Финша. Описывая Зайсанский пост, Финш объясняет: причиной большого оживления в городе был тот факт, что оттуда в Западный Китай (Баркуль, Гучен и Урумчи) отправлялись караваны купца Каменского с грузом муки для китайской армии. С самим купцом исследователи встретились ещё в Аркатских горах. В доме пристава майора А. К. Тихонова члены немецкой экспедиции познакомились с представителем фирмы Каменского – А. С. Хахловым. От него они получили много ценных

сведений о местной фауне, а сам Отто Финш охарактеризовал его как «страстного и дельного охотника». Андрей Степанович познакомил немецких учёных со старым казаком по имени Марджи-Алдыара, который поделился своими наблюдения о повадках дикого верблюда. Эти данные были представлены Финшем Лондонскому зоологическому обществу и напечатаны в его «Записках» в 1876 году. Также немецкие учёные советовались с Хахловым по поводу поездки к Манракским горам за уларами [3, с. 150-153]. Хахлов помог исследователям в приобретении шкур различных животных для коллекции [7, с. 42].

Выполняя просьбу Н.М. Пржевальского, дважды побывавшего в Зайсане, Хахлов специально отправил за диким верблюдом охотника Джадыгера, который и добыл для него шкуру. Сын Андрея Степановича, доктор биологических наук Виталий Андреевич Хахлов, отмечает, что «содействие Пржевальскому не ограничилось только этим» [7, с. 42].

Самым ценным подарком для меня в Зайсане стало общение с историком, краеведом и бывшим сотрудником историко-краеведческого музея Зайсанского района Фемистоклом Туспековичем Жунусовым, который рассказал мне о городе и показал уникальные музейные экспонаты.

Как велико было моё удивление, когда на вопрос о доме Хахлова Фемистокл Туспекович ответил, что здание до сих пор существует и находится в прекрасном состоянии (рис. 2). Андрей Степанович построил его во второй половине XIX века. Мы сразу отправились посмотреть этот памятник – свидетель истории. В данный момент дом находится в частной собственности (рис. 3).

А.С. Хахлов родился в 1845 году в станице Баянаул в семье казака. Окончив Омскую прогимназию, где готовили чиновников-переводчиков (толмачей), он в 16 лет получил первый чин и поступил на службу [8, л. 1]. Выйдя в отставку, Хахлов получил чин губернского секретаря. Зная в совершенстве казахский язык, обладая деловыми качествами и порядочностью, Андрей Степанович поступил на службу к купцу И.Ф. Каменскому, который в то время занимался поставками продовольствия в Западный Китай. Хахлов помогал Каменскому в торговых делах; они «...скупали зерно, строили мельницы на горных речках, превращали частично зерно в муку и под конвоем казачьих отрядов с офицером во главе доставляли продовольствие в осаждённые повстанцами крепости» [8, л. 2]. Вместе они путешествовали по Семиречью, собирали коллекции птиц, искали полезные ископаемые [8, л. 2]. После окончания службы Каменский щедро наградил Андрея Степановича. Он оставил ему своего верхового коня с седлом, чешскую двустволку, винчестер и чистокровного сеттера Гордона [8, л. 3].

Рис. 2. Современное состояние бывшего дома А. С. Хахлова в Зайсане. Фото С. В. Киселевой, 2024 г.

Рис. 3. Современное состояние бывшего дома А. С. Хахлова в Зайсане. Фото С. В. Киселевой, 2024 г.

Хахлов был одним из первых поселенцев в Зайсане. По воспоминаниям его сына, Виталия Андреевича, в 1870 году «начало первой улицы вдоль речки Джеминейки было занято учреждениями, самое начало второй улицы занимал участок Хахлова,... где он строит себе хату в одну комнату и на участке вдоль арыков рассаживает деревья (ветлу, тополь, берёзу, карагач)» [8, л. 3].

Андрею Степановичу «...были близки интересы города и всего края... он состоял гласным Городской думы, избирался городским головой, руководил хозяйством города...» [8, л. 8].

Хахлов внёс большой вклад в развитие земледелия, садоводства и пчеловодства Зайсанского региона. Его поражала бедность части местного населения, и он старался по мере возможности помогать людям: убеждал жителей заменить мотыгу плугом, чтобы вспахать и засеять большие площади; одним из первых завозил сельхозтехнику и снабжал ею крестьян; для борьбы с голодом советовал приучать кочевников возделывать картофель и овощи; искал в горах участки, подходящие для богарного (бесполивного) земледелия [8, л. 7]. Хахлов предпринял попытку разведения шелкопряда, но эти опыты доказали, что шелководство здесь невозможно из-за вымерзания шелковицы [8, л. 4]. Опыты же по выращиванию на пасеке липы и плодовых деревьев (яблонь, вишни, черешни, слив) показали хорошие результаты: несмотря на солнечные ожоги, деревья хорошо принимались, росли и плодоносили [8, л. 8].

Рис. 4. Бутылки с сахаром, заготовленные для подкормки пчёл в зимний период. Найдены при разборе пасарни в доме А. С. Хахлова. Хранятся в Зайсанском историко-краеведческом музее.

Фото С. В. Киселевой, 2024 г.

Андрею Степановичу принадлежит заслуга в зарождении пчеловодства в этом регионе. В 1882 году он завёл первую пасеку в Зайсане (рис. 4). В 1883 году Хахлов получил участок для пасеки в предгорьях Саура, где довёл количество ульев до 160. Он постоянно сеял медоносы, благодаря чему получал мёд с высокими вкусовыми качествами. Образцы меда с его пасеки экспонировались в 1893 году на Всемирной выставке в Чикаго, где получили высокую оценку [9, с. 7]. Андрей Степанович сам сконструировал улей, вошедший в историю пчеловодства в Казахстане и известный в литературе как «зайсанский», а среди пчеловодов – «хахловский» [9, с. 7]. По воспоминаниям Виталия Андреевича, его отец вёл пасечный дневник, который позднее был обработан, и в 1926 году Виталию Андреевичу удалось издать брошюру «Пчеловодство» (теоретическое) [8, л. 6–7].

Андрей Степанович дружил с Е. П. Михаэлисом, который ежегодно приезжал к нему в Зайсан и останавливался в его доме. «Они обсуждали вопросы пчеловодства, останавливались на нуждах края, и каждый отстаивал свою точку зрения» [8, л. 6]. Михаэлис открыл Кендырлыкское месторождение каменного угля к востоку от Зайсана, а А. С. Хахлов вместе с Титовым и А. В. Собакиным организовали там добычу, обеспечив население углём [9, с. 6]. Сотрудник музея Ф. Т. Жунусов нашёл эту старую штольню (рис. 5).

*Рис. 5. Старая штольня на месте добычи каменного угля (Кендерлыкское месторождение).
Фото из Зайсанского историко-краеведческого музея.*

Продолжая сотрудничество с купцом Каменским, Андрей Степанович принял участие в реализации его планов по развитию пароходства на реке Или. Каменский мечтал соединить Кульджу с озером Балхаш и снарядил экспедицию для проведения изысканий в этом районе. Во время этих работ Хахловым были открыты и заявлены месторождения глауберовой и поваренной соли, которую планировалось использовать в качестве обратного груза для пароходов [10, с. 10]. Однако довести дело до конца не удалось из-за преждевременной смерти И. Ф. Каменского в декабре 1882 года [5, с. 89].

А. С. Хахлов много сделал для развития пароходства на Иртыше. Он обращался в письмах к богатым семипалатинским купцам и писал статьи в газеты Томска, Омска и Семипалатинска, опираясь на исследования Е. П. Михаэлиса 1879 года, Хахлов доказывал необходимость и выгоду организации пароходного сообщения по Верхнему Иртышу. Усилия, начатые в начале 1890-х годов, увенчались успехом: в 1898 году из Семипалатинска вверх по Иртышу был отправлен пароход «Зайсан». Он дошёл до озера Зайсан, пересёк его, поднялся по Чёрному Иртышу за границу на территорию Китая, а затем повернул обратно. На протяжении всего маршрута проводились работы по измерению русла [8, л. 8-9]. Для запуска постоянного пароходного сообщения по Иртышу Андрей Степанович взял на себя организацию дела в Зайсане. Предстояло обеспечить приём судов на Тополёвом мысу, наладить доставку товаров в город и на пристань [8, л. 10]. Под руководством Хахлова на Тополёвом мысу (в 80 км от

Зайсана) была обустроена пристань: укреплена дорога на песчаном участке, построены пакагуз и дома для конторы и пассажиров, а также налажена постоянная заготовка топлива для пароходов [8, л. 10].

*Рис. 6. Современное состояние бывшего дома А. С. Хахлова в Зайсане. Арык во дворе дома.
Фото С. В. Киселевой, 2024 г.*

Испытывая волнение и трепет, я зашла во двор дома Хахловых и увидела добротное здание, побеленное снаружи, арыки во дворе и вековые деревья (рис. 6). Это, конечно, не тот первый дом (хата в одну комнату), который Андрей Степанович построил сразу после поселения в Зайсане в 1870 году. Предполагаю, что нынешнее просторное здание было возведено на этом же месте позднее – примерно в 1880 году, когда Хахлов женился и его семья увеличилась [8, л. 4]. Зная точный год постройки этого дома, можно определить, кто именно из знаменитых путешественников останавливался у Хахлова в этих стенах.

Через Зайсан прошло множество экспедиций [11]. В 1875 году здесь завершила свой маршрут русская учёно-торговая экспедиция в Китай под руководством Ю. А. Сосновского. В 1876 г. через пост прошли три группы исследователей. Маршрут немецких учёных А. Брема и О. Финша пролегал из Семипалатинска в Зайсан, куда они прибыли весной, и далее на озеро Маркаколь. Экспедиция Г. Н. Потанина, выходя из Зайсана летом 1876 года, следовала через Китай в Западную Монголию. М. В. Певцов в том же году совершил своё первое путешествие: возглавляя казачью сотню, он сопровождал большой торговый караван из Зайсана в китайский город Гучен, попутно собирая сведения о местности. В конце декабря 1877 года в Зайсан прибыл отряд Н. М. Пржевальского. Исследователи были вынуждены прервать экспедицию в Тибет из-за болезни руководителя и некоторых членов команды; они пробыли в городе на лечении до марта. В конце февраля 1879 года Пржевальский снова посетил Зайсан, откуда отправился в своё третье путешествие в Центральную Азию. Позднее, в январе 1891 года, Певцов завершил здесь третью экспедицию по Западному Китаю, а в ноябре 1895 года в город возвратился отряд В. Роборовского. Гляциолог и ботаник, профессор Томского университета В. В. Сапожников неоднократно бывал в Зайсане во время своих изысканий в 1899, 1906, 1908 и 1914 годах. В 1903 году отсюда вышла экспедиция географа Г. Е. Грумм-Гржимайло, и в том же году город посетил учёный А. Н. Седельников, обследовавший озеро Зайсан. В. А. Обручев в течение трёх лет (1905, 1906 и 1909 гг.), изучая Северную Джунгарию, также совершал поездки в Зайсан. Весной 1904 года по приглашению Хахлова сюда приехал орнитолог П. П. Сушкин, доцент Московского университета и автор документального труда «Птицы Алтая».

Андрей Стеранович участвовал в снаряжении экспедиций, уходивших из Зайсана в Центральную Азию и Монголию: помогал приобретать лошадей и верблюдов, заготавливать продукты и прочее. Как городской голова он встречал участников походов, содействовал

в отправке коллекций в транспортную контору для доставки в Петербург. Знаменитые путешественники бывали у Хахлова в гостях, советовались с ним, как со знатоком природы, обычаев и казахского языка, а также местности – как Зайсанского края, так и Западного Китая, где Андрей Степанович часто бывал.

Путешественники дарили Хахлову свои фотографии. По воспоминаниям его сына, Виталия Андреевича, у Андрея Степановича на полке письменного стола в кабинете стояло много портретов: Потанина, Пржевальского, Роборовского, Певцова, Финша и других [8, л. 4].

Н.М. Пржевальский подарил Хахлову своё личное оружие – пехотную винтовку системы Бердана со штыком. По словам Андрея Степановича, «это было личное оружие путешественника в экспедициях» [8, л. 4]. Удивительно, но это оружие сохранилось до наших дней. По свидетельству Ф. Т. Жунусова, при разборе псарни в доме Хахловых нашли ту самую «берданку» Пржевальского, флюгер и две бутылки с сахаром, заготовленные для подкормки пчёл в зимний период. Все эти находки в настоящее время хранятся в Зайсанском историко-краеведческом музее (рис. 4, 7).

Андрей Степанович много лет выполнял задания Российской Академии наук и РГО, готовил скелеты и чучела животных для музеев. В 1883 году он был принят в действительные члены Западно-Сибирского отдела РГО [9, с. 13]. Справедливы слова его сына, Виталия Андреевича: «... справедливость требует отметить эту незаметную, но очень важную для науки деятельность одинокого труженика на далёкой окраине» [7, с. 42].

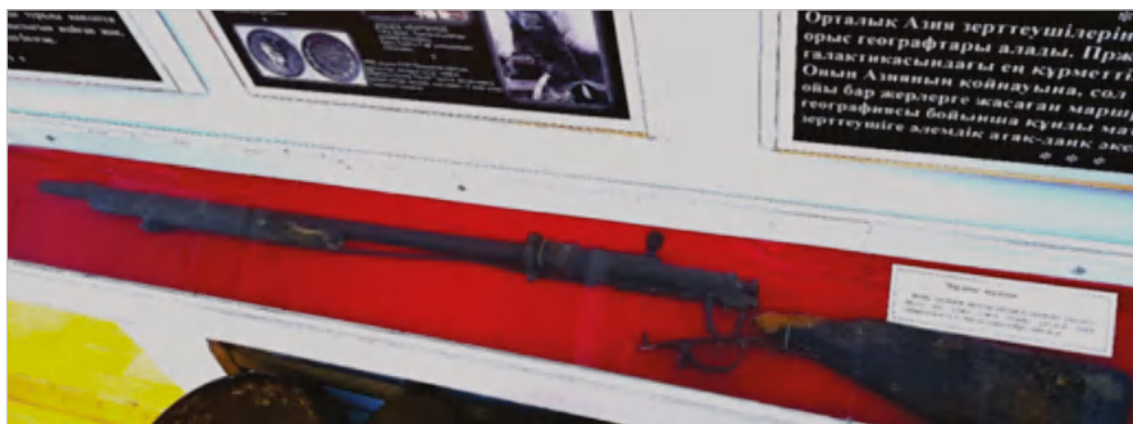

Рис. 7. Пехотная винтовка системы Бердана, которую Н. М. Пржевальский подарил А. С. Хахлову. Найдена при разборе псарни в доме А. С. Хахлова. Хранится в Зайсанском историко-краеведческом музее. Фото С. В. Киселевой, 2024 г.

По воспоминаниям Виталия Андреевича мы можем судить о высоких нравственных качествах Хахлова [8, л. 11]. Женившись поздно, он взял на воспитание двух сирот после смерти своего приятеля-казака и его жены, а позже приютил трёх детей старшей сестры и сестру жены. Его собственная семья состояла из семи сыновей и двух дочерей, и всем им он дал образование. Андрей Степанович был большим другом казахов и посредником между ними и русскими властями. Он глубоко сопереживал проблемам населения и старался оказывать людям посильную помощь [8, л. 3, 7].

Дом А.С. Хахлова в Зайсане – уникальный свидетель истории географических исследований в Азии во второй половине XIX века и свидетель истории города. Здание стоит на том самом месте, где зарождалась одна из первых улиц города. Через этот дом прошли экспедиции крупнейших исследователей Азии: все они были лично знакомы с Андреем Степановичем и пользовались его гостеприимством. Хахлов помогал путешественникам в снаряжении отрядов, встречал участников походов, содействовал в отправке коллекций и приобретении экспонатов, давая ценные советы как знаток края. Чрезвычайно важно для истории Казахстана сохранить дом Хахлова и не допустить его утраты. Печальным примером служит здание бывшей таможни

в Зайсане – ещё один свидетель эпохи географических открытий. В советское время в его стенах размещался краеведческий музей. Позднее этот дом перешёл в частную собственность: в данный момент со здания сняли крышу (разобрали старинную черепицу), и оно постепенно разрушается (рис. 8). Памятник истории и архитектуры, стены которого помнят известных исследователей Азии, погибает у всех на глазах.

Рис. 8. Современное состояние здания бывшей таможни в Зайсане. Фото С. В. Киселевой, 2024 г.

Литература

1. Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859 – 1875 г. / И.Ф. Бабков. – СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, д. М-ва Финансов на Дворц. площади, 1912. – С. 352-376.
2. Потанин, Г.Н. Путешествия по Монголии / Г.Н. Потанин. – М.: ОГИЗ Гос. Изд-во географ. литературы, 1948. – С. 21-22.
3. Фини О., Брем А. Путешествие в казахские степи /Отто Финш, Альфред Брем. – Алматы: AmalBooks, 2024. – С. 149-159.
4. Зайсанский пост // Сибирская газета. – 1881. – № 32. – 4 октября. – С. 903-904.
5. Киселева С. В. Каменский Иван Фёдорович – купец, путешественник, мечтатель, меценат / С.В. Киселева // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Четвёртой Всероссийской научной конференции, Томск, 2020. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2021. – С. 78-93.
6. Письма Г.Н. Потанина. Т.3 / Сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – С. 101-102, 105-106
7. Хахлов В.А. Зайсанская котловина и Тарбагатай. Зоогеографический очерк. Птицы. Ч. 1. Общая / В.А. Хахлов // Известия Томского университета. – 1928. – Т. 81. – С. 1–42.
8. Государственный архив Восточно-Казахстанской области. Ф. 818. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-11.

Н. И. Левченко
Новосибирск, Россия.

НИКОЛАЙ АНОВ. РОМАН «АК-МЕЧЕТЬ» И ПОВЕСТЬ «КРЫЛЬЯ ПЕСНИ» (НЕИЗВЕСТНЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ)

NIKOLAI ANOV. NOVEL «AK-MECET» AND NOVEL «WINGS OF A SONG» (UNKNOWN ARCHIVAL MATERIALS ON THE HISTORY OF CREATION)

Аннотация. Статья представляет собой дополнительные сведения к истории создания романа «Ак-Мечеть» и повести «Крылья песни» Н. И. Анова. В ней использованы неизвестные документы частного архива московских друзей писателя.

Конечная цель статьи – пробудить интерес к творчеству писателя Н. И. Анова.

Annotation. The article provides additional information on the history of the creation of the novel «Ak Mosque» and the novella «Wings of Song» by N.I. Anov. It uses unknown documents from the private archive of the writer's Moscow friends.

The ultimate goal of the article is to arouse interest in the work of the writer N.I. Anov.

Ключевые слова: Н. И. Анов, «Ак-Мечеть», «Крылья песни», сюжеты, Байзаковы, письма, рецензии, фильм.

Key words: N. I. Anov, Ak-Mechet, Wings of Song, stories, Bayzakovs, letters, reviews, film.

Ценнейшими документальными источниками, отражающими историю государства и общества на определенных этапах развития, являются личные архивы. Эти документы передают ощущение эпохи, исторических событий, свидетелем которых был владелец. Независимо от значимости фондообразователя, их объединяет одно общее понятие – национальная память, а если это архив известного человека, то его ценность возрастает многократно.

Биография и творческий путь писателя, журналиста Николая Ивановича Анова (н. ф. Иванов) связаны с важнейшими историческими событиями прошлого века. Наиболее полное собрание документов писателя хранится в Центральном государственном архиве Республики Казахстан.

Небольшой по объему архив представлен в Городском Центре истории новосибирской книги (Новосибирск, Россия).

В своей статье я обращаюсь к материалам архива писателя, который хранится в семье Поморцевых (Москва, Россия).

Собрание историко-литературных документов в московском архиве писателя позволяет получить важную информацию о работе над произведениями, о восприятии его творчества читателями, историю его взаимоотношений с коллегами и представителями творческого мира. На его повести и романы сохранились рецензии Вс. В. Иванова, В. Г. Янчевского (Яна), Г. Нерадова, Д. А. Горбова, Ю. Лебединского, А. А. Бека и других.

Николай Иванович Анов, петербуржец по рождению, прожив много лет в Казахстане, щедро насытился его колоритом, историей, неповторимым складом хозяйствования и быта, его разноязычным фольклором, неисчерпаемым богатством людских типов, характеров, судеб. Все это стало питательным источником его творчества до конца жизни.

Произведения Н. И. Анова привлекали внимание читателей и критики с момента своего выхода в печати.

Роман «Ак мечеть» о жизни поэта Алексея Плещеева в Оренбургской ссылке и Хивинском походе царских войск под командованием Оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского стал одним из самых известных его произведений.

Работа над ним началась в 1946 году и потребовала от автора глубокого изучения исторического материала середины 19 века. Для этого он не раз обращался к архивам Москвы и Ленинграда, стал постоянным посетителем Государственной Российской библиотеки.

В письме от 26 октября 1947 года к В. А. Шурыгину, директору Чкаловского издательства (сейчас Оренбургское книжное издательство), Анов сообщает, что *в течение двух лет работал над романом «Ак-Мечеть», который почти закончил. Роман посвящен ссылке поэта-петрашевца А. Плещеева в сложный период взаимоотношений Казахстана и России.* Сообщая, что размер произведения в 10 печатных листов, автор интересовался возможностью издать его.

В это же время писатель ведет переговоры с казахстанским издательством, которые увенчались успехом, и в мае 1948 года договор был подписан, о чём в письме к редактору С. Ахмедову он пишет: *Посылаю Вам подписанный экземпляр договора на роман «Ак-Мечеть»* (20.05.1948 г.)

Для рецензирования романа Николай Иванович Анов обратился к известным литературоведам и писателям.

Автор исторических романов В. Ян (н. ф. Янчевский) отмечал: *В романе чувствуется прекрасное знание края, точно переданы исторические подробности и характерные детали казахского народа. С удовольствием я следил за плавной речью повести, в которой, отчасти, сохранена манера и стиль русских писателей 50-60х гг. прошлого века.*

Писатель и критик Г. Б. Нерадов (н. ф. Шатуновский) в рецензии «Переключка с прошлым» писал: *В своем новом историческом романе «Ак-Мечеть» Николай Анов зрелой кистью вдумчивого художника обрисовал интересную полосу жизни России, относящуюся к началу пятидесятих годов прошлого столетия. Действие разворачивается в тогдашнем Оренбурге (Чкалове), стоявшем «на стыке Европы и Азии». В романе осязательно чувствуется дыхание эпохи. Оно проступает в мелочах, в мелких черточках людей той эпохи... Язык простой, ясный и колоритный.*

В то же время критик Нерадов обратил внимание на некоторые недостатки романа: *Хороший роман Анова, к сожалению, не лишен недостатков. Самый существенный из них заключается в том, что автор основное внимание уделил верхней прослойке. Жизнь массы, жизнь простого народа дана больше в очерковом, а то и чисто публицистическом плане, за исключением одного-двух эпизодических мельчайших героев. Поэтому роман лишен глубокого народного колорита при всей своей идейной направленности.*

Мнение о хорошем знании исторической эпохи поддержал писатель Г. П. Штурм: *Роман написан умно, талантливо, на хорошо изученном материале и читается с интересом. Автору удалось создать ряд живых, запоминающихся образов: «автора русской марсельезы» Плещеева, генерала Перовского, капитана Дандевилья, солдата Прошкина, купца Деева. Кроме того, в романе отлично разработан сюжет.*

С просьбой дать оценку своему произведению Н. И. Анов обратился к писательнице С. В. Перовской, внучатой племяннице генерал – губернатора Оренбургского края, персонажа романа «Ак-Мечеть».

Получив книгу и письмо, Софья Васильевна Перовская ответила автору 14 января 1949 года: *Привет, дорогой Николай Иванович! Получила Вашу книгу «Ак-Мечеть», тронута вниманием и горячо благодарю. Поздравляю Вас с выходом нового романа. От души желаю, чтобы критика тепло его встретила... Читая роман, я вспомнила, что ещё в 1946 году Вы говорили, что работаете над ним (в частности, я вспомнила наш разговор о семье Перовских). Вы пишете свои романы, не в обиду будет сказано, как дуги гнут: «с терпением и не вдруг». Совсем не так, как многие другие. Я недавно слышала интересное заявление одного драматурга, который за два месяца написал пьесу из рабочей жизни... Вот какие темпы! Судя по роману, Вы хорошо знаете историю Казахстана и его обычаи. И я ничего не имела бы против, если бы Вы теперь, после описания событий столетней давности, написали бы роман из жизни современного Казахстана....*

Высоко оценив работу автора, она выразила некоторое возмущение выражением Дандевилья «лютая злодейка» в адрес революционерки Софьи Перовской, посчитав оскорбительными для её памяти:

Конечно, царский разведчик, Дандевиль не мог иначе выразиться о революционерах. Но зачем Вы, автор, вложили в его уста слова о Перовской? О ней мог сказать хотя бы бывший «пропагатор» идей Фурье Плещеев. Он бы, наверное, иначе выразился о Софье Перовской.

Известно, что Н. И. Анов много работал с архивными документами, с перепиской А. Н. Плещеева, в том числе, с В. М. Дандевилем. Вероятно, из письма писатель и взял его высказывание о революционерке.

Близкими знакомыми Н. И. Анова были друзья А. Н. Плещеева – семья военного инженера Владимира Пагануцци, после смерти которого поэт помогал вдове. Содной из дочерей, Евгенией, женой журналиста, художественного критика и искусствоведа, хранителя Отдела изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея Павла Павловича Муратова, Анов

был в близких отношениях. В 1928 году они познакомилась в редакции журнала «Красная новь», где оба работали: он – ответственным редактором, она – секретарем.

В первой четверти прошлого века Муратовой, танцовщицей – «босоножкой» из студии Э. И. Рабенек, увлекались известные поэты Серебряного века. Влюбленный на короткое время совместной итальянской поездки поэт Владислав Ходасевич создал образ “Царевны” в «Счастливым домике».

Нельзя было не поддаться беззаботной легкости ее очарования. В. Стражев, С. Муни, Б. Пастернак, С. Есенин, Н. Анов оказались на годы или на мгновения под его магической властью. Сама она считала своей последней любовью Анова, жившего у нее в годы Второй мировой войны, и часто читала мне свое, написанное в день его отъезда, уже после войны, стихотворение «Уехал друг...», в котором фигурировала не увядшая еще сирень, и цитировала его стихи, посвященные ей, – писала в мемуарах Ксения Михайловна Муратова, искусствовед, внучатая племянница П. П. Муратова. [1]

Е. В. Муратова откликнулась на книгу «Ак-Мечеть» письмом от 24 октября 1948 года:

Милый NicolaYean! Что же Вы не пишете? Как нога? Я даже начинаю беспокоиться – живы ли Вы? Или женились на туркменке и зажили в Алма-Ата. Книгу Вашу получила и прочла. Она хорошая, очень увлекательная, интересная и полезная...» Отмечая достоинства книги, Муратова заметила, что не поняла, как автор относится к Плещееву: «Иногда с насмешкой. Слово «стихотворец» вместо поэт. Правда оно в стиле, но все же. Поэт у Вас очень слезлив...». В письме она обращает внимание на биографические неточности: «По – моему, наследство он получил не от дяди, а от внучатой тетки, страшной скряги, почти что нищей. Так говорили в моей семье». Много замечаний в письме Муратовой по стилистике и бытовым деталям текста: «Красками не рисуют, а пишут. Шампанское пьют из бокалов, а не из стаканов...Князь у Вас говорит: «Он знал моего родителя» – так скажете Вы, а не князь. «Смочив горло», «Казарма мне осточертела» – плохо, выражения пролетарские, современные...»

Несмотря на замечания по деталям текста романа, все рецензенты подчеркнули историческую правдивость в описании событий и характеров, отметили его значимость.

Роман «Ак-Мечеть», изданный в Казахском государственном книжном издательстве художественной литературы был посвящен режиссеру-документалисту Ляховскому Борису Натановичу, с которым писателя судьба свела и подружила во время ссылки в Архангельской области (1933г.) В московском архиве Н. И. Анова сохранился сценарий и фотокадры документального фильма «В Париже» (1925 г.), который так и вышел на экран.

Представление о долгой и основательной работе над произведением, персонажами, текстами Н. И. Анова дают также документальные материалы повести «Крылья песни» (1956).

Тема повести – история создания первого казахского театра, творчество акына Исы Байзакова и певца Амре Кашаубаева.

Ещё в 1930х гг. Анов, по совету А. М. Горького, хотел написать повесть о Исе Байзакове. С акыном он познакомился в 1921м, во время работы в редакции семипалатинской газеты «Степная правда».

С Исой Байзаковым (уже оренбургским студентом) мне пришлось познакомиться через два года, когда он приехал на летние каникулы в Семипалатинск. Он пришел в городскую библиотеку на очередное собрание молодых поэтов и скромно примостился за книжной полкой. Среди собравшихся выделялся роскошной бородой Илья Андреевич Модзалевский. Старый правдист пользовался большим уважением молодежи. Первые стихи свои он опубликовал в петербургской «Звезде». Сидевший за столом против Модзалевского Николай Васильевич Феоктистов тоже до революции выпустил в Омске сборник своих стихов. Иса читал мою пьесу. [2]

Окончательно утвердился Николай Иванович Анов в замысле написать повесть после встречи в Москве с дочерью, Макен, и сыном, Ертыс, акына. В архиве сохранился десяток писем Байзаковых, адресованных писателю.

Работа над первым вариантом, повестью «Юность акына», продолжалась три года, но позже автор решил расширить повесть до объема романа, включив историю становления казахского театра и ещё одного героя – исполнителя казахских песен Амре Кашаубаеве. Поэтому, отказавшись от названия «Юность акына», автор даёт новое – «Двери мира тебе открывает песня».

На создание более объемного произведения повлияли и письма детей Байзакова: *Мы считаем, что повесть нуждается во всестороннем углублении. В таком виде она у казахского читателя не будет иметь успеха, а, возможно, не пройдет и в печати. Нужно глубже познать, изучить материалы, письменные и устные. Мы считаем, что писать повесть о поэте-импровизаторе дело трудное, ибо Ису Байзакова хорошо знает весь казахский народ. (Письмо от 4 мая 1948 г.).*

Анов очень хотел, чтобы тексты песен поэта переводил на русский язык кто-то из детей, но они отказались. В письме от 14 июня 1949 года, отправляя содержание поэмы «Курулай сулу» и подстрочники стихов Байзакова, его дочь Макен пишет, что переводить не сможем, так как «тексты стихов – импровизаций требуют хорошего литературного, поэтического перевода»:

Сладок в мае кумыз, но красавиц степных поцелуй приятней его.

Так люби, если розв цветут на щеках,

Розы скоро увянут, джигит, мимо счастья проходишь.

Семь красавиц степных, если ты повстречал

Семь раз счастье ты мог испытать.

Анов предполагал, что роман будет состоять из двух частей. В него должна была войти поэма о первой любви акына Байзакова «Курулай-Сулу». После отказа детей акына заниматься переводом, писатель отправляет подстрочник стихов сыну Н. В. Феокистова Юрию, который жил в Риге и работал в русском театре художником, время от времени занимаясь литературными переводами. Ю.Н. Феокистов, хорошо знавший казахский язык, согласился, и писатель выслал ему несколько десятков листов подстрочником произведений акына. В письме от 11 ноября 1950 года Феокистов в шуточной форме сообщает Анову: Дорогой Николай Иванович. Вот Вам рифмованный мой автопортрет:

На берегу балтийских волн

Стоял он дум корыстных полн,

И так шептал с тоской угрюмой,

Вдали увидев латыша:

«На диком бреге Иртыша

Сидел Иса, объятый думой...»

Шутки шутками, но вот уже почти год Ваш Иса не даёт мне покоя и строит из меня поэта, по образу и подобию своему....»

Работа над романом «Двери мира тебе открывает песня» Н. И. Ановым была завершена летом 1950 года, и для рецензии он отправил тексты рукописи Вс. В. Иванову, В. Яну, М. Шагинян, Н. Чертковой, Н. Кузнецову и Е. Таратуте.

Литературовед и сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького, Е. А. Таратута, отметив правдивое изображение событий и художественное своеобразие произведения, обратила внимание на недоработанный образ одного из персонажей:

Очень интересно задуман и показан образ Исы, но образ Худайбергенова нужно привести в порядок, из-за него может вся повесть погореть...» Кроме того, рецензента смутило название романа: «Может быть следовало подумать о другом названии, вроде «Иса и его товарищи», т. к. при существующем названии, все главы, относящиеся к Амре и его поездкам, выпадают из композиции.

Наиболее подробный анализ текста рукописи романа дал писатель Вс. В. Иванов в рецензии от 10 сентября 1950 года:

Я с интересом прочел роман Н. И. Анова «Двери мира тебе открывает песня». Роман – это история народного певца-акына Исы Байзакова, певца Амре Кашаубаева и создания советского казахского драматического театра. Тема, несомненно, свежая, любопытная, и читателя нашего следует познакомить с разработкой этой темы, роман следовало бы издать...

Н. И. Анов высоко ценил мнение своего коллеги, с которым знаком был ещё по Омску периода гражданской войны, где они вместе работали в газете «Вперед» и на долгие годы сохранил доверительные отношения с ним.

Вс. В. Иванов был знаком с первым вариантом романа, который, по словам Анова, состоял из 20 печатных листов, о чем упоминает также и рецензент, отмечая, что *парижские главы романа уже сокращены, но требуют ещё большего сокращения*. Отмечая недостаток своих знаний по истории казахского театра, Иванов обратился к художественной оценке характеров романа: *Характеры главных действующих лиц, мне думается, автору удалось: Иса Байзаков, Амре, также, как и второстепенные лица романа, такие, как Сакен или борец Хаджи-Мукан. Вообще, все лица и казахский быт выходят у Анова хорошо...*

Хотелось бы обратить внимание, что Вс. В. Иванов тактично умолчал о своем знании искусства Казахстана. Вспомним его «Самокладки киргизские», четыре стихотворные импровизации в духе казахских сказителей, опубликованные в 1921 году в омском журнале «Искусство». Также известно, что он в 1946 году оказал помощь в работе над фильмом «Амангельды» о казахском батыре. Кроме того, его связывали долгие дружеские отношения с казахским писателем Мухтаром Ауэзовым. В 1948 году Вс. Иванов напечатал статью о романе «Абай» – «Роман о песне» в «Литературная газета», 10 ноября. Письма Вс. Иванова к М. Ауэзову и рассказ об их дружбе были опубликованы в сборнике «Эдесская святыня», вышедшем в Алма-Ате в 1986 году. В предисловии к нему вдова писателя Т.В. Иванова подняла важную тему в творческой биографии писателя «Вс. Иванов и Казахстан». Мухтар Ауэзов отмечал в характере Вс. В. Иванова, что, несмотря на огромный талант, скромность, честность и чистоту ребенка.

Вс. Иванов, положительно оценивая образы главных героев, обратил внимание на недоделанные образы русских: *Мне, думается, что дело гораздо хуже обстоит, как это ни странно, с русскими персонажами. Роман, когда касается русских, вдруг приобретает сухость и звучит переводно...* Иванов отметил также неудачные главы, посвященные Парижу, Всемирной выставки: *Эти главы похожи на газетный отчет, и с художественной стороны, по – моему, не представляют никакой ценности. В главах много неточностей и ошибок...*

Далее, отмечая общую растянутость романа, высказал мнение, что требуется хорошая редакторская работа, прежде всего, редактора-казаха, хорошо знающего историю казахского театра. Советуя, не превращать роман в многотомную эпопею (слова Вс. В. Иванова), он отметил, что «для дарования Анова лучше писать вещи покороче, сжatee, от этого они будут и выпуклее, и выразительнее» Советует Вс. Иванов написать предисловие: *Не мешало бы составить предисловие к книге, рассказывающие об истории казахского театра – роман есть роман и он не может развертывать исследований. Кроме того, подобное предисловие помогло бы автору. Он мог бы не так подробно говорить об истории, тем более об отдельных персонажах, создающих эту историю. Необходимо сделать более действенный и обобщающий конец с тем, чтобы читатель был удовлетворен и не ждал, когда последует вторая, третья и так далее. Я не вижу смысла делать многотомную эпопею...» Отрицательно высказался рецензент и о названии романа: «Совершенно не годится название «Двери мира тебе откроет песня». Это не в духе русского языка и звучит абсолютно переводно.*

Отмечая достоинства и недостатки романа Вс. В. Иванов, высказал мнение, что после авторских и редакторских доработок роман нужно издать, т. к. он будет интересен не только в Казахстане, но и в других республиках. Рецензент отметил готовность Анова прислушаться к замечаниям:

Автор охотно прислушивается к благожелательным советам и в случае, если издательство возьмет роман к изданию, сделает всё необходимое, чтобы довести работу над романом до конца.

Это подтвердил и автор романа. В письме от 15.09.1950 г. к главному редактору Казахстанского Издательства художественной литературы Ахмедову он пишет: *Сейчас я, по совету Вс. Иванова, работаю над пятью неудачными главами о Париже, описывающими поездку Амре на Всемирную выставку. Они очень трудны. Если не получатся, выброшу все пять глав.* Главы о встрече Амре и Анри Барбюса в Париже Анов не убрал, но сократил и учел все замечания Вс. Иванова.

16 февраля 1951 года Н. И. Анов получил письмо от редактора издательства Макеева Леонида Владимировича, который редактировал роман. Редактор беспокоился, что автор по непонятным причинам задерживает отправку рукописи. Причина задержки была одна: Анов после замечаний рецензентов, начинает дорабатывать рукопись.

29 августа 1951 года Н. И. Анов обратился в творческую комиссию Союза Советских писателей с просьбой командировать его в Алма-Ату в связи с доработкой романа об Исе Байзакове и передаче рукописи в Казахстанское издательство. Из заявления видно, что, следуя советам рецензентов, он изменил название романа на «Крылья песни»: *В течение пяти лет я работал над повестью «Крылья песни» – о замечательных людях Казахстана народном акыне Исе Байзакове и знаменитом певце Амре Кашаубаеве. Ответственность темы – дружба народов – заставляет меня с осторожностью отнестись к своему произведению, во избежании политических ошибок. Считаю необходимым доработать повесть в Казахстане. Рукопись читали В. Ян, Вс. Иванов, Н. Черткова и Н. Кузнецов. Они отнесли к нему положительно и по их советам я работал последний год над рукописью.*

Командировка осенью 1952 года не только помогла доработать «Крылья песни», но принять решение о переезде автора в Алма-Ату.

В «Казахстанской правде» вышла критическая статья А. Ашимбаева, в которой отмечалась своеобразие творческой манеры писателя, умение найти новые, интересные интонации в описании событий: *Несомненно Анов выполнил задачу показать человека искусства, увлеченного своим делом. Сделал это без фальши и перегрузки, в свободном сюжетном повествовании.*

По книге «Крылья песни» на «Казахфильме» был снят фильм режиссером Азербайжаном Мамбетовым. Актеры: Ануарбек Молдабеков, Асанали Ашимов, Каукен Кенжетаяев, Алимгазы Райнбеков, Рахметулла Сальменов, Мулюк Суртубаев, Торгын Тасыбекова, Сайфулла Тельгараев...

Н. И. Анов никогда не был сторонним наблюдателем происходящих в стране перемен, появлению ярких имен, давал им свою оценку. В предисловии к трехтомнику писателя, изданному через год после его смерти, казахский литературовед, академик, Мухамеджан Каратаев писал: *Нельзя сказать, что его путь был легким и триумфальным. Нет, он был трудным, иногда замедленным, но всегда целенаправленным и верным. Его творчеству были чужды спешка, суетливость, пустое рвение, шумные холостые выстрелы, спесивость и претенциозность... Получалось так, что судьба ввергала его в разные сферы жизни, сталкивала с разными людьми и ставила в разные отношения с ними, а он, Анов, вбирал в себя все новые и новые впечатления, осваивая залежи материалов, не спеша их осмысливал, тщательно собирая то, что было необходимо с точки зрения художника [3]*

От автора статьи: Приношу благодарность семье Поморцевых за предоставленные документы и разрешение использовать их в статье. По этическим и психологическим причинам владельцы не могут пока принять решение о передаче материалов, представляющих огромный интерес для исследования литературного процесса 20 века, в какое-либо архивохранилище.

Литература

1. Андреева И. Неуловимое создание: Встречи. Воспоминания. Письма. М.: Совпадение, 2000. – 208с.
2. Анов. Н. И. «По следам героя». Очерк. /Альманах «Казахстан». 1947. № 22.
3. Анов. Н. И. Избранное, т.1. Алма-Ата, 1981. – с.12-13)
4. Документальные материалы из личного архива семьи Поморцевых (Москва).

УДК 908(574.42)

П. С. Нургазина
Семей, Казахстан

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ: ОТ ВЕКА XIX ДО ВЕКА XXI

**RESEARCHERS OF THE HISTORY OF THE NATIVE LAND:
FROM THE XIX TO THE XXI CENTURY**

Аннотация. В статье рассматривается вклад исследователей истории города Семей и области Абай в изучение родного края на протяжении трёх столетий. Анализируется деятельность ключевых краеведов XIX века – Н. А. Абрамова, Е. П. Михаэлиса, братьев Белослюдовых и Б. Г. Герасимова. Особое внимание уделяется научным учреждениям, ставшим центрами краеведческой работы: Областному статистическому комитету, Семипалатинскому подотделу РГО и первым музеям края. Показана преемственность краеведческой традиции от XIX до XXI века и роль современных организаций в сохранении исторической памяти региона.

Annotation. The article examines the contribution of researchers of the history of Semey city and Abay region to the study of their native land over three centuries. The activities of key local historians of the 19th century – N. A. Abramov, E. P. Michaelis, the Beloslyudov brothers and B. G. Gerasimov – are analyzed. Special attention is paid to the scientific institutions that became centers of local history work: the Regional Statistical Committee, the Semipalatinsk Branch of the Russian Geographical Society and the first museums of the region. The continuity of the local history tradition from the 19th to the 21st century and the role of modern organizations in preserving the historical memory of the region are shown.

Ключевые слова: краеведение, Семей, область Абай, история, исследователи, Русское географическое общество, историческое наследие, музей, архив.

Key words: local history, Semey, Abay region, history, researchers, Russian Geographical Society, historical heritage, museum, archive.

Изучение истории родного края является одним из важнейших направлений региональной исторической науки. Краеведение как форма познания прошлого позволяет сохранить историческую память, восстановить связь поколений и укрепить культурную идентичность населения региона. В условиях нарастающей глобализации, когда унификация культур становится нормой, краеведческое знание приобретает особую ценность: именно оно позволяет сохранить неповторимость местных традиций, языков и исторического опыта.

Город Семей – один из старейших городов Казахстана, основанный в 1718 году как военная крепость на берегу Иртыша, – на протяжении столетий привлекал внимание учёных, военных чиновников, путешественников и общественных деятелей, оставивших ценные труды по истории, географии и этнографии края. Уже в середине XIX века здесь работали исследователи, систематически изучавшие природу и население региона; в конце XIX – начале XX века сложились научные учреждения, координировавшие эту деятельность; в советский период был накоплен значительный историографический материал; наконец, в XXI веке традиция краеведения продолжается в новых институциональных формах.

История изучения родного края неотделима от имён конкретных людей, посвятивших свою жизнь исследовательской деятельности. Именно они первыми систематически описали природу, историю и быт населения, заложили основы научного краеведения и создали учреж-

дения, которые стали очагами культуры и знания. Знание о тех, кто изучал родной край до нас, необходимо как для понимания истории самого края, так и для осознания нашей собственной причастности к этой традиции.

Систематическое научное изучение Семипалатинского края началось в середине XIX века. Этот период совпал с важными административными изменениями: 1 октября 1854 года Семипалатинск стал областным центром вновь образованной Семипалатинской области [1]. Появление областного управления привлекло образованных людей, заинтересованных в изучении нового для них края. Немаловажную роль сыграло и то, что Семипалатинск находился на стыке нескольких культур – русской, казахской и восточной, что делало его особенно привлекательным объектом для исследователей.

Одним из первых и наиболее значимых исследователей был Николай Алексеевич Абрамов (1812-1870) – этнограф, краевед, педагог. В 1854 году он был назначен советником хозяйственного отделения Семипалатинского областного правления и переехал в город. В 1858 году Абрамов был избран действительным членом Русского географического общества, в «Записках» которого в 1861 году вышел его обширный очерк «Областной город Семипалатинск» [2]. Этот труд стал первым комплексным описанием города: автор подробно рассмотрел историю его основания, административное устройство, торговлю, население и хозяйство. Особую ценность представляют разделы, посвящённые торговым связям города с казахской степью и Центральной Азией, а также описания быта горожан. Кроме того, Абрамов написал более двадцати статей о географии, этнографии и истории края, которые публиковались в «Тобольских губернских ведомостях» и «Записках географического общества». Современники называли его человеком, «трудившимся единственно из любви к науке» [3].

Особое место в истории краеведения Семья занимает Евгений Петрович Михаэлис (1841-1913) – учёный-краевед, политический ссыльный, редактор «Семипалатинских областных ведомостей» и близкий друг великого казахского поэта Абая Кунанбаева. В 1869 году Михаэлис прибыл в Семипалатинск и с первых дней занялся изучением края: исследовал ледники Алтая, угольно-сланцевые отложения Зайсанского края, изучил судоходность Иртыша [4]. Под его руководством в 1878 году был создан Областной статистический комитет, первым секретарём которого он стал. Этот комитет стал главным центром изучения края: Михаэлис разработал программы исследования геологии и гидрологии области, организовал однодневную перепись населения Семипалатинска в 1882 году [5].

В 1883 году по инициативе Михаэлиса был основан Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Это учреждение стало координирующим центром научного краеведения в регионе: здесь организовывались экспедиции, публиковались научные труды, велась работа по систематизации сведений о природе и населении края. Михаэлис стал основателем его археологического отдела и фактическим вдохновителем большинства научных начинаний подотдела. Помимо научной деятельности, именно благодаря Михаэлису был открыт и поддержан талант Абая Кунанбаева: в течение многих лет Абай виделся с ним в зимнее время почти ежедневно [4]. Эта дружба стала символом диалога культур, характерного для Семипалатинска той эпохи.

В 1877 году в Омске был основан Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества. Наконец, в 1902 году был открыт Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела. В его создании была несомненно заслуга краеведов, работавших в Семипалатинском областном статистическом комитете. Они уже открыли в городе музей и библиотеку, непрерывно вели исследовательскую работу и издали в 1886 году капитальный труд «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов». В том же году провели перепись населения города Семипалатинска. Организовали выпуск и «Памятных книжек», в которых публиковали научные труды. В 1898 году секретарь областного статистического комитета Николай Коншин на страницах «Семипалатинских областных ведомостей» заговорил о необходимости открыть в Семипалатинске подотдел географического общества. Раз-

носторонне одаренным человеком был ссыльный народоволец Николай Яковлевич Коншин, ставший управляющим делами подотдела.

Колоритными фигурами в Семипалатинском подотделе географического общества были братья Белослюдовы-Алексей, Виктор, Федор и Николай. Им принадлежала большая заслуга в развитии краеведения и музейного дела в Семипалатинске. Белослюдовы родились в семье небогатого чиновника из сибирских казаков. Наиболее даровитыми из четырех братьев были этнограф, фольклорист Алексей Николаевич и живописец, краевед Виктор Николаевич [12,126,128].

Активными деятелями Семипалатинского подотдела РГО стали братья Алексей Николаевич и Виктор Николаевич Белослюдовы. Алексей (1887-1939) с юных лет посещал Семипалатинский музей, а в 1906 году вместе с братьями открыл домашний музей, который по значимости своих коллекций не уступал городскому: в нём были сформированы отделы геологии, палеонтологии, доисторической археологии, этнографии и картинная галерея [6]. Алексей Николаевич собирал казахский фольклор (им было записано более 200 сказок, 97 загадок, больше 100 песен), старинные монеты и книги, вёл переписку с ведущими учёными России. Виктор Николаевич (1882–1916) – художник-этнограф, учившийся в Строгановском училище, – создал многочисленные рисунки и акварели, посвящённые жизни и быту казахов: «Юрта», «Казашка», «Казахи с кумысом», «Казахское семейство» и другие [7]. Его работы стали уникальным изобразительным документом эпохи, фиксируя черты традиционного казахского уклада жизни в период его исторических преобразований. В 1914 году Виктором Белослюдовым был составлен краткий исторический очерк Семипалатинска, осветивший историю города со времен основания. Превосходный художник, он проиллюстрировал поэму «Казах» польского поэта Густава Зелинского (1809-1881). Не уставал пропагандировать поэзию Абая среди русских читателей. Лидеры Семипалатинского подотдела тепло принимали в своем обществе Шакарима, с первых же встреч вводя его в курс обсуждаемых проблем [12,129].

Значительный вклад в краеведение края внёс Борис Георгиевич Герасимов (1872-1938) – священник, историк и этнограф, председатель Семипалатинского подотдела РГО. С 1905 по 1923 год он опубликовал в «Записках Семипалатинского подотдела» 35 научных работ объёмом более 1300 страниц, посвящённых истории края, этнографии казахов и русских старообрядцев, природным условиям региона [8]. В 1912 году он был удостоен серебряной медали Русского географического общества, а в 1925 году – золотой медали РГО за плодотворную краеведческую деятельность [8]. Масштаб научного наследия Герасимова особенно впечатляет с учётом того, что большую часть своей жизни он совмещал исследовательскую работу с пастырскими обязанностями, трагически завершив свой путь в годы сталинских репрессий.

В советский период изучение истории края приобрело более систематический и институциональный характер. Были созданы новые архивы, музеи и научные учреждения, которые продолжили и развили краеведческие традиции, заложенные в XIX веке. Вместе с тем советская идеологическая система накладывала определённые ограничения на интерпретацию исторических событий, что неизбежно сказывалось на характере научных публикаций.

Несмотря на эти ограничения, именно в советское время были написаны фундаментальные труды по истории края, не утратившие своего значения до сих пор. Важнейшим трудом по истории города стала монография Жамбыла Касымбаева «История города Семипалатинска (1718-1917)», вышедшая в Алматы в 1998 году. Автор провёл масштабное исследование истории города от момента основания крепости до начала XX века, рассмотрел его социально-экономическое развитие, роль в торговле между Россией и Центральной Азией, а также культурную жизнь горожан [9]. Этот труд по сей день остаётся одним из главных научных источников по истории Семей.

Не менее значимым исследователем был Виктор Николаевич Кашляк, создавший книгу «Семипалатинск. Три века истории» (Новосибирск, 2002). В ней история города освещается на

протяжении трёх столетий – с момента основания крепости до конца XX века. Труд Кашляка отличается широкой документальной базой и до сих пор широко используется как справочное издание [10]. Особую ценность представляют разделы, посвящённые развитию образования и культуры в городе, а также биографические очерки о выдающихся горожанах.

В советский период активно развивалась музейная деятельность. Семипалатинский историко-краеведческий музей стал центром хранения уникальных коллекций, собранных ещё краеведами XIX века. Большая часть архива братьев Белослюдовых была передана в библиотеку Академии наук Республики Казахстан, Семипалатинский историко-краеведческий музей и Музей антропологии и этнографии [6]. Таким образом, бесценные материалы, собранные исследователями прошлого, были сохранены для будущих поколений учёных.

Важным событием советского периода стало основание в 1971 году Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Семей. Это учреждение сосредоточило свою деятельность не только на изучении пребывания великого писателя в городе, но и на более широком исследовании культурной истории региона. Основание музея стало свидетельством того, что советская культурная политика, несмотря на идеологические ограничения, признавала значимость исторической памяти и литературного наследия.

В XXI веке краеведческая деятельность в Семей не только продолжается, но и приобретает новые формы, опираясь на современные технологии и международное сотрудничество. Цифровизация открыла принципиально новые возможности для хранения, систематизации и распространения краеведческих материалов: электронные архивы, оцифрованные рукописи и онлайн-базы данных делают исторические источники доступными для исследователей по всему миру.

Краеведческое общество «Прииртышье» объединяет исследователей, занимающихся изучением истории и культуры области Абай. Общество организует научные экспедиции, краеведческие конференции и издательскую деятельность. Именно оно является одним из организаторов настоящей Международной научно-практической конференции «Достоевский и мировая культура», что свидетельствует о его активной роли в современной культурной жизни города. Деятельность «Прииртышья» – это живая связь с традицией, заложенной ещё в XIX веке Михаэлисом и его коллегами из Семипалатинского подотдела РГО.

Особое место в научно-краеведческой жизни региона занимает Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского города Семей, основанный 7 мая 1971 года. За более чем полвека своей работы музей стал не просто хранилищем экспонатов, связанных с пребыванием великого писателя в городе, но и активным центром научных исследований [11]. Музей проводит международные конференции, издаёт научные сборники и ведёт просветительскую работу, привлекая к изучению истории края исследователей из разных стран мира. Международная конференция «Достоевский и мировая культура», посвящённая 55-летию музея и проводимая в мае 2026 года, наглядно демонстрирует его роль в современной научной жизни региона.

Важную роль в краеведческой деятельности XXI века играет Областная универсальная библиотека имени Абая города Семей, которая ведёт систематическую работу по сбору, хранению и популяризации материалов об исследователях края – от Н. А. Абрамова до современных учёных. На сайте библиотеки размещены биографические очерки о краеведах, электронные версии редких изданий и архивных документов, что делает краеведческое наследие доступным широкой аудитории [3]. Это особенно важно в контексте воспитания исторического сознания у молодёжи: возможность легко получить доступ к первоисточникам значительно расширяет круг потенциальных исследователей.

Не менее значимой формой краеведческой деятельности в XXI веке стала научная конференционная активность. Университет имени Шакарима города Семей – преемник вековых традиций высшего образования в регионе – регулярно проводит конференции, на которых молодые исследователи представляют свои работы по истории края. Тем самым обеспечивается

передача краеведческих знаний следующему поколению учёных, что является неперенным условием продолжения традиции.

Таким образом, в XXI веке краеведческая традиция Семья продолжается в новых институциональных формах: общественные организации, музеи, библиотеки и университеты совместно ведут работу по изучению и сохранению исторического наследия области Абай. Цифровые технологии и международное сотрудничество открывают перед краеведением новые горизонты, позволяя достичь аудитории, недоступной для исследователей прошлых столетий.

История изучения родного края неотделима от имён людей, посвятивших свою жизнь исследовательской деятельности. Н. А. Абрамов, Е. П. Михаэлис, братья Белослюдовы, Б. Г. Герасимов – каждый из них внёс неоценимый вклад в систематическое изучение истории, природы и культуры Семипалатинского края. В советское время эту традицию продолжили историки Ж. Касымбаев и В. Н. Кашляк, создавшие фундаментальные монографии по истории города. В XXI веке эстафету приняли краеведческое общество «Прииртышье», Литературно-мемориальный музей Достоевского и Библиотека имени Абая.

Прослеживая эту преемственность, можно утверждать, что краеведение в регионе никогда не прерывалось: каждое поколение исследователей опиралось на труды предшественников и вносило свой вклад в общее дело сохранения исторической памяти. Показательно, что каждая эпоха порождала собственные институциональные формы краеведения: в XIX веке это были научные общества и статистические комитеты, в советский период – государственные музеи и академические институты, в XXI веке – общественные организации, библиотечные порталы и университетские конференции. Смена форм при сохранении содержания – характерная черта подлинной научной традиции.

Знание об этих людях и их трудах является не только научной, но и нравственной основой нашей связи с родным краем. Осмысление вклада исследователей прошлого позволяет нам яснее понять, кто мы и откуда, и с большей ответственностью подойти к собственной исследовательской деятельности. В этом смысле история краеведения Семья - это не просто летопись научных достижений, но и урок гражданской ответственности перед памятью тех, кто шёл этим путём до нас.

Литература

1. История Семипалатинска (Семей) // Краеведение Восточного Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <https://olketanu.pushkinlibrary.kz/ru/kalendar/343-istoriya-semipalatinska-semej.html> (дата обращения: 29.03.2026).
2. Абрамов Н. А. Областной город Семипалатинск // Записки Императорского Русского географического общества. – СПб., 1861. – Кн. 1.
3. Абрамов Николай Алексеевич (1812–1870) // Областная универсальная библиотека имени Абая [Электронный ресурс]. – URL: https://semeylib.kz/?page_id=12941&lang=ru (дата обращения: 29.03.2026).
4. Михаэлис Евгений Петрович (1841–1913) // Ассамблея народа Казахстана [Электронный ресурс]. – URL: https://assembly.kz/ru/proekty/vydajushhiesja_lichnosti_kazahstanskih_etnosov/view/mikhaelis_evgeniy_petrovich/ (дата обращения: 29.03.2026).
5. Скопа В. А. Михаэлис Евгений Петрович — первый секретарь Семипалатинского областного статистического комитета // NovaInfo. – 2017. – № 58. – С. 128-131.
6. Государственный архив Восточно-Казахстанской области: Белослюдовы [Электронный ресурс]. – URL: <http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1617/vko> (дата обращения: 29.03.2026).
7. Белослюдов Виктор Николаевич // Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Белослюдов,_Виктор_Николаевич (дата обращения: 29.03.2026).
8. Священник Борис Георгиевич Герасимов (1872–1938) - выдающийся учёный-краевед // Киберленинка [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaschennik-boris-georgievich-gerasimov> (дата обращения: 29.03.2026).

9. Касымбаев Ж. История города Семипалатинска (1718-1917). – Алматы, 1998. – 276 с.
 10. Кашляк В. Н. Семипалатинск. Три века истории. – Новосибирск, 2002. – 371 с.
 11. Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского города Семей [Электронный ресурс]. – URL: muz-dost@rambler.ru
 12. Сыдыков Е.Б. Шакарим /Ерлан Сыдыков.-М:Молодая гвардия, 2012.-351[1]с.:ил.- (Жизнь замечательных людей:сер.биогр.;вып.1397).

**Т. Г. Титаева,
Семей, Казахстан**

ФОНДЫ МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ КРАЕВЕДОВ-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

MUSEUM FUNDS AS A SOURCE OF INFORMATION FOR LOCAL HISTORIANS AND RESEARCHERS

Аннотация. В данной статье говорится о классификации музейных экспонатов, которые могут быть полезны и интересны исследователям истории родного края. Предлагается краткий обзор документов, фотоматериалов и литературы по краеведению.

Annotation. This article discusses the classification of museum exhibits that may be useful and of interest to researchers of local history. It provides a brief overview of documents, photographic materials, and literature related to regional studies.

Ключевые слова: музейные фонды, экспонаты, фотоматериалы, краеведение, литература, видеофильмы.

Keywords: museum collections, exhibits, photographic materials, local history, literature, documentary films.

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей...
Гавриил Державин*

Фонды литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского города Семей ежегодно пополняются новыми разнообразными материалами, которые свидетельствуют о неуклонно возрастающем интересе к его жизни и творчеству, убедительно доказывая актуальность изучения творческого наследия писателя. Кроме современных подарочных изданий на русском, в музей поступают переводы на иностранные языки, театральные афиши и билеты на спектакли по произведениям Достоевского в городах Европы, и зарубежные литературоведческие исследования. Иногда случается пополнение фондового раздела «изобразительное искусство», куда поступают бюсты Достоевского и Чокана Валиханова, выполненные из разных материалов, их живописные или графические портреты, а также, художественные работы с видами старого города. Для пополнения раздела «летопись музея» в фонды, наряду с фотоматериалами конца XIX и начала XX века, передаются современные фотографии таких музейных мероприятий, как вечера памяти писателя, открытие новых выставок, проведение конференций и круглых столов, организация конкурсов, концертных программ и театрализованных постановок. Большой интерес у жителей вызывает, ставшая уже традиционной, ежегодная акция «Ночь в музее», когда посетители стараются побывать на всех музейных мероприятиях города. Видеозаписи и фотографии этого массового мероприятия также передаются в фонды музея.

Вот уже 55 лет сотрудники музея служат благородному делу приобщения посетителей к постижению творческого гения Достоевского. Великий просветитель, мыслитель и поэт Абай Кунанбаев говорил о том, что знания – это средство воспитания характера и культуры человека.

Каждый вдумчивый человек, прочитавший роман Достоевского, или посетивший экспозицию музея, получает не только необходимую информацию, но и жизненный опыт, стремление к самопознанию и саморазвитию.

Ведь недаром, решением научно-экспертного совета научно-исследовательского центра «Сакральный Казахстан» Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского г. Семей вошел в список 100 сакральных мест Казахстана.

Во время проведения экскурсии по экспозиционному залу идет подробный рассказ о жизни и творчестве писателя. Большой раздел литературной экспозиции посвящен пребыванию писателя в нашем городе с марта 1854 по июнь 1859 года. Но, рассказывая о потерях и обретениях семипалатинского периода, невозможно не говорить об устройстве города второй половины девятнадцатого века, о круге общения Достоевского, о его встречах и надеждах, о его попытках возвращения к литературной деятельности. Такую информацию научные сотрудники выбирают из писем Достоевского, мемуарной литературы, из воспоминаний старожилов, записок РГО и других архивных документов. В фонде музея хранятся старые карты, план города, объемная папка с фотографиями на тему «виды старого города», «мечети и храмы Семипалатинска», а также наборы цветных и черно-белых открыток «Семипалатинск», которые издавались в 1970-1980-е годы. Более четырехсот музейных предметов включает в себя «Архив Белослюдова», куда вошли личные документы и фотографии Ф. Н. Белослюдова, счета, квитанции, журналы, газеты, каталоги и билеты в кинотеатр «Прогресс» ... Сейчас многие из этих предметов являются редкими и даже уникальными, и мало вероятно, что второй такой документ может храниться у кого-то дома...

Таким образом, материалы фонда литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского могут служить источником информации как для тех, кто интересуется творчеством писателя, так и для исследователей истории родного края.

Все материалы фонда, представляющие интерес для работы краеведов, можно систематизировать следующим образом: сборники по истории Сибири; Сибирь и ссылка; издания Императорского Русского Географического Общества; собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова и монографии; книги по истории Казахстана; Восточный Казахстан; Семипалатинск; периодические издания конца XIX – начала XX века; мемуарная литература.

По материалам из фонда была написан текст тематической экскурсии «Памятные места Достоевского в Семипалатинске», гости музея могут пройти по центральной части города и познакомиться с сохранившимися историческими и архитектурными памятниками.

В зале музея проводились мероприятия для учащихся городских школ «Знай и люби свой край» с участием активистов общественного объединения «Краеведческое общество «Прииртышье» города Семей». Краеведы рассказывали школьникам о своих находках, делились планами, и цитировали «Слова назидания» Абая:

«Родившись на свет, человек не может жить, не увлекаясь интересными вещами. Дни увлечений и поисков остаются в памяти самыми светлыми днями его жизни». (1 с. 135)

Надо сказать, что многие учащиеся принимали активное участие во встрече и старались найти ответы на вопросы: знают ли они историю своего города? Могут ли они рассказать о том, как и когда, появился на карте город Семипалатинск; и когда он был переименован? Смогут ли помочь приезжему человеку и подсказать, где находится музей или театр; рассказать, почему улица носит имя этого человека; что означает выражение «чертова песочница»; и пояснить: отчего вдруг, – если известный писатель XIX века Федор Достоевский жил и умер в городе Петербурге, – музей Достоевского был открыт в нашем городе?

Человек, который серьезно интересуется историей родного края, всегда помнит, с чего именно начинается его интерес, ведь каждый приходит к этому увлечению по-своему. У кого-то дома хранится старый фотоаппарат и фотографии, на которых не только лица ушедших родственников, но и виды родного города с постройками, давно исчезнувшими с лица земли... Другого краеведа к этому интересному занятию привлекли друзья-одноклассники или одно-

курсники; а кто-то самостоятельно начинает изучать историю своей семьи, а потом и края, – после увлекательного рассказа экскурсовода в краеведческом музее.

Творческие люди очень хорошо понимают истину, которая гласит «без прошлого нет будущего». В своих произведениях, предназначенных для широкого круга читателей, они призывают нас беречь, изучать, сохранять и приумножать опыт предыдущих поколений. В фондах музея хранится небольшая подборка книг, которые написал Виктор Николаевич Кашляк, краевед известный не только в нашем городе и республике, но и далеко за их пределами. Подборка, действительно, небольшая, но значимость этой коллекции может оценить только настоящий исследователь-краевед. Эти издания пользуются огромным спросом, вызывают интерес и взрослых, и школьников, у которых они воспитывают чувство патриотизма, и стремление узнать о родном крае как можно больше.

В литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского города Семей, в рамках празднования дня рождения Достоевского, стало традицией ежегодного проведение круглого стола для школьных учителей «Методика преподавания языка и литературы в школе. Современное видение». Также, ежегодно проводятся «Валихановские чтения», участниками которых становятся преподаватели и городских и сельских школ. В результате работы круглого стола делается вывод о необходимости продолжения совместной деятельности школьных преподавателей и музейных работников. Все участники единодушно признают, что воспитание патриотизма у подрастающего поколения является общим делом органов власти, работников образования, общественных организаций и культурно-образовательных учреждений. Вносятся предложения по укреплению связей между учеными-историками, работниками архива и городских музеев, отдела образования и отдела по делам молодежи в деле изучения и сохранения историко-культурного наследия страны. Мероприятия, организованные сотрудниками, планируются таким образом, чтобы приобщить участников к знакомству с музейными коллекциями, а также, стимулировать их стремление к приобретению знаний и умение мыслить самостоятельно.

Как известно, в музеях «традиционной, хотя и не широко распространенной формой культурно-образовательной деятельности являются консультации, которые проводятся в экспозиции или в научных отделах по интересующему посетителя вопросу». (2. с. 481)

Учащиеся учебных заведений, принимающие участие в исследовательских творческих проектах, знакомятся с литературной экспозицией и мемориальной квартирой музея, приходят на тематические экскурсии «Семипалатинск Достоевского» и «Достоевский и Валиханов», или же обращаются к архивным источникам и библиотечным фондам. Приведем для примера рассказ об одном из последних таких проектов с участием музея Достоевского. Осенью 2024 года ученица 11 класса СШ № 7 города Усть-Каменогорска Ворошилова Виктория, в рамках исследовательского проекта по направлению «Исторические памятники Казахстана и перспективные туристические маршруты», решила рассказать о памятных местах писателя Достоевского в нашем городе. Научным руководителем стала учитель русского языка и литературы Зулькарнеева А.Н. Ученица проделала работу по изучению осведомленности жителей региона о таком сложном периоде из биографии писателя как «семипалатинская ссылка» и сделала попытку анализа вопроса о степени влияния творчества Достоевского на современную культурную жизнь региона. Практической частью проекта стало создание интерактивного буклета, для которого были использованы почтовые карточки и фотографии с видами старого Семипалатинска. По результатам данной работы нами была подготовлена следующая рецензия: «...Практическая часть данного проекта, а именно, создание интерактивного буклета, заинтересует человека, увлеченного современными технологиями, который ценит своё время, и предпочел бы такое быстрое знакомство с писателем, а не чтение книги. На наш взгляд, работа над буклетом – это непрерывный творческий процесс, в ходе которого могут быть внесены уточнения и добавлены новые фотографии. Работу Ворошиловой Виктории можно считать, как одно, из целого ряда мероприятий краеведческого характера,

направленных на формирование у населения, особенно у учащейся и студенческой молодежи, устойчивого интереса к изучению истории родного края, чтению произведений классиков мировой художественной литературы и сохранению историко-культурного наследия страны».

Книжный фонд литературно-мемориального музея писателя постоянно пополняется не только произведениями Достоевского и его современников. В раздел «литературное краеведение» принимаются книги наших земляков, произведения которых воспевают степные просторы и величественные горы, Иртышские волны и минареты старого города...

Чертова перечница

Гудит песок!

Его к небесным карам

Причислили и всадник и ходок.

и «перечницей чертовой» недаром

Прозвали наш песчаный городок.

Здесь всё песком мгновенно зарастало –

Еще живешь, а ты уже в былом,

И нет следов, и тяжело листало

Глухое время бесконечный том.

Тюрьма да ссылка, да покруче перца

Песок в глаза и мертвым и живым,

А нам – отчизна.

И сжимает сердце,

Когда летит песчаный белый дым...

Надежда Чернова (3. с. 284)

Как мы видим, творческие люди всегда находят способы и выразительные средства, чтобы передать свою любовь к родному краю. Будь это живописные работы с видами города художников И.В. Солодухина и Ю.П. Столярова, или графические работы М.М. Беляева, который запечатлел старые домики по улице Достоевского. Для любого краеведа и для старожила нашего города знакомы и бесконечно дороги такие названия, как Старая крепость и Татарская слободка, Знаменский Собор и мечеть Тыныбая, дом губернатора и городской сад... Вспоминая эти названия, проходя по тем местам, где находились эти старые здания, мы чувствуем неразрывную связь времён, ощущаем и себя, как частичку эпохи, и понимаем всю важность науки краеведения.

Литература

1. Абай. Книга слов. – Алматы: Атамура, 2025.
2. Юренева Т.Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. – 2-е изд.. – М.: Академический Проект, 2004.
3. Чернова Н.М. Солнцеворот. Стихи. Астана: Елорда, 2000.

СЕКЦИЯ 3: ДОСТОЕВСКИЙ В СЕМИПАЛАТИНСКЕ.

Л. С. Бароховская
Фото: Н. Мовчан,
Семей, Казахстан

ТАЙНЫ КАЗАЧЬЕГО ФОРШТАДТА

SECRETSOFTHECOSSACKFORSHADT

Аннотация. В статье «Тайны Казачьего форштадта» речь идёт о купеческой лавке, расположенной в бывшем Казачьем форштадте Семипалатинска.

В качестве исследовательской задачи была определена попытка рассказать историю старинного здания, его владельца и позднейших жильцов дома хозяина лавки.

Статья рекомендована для краеведов и всех читателей, интересующихся историей города.

Annotation. In the article “The Mystery of the Cossack Forstadt,” attention is given to a merchant’s shop located in the former Cossack Forstadt of Semipalatinsk.

As a research task, an attempt was made to tell the history of the old building, its owner, and the later residents of the shop owner’s house.

The article is recommended for local historians and for all readers interested in the history of the city.

Ключевые слова: купеческая лавка, церковь, старинные постройки.

Keywords: merchant’s shop, church, historic buildings.

Как белоснежные крепкие куски сахара-рафинада тают в стакане кипятка, так тают и исчезают на наших глазах на улицах Семипалатинска дореволюционные здания. От многих из них остались уже только воспоминания или – в лучшем случае – снимки фотографов-энтузиастов. Этот дом, к великому моему счастью, пока цел.

Впервые я наткнулась на него еще в 70-е годы 20 века, во время учебы в пединституте. Так называемый «новый» корпус вуза (в отличие от «старого» – здания бывшей мужской гимназии) находился (и находится) в бывшем Казачьем форштадте, по улице Революционной, прежде – Воскресенской [1, с. 220]. В этом районе тогда было множество колоритных построек, как деревянных, так и из старинного обожженного кирпича. Ныне, к сожалению, большинство из них снесены или изуродованы до неузнаваемости с помощью новомодных строительных материалов. Я любила бродить там после окончания лекций в институте – по устланным пестрым ковром опавших листьев тротуарам, по узким тропинкам, заросшим травой... Зимой эти улицы были завалены сугробами снега, над крышами домов с пышными снежными шапками из печных труб струился дымок. Уютно светились окна, затянутые морозными узорами... Летом жару смягчало прохладное дуновение легкого ветерка с Иртыша. Перед каждым домом был огороженный палисадник, где непременно цвели и благоухали кусты шиповника, сирени, акации... Напрягая фантазию, я пыталась вообразить ту жизнь, которая неспешно текла на этих улицах 100-150 лет назад.

Но это строение выделялось на общем фоне даже тогда, в 70-х годах 20 века. Я сразу поняла, что это бывший магазин или лавка. Хотя уже отсутствовали основные приметы торгового заведения (железные двери и ставни, гранитное крыльцо), но даже на сегодняшних фотографиях, которые выполнил по моей просьбе Николай Алексеевич Мовчан видно, что это не просто жилая постройка.

Один из углов дома срезан – именно здесь находился изначально вход в здание. Позже он был замурован, но границы бывшей двери четко обозначены вертикальными линиями. Через несколько дней после наших фотосъемок этого района я прошла по нему еще раз, уже одна и не торопясь побеседовала с хозяевами наиболее интересных строений. (Когда мы с Николаем Алексеевичем ходим вдвоем, приходится спешить, ведь световой день короток, особенно осенью или в конце лета. Поэтому сбор информации об истории зданий и их бывших владельцах я, как правило, провожу позже, одна.) Мне повезло познакомиться с хозяйкой и этого особняка, правда, срок ее владения им уже истек. Надежда Михайловна Ерофеева, похоронив мужа, собиралась переезжать к дочери, на Урал. Помедли я еще немного – и всю известную ей информацию она увезла бы с собой. К счастью, этого не произошло. Вот что она мне сообщила.

Н. М. Ерофеева в молодости работала в проектно-институте и, как все советские люди, стояла в очереди на получение благоустроенной квартиры. Чтобы попасть в эту очередь, нужно было представить доказательство, что нынешняя ее жилплощадь не удовлетворяет каким-либо гигиеническим требованиям, и её семья нуждается в улучшении жилищных условий. С этой целью она обратилась в инвентарное бюро и там ей выдали справку, что здание (то есть бывшая лавка), в котором проживает ее семья, построено в 1910 году. Очевидно, по меркам тех лет, этого было достаточно, чтобы признать строение непригодным для проживания, независимо от его состояния. Кто знает, как бы развивались события дальше, но тут наступила перестройка, затем развал Советского Союза. Проектный институт закрыли и Надежда Михайловна, которая стояла первой в очереди на получение квартиры, осталась и без квартиры, и без работы.

Поняв, что придется доживать век в этом доме, супруги Ерофеевы взялись всерьез за его благоустройство. Первым делом решили усовершенствовать систему отопления. Пригласили опытного печника старой закалки. Когда тот перекладывал печь, то обнаружил, что в ней сохранился боровок. Я впервые услышала такой термин и начала уточнять, что он означает. Надежда Михайловна не смогла доступно объяснить, и мне пришлось, как обычно бывает в таких ситуациях, прибегнуть к помощи В. И. Даля. «Толковый словарь живого великорусского языка» сообщает: «Боровок – дымволок, лежащая дымовая труба, проводная» [2, с. 48]. Не могу похвастать, что теперь мне все стало ясно-понятно. Единственное, что я поняла – при кладке печи использован какой-то старинный прием, ныне, скорее всего, утраченный.

Когда Ерофеевы поселились здесь, в округе проживало много пожилых соседей, от которых они узнали об истории этого особняка. Моя догадка подтвердилась – это действительно была бывшая купеческая лавка. Дом делился на две части. В первой половине, принадлежащей семье Надежды Михайловны, находилось помещение, где непосредственно велась торговля.

А во второй половине особняка размещался приказчик с семьей. Очевидно, над входной дверью висел старинный колокольчик, который сообщал звяканьем о приходе очередного покупателя.

Старожилы рассказали, что в советский период здесь жил начальник семипалатинской колонии. Именно он перенес вход с улицы во двор. Пробивать отверстие для новой двери он привозил заключенных из колонии – работа действительно каторжная, ведь стены здания такой толщины и крепости, что выдержат артобстрел современными орудиями. Кирпич до революции производили на совесть, да и каменщики высоко держали марку своей профессии.

Соседи-старожилы сообщили, что сам купец, хозяин этой лавки, проживал поблизости, на углу улиц Абая (Советской – Больше-Владимирской) и Кульжановых (Парижской коммуны – Митрофановской). Руководствуясь указаниями Надежды Михайловны, я тут же отправилась на поиски этого дома. Оказалось, что мне давно хорошо знаком этот особняк в полтора этажа, в котором сейчас расположена организация по предоставлению ритуальных услуг «Обелиск». Но сегодня он настолько обезличен благодаря псевдомодернизации, что мы с Николаем Алексеевичем, разыскивая старинные постройки, прошли мимо, не обратив на него внимания и не сняв ни одного кадра. И только вновь полученная информация об его истории заставила нас вернуться через несколько дней и запечатлеть нынешний облик бывшего купеческого особняка начала 20 века.

Поражает прямо-таки крепостная толщина стен, которую можно определить по глубине оконных и дверных проемов. Строили действительно на века. Полуподвальное помещение называлось в старину «низок». В них обычно размещались трактиры.

Я познакомилась с нынешними хозяевами здания, Владимиром Борисовичем и Ольгой Николаевной Костенко, которые приобрели его в 2001 году. В разговоре с ними узнала дату постройки, указанную в документах – 1914 год. Дом деревянный, из круглого леса, низ каменный. О первом хозяине, построившем этот особняк, к сожалению, они ничего не знают. Однако мои настойчивые расспросы не остались бесплодными. Ольга Николаевна рассказала, что после покупки здания и окончания его ремонта, супруги решили провести обряд освящения – благо Воскресенский собор находится рядом, через дорогу. После окончания обряда отец Федор, который проводил его, категорически отказался брать плату. Не взял он и предложенные деньги на ремонт храма. Объяснил это тем, что во времена гонений на религию в Советском Союзе женщина, жившая в этом доме, с риском для собственной жизни и свободы, хранила у себя в жилище церковные принадлежности, которые затем вернула церковнослужителям.

Но когда я решила уточнить кое-какие детали этой истории у сведущих (как я думала) людей, то неожиданно наткнулась на полное ее отрицание. Я поняла, что нужно найти дополнительные свидетельства, хотя сама поверила в подлинность этого события сразу, абсолютно и безоговорочно.

Подтверждение этой устной информации О. Н. Костенко я нашла в интернете. В интервью Радио Азаттык от 9. 11. 2009 года настоятель Воскресенского собора протоиерей Федор Григорьевич Проскурин сказал, что иконы, которые в данный момент находятся в храме, были собраны в свое время благодаря простым людям.

– До прихода большевиков к власти, в Семипалатинске было пять храмов. В 1940-х годах (в 1930 г. – прим. Л. Бароховской) большевики уничтожили большинство храмов, а всех священников расстреляли. Люди, понимая, что происходит в стране, пытались спасти иконы и прятали их у себя дома, – говорит протоиерей Федор Проскурин.

В 1937 году уцелел всего лишь один храм, который не тронули большевики, они его просто закрыли. И так он простоял до 1944 года. Когда же храм вновь распахнул свои двери для верующих, люди стали приносить обратно иконы, которые им удалось сохранить». [3]

Елена Никитина, редактор сайта «Православие в Прииртышье», подтвердила, что лично слышала от отца Федора сообщения о подобных случаях. Но самое убедительное доказательство истинности рассказа сегодняшних хозяев здания я получила от вдовы отца Федора. Обратиться к ней мне посоветовала Марина Парфенович, библиограф областной библиотеки имени Абая Кунанбаева.

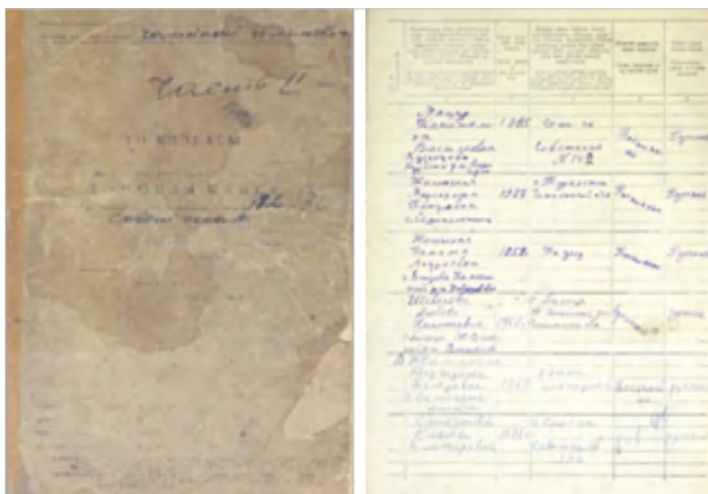

Раиса Ивановна Проскурина Р.И. и Ф.Г. Проскурины

Раиса Ивановна Проскурина вспомнила, что общалась с женщиной, проживавшей в доме, где сейчас расположены «Ритуальные услуги». Это было в середине 60-х годов. Раиса, тогда юная девушка, переехавшая в 1963 году в Семипалатинск из Шемонаихи, регулярно посещала богослужения в Воскресенской церкви. Там они с подругой Ириной познакомились с очень пожилой прихожанкой, маленького роста и, несмотря на возраст, очень бодрой и подвижной. От постоянных посетителей церкви они узнали, что у нее в доме хранятся церковные принадлежности. Девушки попросили разрешения взглянуть на них.

Это был период кратковременной политической «оттепели» в СССР. Люди, измученные сталинскими репрессиями, атмосферой доносов, «стукачества», учились заново доверять друг другу, по крайней мере, в кругу христианской общины. Женщина согласилась и пригласила их к себе. Раиса и Ирина увидели собственными глазами иконы и хоругви – религиозные знамена, используемые во время крестного хода. Они находились у прихожанки в доме, в подвальном помещении. Иконы и хоругви были укрыты от пыли тканью, а сверху – мешковиной. Причем, укрывали не только от пыли, но и от чужого недоброго глаза. Через некоторое время после этого прихожанка передала их в церковь, лично отцу Сергию Сурмиевичу, к которому паства испытывала глубокое уважение и доверие.

Кто была эта женщина? Возможно, жена купца – первого хозяина особняка на Больше-Владимирской улице, возможно, его дочь. В домовое книгу, которую мне показала Ольга Николаевна, в списке зарегистрированных жильцов первой значится Мацур Капитолина Васильевна, 1905 года рождения.

То есть ко времени предполагаемого знакомства с Раисой Ивановной ей было примерно 60 лет. На мой взгляд, это не тот возраст, когда женщину (да и мужчину тоже) называют «очень пожилой». Скорее всего, хранительница христианских святынь была матерью К. В. Мацур (по одной версии ее звали Татьяной, по другой – Натальей). Если, конечно, они вообще состояли в родственных отношениях. Ведь они могли быть просто соседками. Но это из области догадок и предположений, которым, возможно, мне удастся найти доказательство. А маленькой бабушке, которая не побоялась вооруженных до зубов чекистов в кожаных куртках, жестоких НКВД-шников и вездесущих КГБ-шников – низкий земной поклон. Именно на таких людях держится наша земля.

Литература

1. Кашляк В.Н. Семипалатинск: Их именами названы...// Семипалатинск, 2006. – 355 с. (с.220)
2. Даль В. И. «Толковый словарь русского языка»// АСТ, Москва, 2014.-735с. (с.48)
3. Когай Алина. «Считается, что на иконе в Семее Христос благословляет Достоевского»// Радио Азаттык, 9.11.2009. // <https://diapazon.kz/news/5449-schitaetsja-chto-na-ikone-v-semee-khristos>

УДК 929(574)

А.Р. Валиулина
Казахстан, Семей

ДРУЖБА ДВУХ ВЕЛИКИХ ЛИЧНОСТЕЙ: Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО И Ч. ВАЛИХАНОВА.

FRIENDSHIP OF TWO GREAT PERSONALITIES: F.M. DOSTOEVSKY AND CH. VALIKHANOV.

Аннотация. В статье рассматривается дружба Ф. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова, их взаимное влияние на литературу и культуру других народов. В статье рассматривается переписка между Достоевским и Валихановым, особенности их общения и взаимное влияние на их творчество.

Статья имеет практическую ценность для исследователей, работающих в области литературы и культуры.

Annotation. This article examines the friendship between Fyodor Dostoevsky and Ch. Ch. Valikhanov and their mutual influence on the literature and culture of other nations. It examines the correspondence between Dostoevsky and Valikhanov, the specifics of their communication, and the mutual influence on their work.

This article has practical value for researchers working in the fields of literature and culture.

Ключевые слова: переписка, дружба писателей, творчество, Ф. Достоевский, Ч. Валиханов, история Казахстана, история города Семей.

Keywords: correspondence, friendship of writers, creativity, F. Dostoevsky, Ch. Valikhanov, history of Kazakhstan, history of the city of Semey.

Мое знакомство с творчеством Ф. М. Достоевского началось в школьные годы с романа «Преступление и наказание», которое не сильно впечатлило меня. Более глубокое понимание творчества и философии писателя пришло в более зрелые годы, когда я прочитала роман «Братья Карамазовы». Еще я была сильно впечатлена, что история нашего города связана с биографией Ф. М. Достоевского, который жил в нашем городе и написал несколько произведений. Семипалатинский период Ф. М. Достоевского связан дружбой с выдающимся казахским ученым-этнографом, историком, фольклористом, путешественником и просветителем Чоканом Валихановым. Об этой дружбе написано немало публикаций. Многие авторы подчеркивают, что благодаря этой дружбе начался процесс формирования первых

духовных и интеллектуальных связей между русским и казахским народами в новой эпохе. Это событие имеет огромное значение и до сих пор вызывает огромный научный интерес. Об этом впервые написал М. Ауэзов в своей статье «Ф. М. Достоевский и Чокан Валиханов».

Целью моей статьи является изучение взаимосвязей: дружбы, переписки Ф. М. Достоевского и Ч. Валиханова.

Весной 1854 года Чокану Валиханову было чуть больше двадцати, он окончил Сибирский кадетский корпус и служил адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Густава Гасфорта. О Ф. М. Достоевском Шокан много слышал в семьях Капустиных и Гутковских. А первое личное знакомство его с Ф. М. Достоевским по свидетельству А. Е. Врангеля произошло в феврале 1854 г. в доме Ивановых в первые же дни после освобождения писателя из каторжной тюрьмы, где он был 4 года в заключении по делу «петрашевцев». Примечательно то, что знакомство произошло именно там, где дух освободительных идей, дух декабристов почитался особо.

Как известно, после освобождения из Омского острога Ф. М. Достоевский целый месяц, а поэт – петрашевец С. В. Дуров около двух недель жили в доме Ивановых. С этим добрым семейством был знаком и Ш. Уалиханов. Во время одного из посещения дома Ивановых и произошло знакомство двух великих людей.

Когда они познакомились Уалиханову было девятнадцать лет, а Достоевскому – тридцать три. Один предстает перед нами «стройным, не очень высокого роста» юношей, «с чуть косо посаженными глазами и бровями в разлёт – густыми и широкими у переносицы и суженными к вискам» [5. С. 16], довольно успешным, выходцем из знатной и состоятельной семьи. Шокан был полон ярких замыслов и мечтаний. Его мировоззрение находилось на стадии формирования.

Ф. М. Достоевский же в свои 33 года испытал очень много: минуты прощания с жизнью перед расстрелом и замену его каторгой, четыре года омской тюрьмы. В его мировоззрении произошла ломка, переоценка ценностей. В письме декабристке Фонвизиной, написанном в том же доме Ивановых тоже в феврале 1854 года, Достоевский пишет: «Я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне эта жажда верить, тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных...». [1. С. 58].

И, тем не менее, Ч. Валиханов и Ф. М. Достоевский сдружились. Об омских встречах новых друзей не осталось сведений, но, судя по тому, что через полтора года Ч. Валиханов специально заехал в Семипалатинск для встречи и беседы с Достоевским, между ними были самые дружеские отношения. Как известно, по окончании срока каторжных работ, Достоевский 2 марта 1854 г. был отправлен на бессрочную солдатскую службу и переведен в Сибирский линейный батальон, расквартированный в Семипалатинске. Здесь он прожил до середины 1859 года.

А. Е. Врангель, в то время работавший областным прокурором в Семипалатинске, во внеслужебное время занимавшийся археологией, исследованием края, быстро сблизившийся с Ф. М. Достоевским, оставил письменные воспоминания об этой встрече: «Из немногих посещавших нас последнее время лиц, помню, между прочим, заехал проездом, чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер – киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса, внук последнего хана Средней Орды Мухаммед–Ханафия Валиханов. Он познакомился Ф. Достоевским в Омске в доме Ивановых и очень полюбил его... Валиханов имел вид вполне воспитанного, умного и образованного человека. Мне он очень понравился, и Достоевский очень был рад повидать его...». [5. С. 43]

Эта встреча выявила некоторую общность их взглядов и стремлений, они стали близкими друзьями.

Летом 1855 г. генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт совершил поездку по Семипалатинской области. Его сопровождал молодой адъютант Ч. Валиханов. Во время этой поездки он второй раз встретился с Ф. М. Достоевским. Между ними возобновились дружеские отношения. В Чокане Достоевский увидел образованного и талантливого человека. В свои 20 лет сын кочевого племени был весьма образованным историком, этнографом и географом, владел несколькими восточными и европейскими языками.

За немногие дни встречи Валиханов и Достоевский успели по-настоящему сдружиться, понять и полюбить друг друга, поговорить о многом, обменяться мнениями по различным вопросам реальной жизни и литературы, затрагивая ряд проблем большого общественного значения.

Дошедшие до нас четыре письма Чокана Валиханова и одно письмо Фёдора Достоевского свидетельствуют, что их переписка продолжалась в течение шести лет – с декабря 1856 года по октябрь 1862. Исследователи уверены, что большая часть писем Валиханова и Достоевского безвозвратно утрачена или ещё не найдена в архивах.

В первом же, после встречи, письме 5 декабря 1856 г. Ч. Валиханов выражал теплое, искреннее отношение к Ф. Достоевскому. Ч. Валиханов в этом письме после этой встречи пишет из Омска Ф. М. Достоевскому: «Многоуважаемый Федор Михайлович! Спешу воспользоваться случаем, чтобы написать Вам это письмо. После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот для меня был ужасно скучен. Расстаться с людьми, которых я так любил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело. Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».

Сразу после получения письма Федор Михайлович написал ему ответ. Это единственное сохранившееся письмо Ф. Достоевского к Ч. Валиханову.

Уже 14 декабря 1856 г. Ф. М. Достоевский пишет ответное письмо: «Добрый друг мой. Вы пишете, что меня любите, а я Вам объявляю без церемоний, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам, и Бог знает, как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! А Вы, верно, и без доказательства верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если бы на эту тему написать десять книг – ничего не напишешь: чувство и влечение – дело необъяснимое...»

Далее в своем письме Ф. М. Достоевский дает Чокану полезные советы, призывает его к служению родному народу, рекомендует попробовать свои силы на ниве публицистики. Особенно хочется выделить в этом письме следующее: «Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были необыкновенно полезны своей Родине. Например: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать».

Своими горячими призывами Ф. М. Достоевский побуждал Чокана действовать активно на поприще просвещения народа. Это письмо Ф. М. Достоевского было написано тогда, когда Чокан Валиханов служил адъютантом генерал-губернатора Гасфорта, когда только начиналась его общественно-научная деятельность, когда только замышлялись будущие дела и открытия. Но уже тогда великий русский писатель предрекал высокую миссию общественного призвания Ч. Валиханова, верно оценил его незаурядные способности, увидел в нем будущего ученого и просветителя.

Письмо Ф. М. Достоевского к Ч. Валиханову является ценнейшим материалом для изучения истории общественно-литературных взаимоотношений казахского и русского народов. Значение этого замечательного литературного документа было отчетливо определено выдающимся писателем классиком казахской литературы М. О. Ауэзовым. «Достоевский советует Чокану Валиханову выступить с «просвещенным ходатайством» за свой народ. В этих заботливых думках Достоевского о Степи, о долге первого просвещенного сына этой Степи сказались светлая благородная роль передовой русской интеллигенции в судьбе народов России» [1. С. 154]

Оно датировано 14 декабря 1856 г. Из содержания этого письма можно сделать вывод, что Достоевский и Валиханов стали очень близкими друзьями. Достоевский посвящал своего друга в самые сокровенные события своей личной жизни. Называет его «милый Чокан», «мой дорогой Вали-хан», «добрый мой друг». Видимо они условились встретиться ещё в Семипалатинске: «Приезжайте сюда возможно скорее, к нам, а уже в апреле непременно. Не переменяйте своего намерения. Так бы хотелось вас увидеть, да вы верно не соскучились». Но та запланированная, на весну, встреча в Семипалатинске не состоялась, они увиделись позже.

Так всего за два года знакомства молодой Валиханов сумел завоевать расположение и любовь известного в то время писателя и общественного деятеля, который на 14 лет старше его. Между ними установились трогательные, теплые взаимоотношения, переросшие в искреннюю дружбу. Данное письмо Достоевского было написано тогда, когда Валиханов служил адъютантом генерал-губернатора Госфорта, когда только начиналась его общественно-научная деятельность, когда только замышлялись будущие большие дела и открытия. Но уже тогда великий русский писатель предрекал высокую миссию общественного признания Валиханова, верно оценил его незаурядные способности, видел в нем будущего ученого и просветителя.

Это единственное дошедшее до нас письмо Ф. Достоевского Ш. Валиханову сохранилось благодаря одному из братьев Шокана, отставному поручику, обучавшемуся в своё время в Сибирском кадетском корпусе Махмуду Уалиханову. Оно было передано в рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова – Щедрина [2. С. 5]

Вторая встреча Ф. Достоевского и Ч. Валиханова состоялась уже после возвращения Валиханова из Кашгарской экспедиции. Ф. Достоевскому тогда разрешили выйти в отставку, но в Петербурге жить не позволяли, и он намеревался поселиться в Твери.

Во время этой встречи и была сделана всем известная, редкая фотография Ч. Валиханова и Ф. Достоевского. Вот как это описано в книге И. Стрелковой «Валиханов»: «В один из майских дней Ф. Достоевский и Ч. Валиханов сфотографировались вдвоём. На карточке Ф. Достоевский в мундире, пока ещё не отданном Гейбовичу, потому что не готово штатское платье. Валиханов в том же плаще, наверное, его знобило, он не здоров. Волосы, которые он брил в бытность Алимбая, ещё не успели отрасти. И виден на карточке – да что там: выставлен на показ кинжалик из восточной коллекции Достоевского, подаренный на память, хотя есть примета, что острое дарить – к ссоре. У Чокана на фотографии погасшие глаза, набрякшие веки, замкнутое лицо, заострившиеся скулы, свисшие вниз усы. Он ещё не отошёл от пережитого, не сбросил маску Алимбая, у него что-то запеклось внутри – навсегда. В свои 23 года, недавний денди, выглядит ровесником прошедшего каторгу и солдатчину Достоевского». [5. С.45]

В один из этих дней встречи Валиханов подарил своему другу дорожную палисандровую шкатулку для бумаг. Об этом вспоминает жена Ф. М. Достоевского Анна Григорьевна: «8 ноября 1866 г. Федор Михайлович сказал мне: «...Видите этот палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, им я очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи дорогие мне по воспоминаньям.». [5. С.45]. Об этом ящике упоминает и Шота Валиханов в своей статье «Наш Чокан». [2. С.5]. Вот что он пишет: «Это был не простой ящик, он имел двойное, потайное дно. Смею думать, что Фёдору Михайловичу удалось вывести в нем свои рукописи из семипалатинской ссылки благодаря Чокану».

Когда по пути из Семипалатинска в Тверь Ф. М. Достоевский три дня пробыл в Омске, друзья встретились вновь. Ч. Валиханов в то время работал над своим научным отчётом, готовился к поездке в Петербург и наверняка многое рассказывал о виденном, пережитом. О кратковременном пребывании в Омске Ф. Достоевский так сообщил А. И. Гейбовичу: «В Омске я пробыл трое суток... был у старых знакомых... Валиханов объявил мне, что его требуют в Петербург и через месяц он туда едет». [5. С.46]. Несмотря на краткость сообщения, можно представить радушие этой встречи. В письме чувствуется также искренняя радость Достоевского по поводу того, что имя Валиханова пользуется популярностью, что его знают в Петербурге, приглашают его туда, и что «через месяц он туда едет». Ф. Достоевский не представляет своему адресату, ротному командиру А. И. Гейбовичу Валиханова, и это прямое доказательство того, что имя Шокана было популярно и в Омске, и Семипалатинске.

По прибытию в Тверь Федор Михайлович в одном из первых же своих писем сердечным словом поминал Валиханова. Зная, что он должен быть в Петербурге Достоевский проявляет глубокую заинтересованность в его научно-общественных делах. Из Твери 31 декабря 1859 года Достоевский писал А. Е. Врангелю: «Ягдташ же ваш и маленький кинжал (как лежавший в чемодане) я почел своею собственностью, т. к. вы мне все подарили, и, уезжая, подарил в свою очередь, между прочим Валиханову. Уж за это простите, Валиханов премилый и презамечательный человек. Он, кажется в Петербурге? Писал я вам о нём? Он член Географического общества. Справьтесь о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь». [5. С. 46]. Достоевский тогда не знал, что Ч. Валиханов всё оттягивал и оттягивал поездку в столицу. Достоевский раньше Валиханова приехал в Петербург в декабре 1859 г., а Валиханов в феврале 1860 г., и пробыл там до мая 1861 г.

Отъезд Ч. Валиханова задерживался по причине его болезни (известно, что в экспедиции в Кашгар Ш. Уалиханов заболел). Генерал–губернатор Госфорт об этом писал: «Валиханов, вследствие испытанных лишений, физических трудов, неудобств и нравственных потрясений от опасностей, которым подвергался, рискуя жизнью, если бы настоящее звание его сделалось известным, о чем уже высказывалось некоторое подозрение, прибыв в Омск, сильно занемог, так что при его природной слабой организации нельзя было определить исход этой болезни, долго продолжавшееся». [5. С.47]

За год пребывания в Петербурге, Ш. Валихановым была сделана большая работа. По поручению военно-ученой коллегии Генерального штаба он составил карты Средней и Центральной Азии. Под его редакцией были подготовлены «Карта пространства между озером Балхаш и хребтом Алатау», «Карта к отчёту о результатах экспедиции к оз. Иссык-Куль», «Карта Западного края Китайской империи» и др. Он составил материалы по географии и этнографии Казахстана и Средней Азии, выступил с докладом в императорском географическом обществе.

Ф. М. Достоевский, по приезду в Петербург, активно включился в литературную деятельность. С братом Михаилом начали большую работу по подготовке к изданию журнала «Время».

И в Петербурге Ф. Достоевский и Ш. Валиханов встречались. Однако об этих встречах и беседах не сохранилось никаких достоверных материалов. Лишь на основе писем Ч. Валиханова к Ф. Достоевскому, написанных после возвращения в степь, а также воспоминаний и архивных материалов, исследователи в какой–то мере восстановили характер их взаимоотношений в это период.

Письма Ч. Валиханова к Ф. М. Достоевскому, написанные после возвращения из Петербурга как и прежде, полны дружеских чувств. Во время следования из Петербурга в Сырымбет, остановившись в Петропавловске, Чокан Валиханов 18 июня 1861 г. пишет Ф. М. Достоевскому: «Любезный друг Федор Михайлович! Я обещал тебе писать из Казани, но вследствие разных причин, главным образом, вследствие лени, пишу из Сибири, из Петропавловска, куда приехал вчера вечером и где буду ждать генерал-губернатора»...

В письме Чокан с душевной откровенностью передает другу свое тягостное положение: «Я теперь расстроен нравственно и телесно и много писать не могу». Письмо краткое, за что Чокан извиняется и пишет причину своей краткости. Этой причиной был господин попутчик Ч. Валиханова. Исследователями установлено, что попутчиком, который Валиханову надоел «смертельно», был петербургский денщик Сейфулмулюков, рядовой, приставленный к Валиханову в Петербурге. Это недвусмысленный намёк на то, что царское правительство, опасаясь просвещенного Валиханова, постоянно и строго за ним следило.

Влажный петербургский климат плохо отразился на здоровье Ч. Валиханова – у него начал развиваться туберкулёз. Весной 1861 года по совету врачей Чокан Валиханов уезжает из столицы в Сарымбет, аул своего отца Чингиса в Кокчетавском округе. И 14 января 1862 года пишет оттуда в Петербург:

«Любезный друг, Федор Михайлович. Ты, верно, полагаешь, что я давно уже умер, а между тем я жив, и доказательством тому может послужить это письмо... Хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам. В Кашгаре я бы стал получать хорошее содержание, климат хороший, может быть, здоровье мое поправилось бы. Если это не удастся, и в степи будет недурно. Буду заниматься хозяйством, торговлей, а в случае выбора народа буду честным чиновником и, вероятно, принесу своим родичам более пользы, чем их безграмотные и дикие султаны. Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, новыми идеями и опять в Орду, к киргизам. Ведь это будет не совсем дурно, не правда ли, голубчик, Федя?»

Из этого письма можно узнать о состоянии здоровья и занятиях больного Валиханова, о его намерении поехать ещё раз в Петербург, получить место консула в Кашгаре, и если это не удастся, выйти в отставку и служить у себя в Орде по выбору. В письме Валиханов интересуется общественной и литературной жизнью Петербурга, судьбой столичных друзей. Из письма понятно, что здоровье Валиханова крайне ухудшилось. Но, не смотря на это, он был преисполнен разнообразных планов, мечтой об общественной и просветительской деятельности, воодушевлён желанием служить своему народу, любимой степи так, чтобы принести «своим родичам больше пользы, чем их безграмотные и дикие султаны». Мечта ещё раз поехать в Петербург окрыляла его, видимо, он скучал по своим друзьям, общение с которыми много давало его душе и мыслям. Но этим планам сбыться было не суждено.

Последнее известное письмо Чокана Валиханова дорогому другу датировано 15 октября 1862 года:

«Любезный друг, Федор Михайлович. Письмо твое с известием, что скоро едешь за границу, я давно уже получил и с того времени все собираюсь писать и, как видишь, наконец-таки пишу. Вероятно, ты думаешь бог знает что обо мне.

Не умер ли? Не болен ли? Я между тем жив, хотя чувствую себя очень плохо как физически, так и нравственно. Во-первых, скука, во-вторых, беспрестанное раздражение от киргизских несообразностей, которые видеть должен каждый час, каждую минуту.

Впечатление от всего этого делается тем более невыносимым, что не видишь надежды, вернее луча надежды когда-нибудь освободиться от гнета окружающей пустоты. Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя (работе на) пользу соотечественников, защищать их от чиновников и деспотизма богатых киргизов.

При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно образованный – не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании.

С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих шуток...»

Русское чиновничество не желало видеть в качестве султана образованного человека демократических взглядов, потому против Валиханова использовали дискредитирующую агитацию

Это письмо датировано 15 октября 1862 г. за срок между двумя последними письмами Шокана Достоевскому, с 14 января по 15 октября 1862 г., произошло много событий в степи и в жизни самого Валиханова, что и получило отражение в этом письме. В этом письме чувствуется настроение: усталость и разочарование. Вызвано это было тем, что Ч. Валиханов проиграл на выборах на должность старшего султана Атбасарского уезда. Проиграл лишь потому, что не хотел и не умел давать взятки. Что дальше делать? И на этот вопрос Чокан спрашивает ответ у Ф. Достоевского, совета как же поступить. До сих пор неизвестно, был ли ответ Ф. Достоевского на это подробное письмо. Если был, то видимо, утерян после смерти Валиханова, как и многие другие письма и бумаги.

Почти два месяца спустя, после этого письма Достоевскому, Валиханов пишет письмо А. Н. Майкову, где есть строки и о братьях Достоевских: «Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чём я, впрочем, сам виноват, потому—что редко отвечаю. Как их журнал идёт? Кажется хорошо, судя по объявлениям на продолжение издания.» [5. С. 46] На основе этого можно сделать вывод, что Валиханов никогда не терял из вида Достоевского, всегда интересовался его делами.

Когда Гутковский, весной 1863 г., получив отставку, собирался в Петербург, Чокан решил через него передать рекомендательное письмо – записку Ф. Достоевскому. Вот его текст: «Давно не имею от тебя никаких сведений, любезный Федор Михайлович. Жив ли ты? Впрочем, если бы ты умер, то написали бы о том в газетах. Поэтому надо полагать, что ты жив, но забыл нас, живущих и вопиющих в пустыне киргизской. Я буду в Петербурге с первой зимней дорогой. Кланяюсь Михайле Михайловичу с его семейством, Исаковым, Майковым и всем, которые меня помнят». [5. С.47]

Это последнее, дошедшее до нас письмо Ш. Уалиханова Ф. Достоевскому. Возможно, были ещё письма, такое предположение можно сделать из выдержки ещё одного письма, в этом случае А. Е. Врангеля Ф. Достоевскому, которое датировано 10 ноября 1864 г. из Копенгагена «...где Валиханов? – дайте мне его адрес; ... передайте привет Полонскому и Майкову». [5. С.61] На основе этого можно предположить, что в конце 1864 г. Ф. Достоевский и Ч. Валиханов поддерживали связь.

Весной 1864 года Чокан Валиханов был приглашён в экспедицию генерала М. Г. Черняева, в задачу которой входило присоединение к России Южного Казахстана. Но к тому времени здоровье его из-за туберкулёза заметно пошатнулось. Валиханов скончался 10 апреля 1865 года, не дожив до тридцати лет. Так не сбылась его мечта ещё раз поехать в Петербург, болезнь и не понимание родных, произвол чиновников привела Валиханова к такой преждевременной и такой ранней смерти. Чокан Валиханов прожил до обидного мало, всего 29 лет. Но оставил после себя кладезь ярких мыслей и суждений. Как правильно и точно назвал его С. Муканов – промелькнувший метеор. «Полет» Чокана Валиханова был коротким, но он оставил большой след в истории не только своего народа, а во всей мировой истории.

Достоевский всю жизнь вспоминал о своем юном друге-казахе, оказавшемся рядом с ним в трудную пору его жизни. Не о нём ли он думал, когда писал в «Дневнике писателя»: «Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций, и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них».

Ч. Валиханова и Ф. Достоевского, совершенно разных на первый взгляд людей, объединили : гуманизм, любовь к Родине, стремление к знанию и самопознанию. Смыслом жизни для них

было служение народу. Как перекликаются и взаимно дополняют друг друга их мысли «... Для правильности роста и развития народа необходимы, прежде всего, свобода и знания.» (Ш. Валиханов), «Поручение», которое жизнь дает каждому человеку, высшая цель, которой обязан служить каждый человек, в сущности, проста: пройти свой путь так, чтобы добыть счастье всем людям, нынешним и будущим». (Ф. Достоевский)

Таким образом, время пребывания Ф. М. Достоевского в Семипалатинске отмечено глубокой и большой дружбой с первым казахским ученым-просветителем Чоканом Чингисовичем Валихановым, оставившей неизгладимый след в духовном мире обоих. Дружба с Ч. Ч. Валихановым нашла отражение и в творчестве Федора Михайловича. В его бумагах сохранилась запись о том, что, создавая образ Андрея Петровича Версилова из романа «Подросток», он использовал присущие Чокану черты – простодушие и непосредственность.

Выдающийся казахский писатель М. О. Ауэзов писал, что в Чокане Валиханове Достоевский сразу угадал человека, с ярким и необычным будущим, увидел общественного деятеля, который станет светочем своего народа.

Литература

1. Ауэзов. М., Ф. М. Достоевский и Ш. Уалиханов // Дружба народов, 1963. – №3, стр. 154.
2. Ермекбай Ж. А. 1 Федор Достоевский Чокан Валиханов в эпистолярном наследии. Сборник трудов конференции Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2015. – С. 25-30
3. Краснова Г. В. Достоевский и Китай, М., 1999
4. Разакова Р. Н. Дружба Ч. Валиханова и Ф. Достоевского – как отражение их творческой души // Актуальные исследования. 2023. №19 (149). Ч. I. С. 61-66. URL: <https://apni.ru/article/6140-druzhba-ch-valikhanova-i-f-dostoevskogo>
5. Стрелкова И., Валиханов М., Молодая гвардия, 1987. С. 150
6. Уразаева К., Федор Достоевский и Ч. Валиханов : научный комментарий как источник евразийства. Астана, VIA EVRASIA, 2012.
7. Abuev K. Chokan Valikhanov and his contemporaries, Almaty, 2022

УДК 82.09

Е. Т. Глазгинская
Барнаул, Россия

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ А. Г. КУЗНЕЦОВА «ДОРОГА»: БИОГРАФИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СТИХОТВОРЕНИИ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ПОЭТА

HISTORICAL AND CULTURAL COMMENTARY ON A. G. KUZNETSOV'S POEM «THE ROAD»: THE BIOGRAPHY OF F. M. DOSTOEVSKY IN THE POEM OF THE SEMIPALATINSK POET

Аннотация. В статье рассматривается отражение биографии Ф. М. Достоевского в стихотворении семипалатинского поэта А. Г. Кузнецова «Дорога». Стихотворение Кузнецова содержит большое количество исторических и биографических отсылок, касающихся жизни Федора Михайловича в Семипалатинске, а тема стихотворения – роль Семипалатинска в судьбе Ф. М. Достоевского. В статье дан историко-культурный комментарий к стихотворению поэта.

Annotation. This article examines the reflection of Fyodor Dostoevsky's biography in the poem «Road. Kuznetsov» by Semipalatinsk poet A. G. Kuznetsov. Kuznetsov's poem contains numerous historical and biographical references to Fyodor Mikhailovich's life in Semipalatinsk, and the poem's theme is the role of Semipalatinsk in Dostoevsky's life. The article provides a historical and cultural commentary on the poet's poem.

Ключевые слова: Достоевский, Семипалатинск, Кузнецов, историко-культурный комментарий.

Keywords: Dostoevsky, Semipalatinsk, Kuznetsov, historical and cultural commentary.

Наша работа преследует двуединую цель – через творчество поэта семипалатинского региона, Александра Кузнецова, обратиться к годам пребывания Федора Михайловича Достоевского в Семипалатинске. Объект исследования – стихотворение А.Г. Кузнецова «Дорога» [1]. По образованию А.Г. Кузнецов – историк. Стихотворение «Дорога» посвящено юбилею дня прибытия Ф.М. Достоевского в Семипалатинск, содержит большое количество исторических и биографических отсылок, касающихся жизни Федора Михайловича в Семипалатинске, а тема стихотворения – роль Семипалатинска в судьбе Ф.М. Достоевского. Тема этого лироэпического произведения позволяет через него изучить часть биографии Ф.М. Достоевского, связанную с Семипалатинском, сделать его частью урока, посвященного великому русскому писателю. Помимо этого, стихотворение очень искреннее и с полным правом может относиться к высокой, поистине художественной поэзии. Отсюда вытекает предмет нашего исследования – отражение биографии Ф.М. Достоевского в стихотворении А.Г. Кузнецова «Дорога».

Семипалатинск был своеобразным возрождением для Достоевского, если вспомнить строки из его письма брату о годах каторги в Омском остроге: *«Те четыре года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу»* [2, с. 262]. А вот как говорит о назначении Достоевского в Семипалатинск достоевед Юрий Иванович Селезнёв: *«...Пусть он ехал не к жене, не к отцу матери, да и не сам ехал, а снова его везли по этапу, все таки он не помнил даже, когда бы еще было ему так бодро и так весело»* [3, с. 84]. Кузнецов вторит ему в своих стихах: *«Бывший узник уверен, / Что ждёт его «Семинадеждинск», / Где – всему вопреки – / Вновь удастся себя обрести...»*[1, с. 26].

Очень точно описывается у Кузнецова значение Семипалатинска для творчества Достоевского в завершающих стихотворение «Дорога» строках: *«Этот город, лежащий в оправе / Из зелёного бора, / Реки и ковыльной степи, / Ставший вехой в пути / К обновлённой писательской славе, / Да такой – что поныне / Глаза у потомков слепит!..»* [1, с. 30].

По словам семипалатинского журналиста Владимира Базанова, стихотворение представляет собой *«философское размышление о пути, пройденном великим писателем, о смысле жизни и смерти, о времени, скоротечном и беспощадном, о памяти исторической и памяти сердца»* [1, с. 12].

Стихотворение Александра Кузнецова «Дорога» является одним из ярких примеров того, что в Казахстане есть своя, оригинальная русскоязычная поэзия, тому, что литературный процесс в Казахстане не стоит на месте и у русской литературы есть свое, Казахстанское будущее.

Стихотворение содержит огромное количество отсылок к историческим фактам и реалиям, не всегда понятным не только для современного школьника, но зачастую и для учителя литературы – всё это является основанием для создания комментария к стихотворению «Дорога». **Историко-литературный комментарий** – комментарий, раскрывающий внешнюю судьбу произведения, его роль в творческом развитии автора, место и роль произведения в литературном процессе. Поставить произведение в связь со своим временем – облегчить читателю понимание его, а в некоторых случаях и найти единственно верный путь разъяснения содержания, замаскированного автором – вот задача историко-литературного комментария.

Комментарий дается в следующем порядке: строфа стихотворения Александра Кузнецова, в которой выделены требующие пояснения строки, и следующая за ней статья комментария.

Комментарий к стихотворению А.Г. Кузнецова «Дорога».

«Из острожного Омска / Вневедомый Семипалатинск, / Чтоб служить рядовым, – / Едет нерядовой человек...» [1, с. 26].

Острожный Омск. Имеется в виду Омская крепость, ныне город Омск Российской Федерации. Острогами в 19 веке назывались первые российские поселения на Сибири, обеспе-

чивающие защиту первым поселенцам. В словаре Даля, острог – это *«частокол, или палисадник из свай, сверху заостренных; всякое поселенье было острогом, либо городком; первый делался наскоро, из бревен стойком, и им ограждалось небольшое войско, или обносился осаждаемый город»* [4, с. 730]. Острог так же и *«тюрьма, арестантская, здание, окруженное острогом или стеною, где содержат узников, заключенников, тюремный замок»* [4, с. 730], то есть под «острожным Омском» можно понимать как город Омск, так и место содержания каторжников в этом городе. Ф.М. Достоевский был сослан в Омский острог 1850 году. Отбывал в нем каторгу четыре года (с 23 января 1850 г. по 23 января 1854 г.), после чего был назначен рядовым в Семипалатинск без права выезда. В Омске писатель побывал ещё раз в первой половине июля 1859 г., по пути из Семипалатинска в Тверь [3, с. 81].

Рядовой. 16 ноября 1849 года военный суд постановил *«отставного инженер поручика Достоевского за недонесение <...> лишить чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием»*. Расстрел в последний момент был заменен каторжными работами *«на четыре года, а потом рядовым»* [5, с. 72]. Инженер-поручик – поручик инженерного ведомства. Поручик – чин X класса, входит в младший офицерский состав. Чин поручика примерно соответствует чину старшего лейтенанта вооруженных сил СССР и России [6, с. 465].

В марте 1854 года Достоевский был зачислен рядовым в I штрафную роту 7-го Сибирского линейного батальона, до этого вообще не имел никаких званий, как простой крестьянин. Рядовой – это человек, носящий младшее воинское звание. В настоящее время рядовыми в армии называют всех призывников, занимающих низшие должности, такие как должность стрелка, водителя, механик-водителя, сапера, радиста, разведчика и т.п. В Толковом словаре Даля 1863-1866 гг. читаем: *«Рядовой солдат или рядовой суц. м. простой, не чиновный, не унтер»* [4, с. 127]. Через год, в 1855 г., Достоевский получает чин унтер-офицера, о чем ходатайствовал Г.Х. Гасфорт, генерал-губернатор Западной Сибири.

Дворянство. Первоначально дворянином назывался человек, служивший при великокняжеском или царском дворе. С XIV века русские дворяне стали получать в уплату за службу землю – поместье. П.И. Пестель в «Русской правде» в 1824 году пишет: *«Дворянство есть то отдельное от массы народной сословие, которое свои особенные имеет преимущества состоящие в следующих пяти предметах: Дворянство обладает другими людьми как собственностью своею называя их своими крепостными <...>. Дворянство никакой подати не платит и никаких вкладов в пользу общую не вносит. Дворянство не подлежит телесным по суду наказаниям <...>. Дворянство не подлежит Рекрутскому набору и всякие звания и должностные места в Государстве замещает за исключением прочих Россиян. Дворянство называется Сословием Благородным имеет Гербы и присоединяет к сему различные Титла»* [7, с. 65].

В «Табели о рангах» (Табель о рангах – закон о порядке государственной службы в Российской империи и Российской республике, соотношение чинов по старшинству, последовательность чинопроизводства.) говорится о том, что уже 14-й военный класс, т.е. человек, имеющий звание прапорщика, имеет право на дворянство: этот чин получает Ф. М. Достоевский по ходатайству Э. Тотлебена только в 1856 г. [8, с.90]. Полное помилование Ф. М. Достоевского и возвращение ему дворянства происходит в 1857 г., когда дворянство было возвращено всем петрашевцам и декабристам.

«Мысль о том, что солдат – / Не колодник, но всё-таки пленник, / Кандалы заменивший / На фронт под тяжёлым ружьем...» [1, с. 27].

Фронт под тяжёлым ружьем. В «Энциклопедическом словаре российской жизни и истории» Л.В. Беловинского читаем: *«Фронт – фронт, строй войск, построение, а также стойка «смирно»* [9, с. 835]. Фрунтовое учение – строевое учение войск, которое проводилось по традиции, шедшей с XIII-XIX веков, занимая большую часть времени военнослужащих.

«Неужели навек / Растворились в былом «*Современник*», / И Некрасов, и Невский, / Омытый тоскливым дождем?!» [1, с. 27]

«Современник». Литературный и общественно-политический журнал, организованный А.С. Пушкиным в 1836-м году в Петербурге. С 1847 года журнал «Современник» издавался Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым. Идейным руководителем «Современника» в это время был В.Г. Белинский.

До ссылки Ф. М. Достоевский в «Современнике» печатался мало, в нем был напечатан только небольшой рассказ «Роман в девяти письмах» (1847). После прихода Добролюбова и Чернышевского и приобретения журналом западного направления, Достоевский, как сторонник почвенничества, стал вести полемику с «Современником» на страницах журналов «Время» и «Эпоха».

Некрасов. Некрасов, Николай Алексеевич (1821-1877), современник Ф. М. Достоевского, русский поэт, автор поэм «Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины». Был издателем журналов «Современник» (1847-1866 гг.) и «Отечественные записки» (1866-1877 гг.) [10, с. 678].

Некрасов, прочитав «Бедных людей» Достоевского, заявил Белинскому: «*Новый Гоголь явился!*» [3, с. 33]. Несмотря на это, в литературе писатели придерживались разных взглядов. Некрасов вместе с Тургеневым написал «Послание Белинского к Достоевскому», в котором высмеял Достоевского [11] еще до его ссылки в Сибирь.

После возвращения в Петербург Достоевский пытался опубликовать в «Современнике» у Некрасова повесть «Село Степанчиково и его обитатели», но поэт-редактор отклонил рукопись.

Позже Некрасов все же откликнулся на просьбу о сотрудничестве и опубликовал в журнале братьев Достоевских «Время» стихотворение «Крестьянские дети» и отрывки из поэмы «Мороз, Красный нос». Однако из-за того, что Достоевский был почвенником, а журнал Некрасова был революционно-демократическим, между ними вспыхнула резкая полемика. Тем не менее, Анна Григорьевна Достоевская в своих воспоминаниях пишет: «*В ноябре 1877 г. Федор Михайлович находился в очень грустном настроении: умирал Н.А. Некрасов <...> Узнав, что Некрасов опасно болен, Федор Михайлович стал часто заходить к нему – узнать о здоровье. Иной раз просил ради него не будить больного, а лишь передать ему сердечное приветствие. Иногда муж заставлял Некрасова бодрствующим, и тогда тот читал мужу свои последние стихотворения <...> Вообще последние свидания с Некрасовым оставили в Федоре Михайловиче глубокое впечатление, а потому когда 27 декабря он узнал о кончине Некрасова, то был огорчен до глубины души <...> Федор Михайлович бывал на панихидах по Некрасове и решил поехать на вынос его тела и на его погребение» [12]. Эти воспоминания свидетельствуют о примирении двух классиков русской литературы: Ф.М. Достоевский высоко оценил творчество Некрасова, сказав на его похоронах, что Н.А. Некрасов «должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым» [3, с. 246].*

Невский, омытый тоскливым дождем. Имеется в виду главная улица Санкт-Петербурга – Невский проспект, где часто прогуливался Достоевский. На Невском находилась кондитерская Вольфа и Беранже, в которой он впервые встретился с М.В. Буташевичем-Петрашевским, за участие в кружке которого попал в ссылку [3, с.52]. На Невском проспекте находилась квартира В.Г. Белинского.

«Будто было не с ним, / Будто все это только приснилось: / Слава «Бедных людей», / Петрашевцев лихая судьба, / Ожидание казни, / И подлая царская милость, / Лишь в последний момент / Отменившая смерть у столба...» [1, с. 27].

Слава «Бедных людей». «Бедные люди» – дебютный роман Достоевского. Роман был начат в январе 1844 г., сразу после завершения перевода «Евгении Гранде» О. Бальзака. Закончены «Бедные люди» были в мае 1845 года.

Петрашевцев лихая судьба. Петрашевцы – группа молодежи, собиравшаяся у М. В. Буташевича-Петрашевского (1821-1866 г.), в которую входили К. М. Дебу, М. М. и Ф. М. Достоевские, С. Ф. Дуров, В. Н. Майков, В. А. Милютин, Н. А. Момбелли, А. И. Пальм, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков, Н. А. Спешнев, Ф. Г. Толь и др. Петрашевский, Михаил Васильевич (1821-1866), – русский утопический социалист.

В апреле 1849 года группа петрашевцев была арестована и посажена в Петропавловскую крепость. Среди арестованных по делу петрашевцев был молодой Ф. М. Достоевский [3, с. 63]. По решению военного суда Петрашевский приговорен к расстрелу, но в последнюю минуту смертный приговор был заменен пожизненной каторгой. Каторгу отбывал в Восточной Сибири.

Подлая царская милость. 23 апреля 1849 г. петрашевцы были арестованы. Из 123 человек, привлеченных к следствию, 22 судил военный суд. 21 человека, в том числе и Ф. М. Достоевского, приговорили к расстрелу. Приговоренных вывели на Семеновский плац, одели в предсмертные одеяния, священник прочитал проповедь, а Петрашевского, Григорьева и Момбелли привязали к столбам. Солдаты возвели ружья. Как вдруг «к эшафоту подъехал экипаж. Из него вышел фельдъегерь, привезший указ, которым царь заменял смертную казнь каждому особым наказанием. <...> Снова аудитор, обращаясь к каждому из приговоренных, прочел окончательный приговор» [13, с. 54].

Казнь петрашевцев была заменена ссылкой на каторгу, в арестантские роты и рядовыми в линейные войска. Петрашевского отправили на каторжные работы без срока ссылки.

По словам Богословского, один из петрашевцев, подвергнувшийся инсценировке казни, сказал: «Лучше бы уж расстреляли» [13, с. 55]. Достоевского отправили в Омск, помимо участия в собраниях кружка ему поставили в вину чтение вслух на одном из собраний запрещенного программного письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю (Белинский к тому времени уже умер, но Достоевский был с ним знаком). Фактически только за это Ф. М. Достоевский был приговорен к смертной казни, в порядке помилования замененной каторжными работами в Сибири [8, с. 65].

А. Г. Кузнецов отказывается от буквального воспроизведения стихотворения Д. Кедрина «Зодчие», которое является эпитафией к «Дороге», и трансформирует «страшную» милость в «подлую». Сравните: «И запретную песнь / Про страшную царскую милость / Пели в тайных местах / По широкой Руси гуслиры...». Судьба зодчих, которые, по преданию, легшему в основу стихотворения Д. Кедрина, были ослеплены после строительства храма Василия Блаженного, перекликается с судьбой Ф. М. Достоевского. Ф. М. Достоевский, лишенный возможности писать, уподобляется двум русским строителям, которым за создание прекраснейшего храма «соколиные очи / Кололи им шилом железным, / Дабы белого света / Увидеть они не могли. / Их клеймили клеймом, / Их секли батогами, болезных, / И кидали их, / Темных, / На стылое лоно земли» [14].

«И в сгустившейся тьме / Вспоминает опять Достоевский / Будни «мертвого дома» / Как Дантова «Ада» круги...» [1, с. 28].

Будни «мертвого дома». Мертвый дом – место заключения на каторге; острог. Имеется в виду пребывание Достоевского в Омском остроге.

«Записки из мёртвого дома» – произведение Ф. М. Достоевского, основу которого составили личные впечатления автора, отбывшего по приговору суда над петрашевцами четыре года каторги в Омском остроге [15]. Замысел книги возник ещё в Сибири, но реальная работа над ней началась только в 1860 г., после возвращения в Петербург. Впервые «Записки» были напечатаны в журнале братьев Достоевских «Время» [3, с. 110].

Дантова «Ада» круги. Отсылка к «Божественной комедии» Данте Алигьери, в которой Данте описывает 9 кругов христианского ада [16].

Из-за этой отсылки у современного читателя не могут не возникнуть ассоциативные связи с А. Солженицыным, который в XX веке продолжил тему каторжного труда, начатую Ф. М. Достоевским в XIX. Роман А. Солженицына «В круге первом», написанный им по во-

споминаниям о работе во время тюремного заключения в «шарашке» Марфино, спецтюрьме, где работали заключённые-инженеры, имеет в названии аллегорическую отсылку к Данте, которую один из героев объясняет так: *«Нет, уважаемый, вы по-прежнему в аду, но поднялись в его лучший высший круг – в первый. Вы спрашиваете, что такое шарашка? Шарашку придумал, если хотите, Данте. Он разрывался – куда ему поместить античных мудрецов? Долг христианина повелевал кинуть этих язычников в ад. Но совесть возрожденца не могла примириться, чтобы светлоумных мужей смешать с прочими грешниками и обречь телесным пыткам. И Данте придумал для них в аду особое место»* [17, с. 16].

В первом круге ада, Ливре, по Данте находятся те, кто не смог познать «настоящего бога», среди них Аристотель, Эврипид, Юлий Цезарь, Сократ, Платон, Диокрит: *«...не спасут / одни заслуги, если нет крещения, / которым к вере истинной идут»* [16, с. 20].

«Хлебом-солью пускай / Не приветит страдальца Сибирский, / Гарнизонном стоящий / Линейный седьмой батальон [1, с. 29]».

Линейный седьмой батальон. Линейный батальон – воинская часть (отдельный батальон) Русской Императорской армии, расквартированная в гарнизоне на линии границы (на пограничье) России [18].

Сибирский, гарнизоном стоящий / Линейный седьмой батальон – имеется в виду квартируемый в 1854 году в Семипалатинске Сибирский линейный батальон, в который рядовым был зачислен Федор Достоевский.

«Оселят его жизнь / Светом дружбы здесь Кац и Тотлебен, / И Семёнов-Тян-Шанский, / И Врангель, и юный Чокан...» [1, с. 29].

Кац. Н. Ф. Кац (1837-1912), барабанщик 7-го линейного батальона, за которого заступался Ф. М. Достоевский. Впоследствии – первый портной в Семипалатинске [3, с. 87]. Священник Б. Г. Герасимов, один из известных исследователей семипалатинского периода жизни Достоевского, пишет в статье *«Достоевский в Семипалатинске»: «Возраст солдат был самый разнообразный: были старики, была и молодежь, немало из кантонистов. Один из последних, пермяк Кац, сданный в солдаты семнадцатилетним мальчиком, оказался соседом Достоевского по нарам. Федор Михайлович жалел Каца и всячески оберегал его от оскорблений казармы. Кац по окончании военной службы остался на постоянное жительство в Семипалатинске, занимался портняжничеством, имел дом и скончался лет 12 назад. Кац говорил нам, что его очень влекло к Достоевскому. «Всей душой я чувствовал, что вечно угрюмый и хмурый рядовой Достоевский бесконечно добрый человек, которого нельзя было не любить»* [19].

Кантонистами называли в России несовершеннолетних солдатских сыновей, числившихся с рождения за военным ведомством, а также взятых принудительно в кантонисты малолетних бродяг, детей евреев, раскольников, польских повстанцев, цыган и прочих в 1805–56 гг.

Тотлебен. Имеется в виду граф Эдуард Тотлебен (1818-1884), русский генерал, военный инженер, отличившийся при обороне Севастополя. Старший брат друга Достоевского по Санкт-Петербургу – Адольфа Тотлебена (1824-1869), с которым Достоевский жил осенью 1841 года [3, с. 26]. Сыграл значительную роль в судьбе Ф. М. Достоевского – благодаря Э. Тотлебену Федору Михайловичу было присвоено звание прапорщика, возвращено дворянство, вновь разрешено печататься, благодаря ему Ф. М. Достоевскому дали разрешение покинуть Семипалатинск в 1859 году [8, с. 90].

Кац и Тотлебен у А. Г. Кузнецова стоят рядом, в одной строке, их не разделяет даже запятая. Почему же Александр Геннадьевич объединил кантониста Каца и графа Тотлебена, зачем говорит одновременно о двух столь разных по социальному положению и по роли в судьбе Ф. М. Достоевского людях? О человеке, для которого Федор Михайлович был покровителем, и о человеке, который был покровителем для него самого? Все дело в милосердии. Федор Михайлович стал практически никем, ему самому была необходима чья-то помощь. Но даже будучи «хмурым и угрюмым» [19], Достоевский заступался за «униженного и оскорбленного» всеми человека.

Семёнов-Тян-Шанский. Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827-1914), русский географ, путешественник, впоследствии руководитель Русского географического общества, автор двухтомника «Мемуары». За исследования в 1856-1857 гг. Тянь-Шаня в 1906 г. получил почётную приставку «Тян-Шанский» к фамилии [20, с. 16]. Дважды встречался с Достоевским в Семипалатинске. Но познакомились они ещё в 1840-е гг., когда Семёнов жил на одной квартире с Н. Я. Данилевским.

В своих «Мемуарах» П. П. Семенов-Тян-Шанский писал: *«Данилевский и я познакомились с двумя Достоевскими в то время, когда Фёдор Михайлович сразу вошёл в большую славу своим романом «Бедные люди», но уже рассорился с Белинским и Тургеневым, совершенно оставил их литературный кружок и стал посещать чаще кружки Петрашевского и Дурова. В это время Достоевский, по обыкновению, боролся с нуждой. Успех «Бедных людей» сначала доставил ему некоторые материальные выгоды, но затем принёс ему в материальном же отношении более вреда, чем пользы, потому что возбудил в нем неосуществимые ожидания и вызвал в дальнейшем нерасчетливые затраты денег»* [21]. Также Ф. М. Достоевский гостил у него перед свадьбой с М. Д. Исаевой и сразу после неё [8, с. 94].

Врангель. Александр Егорович Врангель, занимал должность областного прокурора в Семипалатинске в 1854-1856 гг., где подружился с Ф. М. Достоевским. Подростком он зачитывался произведениями Достоевского, присутствовал на инсценировке казни петрашевцев [3, с. 88]. После окончания Александровского лицея в 1853 г. Врангель отказался от карьеры в столице и поехал добровольно на должность стряпчего по уголовным и гражданским делам (прокурором) в Семипалатинск. Будучи уже знакомым с М. М. Достоевским, Врангель передал от него младшему брату письмо, книги, деньги и вещи. С этого времени началась их дружба [11]. Врангель передал письмо Ф. М. Достоевского Эдуарду Тотлебену, который помог писателю вернуться из ссылки в Семипалатинске [8, с. 91].

Юный Чокан. Чокан Валиханов – первый казахский ученый, историк, этнограф, фольклорист и путешественник. Был воспитанником Омского кадетского корпуса, являлся офицером царской армии, имел чин корнета. Достоевский познакомился с ним при выходе из Омского острога. Об этом свидетельствуют воспоминания А. Е. Врангеля: *«Он (Чокан Валиханов) познакомился с Ф. М. в Омске у Ивановых и очень полюбил его»* [22, с. 6]. Встретился с Достоевским вновь в 1956 году в Семипалатинске. Они быстро подружились. В письме к Валиханову из Семипалатинска от 14 декабря 1856 г. Достоевский признавался: *«Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам...»* [3, с. 92].

«Оживёт под пером / Им придуманный город Мордасов, / Плоть и кровь обретёт / Шут и деспот, Опискин Фома» [1, с. 30].

Им придуманный город Мордасов. Подразумевается повесть «Дядюшкин сон (Из Мордасовских летописей)», которую Ф. М. Достоевский написал в Семипалатинске. Опубликована только в 1959 году в Санкт-Петербурге [8, с. 249]. Первое опубликованное после вынужденного десятилетнего перерыва произведение Достоевского. В повести были отражены провинциальный быт и нравы, которые видел Достоевский в Семипалатинске. Город Мордасов внешне похож на Семипалатинск тех лет: дома состоятельных горожан находятся на большой улице, описание бедных домов, вросших в землю, напоминает Казачью слободу, в которой находилась первая квартира Ф. М. Достоевского. Кроме того, есть основания думать, что прототипами жителей Мордасова являются семипалатинцы: например, губернатора Мордасова зовут Петр Михайлович, он холост – губернатором Семипалатинска был холостой Петр Михайлович Спиридонов [23, с. 3]

... шут и деспот, Опискин Фома. Фома Опискин – герой другой повести, написанной Ф. М. Достоевским в Семипалатинске – «Села Степанчикова». Напечатана в 1959 году в Санкт-Петербурге.

Стихотворение А. Г. Кузнецова дает уникальную возможность изучить страницы биографии великого русского писателя, Ф. М. Достоевского, связанные с Семипалатинском. Для достижения поставленной цели была изучена литература по данному вопросу, составлена биографическая справка об А. Г. Кузнецове в помощь учителю, записана история создания стихотворения «Дорога», был создан историко-литературный комментарий к стихотворению. В итоге был предложен концепт урока на тему «Ф. М. Достоевский в Семипалатинске» с использованием комментария к стихотворению «Дорога» А. Г. Кузнецова.

Литература

1. Кузнецов А. Г. Лодочный остров. Стихи / А. Г. Кузнецов. – Интеллект, 2009. – 178 с.
2. Сараскина Л. И. Достоевский / Л. И. Сараскина. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 825 с.
3. Селезнев Ю. И. Достоевский / Ю. И. Селезнев. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 543 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»)
4. Даль В. Толковый словарь великорусского языка. В 4 т. Т. 2. / Владимир Даль. – М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. – 807 с.
5. Штакеншнейдер Е. А. Из «Дневника» (1880 год). Электронные публикации института русс. литературы РАН / Е. А. Штакеншнейдер. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>
6. Огарков Н. В. Советская военная энциклопедия в 8 томах. Том 6 / Н. В. Огарков, А. А. Гречков. – М.: Воениздат, 1978. – 678 с.
7. Пестель П. И. Русская правда / П. И. Пестель. – М.: Колибри, 1993 – 256 с.
8. Гроссман, Л. Достоевский / Л. Гроссман. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 544 с.
9. Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории / Л. В. Беловинский – М.: Олма-пресс, 2003. – 912 с.
10. Цейтлин А. Г. Литературная энциклопедия / А. Г. Цейтлин, А. В. Луначарский. – М.: ОГИЗ РСФСР, Советская Энциклопедия, 1934. – 900 с.
11. Наседкин Н. Н. Достоевский. Энциклопедия. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.niknas.hop.ru/4dost/1dost_enz/dost_enz.htm
12. Достоевская А. Г. Воспоминания. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0610.shtml
13. Богословский Н. В. Николай Гаврилович Чернышевский / Н. В. Богословский. – М.: Молодая гвардия, 1955. – 576 с. (Жизнь замечательных людей)
14. Кедрин Д. Б. Зодчие. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=13491>
15. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома // Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 4 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1972. – 325 с.
16. Данте Алигьери. Божественная комедия. Перевод М. Лозинского. – М.: Правда, 1982. – 444 с.
17. Солженицын А. И. В круге первом / А. И. Солженицын. – М.: Наука, 2006, – 792 с.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Электронный ресурс. – Спб.: Семеновская типолитография, 1890-1907. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3182/>
19. Герасимов Б. Г. Достоевский в Семипалатинске // Сиб. Огни. – Новосибирск, 1924. № 4. – с. 140-150
20. Алдан-Семёнов, А. И. Семёнов-Тян-Шанский / А. И. Алдан-Семёнов. – М.: Молодая гвардия, 1965. – 304 с.
21. Семенов Тян-Шанский. Мемуары. Детство и юность. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/semenowtjanshanskij_p_p/text_0_020.shtml
22. Врангель А. Е., Приятель Ф. М. Достоевского – Валиханов / А. Е. Врангель // Русские писатели о Казахстане. – Алматы: Өлке, 2004. – С. 4-7.

23. Левченко Н.И. Круг знакомых Ф.М.Достоевского в семипалатинский период жизни (1854-1859 гг.) / Н.И. Левченко. - Семипалатинск: Областной литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, 1988. – 13 с.

УДК 821.161.1-6+821.512.122+94(574.4)

И. Б. Каланчина – Краевед, публицист
Усть-Каменогорск, Казахстан

ГОЛОСА В ПИСЬМАХ: Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, Ч. ВАЛИХАНОВ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ VOICES IN LETTERS: F. M. DOSTOYEVSKY, CH. VALIKHANOV AND THEIR CIRCLE

Аннотация: Статья посвящена переписке между Ч. Валихановым и Ф. М. Достоевским. В ней раскрываются не только их личные отношения, но и широкий спектр интеллектуального общения в середине XIX века.

Annotation: The article dedicated to the correspondence between Ch. Valikhanov and F. M. Dostoevsky. It reveals not only their personal relationships, but also the wide range of intellectual communication in the mid-19th century.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Ч. Валиханов, переписка, друзья, литературный кружок.

Key words: F. M. Dostoevsky, Ch. Valikhanov, correspondence, friends, literary circle.

Примером настоящей мужской дружбы могут служить отношения, которые связывали русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского и казахского учёного-этнографа Чокана Валиханова. Они познакомились в начале 1854 года. После освобождения из Омского острога, Фёдор Михайлович, ждавший перевода в Семипалатинск, два месяца жил в доме военного инженера Константина Иванова. С этим гостеприимным семейством был знаком и Чокан Валиханов.

33-летний каторжник и 19-летний кадет принадлежали к разным мирам, но сблизилась, почувствовав друг в друге родственные души. Они часто виделись в Омске. Особенно активным их общение было во время пребывания Ф. Достоевского в Семипалатинске (1856-1859 гг.).

Не имея возможности постоянно встречаться, они свои мысли и чувства изливали на бумагу. Сохранившаяся переписка (4 письма Ч. Валиханова Ф. М. Достоевскому и 1 письмо Ф. М. Достоевского Ч. Валиханову) даёт возможность понять глубину и чистоту их отношений, которые длились около 10-11 лет, до смерти Чокана Валиханова в апреле 1865 года.

Судя по теплоте писем и искреннему интересу к жизни и творчеству каждого, можно предположить, что количество писем намного больше известных до сих пор.

Первое письмо датировано 5 декабря 1856 г.

«Многоуважаемый Фёдор Михайлович! – пишет из Омска Ч. Валиханов. <...> Мне так приятны эти немногие дни, проведённые с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы ещё побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю» [1, с. 132-133].

В письме Чокан Валиханов откровенно делится своими впечатлениями о г. Омске, спрашивает «как устроиться лучше», упоминает общих знакомых. Здесь же он рекомендует своего лучшего друга, Александра Николаевича Цурикова – юриста, друга декабриста Батенькова: *«Вы его должны полюбить и чем больше будете видеть, тем более» [1, с. 133].* Также Чокан беспокоится о здоровье Сергея Фёдоровича Дурова – поэта-петрашевца.

«Поклонитесь от меня свету моему, тайному секретарю Василию Петровичу», – пишет в письме Ч. Валиханов, имея в виду В. П. Демчинского. Разжалованный за приверженность

к освободительным идеям и направленный служить в Сибирское казачье войско, Василий Петрович Демчинский сдружился в Омске с Ч. Валихановым и Ф. Достоевским.

Вскользь упоминаемый в письме Н. Ковригин в 50-е годы XIX века был капитаном горных инженеров и работал в Барнауле, где встречался с Ф. Достоевским, который приезжал к Марии Дмитриевне Исаевой. Через Ч. Валиханова Н. Ковригин ссудил денег на предстоящую свадьбу.

Единственное известное письмо Достоевского, адресованное Валиханову датировано 14 декабря 1856 г. и, по-видимому, является ответом на предыдущее послание. Оно чудом сохранилось и было получено в августе 1908 г. от Махмуда Валиханова – брата Чокана, проживавшего в усадьбе Сарымбет.

«Письмо ваше, добрый друг мой, – пишет Ф. Достоевский, – передал мне Александр Николаевич [Цуриков]. Вы пишете, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы можно многое сказать в объяснение, но чего вас хвалить! А вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если бы на эту тему написать 10 книг – ничего не напишешь: чувство и влечение – дело необъяснимое» [1, с. 176].

Ф. Достоевский делится с другом «географией» своих передвижений: Барнаул, Кузнецк, Змиев, Локоть. В письме упоминает Демчинского, который *«был в своём обыкновенном юморе всё время»*. Писатель восторженно отзывается о Семёнове, говоря, что он *«превосходный человек. Я его разглядел поближе»*.

Со студентом Петром Петровичем Семёновым (будущим Тянь-Шанским) Ф. Достоевский познакомился в 1847 г., будучи уже известным писателем. Во время путешествия на Тянь-Шань в 1856-1857 годах П. П. Семёнов дважды встречался с Ф. Достоевским в Семипалатинске. Пётр Петрович говорил о писателе как о человеке с *«высокой душой»*, который поддержал его морально.

Далее в письме с отеческой нежностью Фёдор Михайлович пишет: *«Дорогой мой друг, милый Чокан... <...> Приезжайте сюда возможно скорее к нам, а уже в апреле непременно. Так бы хотелось вас увидеть <...>. Вы спрашиваете совета: как поступить вам с вашей службой и вообще обстоятельствами. По-моему вот что: не бросайте заниматься. У вас есть много материалов: напишите статью о степи. <...> Материалами, которые у вас есть, вы бы заинтересовали Географическое общество»* [1, с. 177].

... Лет через 8 вы могли бы так устроить судьбу свою, что могли бы [быть] необыкновенно полезны своей Родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть не первым из своих, который растолковал в России, что такое степь, её значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещённым ходатаем за неё у русских. Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам и душу, и сердце. <...>

Я так вас люблю, что мечтаю о вас и судьбе вашей по целым дням».

Второе письмо Ч. Валиханова Ф. Достоевскому датировано ориентировочно 18 июня 1859 г. Судя по содержанию, оно написано уже больным Чоканом по дороге из Петербурга в Казахстан. В нём указаны лица и события, имевшие место в петербургский период жизни Ч. Валиханова, и содержится упоминание о прогрессировании болезни, первые признаки которой Чокан почувствовал в Петербурге.

«Здоровье моё не хуже и не лучше, – пишет Ч. Валиханов своему другу, – покашливаю, как и прежде, хотя пью кумыз, – впрочем, что скажет степь, вольный воздух, повозки. <...> кланяйся от меня Марии Дмитриевне¹⁵, Мих[аилу] Михайловичу¹⁶ и дому его, Майкову, Полонскому и всем нашим знакомым».

¹⁵ Мария Дмитриевна – первая жена Ф. М. Достоевского.

¹⁶ Михаил Михайлович – брат Ф. М. Достоевского.

Передавая привет «Майкову, Полонскому и всем нашим знакомым», Валиханов имел в виду в первую очередь членов петербургского литературного кружка при редакции журналов «Время» и «Эпоха», инициированных Ф. М. и М. М. Достоевскими (1860-1865 гг.). Именно там Валиханов познакомился и сошёлся со многими писателями и мыслителями того времени, среди которых уже упомянутые русские поэты Аполлон Николаевич Майков и Яков Петрович Полонский; русский критик, публицист, философ, сотрудник журнала «Время» Николай Николаевич Страхов; писатель Всеволод Владимирович Крестовский.

Кружок (его именовали ещё «редакционными вечерами») состоял из сотрудников журнала и людей, близких к ним по убеждениям. Братья отдавали себе отчёт, что эти же «кружковцы» будут в основном обеспечивать журнал материалами. Не менее важной стороной деятельности кружка являлось то, что для большинства его членов (особенно молодых) он был своеобразной школой [2, с. 250].

Постоянными членами кружка помимо выше перечисленных стали А. А. Григорьев, Д. В. Аверкиев, Л. А. Мей, А. Е. Разин, Н. Д. Ахшарумов, П. А. Кусков, А. Н. Серов, А. У. Порецкий, М. А. Загуляев, Д. Д. Минаев, А. П. Милуков, П. А. Бибиков, Н. Л. Тиблен. Но кружок не был чем-то замкнутым: любой из его членов мог привести с собой друзей или знакомых. В кружке бывали И. С. Тургенев, А. Н. Плещеев, Н. С. Лесков, Г. П. Данилевский, Ч. Ч. Валиханов, брат Н. Н. Страхова врач П. Н. Страхов, К. А. Трутовский. По позднему свидетельству младшей дочери М. М. Достоевского Екатерины Михайловны, обычно собиралось до сорока человек [2, с. 251].

Третье письмо Валиханова Достоевскому датировано 15 октября 1862 г. и прислано из Кокчетова. Получив известие о том, что Фёдор Михайлович едет за границу, Чокан пишет: *«Я между тем жив, хотя чувствую себя очень плохо как физически, так и нравственно. Во-первых, скука, во-вторых, беспрестанное раздражение от киргизских несообразностей, которые видеть должен каждый час, каждую минуту. <...> Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя работе на пользу соотечественников, защитить их от чиновников и деспотизма богатых киргизов. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель»* [1, с. 150].

Рассказывая своему другу о состоянии дел в казахской степи, делясь новостями и сетуя на проблемы, Ч. Валиханов в заключение письма пишет: *«Пожалуйста, посоветуй, что делать»*.

Ф. М. Достоевский в 1860-1863 гг. жил семейным домом. Не случайно Ч. Валиханов писал своему другу К. К. Гутковскому, направлявшемуся в Петербург: *«чтобы Вы могли иметь семейный дом, чтобы проводить вечера, я посылаю <...> записку к Фёдору Достоевскому»*. Последнему он написал: *«Надеюсь, что и ты, и Мария Дмитриевна примите его хорошо»* [2, с. 252].

Карл Казимирович Гутковский – один из представителей прогрессивной части российской пограничной администрации, знаток казахских степей. Гутковский постоянно совмещал административную работу с исследовательской и педагогической деятельностью, преподавал в Сибирском кадетском корпусе географию и геодезию. Здесь он обратил внимание на своего любознательного воспитанника Чокана, развил в нём интерес к научному познанию и впоследствии стал его близким другом.

В письме К. К. Гутковскому от 20 мая 1863 г. из Киргизской степи есть приписка Ф. М. Достоевскому, в которой Ч. Валиханов беспокоится: *«Давно не имею от тебя известий, любезный Фёдор Михайлович. Жив ли ты? Впрочем, если бы ты умер, то написали бы о том в газетах. Поэтому надо полагать, что ты жив, но забыл нас, живущих в пустыне киргизской»*.

Далее он рекомендует своего друга, *«который едет в Петербург по делу, касающемуся отчасти и меня. <...> Гутковские люди очень добрые и без всяких провинциальных предрассудков, которые так шокируют Вас, петербуржцев»* [1, с. 160].

Эта приписка на письме К.К. Гутковскому – последняя из сохранившихся записей, касающихся переписки Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского.

Несмотря на малочисленность эпистолярных источников, переписка остаётся важным историко-культурным документом, позволяющим глубже понять личности двух великих мыслителей, а также характер их взаимоотношений с современниками.

Литература

1. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. / Ч. Ч. Валиханов. – Алма-Ата : Глав. ред. Казахской Советской энциклопедии, 1985. – Т. 5. – 528 с.

2. Орнатская Т. И. Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860-1865 гг.) / Т. И. Орнатская // Достоевский: Материалы и исследования. – Т. 8. – Ленинград, 1988. – С. 247-262.

УДК 908(574.42)

Д. В. Каливошкина,
Семей, Казахстан

РЕЧНОЕ СУДОХОДСТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕМИПАЛАТИНСКА (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

RIVER NAVIGATION AS A FACTOR IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SEMIPALATINSK (19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Аннотация. Работа посвящена роли судоходства и использования водных путей в социально-экономическом развитии Семипалатинска. Исследуется исторический контекст, в котором реки Казахстана становились основными транспортными артериями, способствующими развитию торговли, освоению территорий и культурным обменам. Рассматриваются различные виды судов, использовавшихся для переправы через Иртыш, а также роль Семипалатинска как важного торгового центра на водном пути между Сибирью и Центральной Азией.

Annotation. The study is devoted to the role of river navigation and the use of waterways in the socio-economic development of Semipalatinsk. It examines the historical context in which the rivers of Kazakhstan became major transport arteries, contributing to the development of trade, territorial expansion, and cultural exchange. The paper analyzes various types of vessels used for crossing the Irtysh River, as well as the role of Semipalatinsk as an important trading center on the water route between Siberia and Central Asia.

Ключевые слова: история, Казахстан, Семипалатинск, судоходство, Иртыш, паром, паром-самолет, плашкоутное судно.

Keywords: history, Kazakhstan, Semipalatinsk, river navigation, Irtysh, ferry, cable ferry, flat-bottomed vessel.

Судоходное строительство и использование водных путей играло важную роль для социально-экономического развития Казахстана. Реки всегда были основой для жизни людей. Крупные речные водоемы представляли собой естественные транспортные пути, по которым шло постепенное продвижение торгово-экономических связей. Водные ресурсы Казахстана способствовали активному освоению и заселению казахских территорий переселенцами. По берегам крупных рек сосредотачивалась основная жизнедеятельность в степи, это были плодородные земли, на которых ставились форпосты для продвижения казачьих отрядов. Кроме того, в XIX веке крупные реки Казахстана, в частности, Иртыш, связывающий Казахстан с Сибирью и Центральной Азией, давали хорошую возможность для формирования регионального речного судостроения, являвшегося в тот период началом развития водного транспорта, благодаря которому будут осуществляться торгово-экономические связи, перевозка людей, грузов и многое другое. Одним из важнейших центров судоходства на этом водном пути был Семипалатинск (ныне Семей), через который проходили ключевые торговые

маршруты, а паромы и суда стали неотъемлемой частью жизни города и региона. С первых лет со дня основания Семипалатной крепости в 1718 году она стала центром обмена товаров между русскими купцами и джунгарами. Река Иртыш, служившая границей между двумя государствами, являлась важным транспортным путем, который требовалось преодолеть для совершения мены.

Для успешного развития торговли и бесперебойного сообщения между двумя берегами была организована перевозка людей и товаров с помощью плашкоутного судна (плашкоут – разновидность плоскодонного грузового несамоходного судна с упрощенными обводами корпуса и малой осадкой), устроенного при маяке (маяком называлось здание, где помещалась воинская команда для охранения границы) [1, с. 8].

Позднее для переправы стали использовать гребные паромы, которые, в зависимости от своих размеров, могли перевозить значительное количество грузов и людей. Паром представлял собой плоскодонное перевозочное речное судно, плот или две лодки с помостом для переправы греблей или по канату.

В середине XIX века паромные переправы на верхнем Иртыше находились в четырех местах: в Усть-Каменогорске, Семипалатинске, при форпостах Шульбинском и Семиарском. Такое же количество было и пристаней: в Семипалатинске, в 3-х верстах выше Семипалатинска, при редутах Известковом и Вороньем.

*Иллюстрация №1. Вид на Заречную слободку, г. Семипалатинск.
Из фондов областного историко-краеведческого музея города Семей.*

Этим видом переправы пользовались многие известные путешественники, проезжающие через наш город в заиртышскую степь. Так, известный путешественник-исследователь и биолог, доктор Карл Андреевич (Антонович) фон Мейер, посетивший Семипалатинск в 1826 г. во время исследования Восточного Казахстана, оставил в своем дневнике следующую запись о преодолении реки Иртыш: «У переправы стоит небольшая воинская команда во главе с унтер-офицером, и без ее разрешения от берега не может отчалить ни одно судно. Средства переправы хороши и безопасны, но довольно быстрая и широкая река делает переправу трудной. Переправляются на большом пароме, который нередко далеко относит течением. На левом берегу, почти напротив переправы, расположено несколько небольших зданий, где купцы хранят преимущественно те товары, которые предназначены для торговли с киргизами. Торопясь закончить переправу багажа, телег и лошадей, я перепоручил все своим казакам и ученику, которые завершили ее уже к полудню...» [2, с. 285].

В 1856 г. паромом воспользовался Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, направлявшийся из Семипалатинска в одно из своих путешествий: «6 августа, около полудня, я подъехал с

Демчинским к переправе через Иртыш, где нас уже ждал мой тарантаси где нас встретил Ф. М. Достоевский. Переправа была довольно продолжительная, потому что летом вместо одной их бывает две: одна через Семипалатинский рукав Иртыша, а другая – через самый Иртыш. Переехав через обе переправы, простился со старым и новым своими приятелями, получив от них искренние пожелания успеха, и сел в свой тарантас, тронувшийся в путь в сопровождении четырех конвойных...» [3, с. 107].

Во время своего путешествия в Сибирь в 1885-1886 годах, дал описание парома и Джордж Кеннан – американский журналист, писатель и путешественник: «Выйдя из библиотеки, я направился в восточном направлении по берегу Иртыша и дошел до парома, который поддерживает сообщение между городом и киргизским предместьем, расположенным на противоположном берегу. Паром отходит с острова, лежащего по середине реки, и, чтобы попасть на него, приходится идти или по мосткам, или прямо через неглубокий рукав на стороне Семипалатинска» [4, с. 51].

Иллюстрация №2. Семипалатинск. Паром на Иртыше. Из фондов областного историко-краеведческого музея города Семей.

В Семипалатинске данный вид переправы применялся вплоть до 1878 года. Еще 9 июня 1876 г. в думе было рассмотрено заявление отставного уставщика Матвея Федоровича Гусельникова, в котором он объяснил, что «во многих городах Сибири устроены так называемые паромы-самолеты. Эти суда, прикрепленные к длинному канату,двигающиеся действием бокового давления воды при известном их положении, управляемые с помощью руля, причем переправа происходит постоянно между двумя пунктами и нет надобности заходить к верху и, не попавши к пристани, подыматься снизу, на что немало уходит времени при наших гребных паромах...», и что он просит городскую думу, – «не найдет ли она возможным разрешить ему постройку на свой счет, в виде опыта, лодку-самолет, дозволить перевозить наших пассажиров с одного берега на другой, не стесняя таксой за перевоз. Также разрешить ему содержать этот перевоз в течение 6 лет».

Предложение его было одобрено думой, однако к рассмотрению этого вопроса было решено вернуться после окончания срока аренды гребного парома, который заканчивался лишь в 1878 году.

Но в 1878 году торги на сдачу в аренду переправы через реки Иртыш и Семипалатинку на 1878-1884 годы с устройством самолета выиграла 2-ой гильдии купеческая жена Пелагея Шипилова. Таким образом, с 1878 г. в Семипалатинске начал действовать новый вид переправы

– паром-самолет. К длинному канату, верхний конец которого опущен на середину реки с якорем, привязывались несколько лодок так, что они находились под острым углом к течению; вода напирала на них, и они постепенно заходили несколько вперед и под напором течения переплывали реку, увлекая и нижний конец каната, у которого привязан паром.

*Иллюстрация №3. Паром-самолет на реке Иртыш, г. Семипалатинск.
Из фондов областного историко-краеведческого музея города Семей*

1 апреля 1889 г. городскими властями была проверена готовность переправы к летнему периоду и было отмечено, что на реках Иртыш и Семипалатинка уже спущены на воду по одному парому, по два карбаса (карбасы – огромные плоскодонные просмоленные лодки, длиной 8-10 м и шириной 3-4 м, с небольшой осадкой даже в груженом виде. Когда не было паромов, они использовались также для перевозки через Иртыш крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов, овец и др. тяжелых грузов) и по одной небольшой лодке, «которые по осмотру нашему оказались годными к употреблению и безопасными для переправы...».

*Иллюстрация №4. Перевозка людей по Иртышу, г. Семипалатинск.
Из фондов областного историко-краеведческого музея города Семей.*

В 1900 г. семипалатинские купцы Прокопий Плещеев и Петр Березницкий создали «Товарищество Верхне-Иртышского пароходства и торговли» с целью перевозки пассажиров и грузов по р. Иртыш. Первым пароходом этого товарищества стал пароход «Святой ключ» мощностью в 160 л.с., построенный в 1892 году на заводе Ятеса в Екатеринбурге и до этого

носивший название «Сокол», а затем «Страдалец» [5]. Название «Святой ключ» новые хозяева дали пароходу в 1900 году в честь родника вблизи Семипалатинска, ставшего впоследствии сакральным местом.

К 1918 г. судоходство было национализировано, и в дальнейшем развивалось на правах государственной собственности союзного, а позднее – республиканского подчинения.

Развитие судоходства на Иртыше сыграло ключевую роль в экономическом развитии Семипалатинска и всего региона. В XIX веке река служила важной артерией для перевозки товаров, людей и культурных обменов между странами. Паромы, плашкоуты и более поздние паромы-самолеты способствовали росту торговли и процветанию города.

Литература

1. Земляничин И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговля // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. Ташкент, 1876.
2. Ледебур К. Ф., Бунге А., Мейер К. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / Пер. с немецк. В.В. Завалишин, Ю. П. Бубенков. М.: Наука, 1993.
3. Семенов-Тянь-Шанский П. Путешествие в Тянь-шань // М.: ОГИЗ, 1947.
4. Сибирь и ссылка // Дж. Кеннан. – Москва : Логос, 1906. – VIII.
5. Семипалатинские областные ведомости, СПб. 1898, №23, 13 июня

В.В. Мирсалимова
Семей, Казахстан

СЕМИПАЛАТИНСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: РОЛЬ ОКРУЖЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

THE SEMIPALATINSK PERIOD IN THE LIFE OF FYODOR DOSTOEVSKY: THE INFLUENCE OF HIS CIRCLE ON THE FORMATION OF HIS ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL WORLDVIEW

Аннотация. В статье исследуется семипалатинский период (1854–1859) в жизни Фёдора Михайловича Достоевского как ключевой этап становления его зрелого художественного и философского мировоззрения. Данный период рассматривается не только как время восстановления после каторги, но и как значимое культурно-историческое пространство, повлиявшее на формирование основных идей и образной системы писателя. Особое внимание уделяется роли окружения Достоевского, в частности, таких личностей, как Мария Дмитриевна Исаева и Александр Егорович Врангель, а также взаимодействию с многонациональной средой Семипалатинска.

Анализируется влияние личного опыта писателя на формирование ключевых категорий его творчества – страдания, сострадания, нравственного выбора, диалогичности и духовной ответственности. Показано, как переживания и социальные связи данного периода нашли отражение в системе художественных образов и способствовали формированию универсального понимания человека как духовного и нравственного существа, раскрывающегося через встречу с другими и его внутренний выбор.

Annotation. The article examines the Semipalatinsk period (1854–1859) in the life of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky as a key stage in the formation of his mature artistic and philosophical worldview. This period is considered not only as a time of recovery after penal servitude, but also as a significant cultural and historical space that influenced the development of the writer's central ideas and system of imagery. Particular attention is paid to the role of Dostoevsky's close circle, especially Maria Dmitrievna Isaeva and Alexander Yegorovich Wrangel, as well as to his interaction with the multinational environment of Semipalatinsk.

The article analyzes the influence of the writer's personal experience on the formation of the key categories of his творчество-suffering, compassion, moral choice, dialogism, and spiritual responsibility. It demonstrates how the experiences and social connections of this period were reflected in the system of artistic images and contributed to the development of a universal understanding of the human being as a spiritual and moral entity, revealed through encounters with others and through inner choice.

Ключевые слова: Достоевский, Семипалатинский период, ссылка, культурное пространство, окружение, мировоззрение, страдание, сострадание, нравственный выбор, диалогичность, межкультурное взаимодействие, универсальность человеческого опыта, Мария Дмитриевна Исаева, Александр Егорович Врангель, Соня Мармеладова, Настасья Филипповна, Катерина Ивановна, Разумихин, Алёша Карамазов.

Keywords: Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, Semipalatinsk period, exile, cultural space, social circle, worldview, suffering, compassion, moral choice, dialogism, intercultural interaction, universality of human experience, Maria Dmitrievna Isaeva, Alexander Yegorovich Wrangel, Sonia Marmeladova, Nastasya Filippovna, Katerina Ivanovna, Dmitry Razumikhin, Alyosha Karamazov.

Семипалатинский период (1854–1859) в биографии Фёдора Михайловича Достоевского занимает особое, во многом переломное место, определяя переход писателя от раннего этапа творчества к формированию зрелого художественного и философского мировоззрения [4, с. 112]. Оказавшись в Семипалатинске после каторжных работ в Омске, Достоевский вступает в качественно новый этап своей жизни, в котором внешние ограничения сочетаются с интенсивной внутренней работой и постепенным возвращением к литературной деятельности [3, с. 87].

Традиционно данный период рассматривается исследователями преимущественно как этап «восстановления» писателя после каторги. Однако подобная трактовка представляется недостаточной. Семипалатинск следует понимать не только как место временного пребывания, но и как сложное культурно-историческое пространство, оказавшее существенное влияние на формирование мировоззрения Достоевского и его художественной системы. Именно здесь складывается круг его личных связей, формируется новое отношение писателя к человеку, обществу и культуре, а также происходит переосмысление ключевых экзистенциальных вопросов, которые впоследствии становятся центральными в его творчестве.

Особенность семипалатинского периода заключается в том, что он разворачивается в условиях своеобразного «пограничья» – как географического, так и культурного. Семипалатинск середины XIX века являлся пространством пересечения различных социальных и этнокультурных слоёв: военной среды, административного аппарата Российской империи, ссыльной интеллигенции и традиционного казахского населения. Такое сосуществование различных культурных кодов формировало уникальную среду, в которой происходило расширение жизненного и интеллектуального опыта писателя.

Важнейшим фактором данного периода становится окружение Достоевского – совокупность его личных, дружеских и интеллектуальных связей, которые не только обеспечили ему психологическую поддержку, но и стали источником глубоких наблюдений и переживаний.

Ключевой и одной из главных фигур является Мария Дмитриевна Исаева. Знакомство Фёдора Михайловича с ней относится к раннему этапу его пребывания в Семипалатинске и занимает особое место в структуре его личных связей [3, с. 132]. В отличие от иных представителей окружения писателя, Исаева не принадлежала к интеллектуальной элите или административной верхушке, однако именно это обстоятельство придаёт их взаимоотношениям особую культурно-антропологическую значимость [7, с. 15]. На тот период Мария Дмитриевна являлась представителем провинциального чиновничества; её жизненный путь был отмечен материальными трудностями, болезнью и семейной нестабильностью. Таким образом, она воплощала тип «страдающей женщины» русской провинции – фигуры, находящейся на пересечении социальных ограничений, моральных обязательств и личной трагедии.

Для Достоевского, пережившего каторгу и находившегося в состоянии духовной переоценки, встреча с Исаевой стала не просто личным событием, но важным опытом соприкосновения с живой реальностью человеческого страдания.

Отношения с Марией Исаевой развивались в условиях внутреннего напряжения и нравственного выбора. В письмах Достоевский подчёркивает: «Я, может быть, люблю её больше, чем себя...», «Это существо страдающее, и я не могу её оставить...» Данные высказывания свидетельствуют о формировании особого понимания любви как этического акта. Любовь перестаёт быть сферой индивидуального чувства и приобретает характер нравственного обязательства. Исаева становится для Достоевского воплощением страдания как экзистенциального состояния, объектом сострадания, переходящего в ответственность, и нравственным испытанием, требующим жертвенности. Важно отметить, что любовь к Исаевой формируется не в условиях гармонии, а в пространстве кризиса, что предопределяет её дальнейшее художественное переосмысление.

С культурной точки зрения образ Марии Дмитриевны Исаевой можно рассматривать как репрезентацию устойчивого типа русской культуры XIX века – «страдающей женщины», связанного с идеей нравственной чистоты, сохраняемой в условиях страдания, а также внутренней силой, проявляющейся через терпение и жертву. Однако в интерпретации Достоевского данный тип приобретает особую глубину: писатель не идеализирует страдание, а рассматривает его как пространство духовного выбора и возможности спасения.

Именно в семипалатинский период происходит переход от традиции сентиментализма к сложной психологической и религиозно-философской трактовке женского образа. Опыт отношений с Исаевой оказал непосредственное влияние на формирование системы женских образов в творчестве Достоевского. Наиболее очевидным продолжением данного типа является образ Сони Мармеладовой, в котором воплощаются жертвенность, принятие страдания и способность к состраданию как форме духовной силы. Как и Исаева, Соня существует в ситуации нравственного давления, но сохраняет внутреннюю цельность.

В образе Настасьи Филипповны в романе «Идиот» усиливается трагическое начало – соединение страдания и разрушения, а также внутренний конфликт между чувством достоинства и саморазрушением. В данном случае пережитый Достоевским опыт приобретает более драматическую форму, однако его истоки восходят к семипалатинскому периоду.

Катерина Ивановна воплощает иной аспект – страдание, соединённое с гордостью, социальным унижением и внутренним сопротивлением. Этот образ демонстрирует расширение и усложнение первоначального типа «страдающей женщины».

Таким образом, опыт отношений с Марией Исаевой позволил Достоевскому сформулировать одну из центральных идей его творчества: страдание является не только трагедией, но и возможностью духовного преображения. Женские образы в его произведениях становятся носителями этой идеи, а любовь – способом её раскрытия.

Мария Дмитриевна Исаева занимает особое место в семипалатинском окружении Достоевского, выступая не только как фигура его личной жизни, но и как важный культурный и художественный источник. Таким образом, отношения с Исаевой следует рассматривать как один из ключевых факторов становления художественной антропологии Достоевского, в центре которой находится человек, раскрывающийся через страдание, сострадание и нравственный выбор [2, с. 214].

Не менее значимой как в жизни Достоевского, так и в контексте его творческого становления является фигура Александра Егоровича Врангеля. Знакомство Фёдора Михайловича с Александром Егоровичем в Семипалатинске относится к числу наиболее важных личных связей писателя в период ссылки. Врангель, занимавший должность областного прокурора, принадлежал к образованной административной элите и сочетал в себе качества государственного служащего и представителя культурной интеллигенции. В отличие

от большинства представителей официальной среды, Врангель проявил к Достоевскому неформальное, подлинно человеческое участие. Их отношения быстро переросли рамки служебного знакомства и приобрели характер доверительной дружбы. Позднее Врангель оставил воспоминания, являющиеся важным источником по истории семипалатинского периода. После каторги Достоевский находился в состоянии социальной и психологической изоляции, и в этих условиях фигура Врангеля стала ключевой для его «возвращения в мир людей».

А.Е. Врангель сыграл важнейшую роль в жизни Достоевского, обеспечив ему доступ к образованной среде, содействуя восстановлению его социального статуса и выступая внимательным и чутким собеседником, способным воспринимать и поддерживать сложные философские и нравственные размышления писателя. Сам Достоевский подчёркивал значимость человеческого общения: «Без людей я бы погиб...».

Данная формула отражает фундаментальный внутренний сдвиг: после опыта каторги диалог становится для писателя жизненной необходимостью. Врангель, таким образом, выступает не просто другом, но посредником между Достоевским и культурным пространством, из которого он был временно исключён.

С культурной точки зрения Александр Егорович Врангель воплощает особый тип, характерный для русской интеллигентской традиции XIX века, – тип «понимающего друга» [5, с. 56]. Его значимость определяется не формальным положением, а качеством человеческого участия: он не судит, а внимательно слушает, не подавляет, а поддерживает, не навязывает собственной позиции, а вступает в подлинный диалог. Именно такой тип общения становится для Достоевского принципиально важным, поскольку способствует формированию идеи диалогичности как основы человеческого существования. В семипалатинский период писатель впервые в полной мере переживает опыт общения, в котором личность раскрывается через другого человека, обретая себя не в изоляции, а во взаимном понимании и духовном сопричастии.

Влияние Врангеля не носит прямого биографического характера, однако оно глубоко укоренено в поэтике Достоевского, прежде всего в системе «сопутствующих» персонажей – друзей, слушателей и посредников.

В художественном мире Достоевского этот опыт получает опосредованное, но глубоко значимое отражение в системе персонажей, воплощающих тип «понимающего друга». Так, в романе «Преступление и наказание» образ Разумихина предстает как пример рационального и одновременно сердечного участия: «Он был необыкновенно веселый и общительный человек...» (Ч. I, гл. IV). Разумихин не осуждает Раскольникова, действует через заботу и искреннее участие, постепенно возвращая его к жизни и человеческому общению.

В более зрелой и философски углублённой форме данный тип реализуется в образе Алёши Карамазова в романе «Братья Карамазовы», где он выступает как духовный посредник, соединяющий людей и утверждающий принцип всеобщей ответственности: «Каждый из нас пред всеми за всех виноват...» (Ч. II, кн. VI). Алёша не только слушает и принимает, но и становится носителем идеи духовного единства, что позволяет рассматривать его как высшую художественную трансформацию того типа, который в реальной жизни был воплощён Врангелем.

Таким образом, пережитый Достоевским опыт общения с Врангелем стал важным фактором формирования одной из центральных идей его творчества – понимания человека как существа, раскрывающегося через встречу с другим.

В семипалатинский период окружение Ф.М. Достоевского включало не только представителей образованной среды, но и фигуры, принадлежащие к многонациональной и многоконфессиональной социальной структуре города. В этом контексте особый интерес представляет фигура Каца – представителя еврейского населения, с которым писатель был

знаком в годы службы. Хотя сведения о нём носят фрагментарный характер, его значение определяется не столько биографической конкретикой, сколько тем культурным типом, который он воплощает.

С культурной точки зрения Кац представляет «инога» – человека иной традиции, вероисповедания и жизненного уклада. Контакт с подобными фигурами расширял горизонты восприятия Достоевского, позволяя ему выйти за пределы однородного культурного пространства и столкнуться с реальным многообразием человеческого опыта. В условиях пограничного города, где сосуществовали различные этнические и религиозные группы, подобные взаимодействия становились важным фактором формирования у писателя способности к наблюдению и осмыслению «чужого» как значимого и содержательного явления.

Данный опыт находит отражение в художественном мире Достоевского через повышенное внимание к персонажам, представляющим различные социальные и культурные типы. Писатель не ограничивается изображением «своего» круга, но стремится раскрыть внутреннюю сложность и противоречивость каждого человека вне зависимости от его происхождения. В этом проявляется одна из ключевых особенностей его поэтики – стремление к универсализации человеческого опыта.

Кроме того, взаимодействие с представителями иных культур способствовало развитию у Достоевского идеи нравственного равенства людей перед лицом страдания и внутреннего выбора. В его произведениях «иной» перестаёт быть исключительно внешним и чуждым, становясь участником общего духовного пространства. Это особенно значимо в контексте его поздней философии, где утверждается мысль о всеобщей взаимосвязанности и ответственности.

Таким образом, фигура Каца, несмотря на ограниченность сведений, может рассматриваться как элемент культурного окружения, способствовавшего формированию у Достоевского более глубокого и многогранного понимания человека.

Проведённый анализ семипалатинского периода в жизни Ф. М. Достоевского позволяет утверждать, что данный этап следует рассматривать не как промежуточный или восстановительный, а как ключевой в формировании его зрелого художественного и философского мировоззрения.

Окружение писателя в Семипалатинске выступает важнейшим фактором этой трансформации. Взаимодействие с Марией Дмитриевной Исаевой способствовало формированию этического понимания любви как жертвенного и нравственного акта, а также разработке типа «страдающей женщины», занявшего центральное место в его художественной системе. Общение с Александром Егоровичем Врангелем сыграло решающую роль в возвращении Достоевского к полноценному человеческому общению, став основой для формирования представления о человеке как существе, раскрывающемся через взаимодействие с другими. В свою очередь, контакты с представителями многонациональной среды, включая фигуру Каца, расширили культурный горизонт писателя и способствовали становлению идеи универсальности человеческого опыта и нравственного равенства людей [10, с. 104].

Семипалатинское окружение Достоевского можно рассматривать как сложную систему личных и культурных влияний, в которой переплетаются индивидуальные переживания, социальная реальность и межкультурное взаимодействие. Именно в этом пространстве формируются ключевые категории его творчества – страдание, сострадание, общение и духовная ответственность [4, с. 167].

Таким образом, семипалатинский период предстаёт как время становления того Достоевского, в центре произведений которого находится человек как нравственное и духовное существо, раскрывающееся через испытание, встречу с другим и внутренний выбор.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1990.
2. Достоевский Ф. М. Письма. – М.: Художественная литература, 1988.

3. Гроссман Л. П. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 1962.
4. Франк И. Л. Достоевский: годы испытаний. – М.: Наука, 1999.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979.
6. Лихачёв Д. С. О русской литературе. – Л.: Наука, 1987.
7. Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1904.
8. Соловьёв В. С. Три речи в память Достоевского. – М.: Республика, 1990.
9. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. – Париж: YMCA-Press, 1947.
10. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. – М.: Республика, 1994.

УДК 821.161.1.09

Э. А. Пашенцева
Барнаул, Россия

КРУГ ОБЩЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СЕМИПАЛАТИНСКЕ: ОСНОВНЫЕ ФИГУРЫ И ИХ РОЛЬ В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ.

THE SOCIAL CIRCLE OF F. M. DOSTOEVSKY IN SEMIPALATINSK: KEY FIGURES AND THEIR ROLE IN THE WRITER'S LIFE

Аннотация: В статье рассматривается круг общения Ф. М. Достоевского в период его пребывания в Семипалатинске. Особое внимание уделяется его знакомству с Е. М. Неворотовой, семьёй Исаевых, А. Е. Врангелем и Ч. Ч. Валихановым, а также их роли в жизни писателя. Отдельно отмечается значение отношений Достоевского с Марией Дмитриевной Исаевой, ставшей его первой женой. Рассмотрение этих связей позволяет раскрыть влияние окружения на личную судьбу писателя.

Abstract: The article examines the social circle of F. M. Dostoevsky during his stay in Semipalatinsk. Special attention is paid to his acquaintances with E. M. Nevorotova, the Isaev family, A. E. Wrangel and Ch. The Valikhanov family, as well as their roles in the writer's life. The significance of Dostoevsky's relationship with Maria Dmitrievna Isaeva, who became his first wife, is noted separately. Consideration of these connections makes it possible to reveal the influence of the environment on the personal fate of the writer.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Семипалатинск, окружение писателя, Чокан Валиханов, Александр Врангель, Мария Исаева, биография Достоевского.

Key words: F. M. Dostoevsky, Semipalatinsk, the writer's circle, Chokan Valikhanov, Alexander Wrangel, Maria Isaeva, Dostoevsky's biography.

Со 2 марта 1854 г. по 2 июля 1859 года Ф. М. Достоевский был в числе рядовых солдат Сибирского 7-го линейного батальона в Семипалатинске, что привело к большим изменениям в жизни писателя. Здесь, в Семипалатинске он знакомится с Чоканом Валихановым и будущей женой, Марией Дмитриевной Исаевой. [1, с.32]

В «Полное собрание сочинений» Достоевского вошли замечательные произведения: повести «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон», написанные им во время службы в Семипалатинске. Здесь же он начал писать «Записки из мёртвого дома». [1, с.32]

Еще в остроге он задумал большую повесть, а в Семипалатинске «записывал кое-что из воспоминаний своего пребывания в каторге» и «шутя начал комедию». Он сообщает об этом Майкову (январь 1856 г.): «Так понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия, как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман...» Произведение, задуманное первоначально в форме комедии, получит впоследствии заглавие «Село Степанчиково». [2, с.136]

В период пребывания Ф. М. Достоевского в Семипалатинске была каменная церковь, несколько мечетей и казарма. Немногочисленное население состояло из чиновников, солдат и купцов-татар. За городом жили киргизы в своих кожаных палатках. Писатель проходил тяжелую строевую службу. «Солдатство не шутка, – писал он брату, – солдатская жизнь со всеми обязанностями не совсем-то легка для человека с таким здоровьем и с такой отвычкой, или, лучше сказать, с таким полным ничего незнанием в подобных занятиях. Чтобы приобрести этот навык, надо много трудов. Я не роппу: это мой крест и я его заслужил». [2, с.128-129]

Чуть более года Достоевский прослужил в Семипалатинске рядовым. Затем, после многочисленных письменных обращений к влиятельным знакомым и высокому начальству, Достоевского произвели в унтер-офицеры. «Молоденький барабанщик из кантонистов» – Семён Кац, служивший в одном батальоне с Достоевским (7-й линейный батальон Сибирского отдельного корпуса), вспоминал о нём как о человеке душевном, отзывчивом на всё доброе, человеку, «к которому тянула каждого солдата какая-то непреодолимая сила, несмотря на его мрачный характер. Службой Ф. М. не неволил; служба вообще была лёгкая в батальоне, муштровки особенной не было, а на караульную службу в гарнизоне Ф. М. посылался редко. Благодаря этому Ф. М. был предоставлен большей частью себе: он почти всегда читал и писал, в особенности по ночам. Впрочем, в казарме Ф. М. пришлось жить недолго: ему разрешено было нанять квартиру». Повышение хотя и облегчило положение писателя, но не могло снять постоянного чувства несвободы. «В солдатской шинели я такой же пленник, как и прежде», – говорил он в это время. [3, с.199]

Первой квартирой его был дом Пальшиных (теперь этого дома не существует), у которых он снимал две небольшие комнаты с обедом и пр. Дальнейшее изложение основано на рассказе П. Л. Пальшина, которому тогда было 14-15 лет: «К своим хозяевам Достоевский относился просто, без всяких претензий, и иногда любил с ними поговорить. На службу ходил редко, много очень работал: читал и писал. На квартире у Достоевского мало кто бывал; сам же он чаще всего ходил к казачьему офицеру Каментовскому, батальонному командиру Велихову, горному ревизору Ковригину и смотрителю провиантского магазина Ордынскому (никого из них в живых нет). Велихов, Достоевский, Ковригин, Ордынский – это была одна компания, как выразился г. Бахирев. Особенно тесные отношения были у него с последним: на квартире у Ордынского Достоевский иногда проводил целые дни за своей работой. О жизни Достоевского от Ладыниных полиция никаких сведений не отбирала. Припадки падучей болезни бывали у Достоевского часто, особенно по ночам, но продолжались недолго». К рассказчику, П. Л. Пальшину (сын хозяина дома), которому, как было сказано выше, было тогда 14-15 лет, Достоевский относился очень сердечно. Заметив, что мальчик недурно рисует, он предложил устроить его, при помощи брата, в Петербург, но отец П. Л. Пальшина не согласился. В деньгах Достоевский не нуждался: получал ежемесячно по 50 р. от брата.

У себя на квартире Достоевский не держался так сдержанно, как в казарме, и охотно рассказывал о своей прежней жизни. Особенно врезался П. Л. Пальшину рассказ Достоевского о том, как его с товарищами везли на казнь. Это был ужасный рассказ и, оканчивая его, Достоевский добавил, что он никому не поверит, будто можно идти на казнь с более или менее спокойным духом: сам он в те страшные часы ничего как следует не сознавал и очнулся лишь, когда им объявили помилование. По словам П. Л. Пальшина, Достоевский показал ему однажды хранившийся у него в сундуке белый саван, в котором он стоял на эшафоте... На свою тяжелую судьбу Достоевский никогда не жаловался и часто говорил, что Сибири ему все равно бы рано или поздно не миновать... [4]

Первые месяцы жизни Достоевского в Семипалатинске были скрашены знакомством с красивой сибирячкой Елизаветой Михайловной Неворотовой. Она рано осталась сиротой, и на её плечи легла забота о младших братьях и сёстрах. Чтобы как-то прокормить семью, девушка стала печь хлеб и продавать его с лотка на семипалатинском базаре. Там она и познакомилась

с Достоевским. Не имея знакомых в городе, вынужденный терпеть тяготы солдатчины, Достоевский разговорился с приветливой девушкой, а затем стал её постоянным покупателем. Вскоре между ними установились отношения, перешедшие в дружбу, скреплённую чувством, быть может, ещё более сильной сердечной привязанности». [3, с.201]

История взаимоотношений Достоевского и Неворотовой известна благодаря статье Н. В. Феоктистова, опубликованной во втором номере журнала «Сибирские огни» в 1928 году. [5]

Автор рассказывает, как состоялось его знакомство с Елизаветой Михайловной, о своих встречах с ней, об истории её знакомства с Достоевским, о том, как эта история началась и чем закончилась. Феоктистов узнал Е. М. Неворотову семидесяти-семидесятидвухлетней женщиной, молчаливой и набожной. «На пожелтевшем, сравнительно гладком лице, как-то осторожно прорезанном морщинами старости, живо выделялись большие карие глаза, не совсем ещё утратившие блеск далёкой молодости. На щеке сидела небольшая тёмная родинка, которая в молодости её обладательницы могла отлично сойти за удачно поставленную мушку. Всё в её внешности говорило за то, что в далёком прошлом Елизавета Михайловна была красивой, видной женщиной». Как дорогую реликвию хранила она пачку писем, полученных от Достоевского. Феоктистову якобы довелось держать в руках серую стопку исписанной бумаги, перевязанную «отцветшей от времени голубой ленточкой». И хотя Неворотова не позволила ему их прочесть, но на одном из писем Феоктистов сумел в словах «Милая Лизанька» узнать почерк Достоевского.

Неворотова говорила, что Фёдор Михайлович любил её, был очень вежливым и обходительным человеком. Больше от замкнутой и нелюдимой старухи добиться было ничего нельзя. Правда, она пообещала Феоктистову, что он получит письма Достоевского после её смерти, но жизнь распорядилась иначе. Как пишет Феоктистов в статье, письма погибли в годы гражданской войны в недрах учреждения под названием «Губтрамот». [3, с.204]

Как выясняется, не «Лизанька» искала общения с Достоевским, а сам он во всех письмах «признавался в любви Неворотовой и настойчиво искал её руки, предлагая свою жизнь в помощь воспитания её малолетних сестёр». Такой тон более «похож» на Достоевского – не велеречивые рассуждения, а вся жизнь, предложенная открыто и просто. [3, с.209]

В Семипалатинске на долю Достоевского выпали встречи с благородными людьми, оказывавшими писателю бескорыстную помощь в эти нелёгкие годы. Среди них можно назвать уже знакомого нам Александра Егоровича Врангеля – «стряпчего казённых и уголовных дел» Семипалатинска. [3, с.200]

В «Воспоминаниях» А. Е. Врангель описал обстоятельства знакомства с Ф. М. Достоевским следующим образом: «В Петербурге, живя до отъезда в Сибирь, я не был знаком с Ф. М. Достоевским, но хорошо знал его любимого брата Михаила. До моего отъезда я побывал у него; узнав, что я направляюсь в Семипалатинск, где уже находился сосланный туда Ф. М., он поручил мне передать брату письмо, немного белья, книги и 50 рублей денег. Судьбе было угодно ровно через пять лет после моего нахождения на Семёновском плацу свести меня теперь с ним, и уже на долгие годы. По дороге в Семипалатинск состоялась моя первая встреча с Ф. М. Достоевским.» [6, с.12-13]

В 1854 году в Семипалатинск прибыл из Петербурга новый окружной прокурор, барон Врангель. Он знал Достоевского по роману «Бедные люди» и привез ему посылку и письма. В своих «Воспоминаниях» он описывает первую встречу с писателем: «Войдя ко мне, Достоевский был крайне сдержан. Он был в солдатской шинели, с красным стоячим воротником и красными же погонами, угрюм, с болезненно-бледным лицом, покрытым веснушками; светло-русые волосы были коротко острижены, ростом он был выше среднего. Пристально оглядывая меня своими умными серо-синими глазами, казалось, он старался заглянуть мне в душу». Скоро они подружились: Достоевский все вечера проводил у Врангеля. «Часто, возвращаясь домой со службы, – вспоминает тот, – я заставал у себя Достоевского, пришедшего уже ранее меня или

с учения, или из полковой канцелярии, в которой он исполнял разные канцелярские работы. Расстегнув шинель, с чубуком во рту, он шагал по комнате, часто разговаривая сам с собой, так как в голове у него вечно рождалось нечто новое. Как сейчас вижу его в одну из таких минут: в то время он задумал писать «Дядюшкин сон» и «Село Стапанчиково».[2, с.129]

Иногда друзья отправлялись на рыбную ловлю, и Достоевский, лежа на траве, читал вслух «Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника» Аксакова. В теплые вечера они «растягивались на траве» и, лежа на спине, глядели на мириады звезд, мерцавших из синей глубины неба. «Созерцание величия Творца, неведомой, все могущей Божественной силы наводило на нас какое-то умиление, сознание нашего ничтожества, как то смиряло наш дух». Врангель писал своему отцу: «Судьба сблизила меня с редким человеком, как по сердечным, так и по умственным качествам: это наш юный несчастный писатель Достоевский. Ему я многим обязан, и его слова, советы и идеи на всю жизнь укрепят меня. С ним я занимаюсь ежедневно, и теперь мы будем переводить философию Гегеля и психику Каруса. Он человек весьма набожный, болезненный, но воли железной». В «Воспоминаниях» Врангель говорит подробнее о «набожности» своего друга: «О религии мы с Достоевским мало беседовали. Он был скорее набожный, но в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил. Говорил о Христе с восторгом...» [2, с.129-130]

Также в Семипалатинске Достоевский познакомился с чиновником особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа Александром Ивановичем Исаевым и его супругой Марией Дмитриевной. В августе 1855 года А. И. Исаев, переведённый в Кузнецк служащим «по корчемной части», умер, оставив на руках у жены малолетнего сына. Достоевский всячески пытается помочь Марии Дмитриевне, хлопочет за Пашу.

Он обращается в Омск к «благороднейшим людям»- инспектору классов И. В. Ждан-Пушкину, потом полковнику Я. А. Слуцкому и к жене коменданта крепости А. Л. де Граве с просьбой определить Пашу в Сибирский кадетский корпус. По возрасту Пашу не могли принять на учёбу, и Достоевский хлопотал о том, чтобы для мальчика сделали исключение.

Иван Викентьевич Ждан-Пушкин дал «тёплый доброжелательный ответ», Анна Андреевна де Граве, жена коменданта, хлопотала о назначении М. Д. Исаевой единовременного пособия по случаю смерти её мужа. После многих хлопот и переживаний дело завершилось успехом.

Вот как об этом сообщал Достоевский И. В. Ждан-Пушкину: «...его в Сибирский кадетский корпус, что очень хотелось бедной вдове, его матери, по смерти своего мужа пришедшей почти в отчаяние. Она подавала просьбы, писала письма, и вот решение вышло (благодаря заботливости доброго и благородного Якова Александровича Слуцкого) уже в то время, когда она, уже шесть месяцев как сделалась моей женою» (XXXVIII/1, 282).

Как видим, Яков Александрович Слуцкий без лишних слов энергично выполнял просьбы Достоевского. Надо сказать, что у него были для этого некоторые возможности. Рассказывая о нём в одном из писем родственникам своей молодой жены как о человеке, ходатайствовавшем за Пашу, Достоевский называет его «полковником, человеком семейным и значительным в Омске». [3, с.188-189]

6 февраля 1857 года Достоевский повенчался в Кузнецке с Марией Дмитриевной Исаевой. Брак продолжался семь лет; последние годы они жили врозь. Мария Дмитриевна умирала мучительно и долго от чахотки; Достоевский последние дни провел у ее постели; перед лицом смерти все тяжелое и мучительное было забыто и прощено; в душе осталась только жалость. И его слова о покойной дышат великодушием и любовью.

После смерти жены он писал Врангелю (31 марта 1865 года): «О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо... Мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее страстному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), но мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу». [2, с.134]

По воспоминаниям А. Е. Врангеля, Достоевский в Семипалатинске общался с Ч. Валихановым и высоко ценил его личность: «Из немногих посещавших нас последнее время лиц помню, между прочим, заехал проездом, чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса, внук последнего хана Средней орды Мухаммед-Ханафия Валиханов (имя Валиханова упоминается в последних письмах Достоевского ко мне). Он познакомился с Ф. М. Достоевским в Омске у Ивановых и очень полюбил его». [6, с.94-95]

Из глубины далекого прошлого извлекается на мгновение еще один образ из тех, которые запомнились Достоевскому на всю жизнь: казах Валиханов Чокан Чингисович (Достоевский называет его «Чеккан Чолканович»), известный этнограф, в 1858 году совершивший смелое путешествие в Кашгар, которое чуть не стоило ему жизни. Достоевский познакомился с ним, по всей вероятности, еще в Омске, где Валиханов по окончании в 1853 году Омского кадетского корпуса поступил младшим офицером в Сибирское линейное казачье войско. В 1856 году Валиханов был в Семипалатинске, и там они подружились. Человека с крайне сложной, изломанной психикой потянуло к простоте и ясности здоровой и цельной натуры, сохранившей нетронутым свой душевный строй и «достигшей образования европейского». Валиханову было тогда всего двадцать один год. Талантливый, остроумный, с пылкой фантазией, он пленял всех своим обаятельным простодушием, необычайной мягкостью сердца при крайне смелом и решительном характере. «Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам», – пишет ему Достоевский в письме от 14 декабря 1856 года.

Он называет его «дорогим, милым другом»; «судьба сделала вас превосходнейшим человеком, дав вам душу и сердце». [7, с.168]

В январе 1858 года писатель подал прошение об отставке и просил разрешения вернуться в Россию. Высочайший приказ об увольнении состоялся только в марте 1859 года. Ему не было позволено жить в столицах и местом жительства он выбрал Тверь. 2 июля он выехал из Семипалатинска.[2, с. 149]

И в таком же тоне пишет Достоевский о нем через три года, в письме к Врангелю от 31 октября 1859 года, когда Валиханов, по возвращении (в 1859 году) из кашгарского путешествия, очутился в Петербурге с целью поступить в университет: «Валиханов премилый и презамечательный человек Я его очень люблю и очень им интересуюсь». [7, с.168]

В 1860 году в Петербурге Валиханов вновь встретился со своим другом Ф. М. Достоевским, подружился с его семьей и близкими. [8, с.531]

Заметим, что в Валиханове произошла за эти пять лет, что они не виделись, большая перемена. Вот как об этом рассказывает один из первых его биографов, Н. М. Ядринцев: «Валиханов много обещал сделать по истории своего народа, им было собрано большое количество материалов по киргизской мифологии и устной поэзии, а также исторических преданий о прошедших временах киргизского ханства, о борьбе партий в киргизском народе перед потерей независимости»; его «остроумные комбинации фактов и планы будущих сочинений заставляли только желать, чтобы он скорее издал свои труды».

Но все это оказалось тщетным, «ожиданий, какие возлагали на него люди, коротко его знавшие», он не оправдал. Его погубила та военная среда в Омске и в Петербурге, в которой он вращался: «светский лоск, праздная гусарская жизнь, баклушество, кутежи душили в нем его самородные таланты». Н. М. Ядринцев говорит здесь о скверном влиянии на Валиханова некоторых членов из кружка Достоевского, в частности, Всеволода Крестовского, которому Валиханов «во время гусарских разговоров давал шутя темы для его испанских стихотворений, а сей поэт, питаясь крохами его остроумия, немедленно строчил свои романсы». [7, с.168-169]

Приятнейшим собеседником Валиханова делал дар слова, умение метко и образно выражаться. Так, неизгладимое впечатление произвела на Чокана встреча не только с Ф. М. Достоевским, но и его другом, борцом против царского самодержавия С. Ф. Дуровым; оба они, отбыв сроки каторжных работ и тюрьмы, находились под строгим надзором полиции.

О дружеском отношении Достоевского к Чокану Валиханову свидетельствует ряд писем, написанных в разное время. Во всех письмах Ф. М. Достоевский, как старший брат и друг, давал полезные советы Чокану, призывал его служить родному народу.

В 1853 году Чокан после окончания кадетского корпуса направляется на службу в Сибирское казачье войско. Вскоре его способности обратили на себя внимание генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта и в 1854 году Чокан был назначен к нему адъютантом. Новая должность непосредственно столкнула его с чиновничьим аппаратом Сибири, среди которого были разные люди из столицы, Центральной России и всех ее окраин- Финляндии, царства Польского, Крыма, Кавказа, приехавшие сюда в поисках карьеры, поправления финансов, или замешанные в какой-либо истории. Демократические взгляды писателя постепенно отталкивали от него ставленников царизма и на протяжении всей жизни он постоянно ощущал с их стороны недружелюбие и интриги.

Беззаконие властей вызвало справедливый гнев в Чокане Валиханове, которому были близки чаяния угнетенного народа, а его письма к друзьям – Ф. М. Достоевскому, А. Г. Майкову, В. С. Курочкину, К. К. Гутковскому свидетельствуют о постоянной непримиримости к ним. [8, с.529]

Таким образом, рассмотрение круга общения Ф. М. Достоевского в семипалатинский период позволяет выявить значимость межличностных связей в формировании его жизненного и мировоззренческого опыта. Отношения с Е. М. Неворотовой, А. Е. Врангелем, Ч. Ч. Валихановым и семьей Исаевых оказало влияние на личную судьбу писателя, включая важные биографические события. Считаем, что изучение данного окружения способствует более глубокому осмыслению одного из важных этапов его биографии.

Литература

1. Артық білім кітапта: каталог редких изданий библиотеки имени Абая / сост. Еспенбетов А. С. и др. – Нұр Султан; Семей: Фолиант; Областная универсальная библиотека им. Абая, 2020. – 252 с. – URL: https://semeylib.kz/wp-content/uploads/2025/07/Каталог-Абай-элемі_06.01.21..pdf
2. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. – Париж: YMCA-Press, 1947. – 561 с. – URL: <https://servekdost.imli.ru/files/attachment/2135.pdf> (дата обращения: 18.03.2026).
3. Вайнерман В. С. Поручаю себя вашей доброй памяти: Ф. М. Достоевский / В. С. Вайнерман. – [Электронный ресурс] - Режим доступа: file:///C:/Users/peln9/Downloads/vainerman_vs_poruchaiu_sebia_vashei_dobroi_pamiati_fm_dostoe.pdf, дата обращения: 18.03.2026.
4. Яковлев Н. Заметка о жизни Достоевского в Семипалатинске // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Заметка_о_жизни_Достоевского_в_Семипалатинске_\(Яковлев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Заметка_о_жизни_Достоевского_в_Семипалатинске_(Яковлев)) (дата обращения: 19.03.2026).
5. Феоктистов Н. В. Пропавшие письма Фёдора М. Достоевского // Сибирские огни. – 1928. – № 2. – С. 119-125.
6. Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири (1854–1856 гг.). – СПб., 1912. – 221 с.
7. Аркадий Семёнович Долинин. Последние романы Достоевского: как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». – Москва–Ленинград: Советский писатель, 1963. – 342 с.
8. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 томах. Т. 3 : Казахстан в новое время / ред. К. С. Алдажуманов. – Алматы: Атамұра, 2010. – 768 с. : ил., карты. – ISBN 978-601-282-025-6.

СЕКЦИЯ 4: ДОСТОЕВСКИЙ И ПРАВОСЛАВИЕ.

Э. Р. Вистерман
Кемерово, Россия

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КНИГИ

THE THORNYPATH OF THE BOOK

Сибирские города Тобольск и Новокузнецк объединяет память о великом русском человеке, мыслителе, писателе мирового масштаба Федоре Михайловиче Достоевском.

В Тобольске он в январе 1850 года ожидал своей дальнейшей участи в каторжной пересылке. Здесь, перед отправкой в Омский острог, от жен декабристов Натальи Фонвизиной, Прасковьи Анненковой и Жозефины Муравьевой Достоевский получил Евангелие, которое стало его единственным чтением на четыре года каторги и незаменимым источником вдохновения на всю последующую творческую жизнь.

В Кузнецке (ныне – город Новокузнецк Кемеровской области) 6 февраля 1857 года в храме в честь святой иконы Божией Матери «Одигитрия» Федор Михайлович венчался с Марией Дмитриевной Исаевой. В этом городе на улице Большой в доме портного Дмитриева супруги Достоевские после венчания провели несколько, может быть, самых счастливых дней своей жизни.

В 2017 году Тюменским региональным общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» совместно с отделом рукописей Российской государственной библиотеки осуществлен уникальный проект – трехтомное факсимильное издание «Евангелия Достоевского», с которым Федор Михайлович не расставался со дня его получения в Тобольске и до самой смерти своей.

25 ноября 2021 года в Москве, в Доме Пашкова – в Румянцевском зале Российской государственной библиотеки, в рамках празднования юбилея Фёдора Михайловича Достоевского, председатель президиума и основатель фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Григорьевич Елфимов представил новое значительное издание фонда – факсимильное собрание трёх писем Фёдора Михайловича Достоевского из Сибири, объединённых названием «Перерождение моих убеждений».

Издание подготовлено под научной редакцией заведующего отделом рукописей Российской государственной библиотеки Виктора Фёдоровича Молчанова и заместителя заведующего Евгении Эдуардовны Вишневецкой на основе писем Достоевского, отправленных из сибирской ссылки: к брату Михаилу, Наталье Дмитриевне Фонвизиной и другу-поэту Аполлону Николаевичу Майкову.

В 2021 году в ознаменование двухсотлетнего юбилея писателя в Новокузнецке состоялись первые награждения орденом «Звезда Достоевского». Первыми кавалерами ордена стали ветеран Великой Отечественной Войны почетный гражданин Новокузнецка и почетный член Союза писателей Кузбасса Иван Иванович Рогинцев и *ветеран-труженик тыла Великой Отечественной войны*, ученый-литературовед, автор многих книг и публикаций о Федоре Михайловиче Достоевском, известный писатель, журналист, профессор филологии Николай Иванович Якушин.

В том же 2021 году по решению Международной наградной коллегии ордена «Звезда Достоевского» за значительный вклад в изучение и популяризацию творчества великого русского писателя, а также в российскую культуру, литературу и искусство почетными наградами были отмечены создатели выпущенных фондом «Возрождение Тобольска» эталонных изданий «Евангелие Достоевского» и «Перерождение моих убеждений».

Заслуженные ордена были вручены художнику книги, графику, профессору факультета графического искусства Московского государственного университета печати Василию Евгеньевичу Валериусу, специалисту по исторической поэтике, текстологии, президенту Между-

народного Общества Ф.М. Достоевского Владимиру Николаевичу Захарову, председателю президиума и основателю фонда «Возрождение Тобольска» Аркадию Григорьевичу Елфимову.

В следующем 2022 году международным орденом «Звезда Достоевского» был награжден омский предприниматель, общественный деятель, руководитель группы компаний «Трамплин» Святослав Николаевич Капустин – меценат и благодетель, без чьего деятельного участия и значительной бескорыстной помощи было бы невозможным осуществление столь трудоемких и дорогостоящих изданий как «Евангелие Достоевского» и других просветительских проектов всероссийской важности.

О плодотворном взаимодействии с Тюменским региональным общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» мы поговорили с руководителем международного проекта «Звезда Достоевского» Эдуардом Робертовичем Вистерманом.

- Эдуард Робертович, как давно вы сотрудничаете с фондом «Возрождение Тобольска», с чего началось ваше знакомство, что ценного и исключительного по значению вы находите в деятельности фонда, в чем сейчас заключается ваша совместная работа?

- Впервые об Аркадии Григорьевиче Елфимове и его фонде «Возрождение Тобольска» я узнал около 15 лет назад, когда работал над проектом «Достоевский в Сибири» и исследовал маршрут пути Федора Михайловича из Семипалатинска в Кузнецк для последующей маркировки этого маршрута памятными стелами в форме копий «верстовых пирамид».

В то время в Кемеровское региональное отделение Союза писателей России стали поступать тома альманаха «Тобольск и вся Сибирь» и другие книги, издаваемые фондом «Возрождение Тобольска». Помню, в одной из книг альманаха меня очень заинтересовала статья о выдающемся человеке своего времени – энциклопедисте Сибири, картографе, строителе, историке, художнике и писателе Семене Ульяновиче Ремезове.

Затем мне в руки попала изданная фондом «Возрождение Тобольска» его «Хорографическая чертежная книга Сибири 1697 – 1711 гг.»

Удивительно, что путь, по которому Достоевский трижды путешествовал из Семипалатинска в Кузнецк в период с 1856 по 1857 годы, у нас совершенно был не изучен. Ответить на интересующие меня вопросы об этой странице жизни Федора Михайловича не могли и специалисты Новокузнецкого литературно-мемориального музея его имени.

Для определения маршрута я три года штудировал переписку Достоевского, мемуары барона Александра Егоровича Врангеля «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854-1856 гг.» и другую литературу. В работе мне также помогла «Хорографическая чертежная книга Сибири» Семена Ремезова, где отмечено и село Монастырское, ставшее в последствие городом Прокопьевском, и протекающая через него речка Абушка, впадающая в Томь.

Мне это особенно дорого, так как Прокопьевск – мой родной город, я вырос в его историческом центре на улице Прокопьевской. А проведенные исследования привели меня к выводу о том, что Федор Михайлович как минимум во время одной из своих поездок на свидание с любимой женщиной точно проезжал рядом с местом, где спустя сто лет мне суждено было родиться.

Кстати, с Аркадием Григорьевичем Елфимовым, нас сближает ещё и дата рождения. Я, как и он, родился 23 апреля, только Елфимов на несколько лет постарше меня.

Но главным образом, конечно же, нас роднит любовь к русской культуре, к русскому слову, к истории России.

Узнав полнее о работе фонда «Возрождение Тобольска» и познакомившись лично с Аркадием Григорьевичем, я был поражен колоссальным объемом просветительской работы, которую выполняет фонд под его началом.

Деятельность фонда Елфимова я бы сравнил с работой Министерства культуры. Но боюсь, что сравнение будет не точным, поскольку, на мой взгляд, проекты фонда «Возрождение Тобольска» по своей государственной значимости стоят на порядок выше некоторых министерских инициатив. А главное, работа общественного благотворительного фонда замет-

но продуктивнее, ведь ведется эта работа с душой, с искренним желанием помочь своей стране, своему народу не опуститься до звания «Иванов, не помнящих родства», но духовно расти, развиваться, беря пример с лучших людей прошлого и настоящего России.

Хочется ещё добавить, что все грандиозные проекты фонда воплощаются в жизнь не за счет средств из госбюджета, а за счет добровольных пожертвований людей с отзывчивым сердцем – истинных патриотов, меценатов, попечителей, которые, несомненно, достойны самых высоких наград.

Большую помощь фонду «Возрождение Тобольска» оказывает генеральный директор компании «Югсон-сервис» Анатолий Михайлович Киреев, известный российский предприниматель, почётный работник нефтяной и газовой промышленности Тюменской области, награжденный многими правительственными наградами, в том числе орденом «За заслуги перед отечеством» и почетной грамотой Президента Российской Федерации.

Также много делает для поддержки просветительских программ фонда Денис Григорьевич Кайгородов, руководитель Общества с ограниченной ответственностью «Органиус», занимающегося научными исследованиями и разработками в области биотехнологий.

Аркадий Григорьевич о нем очень хорошо отзывается и говорит, что на таких русских людей, как Денис Кайгородов должна равняться молодежь. Денис Григорьевич – глава многодетной семьи, староста православного храма, человек глубоко верующий, заботящийся о сохранении наших традиционных ценностей.

Как попечители фонда «Возрождение Тобольска» Анатолий Михайлович Киреев и Денис Григорьевич Кайгородов отмечены почетными наградами, утвержденными фондом. Кроме того, за существенный вклад в развитие русской культуры и литературного процесса, они оба награждены Пушкинскими медалями Союза писателей России.

С года основания, уже более тридцати лет с общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» сотрудничает Юрий Геннадьевич Ронжин, член президиума фонда, генеральный директор компании «Югор», один из попечителей ещё одного проекта всероссийского масштаба – учрежденной фондом Премии имени великого путешественника современности Фёдора Филипповича Конюхова.

Кстати, уникальные фонари производства компании Юрия Ронжина украшают сейчас набережную Москвы-реки.

Нельзя не упомянуть и о выдающемся общественном деятеле Юрии Константиновиче Шафранике, который является главой попечительского совета фонда «Возрождение Тобольска».

Уроженец Ишимского района Тюменской области, Юрий Константинович прошел путь от слесаря-механика на Самотлорском нефтяном месторождении до министра топлива и энергетики России, был главой Тюменского региона, основал международную группу компаний «СоюзНефтеГаз». Сейчас он является председателем Совета «Союза нефтегазо-промышленников России».

Фонд «Возрождение Тобольска» многим обязан его попечительской заботе и, конечно, обширным связям в бизнес-кругах. Достаточно сказать, что только первый тираж «Евангелия Достоевского» стоил фонду около 20 миллионов рублей. Без помощи Юрия Шафраника реализация такого дорогого проекта была бы не возможна.

Важно отметить, что «Возрождение Тобольска» – именно благотворительный фонд. Все издаваемые им книги, не продаются, а приносятся в безвозмездный дар библиотекам страны: областным, городским, школьным. Истинно бесценный дар!

«Люди, люди – самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделяются» – сказал в своем «Дневнике писателя» Федор Михайлович Достоевский.

Этой простой и гениальной мыслью, видимо, руководствуется и Аркадий Елфимов. Пожалуй, одна из важнейших его заслуг в том, что он умеет объединять вокруг себя и своего дела людей неравнодушных к судьбе Отечества, людей умнейших, талантливых, благородных. Он уже создал и продолжает постоянно и настойчиво расширять круг верных единомышленников, настоящих подвижников, стремящихся к сохранению и развитию российской культуры. Елфимов – словно костровой, самим Богом поставленный хранить священный огонь, дарующий душевное тепло и свет.

Парадоксально звучит, но в России настоящие таланты проявляются и вызревают, как правило, не благодаря созданным государством благотворным условиям развития, а, наоборот – вопреки сложившимся суровым обстоятельствам, вынужденно преодолевая всевозможные препоны.

Однажды в Санкт-Петербурге на конгрессе международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы мне довелось беседовать с профессором из Испании. В разговоре я посетовал на то, что у нас в России очаги культуры в основном расположены в европейской части страны. Чем дальше за Урал – тем культурные проекты всё больше затухают. Мой родной Кузбасс в этом отношении вообще представляется мне иногда «черной дырой».

Испанский коллега в ответ рассказал мне следующую притчу. Просматривая фотоснимки ночной Испании из космоса, ученые обратили внимание на то, что в северо-западных провинциях по ночам совсем мало света, в то же время в других местах ночная жизнь просто кипит и бьет ключом. Ученые задались вопросом, почему так происходит. А потом вспомнили, что именно в «темных» провинциях в средние века чаще всего пылали костры инквизиции. Семь веков прошло с тех страшных времен, а люди как будто до сих пор боятся яркого огня в ночи.

Возвращаясь домой и думая над этим рассказом, я вспоминал о том, что в середине двадцатого века Кузбасс был чемпионом СССР со знаком «минус» по количеству зон и лагерей для разных категорий осужденных, большинство из которых были незаконно репрессированы. Многие тысячи невинных людей погибли и были наспех захоронены в кузбасской земле. До сего времени ещё в некоторых поселках собаки иной раз откапывают и растаскивают пробитые черепа.

Кемеровский ученый-археолог, профессор культурологии и командор ордена «Звезда Достоевского» Анатолий Михайлович Кулемзин рассказывал мне, как он, работая в Мариинском районе, лет пять назад встретил одного рыбака, использовавшего человеческую берцовую кость в качестве подставки под удище. На вопрос, не совестно ли ему так относиться к человеческим останкам, товарищ невозмутимо ответил: – «Они же все равно «враги народа» были...»

Вот к чему привела долгое время культивируемая в нашей стране идеология атеизма. «Если Бога нет, то всё дозволено» – пророчески писал Достоевский.

Я уверен, что настоящего успеха в жизни может добиться только человек верующий. Без истинной веры самое высококлассное образование делает человека лишь роботом, а не творцом.

Все великие деятели науки и искусства были людьми глубоко верующими. Альберт Эйнштейн, например, говорил, что он изучает законы вселенной, чтобы понять, как Господь создал столь удивительный мир.

Мне часто доводится общаться с выдающимися исследователями из различных научных сфер, и все они, как ни удивительно, отличаются искренней религиозностью и богатым внутренним миром.

Аркадий Григорьевич Елфимов относится к людям, для которых вера и духовные ценности – основа любого дела. Без этого внутреннего стержня, даже будучи блестящим организатором, он не смог бы достичь успеха. Я вижу, что за каждым его начинанием стоит стремление к благу, просвещению и духовному росту, и именно это помогает ему преодолевать любые трудности.

Сегодня Фонд «Возрождение Тобольска» выступает в качестве привилегированного партнёра проекта «Звезда Достоевского». Наше сотрудничество направлено на активную популяризацию и распространение русской культуры по всему миру. Уникальные книжные издания, предоставляемые Аркадием Григорьевичем Елфимовым, становятся достоянием мировой общественности, неся свет отечественной мысли и духовного наследия. Это, несомненно, способствует укреплению межгосударственного диалога и утверждению высокого культурного авторитета России на международной арене.

Ярким подтверждением плодотворности нашего взаимодействия служит тот факт, что наиболее представительной группой среди удостоенных ордена «Звезда Достоевского» являются люди, чья деятельность неразрывно связана с фондом «Возрождение Тобольска». Это красноречиво свидетельствует о близости целей и ценностей, объединяющих наши организации.

По решению Международной наградной коллегии были награждены и специалисты, работавшие над проектом «Евангелие Достоевского».

Факсимильные издания «Евангелия Достоевского» и трех его писем из Сибири, в которых Федор Михайлович изложил историю своего духовного перерождения, - важнейшие вехи в просветительской работе фонда «Возрождение Тобольска». Какой огромный сосредоточенный труд был проделан для реализации этих проектов! Настоящие шедевры смогли создать специалисты, объединенные идеей Аркадия Елфимова!

При изучении «Евангелия Достоевского» создано целое новое научное направление – оптико-электронная текстология. С помощью этого метода в оригинале книги были обнаружены и исследованы 1426 пометок, сделанных рукой Достоевского. Все они подробно описаны в двух полутомах, прилагаемых к основному тому самого Евангелия. Подготовка издания шла около двадцати лет, изучен был каждый миллиметр книги.

Особого внимания заслуживает поражающее своей выразительностью и метафоричностью художественное оформление трёхтомного собрания, выполненное выдающимся художником и книжным графиком Василием Евгеньевичем Валериусом. Евангелие и приложения к нему заключены в деревянный короб в виде тюремного каземата.

Это символическое решение подчеркивает трудный путь, пройденный начинающим писателем, участником кружка петрашевцев, – через жуткие душевные муки и физические страдания, восемь месяцев заключения в Петропавловской крепости, приготовление к смерти, инсценировку расстрела, четыре года каторги и последующую унижительную солдатчину – до мыслителя и философа, ставшего классиком мировой литературы.

Как когда-то именно в тюремном каземате Федор Михайлович впервые по-настоящему открыл для себя Евангелие, так и мы сегодня имеем возможность открыть стилизованный под тюремный каземат футляр работы Василия Валериуса и прикоснуться к священным страницам точной копии того самого тома первого русского перевода Евангелия, переданного женами декабристов в Тобольске узнику Достоевскому.

Примечательно, что один из экземпляров этого уникального высокоценного издания Аркадий Григорьевич Елфимов подарил библиотеке старейшего учебного заведения города Новокузнецка – гимназии имени Ф. М. Достоевского, тем самым еще раз указывая на важность духовного воспитания подрастающего поколения.

В знак моральной поддержки жителей Донбасса и надежды на возвращение мирной жизни «Евангелие Достоевского» было бескорыстно передано в многострадальный город Горловку. Этот жест стал символом духовной близости и сопричастности к судьбе героического города, который, несмотря на все испытания, продолжает жить и верить в неодолимую силу добра.

16 марта текущего года очередной экземпляр «Евангелия Достоевского», предоставленный нашей организации фондом «Возрождение Тобольска», мы преподнесли в дар Митрополиту Кемеровскому и Прокопьевскому Аристарху. Владыка Аристарх высоко оценил подарок, просил

передать Аркадию Григорьевичу Елфимову и всем, кто работал над этой книгой, свою личную благодарность и низкий поклон, сказал, что будет молиться за их здоровье и процветание.

Творческий коллектив проекта «Евангелие Достоевского» еще в 2019 году был отмечен достойными наградами Издательского совета Русской Православной Церкви: медалями «Ивана Федорова» и «Преподобного Епифания Премудрого». Награды вручались участникам проекта в главном кафедральном соборе Русской православной церкви в Москве – Храме Христа Спасителя.

Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» передал в дар Русской православной церкви двадцать экземпляров «Евангелия Достоевского» для распространения их в епархиях, православных академиях и семинариях.

Сейчас представители Церкви – председатель Издательского совета РПЦ митрополит Климент и его помощники, отец Макарий и другие, по этой книге проводят лекции и семинары по всей России, используя издание фонда «Возрождение Тобольска» как ценное учебное пособие.

Издание вдохновило командора ордена «Звезда Достоевского» митрополита Илариона (Алфеева) на написание одноименной монографии, в которой христианское мировоззрение Федора Михайловича рассматривается на фоне его биографии и на основе нескольких романов.

Свою работу митрополит Иларион прислал Аркадию Елфимову с дарственной надписью и как раз подчеркнул, что его книга появилась на свет во многом благодаря именно Тобольскому эталонному изданию «Евангелия Достоевского».

С 11 по 13 июля 2025 года в Калужской области проходил IV Духовно-просветительский форум «Дни Достоевского в Оптиной пустыни». Наша организация «Звезда Достоевского» отвечала за научную часть форума. Со мной приехали двадцать три специалиста, в том числе девять человек из зарубежных стран, которые выступали с лекциями и докладами по творчеству Федора Михайловича.

На форуме я встретился с коллегой из Казахстана – директором Семипалатинского дома-музея Достоевского Ириной Анатольевной Соловьевой. Она очень хотела приобрести для своего учреждения выпущенное в Тобольске «Евангелие Достоевского».

Ирина Анатольевна указывала на то, что в мире существует восемь музеев, посвященных литературному таланту Федора Михайловича, и только два из них находятся за пределами России: один в Беларуси, другой – в казахстанском Семипалатинске (сейчас Семей), а вот «Евангелия Достоевского» у них нет.

Издание это очень дорогостоящее, тираж был всего 100 экземпляров. Но я не мог отказать в помощи и, с благословения Аркадия Григорьевича Елфимова, передал в Семипалатинск свой личный экземпляр, взамен которого Аркадий Григорьевич мне потом выслал другой, более компактный вариант издания.

Ирина Анатольевна Соловьева и весь коллектив музейных работников были очень признательны Аркадию Григорьевичу Елфимову, составили благодарственное письмо в его адрес, отметив большую научную и художественную ценность полученного дара и серьезный вклад Аркадия Григорьевича и возглавляемого им фонда «Возрождение Тобольска» в популяризацию творчества великого русского писателя.

Теперь этот книгоиздательский шедевр является одним из центральных экспонатов Семипалатинского литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского.

Музей был награжден орденом «Звезда Достоевского» как юридическое лицо, и каждый его сотрудник получил право одеть орден и сфотографироваться на память. Сама же награда выставлена на почетном месте в постоянно действующей экспозиции.

Как мне известно, все посвященные творчеству и жизни Федора Михайловича Достоевского российские музеи Аркадий Елфимов посетил лично и передал в им дар свое издание «Евангелия Достоевского». Был он и Белорусском литературно-краеведческом музее в деревне ДостоевоИвановского района Брестской области.

Достоево считается колыбелью фамилии Достоевских. В 1506 году пинский князь Фёдор Иванович из рода Ярославичей пожаловал имение близ деревни боярину Даниле Ртищеву, от названия имения и произошла фамилия писателя.

Минувшей осенью в Москве во время торжественной встречи с представителями Индийского посольства «Евангелие Достоевского», созданное усилиями Аркадия Елфимова и его команды, мною было вручено чрезвычайному и полномочному послу Индии в России господину Винай Кумару.

Другой изданный благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» книгоиздательский артефакт, созданный художником Юрием Ноздриным и дизайнером Иваном Лукьяновым живописно-графический альбом с Пушкинским текстом «Моцарта и Сальери», был подарен доценту Центра русских исследований в Университете имени Джавахарлала Неру Сону Саини, являющемуся также основателем и председателем Союза переводчиков-русистов Индии.

Памятные моменты передачи дорогих книг нашим индийским друзьям были запечатлены на фотоснимках, которые я переслал Аркадию Григорьевичу Елфимову.

Затем я собирался лететь в Индию и высказал Аркадию Григорьевичу свою мысль о том, что было бы символично преподнести аналогичный подарок чрезвычайному и полномочному послу Российской Федерации в Республике Индия. Аркадий Григорьевич поддержал идею и передал мне ещё три экземпляра «Евангелия Достоевского».

В Индию мы поехали вместе с почетным президентом Международной наградной коллегии ордена «Звезда Достоевского» праправнуком писателя Алексеем Дмитриевичем Достоевским. Вместе с ним мы вручили «Евангелие» нашему послу Денису Евгеньевичу Алипову. Кроме посла книги получили директор Центра Российской культуры Елена Сергеевна Ремезова и госпожа Киран Сингх – заведующая Центром российских исследований Университета имени Джавахарлала Неру.

Хочется сказать, что индийский народ с большим вниманием и любовью относится к российской культуре. Я лично был свидетелем того, как во время ярмарки, посвященной русской литературе, индийцы, отстояв в длинных очередях, буквально сумками уносили произведения наших классиков.

В Индии действуют пять центров, связанных с русской культурой, которые работают при поддержке Россотрудничества и российских образовательных учреждений. Среди них – Русский дом в Нью-Дели, центры в Мумбаи, Калькутте, Ченнаи и Университете Гуджарата. А вот у нас в России центров индийской культуры только два – в Москве и Санкт-Петербурге.

Как будто мы боимся влияния чужой культуры, другой религии. Индийцы вот не боятся преподавать в своих вузах русскую классическую литературу, с огромным интересом изучают творчество православного писателя Достоевского. При общении с индийскими коллегами мне иногда кажется даже, что русская культура им ближе, чем нам, россиянам.

В свое время меня поразило, что российское общество Достоевского было образовано и включилось в работу только в начале 1990-х годов.

А первое общество Достоевского было создано не в России, а в Японии. Его организовал в 1969 году Тоёфуса Киносита – профессор Государственного университета Тиба, уже в наше время ставший почетным командором ордена «Звезда Достоевского».

В 1971 году западными славистами, в том числе русскими учеными из числа эмигрантов, на учредительном симпозиуме в Бад-Эмсе в Германии создано Международное Общество Достоевского, которое теперь имеет представительства во многих странах мира.

Каждые три года Обществом проводятся международные симпозиумы, посвященные определенной главной теме. Очередной такой симпозиум пройдет в столице Аргентины Буэнос-Айресе в 2026 году.

В Буэнос-Айресе живет большой друг нашей страны Алехандро Ариэль Гонсалес – аргентинский переводчик и исследователь русской литературы, член Совета директоров

Международного общества Достоевского, президент Аргентинского общества Достоевского, главный редактор онлайн-журнала славянских исследований «Eslavia».

Мне бы очень хотелось поехать на предстоящий симпозиум вместе с Аркадием Григорьевичем Елфимовым и познакомить его с Алехандро Гонсалесом. Уверен, они сразу нашли бы общий язык: оба – люди одного высокого уровня, целиком посвятившие себя сохранению и развитию культуры и нравственности.

Ещё один человек, встречу которого с Аркадием Елфимовым я просто обязан организовать – это Ратиш Наир, почетный консул Российской Федерации в Республике Индия, директор Русского культурного центра в Тривандруме. Своей деятельностью он вносит большой вклад в популяризацию русской культуры, языка и укрепление связей между Россией и Индией.

Ратиш Наир – единственный иностранец, возглавляющий Русский культурный центр в Индии. Он прекрасно владеет русским языком. Помимо организации работы культурного центра Ратиш переводит стихи с русского на малайялам – язык, на котором говорят коренные жители юго-западной Индии. Он автор книги о советской школьнице, жительнице Блокадного Ленинграда Тане Савичевой, написанной им на языке малаям. По его ходатайствам одна из улиц города Кожикоде в индийском штате Керала была переименована в улицу Афанасия Никитина.

В 2024 году Ратиш Наир совершил путешествие по маршруту Афанасия Никитина, приуроченное к 555-летию знаменитого «Хождения за три моря». В ходе поездки он посетил многие русские города, упомянутые в книге.

Поражаясь искренней любви Ратиша Наира к русскому миру, его неумной энергии и целеустремлённости, я часто сравниваю его с основателем общественного фонда «Возрождение Тобольска» и называю «индийским Елфимовым».

Международной наградной коллегией Ратиш Наир представлен к ордену «Звезда Достоевского». Он пожелал получить награду в России, на родине почитаемого им писателя. Ждем дорогого гостя в мае этого года в Кемерово, готовим культурную программу.

На встречу я пригласил и Аркадия Григорьевича, чтобы познакомить его с «индийским Елфимовым». Несомненно, их знакомство перерастет в долгую крепкую дружбу и продуктивное деловое сотрудничество.

В заключение хотел бы напомнить, что Евангелие, ставшее для Федора Михайловича Достоевского главной книгой жизни, как и сам писатель, прошло такой же сложный, тернистый путь.

Экземпляр, подаренный Достоевскому в Тобольске Натальей Фонвизиной, представлял собой первое издание русского перевода Нового Завета, сделанного под руководством протоиерея Герасима Павского и под общим наблюдением архиепископа Филарета (Дроздова), впоследствии митрополита Московского и Коломенского.

Перевод увидел свет в царствование императора Александра I, за два года до восстания декабристов, в 1823 году. До появления этого перевода Евангелие можно было читать только на церковнославянском языке, образованное же сословие, включая самого Императора, читало его по-французски.

При непосредственном участии графа Аракчеева в 1826 году деятельность Российского Библейского Общества была прекращена по доносу митрополита Серафима, обвинявшего Общество в связях с мистическими лжеучениями.

После запрета «русской Библии» и приостановки деятельности Российского библейского общества большая часть тиража книги была уничтожена. Лишь в 1858 году Император Александр II разрешил перевод и печатание Священного Писания на русском языке.

Оставшиеся экземпляры издания 1823 года распространялись только среди заключенных и ссыльных. Один из таких экземпляров достался и Федору Михайловичу – это была единственная книга, которой он имел право пользоваться в каторжном остроге. Теперь его бесценный том

как величайший раритет хранится в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве. Доступ к оригиналу имеют только избранные люди ограниченного круга ученых.

И вот, наконец, Книга обрела новую жизнь, став достоянием широкой общественности, за что все мы, неравнодушные к родной культуре и истории, должны высказать слова благодарности и пожелать добра и долголетия самому Аркадию Елфимову и всем, кто трудился над этим проектом.

И. А. Соловьёва
Семей, Казахстан

**«ИКОНЫ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОГО МИРА
ФЁДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО»**

**«ICONS FROM THE MUSEUM COLLECTION IN THE CONTEXT OF THE SPIRITUAL
WORLD OF FYODOR MIKHAILOVICH DOSTOEVSKY»**

Аннотация. В данной статье рассматривается собрание икон из фондов «Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского» в городе Семей как важная часть духовно-культурного контекста, связанного с жизнью и творчеством писателя. Представленные образы – от наиболее ценных памятников до произведений народного благочестия – раскрывают особенности православной традиции и её влияние на формирование мировоззрения человека XIX века.

В качестве исследовательской задачи в статье предпринята попытка проанализировать и обобщить значение икон как носителей духовного опыта, а также выявить их связь с художественным и философским миром Достоевского. Особое внимание уделяется интерпретации иконографических сюжетов в сопоставлении с ключевыми темами его творчества – верой, страданием, покаянием и внутренним преображением личности.

Статья рекомендована студентам, научным сотрудникам, а также исследователям, изучающим творчество Достоевского, историю православной культуры и роль религиозных образов в формировании художественного мышления.

Annotation. This article examines the collection of icons from the holdings of the Literary – Memorial Museum of F. M. Dostoevsky in the city of Semey as an important part of the spiritual and cultural context associated with the life and work of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. The presented images – from the most valuable artifacts to examples of popular piety – reveal the distinctive features of the Orthodox tradition and its influence on the formation of the nineteenth – century worldview.

As a research objective, the article attempts to analyze and synthesize the significance of icons as carriers of spiritual experience, as well as to identify their connection with Dostoevsky's artistic and philosophical world. Particular attention is given to the interpretation of iconographic subjects in comparison with the key themes of his творчество – faith, suffering, repentance, and the inner transformation of the individual.

The article is recommended for students, researchers, and scholars studying Dostoevsky's work, the history of Orthodox culture, and the role of religious imagery in shaping artistic thought.

Ключевые слова: Фёдор Михайлович Достоевский, иконы, Владимирская икона Божией Матери, Смоленская икона Божией Матери, Казанская икона Божией Матери, «Неупиваемая Чаша», Спас Вседержитель, Святитель Николай Чудотворец, Святой Пантелеймон-целитель, Серафим Саровский, Святomученица Валентина, Симеон Верхотурский, православная культура, духовный мир, иконография, народное благочестие, музейные фонды, Литературно-мемориальный музей г. Семей, вера, покаяние, страдание, духовное возрождение.

Key words: Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, icons, Our Lady of Vladimir Icon, the Smolensk Icon of the Mother of God, Our Lady of Kazan Icon, «The Inexhaustible Chalice», Christ Pantocrator, Saint Nicholas the Wonderworker, Saint Panteleimon the Healer, Saint Seraphim of Sarov, the Holy Martyr Valentina, Simeon of Verkhoturye, Orthodox culture, spiritual world, iconography, popular piety, museum collections, the Literary-Memorial Museum of Semey, faith, repentance, suffering, spiritual rebirth.

В духовном наследии Фёдор Михайлович Достоевский занимает особое место не только как великий художник слова, но и как мыслитель, чьё творчество пронизано напряжённым религиозным поиском, размышлениями о вере, страдании и спасении. Его произведения раскрывают глубины человеческой души, обращённой к Богу, и свидетельствуют о внутренней борьбе между отчаянием и надеждой, грехом и покаянием, разрушением и духовным возрождением.

В этом контексте особую значимость приобретают иконы, хранящиеся в фондах музея. Они являются не только памятниками церковного искусства, но и носителями живой духовной традиции, в которой формировалось мировоззрение писателя. Икона в православной культуре – это не просто изображение, а окно в иной, преображённый мир, где человек вступает в диалог с вечностью. Именно такое понимание священного образа находит отражение в художественном и философском пространстве Достоевского.

Обращение к музейному собранию икон позволяет глубже осмыслить духовные истоки творчества писателя и выявить переключки между визуальной традицией православия и его литературным миром. Через сопоставление иконографических образов и ключевых мотивов произведений Достоевского открывается возможность увидеть, как религиозный символ становится частью художественного мышления, а духовный опыт – основой эстетического и нравственного поиска.

Наиболее ценной иконой, хранящейся в фондах музея Фёдора Михайловича Достоевского, по праву считается список с Владимирской иконы Божией Матери, датируемый началом XIX века. Эта небольшая по размеру комнатная икона, предназначенная для личной молитвы, воплощает в себе особую глубину православной духовной традиции, в которой формировался внутренний мир писателя.

Образ Богородицы с Младенцем отличается редкой эмоциональной выразительностью: прильнувший к Матери Христос и её тихий, сосредоточенный взгляд передают не только материнскую любовь, но и предчувствие грядущих страданий. Эта внутренняя драматургия образа созвучна художественному миру Достоевского, где любовь неизменно сопряжена с жертвой, а сострадание становится высшей формой духовного бытия. В его произведениях – будь то образы Сони Мармеладовой или князя Мышкина – именно милосердие и жертвенность выступают нравственными ориентирами, переключаясь с иконографическим смыслом Владимирского образа.

Особое внимание привлекает оклад иконы, искусно выполненный с использованием золотых и серебряных нитей. Его шитая поверхность не только подчеркивает сакральность образа, но и свидетельствует о традиции благоговейного украшения святыни как акта веры и почитания. По краю оклада икона украшена черно-белым бисером, что придаёт ей сдержанную торжественность и особую выразительность. Контраст этих цветов может восприниматься символически – как напоминание о вечной борьбе света и тьмы, столь значимой в философии Достоевского.

Как предмет домашнего благочестия, подобная икона сопровождала человека в его повседневной жизни, становясь свидетелем молитвы, сомнений, надежд и духовных исканий. Именно в такой атмосфере – среди тихого присутствия священных образов – формировался религиозный опыт, столь ярко проявившийся в творчестве писателя. Икона Владимирской Божией Матери, с её глубоким гуманистическим и духовным содержанием, становится своеобразным визуальным ключом к пониманию тех нравственных и религиозных оснований, на которых строится художественный мир Достоевского.

Наряду с особо ценными, в фондах музея представлены и списки с икон Смоленской и Казанской Божией Матери, образы святителя Николая Чудотворца, великомученика и целителя Пантелеймона, преподобного Серафима Саровского, а также Спаса Вседержителя. Эти иконы, не обладая выдающейся художественной уникальностью, тем не менее составляют важную часть музейного собрания, поскольку отражают живую традицию народного благочестия.

Большинство из них было приобретено в разное время у жителей города или передано в дар, что придаёт этим образам особую мемориальную ценность. Они несут в себе отпечаток личной веры, домашней молитвы и повседневной духовной жизни, являясь не столько произведениями высокого искусства, сколько свидетельствами искреннего религиозного чувства.

Именно такие иконы, простые и близкие человеку, создавали ту духовную среду, в которой формировалось мировосприятие Достоевского. В его произведениях вера предстает не как отвлечённая философская категория, а как живая внутренняя реальность, укоренённая в народной традиции. Образы Христа, Богородицы и святых, знакомые каждому с детства, становятся в его творчестве нравственными ориентирами и источниками духовной силы.

Особый интерес в составе музейного собрания представляют фрагменты металлических икон-складней, среди которых выделяются средники с изображениями «Деисус. Избранные святые» и «Святитель Николай». Эти небольшие по размеру, но выразительные по своему духовному содержанию предметы относятся к традиции переносных икон, широко распространённых в народной среде. Складни сопровождали человека в дороге, в военной службе, в повседневной жизни, становясь своеобразными спутниками молитвы и внутреннего обращения к Богу. Их лаконичная пластика и строгость композиции подчёркивают главное – сосредоточенность на духовном смысле образа.

Средник «Деисус» несёт в себе особую богословскую глубину: образ Христа, к которому в молитвенном предстоянии обращаются Богородица и святые, воплощает идею заступничества и надежды на милость. Этот мотив внутреннего обращения, покаяния и ожидания прощения находит глубокий отклик в творчестве Ф. М. Достоевского, где герои нередко проходят путь духовного преображения через страдание и молитвенное усилие. Образ святителя Николая в складне, в свою очередь, символизирует защиту и помощь, столь значимые в народном религиозном сознании и неоднократно отражённые в художественном мире писателя.

Не менее примечательна небольшая иконка «Святомученица Валентина», выполненная в технике эмали по фарфору. Её изящность, тонкость исполнения и камерность подчеркивают личный, почти интимный характер почитания святой, обращённого к внутреннему миру человека. Подобные образы, предназначенные для индивидуальной молитвы, создают атмосферу сосредоточенности и духовной тишины, столь важную для формирования религиозного опыта.

Деревянная иконка с изображением праведного Симеона Верхотурского также занимает особое место в этом ряду. Связанный с традицией народного почитания, этот святой воспринимается как близкий и понятный заступник, чья праведность укоренена в смирении и простоте. Именно такие образы – лишённые внешней пышности, но наполненные внутренним светом – находят отклик в эстетике Достоевского, для которого истинная духовность всегда была связана с глубиной человеческой души, а не с внешними проявлениями.

Особое место в музейном собрании занимает настольное распятие, состоящее из двух частей – основания и креста. Сам крест выполнен из дерева и облицован тонкими пластинками из кварца или перламутра, что придаёт ему особую световую глубину и тихое благородство. Переливчатая поверхность облицовки словно усиливает символическое звучание образа: страдание, воплощённое в распятии, преображается в свет, надежду и духовное очищение.

По своему назначению это распятие относится к предметам домашнего благочестия. Оно, вероятно, занимало важное место в жилом пространстве, сопровождая своих владельцев в молитве, в моменты испытаний и внутреннего поиска. Подобные вещи не только выполняли религиозную функцию, но и становились центром духовной жизни семьи, объединяя поколения в общей традиции веры.

Особую ценность распятию придаёт его история: оно принадлежало семье Максимчук, а весной 1973 года было передано в дар музею их опекуном и наследником Скиндером А. И. Таким образом, предмет сохраняет не только художественные и религиозные, но и мемориальные смыслы, являясь свидетелем человеческих судеб и живой преемственности духовной культуры.

В контексте творчества Ф. М. Достоевского образ распятия приобретает особую глубину. Крест для писателя – не только символ страдания, но и знак искупления, путь к внутреннему преображению личности. Через испытания и боль герои Достоевского приходят к духовному возрождению, и именно эта идея жертвенной любви и спасения лежит в основе христианского понимания распятия.

В 2021 году, когда мировое культурное сообщество отмечало 200-летие со дня рождения Достоевского, Литературно-мемориальный музей в Семее стал местом особого события, соединившего духовную традицию, историю и живую память о писателе. В эти знаменательные дни музей посетила делегация во главе с меценатом из Санкт-Петербурга – Грачьевой Мисаковичем Пагосяном и митрополитом Астанайским и Казахстанским Александром.

В дар музею от мецената была передана Владимирская икона Божией Матери – одна из самых почитаемых святынь православного мира. Особую ценность этому дару придаёт то, что икона была освящена во Владимирском соборе – храме, который посещал сам Достоевский в годы жизни в столице. Этот факт создаёт глубокую символическую связь между духовным миром писателя и музейным пространством, где сегодня сохраняется память о его пребывании в Семипалатинске.

Для Достоевского вера не была отвлечённым понятием – она составляла сердцевину его мировоззрения, находила отражение в его произведениях и личной судьбе. Именно поэтому появление в музее освящённой иконы, связанной с петербургским периодом жизни писателя, приобретает особое значение. Это не просто дар – это мост между эпохами, между городами, между внутренним миром Достоевского и современным посетителем музея.

Сегодня Владимирская икона Божией Матери занимает достойное место в музейном собрании, усиливая его духовно-смысловое содержание. Она становится важным элементом экспозиционного и культурного пространства, напоминая о том, что наследие Достоевского невозможно понять без обращения к его вере, к тем духовным истокам, которые формировали его как писателя и мыслителя.

Этот дар не только обогатил фонд музея, но и углубил его миссию сохранять и передавать подлинное, живое наследие Достоевского, в котором неразрывно соединены литература, история и духовность.

Митрополит Александр передал в дар «Литературно-мемориальному музею Ф. М. Достоевского» икону Божией Матери «Неупиваемая Чаша», что приобретает особое духовное и культурное значение в контексте наследия Фёдора Михайловича Достоевского. Этот образ, традиционно почитаемый как источник молитвенного утешения и помощи в избавлении от пагубных зависимостей, символизирует неиссякаемую благодать, обращённую к человеку, стремящемуся к внутреннему преображению.

Творчество Достоевского глубоко пронизано темами нравственного падения и духовного возрождения. Его герои, проходя через страдание, сомнение и внутреннюю борьбу, приходят к осознанию необходимости покаяния и обретению веры. В этом смысле икона «Неупиваемая Чаша» становится выразительным художественно-символической параллелью к ключевым идеям писателя: как и его персонажи, человек, обращающийся к этому образу, стремится к освобождению от порабощающих страстей и к восстановлению утраченной духовной целостности.

Особое звучание данный дар приобретает и в связи с судьбой самого Достоевского, чья жизнь была отмечена испытаниями, ссылкой и глубокими личными кризисами, однако завершилась духовным укреплением и обращением к православной традиции как к источнику истины и надежды.

В завершение следует подчеркнуть, что собрание икон и предметов религиозного быта, представленных в фондах музея, раскрывает не только художественные особенности православной традиции, но и её глубокое влияние на формирование духовного мира Фёдор Михайлович Достоевский. Даже те памятники, которые не отличаются исключительной художественной ценностью, оказываются важными свидетельствами живой веры, укоренённой в повседневной жизни человека XIX века.

Именно в этой среде – среди простых икон, складней, домашних распятий – складывалось то нравственное пространство, которое впоследствии нашло отражение в творчестве писателя. В его произведениях духовный опыт предстает не как отвлечённая идея, а как подлинная внутренняя реальность, связанная с покаянием, состраданием, жертвенностью и надеждой на спасение.

Музейное собрание, таким образом, выступает не только хранителем материальных памятников, но и проводником к пониманию глубинных смыслов русской культуры. Через обращение к этим предметам открывается возможность увидеть, каким образом религиозная традиция становится частью художественного мышления и личного мировоззрения, формируя целостную картину духовной жизни эпохи.

В этом контексте особое значение приобретает деятельность музея, направленная на сохранение и осмысление наследия Достоевского. Соединяя в едином пространстве литературу, историю и духовную культуру, музей создаёт условия для диалога между прошлым и настоящим, позволяя современному человеку прикоснуться к тем вечным ценностям, которые остаются актуальными и сегодня.

Изучение икон из фондов музея не только углубляет понимание творчества Достоевского, но и открывает более широкий взгляд на духовные основания русской культуры, в которых неразрывно соединены вера, искусство и человеческая судьба.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. – Л.: Наука, 1972-1990.
2. Успенский Л. А. «Богословие иконы Православной Церкви». – М., 1997.
3. Алпатов М. В. «Древнерусская иконопись». – М., 1978.
4. Кондаков Н. П. «Иконография Богоматери». – М., 2001.
5. Лихачёв Д. С. «Русская культура». – М., 2000.
6. Материалы фондов Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (г. Семей).

СЕКЦИЯ 5: СТУДЕНЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО

УДК 821.161.1

А. А. Кадылбекова

1 курс отд. «Экономика и менеджмент»

Университета им. Шакарима

Семей, Казахстан

СНЫ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

DREAMS IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»

Аннотация. В статье рассматривается роль снов как художественного приёма в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Анализируются пять ключевых сновидений главного героя Родиона Раскольникова, их символический смысл и функции в структуре произведения. Показано, как через сны автор раскрывает внутренний мир персонажа, отражает его нравственные искания и путь к духовному перерождению.

Annotation. The article examines the role of dreams as an artistic device in F. M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment». Five key dreams of the protagonist Rodion Raskolnikov are analyzed,

along with their symbolic meaning and functions in the structure of the work. It is shown how the author uses dreams to reveal the inner world of the character, reflect his moral quest and path to spiritual rebirth.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», сны, Раскольников, психологизм, художественный приём, символика, духовное перерождение.

Key words: Dostoevsky, Crime and Punishment, dreams, Raskolnikov, psychologism, artistic device, symbolism, spiritual rebirth.

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) по праву считается одним из величайших произведений мировой литературы. Центральное место в нём занимает психологический портрет главного героя – студента Родиона Раскольникова, совершившего убийство и переживающего тяжелейший внутренний кризис. Одним из важнейших художественных средств, с помощью которых Достоевский раскрывает душевное состояние героя, являются сны.

Сновидения в романе – это не просто вставные эпизоды, а полноправные элементы художественной структуры произведения. По мнению литературоведа М.М. Бахтина, Достоевский широко использовал художественные возможности сна во всех его вариациях, однако у писателя преобладает «кризисная вариация сна» – необычайно важное, этапное, кульминационное событие в духовной жизни героя [1, с. 172]. Сны Раскольникова служат своеобразным зеркалом его подсознания: в них отражаются страхи, сомнения, предчувствия и нравственные противоречия, которые герой не может или не хочет признать наяву.

Целью данной статьи является анализ снов Раскольникова в романе «Преступление и наказание», выявление их символического смысла и художественных функций. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: рассмотреть каждый из ключевых снов героя; определить их место в сюжете и идейной структуре романа; показать, как сны отражают духовную эволюцию Раскольникова.

1. Сон как художественный приём у Достоевского

Достоевский – писатель-психолог, для которого внутренний мир человека важнее внешних событий. Сам он говорил о себе: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины человеческой души» [2]. Сны являются для него одним из главных инструментов психологического анализа: они позволяют заглянуть в те глубины сознания героя, которые скрыты от окружающих и порой от него самого. Использование снов для раскрытия психологических метаний главного героя было блестящей идеей художественного приема Федора Михайловича Достоевского. Сны как зеркало души не только отражали переживания главного героя, в какой-то мере они давали ему подумать идти на преступление или нет.

Как отмечает исследователь О.А. Мазнева, «сны Раскольникова являются своеобразной пунктирной линией, которая на разных уровнях отражает идейное и художественное содержание романа» [3]. Сон – это выражение бессознательного в человеческой психике, поэтому как элемент художественного произведения он служит средством создания образа и возможностью показать скрытые от самого героя мысли и переживания.

В романе «Преступление и наказание» можно выделить пять ключевых снов Раскольникова. Каждый из них приходится на поворотный момент в судьбе героя и несёт в себе глубокий символический смысл. По своей структуре сны в романе подразделяются на бессобытийные, где дана констатация образов-символов, и событийные – с наличием развитого внутреннего сюжета [4, с. 40].

2. Анализ снов Раскольникова

Первый сон: избивание лошади. Первый сон Раскольников видит незадолго до убийства – в момент, когда его идея уже почти созрела. Герой погружается в детство: ему около семи лет,

он идёт с отцом мимо кабака и видит, как пьяный мужик Миколка насмерть забивает кнутом слабую лошадь. Маленький Родион плачет и бросается защищать животное [5, с. 46-50].

Этот сон несёт в себе мощный нравственный заряд. С одной стороны, он показывает природную доброту и сострадательность Раскольникова – его истинную человеческую суть, ещё не искажённую теорией. С другой стороны, сон является предупреждением: герой, который плакал над забитой лошастью, намеревается совершить убийство. Проснувшись, Раскольников в ужасе восклицает: «Неужели я в самом деле возьму топор, стану бить её по голове... Боже, неужели?» [5, с. 52]. Хотя в душе ещё идет борьба добра и зла, но так как никто не может помочь лошадке, он набрасывается маленькими кулачками на защиту лошадки. Это толчок к теории преступления, никто не может помочь, я сам справлюсь с обидчиками, здесь проскальзывают нотки «вершителя судеб». Первый сон – это последний голос совести перед преступлением.

Второй сон: Африка. Накануне убийства Раскольников видит короткий, но выразительный сон об Африке, Египте, оазисе, голубой воде и верблюдах. Достоевский намеренно показывает контраст: яркие, солнечные образы далёкого края – и безрадостная, душная, нищая комнатка в Петербурге. Этот сон символизирует тягу героя к иной, свободной жизни, которой у него нет и, по всей видимости, не будет [6]. В этом сне Раскольников видит тот идеальный мир, созданный им. Параллель проводится с египетским походом Наполеона, откуда будущий император начал свой триумф. Второй сон перекликается с четвертым сном, когда Раскольников снова и снова убивает старушку, но она не умирает и смеется над ним со всеми из царства мертвых.

Возможно, если бы Раскольников после первого и второго сна прислушался бы к зову сердца, а не ума, это преступление не было бы совершено. Ведь, данные сны, являются предупреждающими. Еще нравственно Раскольников не пал, но контраст далекого края и настоящего, перевешивает безрадостная жизнь и нищета.

Третий сон: избиение хозяйки. После совершения преступления Раскольников впадает в болезненное полубредовое состояние. Ему снится, как полицейский Илья Петрович бьёт хозяйку его квартиры. Герой слышит крики, но не может пошевелиться и ничего не предпринимает. По мнению О. А. Мазневой, этот сон, с одной стороны, продолжает тему беззакония мира, а с другой – является предощущением будущей отрезанности героя от людей, то есть его наказания [3]. Раскольников боится разоблачения, однако не делает ничего для собственного спасения – это отражает его внутренний паралич после преступления.

Четвёртый сон: смеющаяся старуха. Один из самых страшных снов романа. Раскольников снова идёт убивать старуху-процентщицу, но та не умирает – она прячется и смеётся над ним. Он бьёт её топором снова и снова, но старуха лишь хохочет всё громче. Вокруг собираются люди и тоже смеются [5, с. 213–214].

Этот сон является символом полного краха теории Раскольникова. Убийство, которое он считал «делом» и «шагом вперёд», оборачивается фарсом: старуха жива, она смеётся – значит, Раскольников ничего не добился. Его теория «право имеющего» или «сверхчеловека» оказалась провальной, его мучает совесть.

Как отмечают исследователи, ожившая старуха является литературным двойником старой графини из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и символизирует поражение теории героя [3].

Пятый сон: моровая язва. Последний сон Раскольников видит уже на каторге, когда рядом с ним находится Соня Мармеладова. Ему снится конец света: из глубины Азии в Европу приходит страшная болезнь – «моровая язва», которую разносят «трихины» – микроскопические существа, обладающие умом и волей. Заразившись, люди начинают считать себя единственно правыми и убивать друг друга. Мир гибнет, и лишь немногие избранные должны «начать новый род людей» [5, с. 420-421].

Этот сон – пророческий и апокалиптический. Он является прямым отражением теории Раскольникова о «праве имеющих»: если каждый решит, что он «необыкновенный» и вправе

переступить через других, мир превратится в хаос. Последний сон окончательно развенчивает теорию в глазах самого героя и знаменует начало его духовного перерождения [6].

3. Художественные функции снов в романе

Анализ снов Раскольникова позволяет выделить несколько ключевых художественных функций, которые они выполняют в романе.

Психологическая функция. Сны раскрывают то, что скрыто в подсознании героя: его страхи, сомнения, муки совести. Как отмечает исследователь Д. С. Гайдарова, «особенными являются сны Раскольникова, которые отражают его внутренний мир, раскрывают душевное состояние» [7]. Наяву Раскольников пытается оправдать своё преступление логическими доводами, но во снах его истинные переживания прорываются наружу.

Символическая функция. Каждый сон насыщен символами: забитая лошадь символизирует невинных жертв и разбуженную совесть; Африка – несбыточную мечту о свободе; смеющаяся старуха – крах теории; моровая язва – гибель мира, построенного на идее вседозволенности. Сны создают особый символический язык романа, параллельный языку реальных событий [4].

Сюжетная функция. Сны не только отражают внутреннее состояние героя, но и являются важными вехами в развитии сюжета. Первый сон – последнее предупреждение перед преступлением. Третий и четвёртый – нарастание психологического кризиса после убийства. Пятый – начало пути к искуплению. Таким образом, сны образуют собственную сюжетную линию, которая параллельно ведёт читателя от преступления к наказанию и далее к духовному перерождению.

Как отмечают исследователи, граница между сном и реальностью в романе практически стёрта: «сон плавно переходит в реальность, реальность в сон» [8]. Это не случайно – Достоевский показывает, что внутренний мир человека не менее реален, чем внешний, а порой и важнее его.

Сны Раскольникова в романе «Преступление и наказание» являются одним из важнейших художественных инструментов Достоевского. Через них как зеркало души, автор раскрывает сложный внутренний мир героя, показывает его нравственные противоречия и прослеживает путь от преступления к духовному очищению. Каждый сон – это этап в духовной биографии Раскольникова: от первого сна, в котором ещё слышен голос живой совести, до последнего, апокалиптического видения, развенчивающего теорию вседозволенности.

Достоевский показывает, что человека нельзя понять только через его поступки и слова – нужно заглянуть в его сны, страхи и подсознание. Именно поэтому «Преступление и наказание» по сей день остаётся актуальным и глубоким произведением, поражающим читателей точностью психологического анализа. Этот роман, созданный в Петербурге в 1866 году, неразрывно связан и с казахстанской историей: часть творческого пути Достоевского прошла в Семипалатинске, где были заложены основы его великих произведений.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1990. – Т. 27. – С. 65.
3. Мазнева О. А. Роль снов Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Электронный ресурс]. – URL: <http://velikayakultura.ru/gotovye-sochineniya/rol-snov-raskolnikova> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Нечаенко Д. А. Сон, заветных исполненных знаков: Тайнства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. – М.: Юридическая литература, 1991. — 304 с.
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Полное собрание сочинений в 30 т. – Л.: Наука, 1973. – Т. 6. – 422 с.
6. Сны Раскольникова и их значение // Журнал Интроверта [Электронный ресурс]. – URL: <https://artforintrovert.ru/magazine/tpost/rn00pzvk51-chto-oznachayut-sni-raskolnikova-v-prest> (дата обращения: 29.03.2026).

7. Гайдарова Д. С. Психологизм в творчестве Ф. М. Достоевского // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologizm-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 29.03.2026).

8. Сны в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Электронный ресурс]. – URL: https://licey.net/free/11-kratkie_soderzhaniya_literaturnyh_proizvedenii/46/stages/2432-sny_v_romane.html (дата обращения: 29.03.2026).

А. Е. Асқарбекова

ШТ 24-09-01 педколледжа им. М. О. Ауэзова

руководитель: Сәулетбек И. Д.

Семей, Казахстан

ВЫСТАВКА «ТРАНСМЕДИЙНЫЙ РЕЗОНАНС В СЕМЕЕ: ЦИФРОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИАЛОГА Ф. ДОСТОЕВСКОГО И Ш. УАЛИХАНОВА» ИЗ ФОНДОВ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО г. СЕМЕЙ»

TRANSMEDIA RESONANCE IN SEMEY: DIGITAL RECONSTRUCTION OF THE DIALOGUE BETWEEN F. DOSTOEVSKY AND CH. VALIKHANOV

Аннотация. В статье рассматривается роль снов как художественного приёма в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Анализируются пять ключевых сновидений главного героя Родиона Раскольникова, их символический смысл и функции в структуре произведения. Показано, как через сны автор раскрывает внутренний мир персонажа, отражает его нравственные искания и путь к духовному перерождению.

Annotation. The article examines innovative approaches to popularizing literary and historical heritage among young people. The authors present a project for the digital reconstruction of the dialogue between F.M. Dostoevsky and Ch. Valikhanov using artificial intelligence technologies and anime visual aesthetics. The practical experience of creating multimedia content based on materials from the Semey museum to increase student interest in classical culture is described.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Шокан Уалиханов, искусственный интеллект, трансмедийные технологии, аниме-архетипы, Семей, цифровизация культуры.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Chokan Valikhanov, artificial intelligence, transmedia technologies, anime archetypes, Semey, cultural digitalization.

В современном обществе интерес молодёжи к историческим личностям и культурному наследию заметно снижается. Многие традиционные источники информации, такие как книги, журналы и газеты, воспринимаются как скучные и устаревшие. Молодое поколение живет в мире визуальных медиа, цифровых технологий и постоянного потока информации. Поэтому классические тексты и исторические события часто остаются без внимания. Тем не менее, современные технологии, включая искусственный интеллект, мультимедийные форматы и визуальные средства, открывают новые возможности для изучения истории и литературы. Они позволяют оживлять события, делать их более наглядными и эмоционально вовлекающими. Например, роман «Дядюшкин сон» Достоевского известен каждому, кто изучал литературу, но мало кто знает, что во время написания этого произведения Достоевский находился в Семипалатинске. Именно здесь он встретился с молодым казахским ученым Чоканом Уалихановым, с которым познакомился еще в Омске.

Эта встреча стала важным примером культурного диалога между Россией и Казахстаном, который можно переосмыслить и передать современному поколению с помощью современных технологий.

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) – один из величайших русских писателей. Его произведения исследуют психологию человека, моральный выбор, страдания и духовные

поиски. В 1849 году Достоевский был осуждён за участие в кружке петрашевцев и отправлен на каторгу. После окончания срока он продолжил литературную деятельность, переехав в разные города, включая Семипалатинск, где он снова встретился с молодым Чоканом Уалихановым. В Семипалатинске Достоевский получил возможность жить в отдельной квартире, читать, писать и вести литературную переписку. Он изучал европейских историков, философов, физику, физиологию и литературу, что помогало ему развивать свой интеллектуальный кругозор. Чокан Шыңғысұлы Уалиханов (1835-1865) – казахский ученый, исследователь Востока. В юности он окончил Сибирский кадетский корпус в Омске, несмотря на то, что первоначально не знал русского языка, и быстро освоил его. Уалиханов изучал географию, историю, этнографию, фольклор, владел несколькими европейскими и восточными языками. Знакомство Достоевского с Уалихановым, их отношения, перешедшие в крепкую дружбу, стали, по сути, первым интеллектуальным и духовным контактом между русским и казахским народами. Этим они значительны, этим интересны и нам в XXI в. Осенью 1847 года 12-летний Чокан Уалиханов отправился на учёбу в Омск, где поступил в Сибирский кадетский корпус – одно из лучших учебных заведений того времени. Именно в Омске, в 1854 году, в доме военного инженера Иванова состоялось его первое знакомство с Федором Достоевским, который в тот период находился на каторге. В том же году Достоевский был направлен на военную службу в Семипалатинск. Несмотря на тяжёлые условия, ему разрешили жить вне казармы, что дало возможность вернуться к чтению и литературной деятельности. В этот период он активно занимался самообразованием: читал произведения европейских мыслителей, философов, а также русских писателей. Позднее, уже в Семипалатинске, состоялась их повторная встреча, которая стала началом тёплого общения и взаимного уважения. После нескольких встреч в Семипалатинске, отношения между Чоканом Уалихановым и Федором Достоевским переросли в глубокую дружбу, основанную не только на общении, но и на взаимном уважении и духовной близости. Особенно ярко это проявилось в их переписке. После отъезда из Семипалатинска Чокан писал Достоевскому искренние и тёплые письма. В одном из них он признаётся, что расставание с ним стало для него тяжёлым испытанием. Он пишет, что дни, проведённые вместе, оставили у него сильное впечатление, и он постоянно думает о возможности вновь встретиться. Чокан подчёркивает, что не умеет красиво выражать чувства, но при этом открыто говорит о своей привязанности и уважении. Его слова просты, но наполнены искренностью и внутренней теплотой. Ответ Достоевского был ещё более эмоциональным и глубоким. Он прямо признаётся, что также сильно привязался к Чокану и даже использует необычно сильное выражение, говоря, что «влюбился» в него как в человека и друга. Он подчёркивает, что никогда ранее не чувствовал такой духовной близости, даже по отношению к родному брату. Эти слова показывают, насколько значимой стала для него эта дружба в период ссылки и внутренней изоляции. Достоевский видел в Чокане не просто собеседника, а человека высокого ума, широты взглядов и редкой искренности. Он поддерживал его стремление к научной деятельности и советовал продолжать изучение культуры и истории своего народа. В дальнейшем это действительно отразилось в работах Уалиханова, таких как «Очерки Джунгарии» и «Описание Восточного Туркестана», где он выступал как защитник интересов своего народа. Даже после разлуки их связь не прерывалась. В письмах Чокан делился своими планами, мечтами и переживаниями. Он писал о желании служить своему народу, о возможной работе, о будущем, в котором надеялся принести пользу своей стране. Его письма показывают его как человека целеустремлённого, но в то же время искреннего и открытого. Однако этим планам не суждено было сбыться. Болезнь подорвала здоровье Чокана, и в 1865 году он скончался, не дожив до тридцати лет. Смерть друга стала тяжёлой утратой для Достоевского. Он всю жизнь сохранял память о нём и с теплотой вспоминал годы их общения. В своих размышлениях он подчёркивал важность взаимопонимания между народами и необходимость духовного единства, что во многом перекликается с его отношением к Уалиханову. Даже спустя

годы он не забывал о нём и хранил связанные с ним вещи как особую ценность. После смерти Чокана Достоевский говорил своей жене: Ты видела этот большой деревянный сундук? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова. Поэтому он мне дорог. Поэтому я храню в нём свои рукописи, письма и самые ценные воспоминания.

Нами был создан диалог между Достоевским и Уалихановым с помощью искусственного интеллекта Nailuo AI. Диалог отражает их реальные взгляды на культуру, политику и общество, а также особенности их общения: уважение, интеллектуальная близость, обмен знаниями. Также, в современном мире особенно популярны фильмы и сериалы в жанре аниме — японские мультсериалы, объединяющие различные жанры и преподносящие истории через выразительные визуальные образы. Как поклонники аниме, мы решили создать небольшой анимационный ролик, который сделали с помощью FlipaClip, в котором показан момент, когда Достоевский, можно сказать, нашёл своего «соулмейта» на всю жизнь.

Цель ролика – визуально продемонстрировать влияние Шокана Уалиханова на жизнь писателя и подчеркнуть, какую роль сыграл Семипалатинск в формировании его творческого и духовного пути. С помощью анимации мы хотим сделать исторический диалог более доступным и эмоционально понятным для современного зрителя, особенно для молодёжи, которая привыкла воспринимать информацию через визуальные и мультимедийные форматы. Мы создали Telegram-бот, благодаря приложению telegram, в котором собрали все материалы нашего исследования. В нём представлены видеоролики, сгенерированные с помощью искусственного интеллекта, где воссоздан диалог между Ф. М. Достоевским и Ч. Ч. Уалихановым, а также клип, выполненный в стиле аниме. Кроме того, в боте размещена дополнительная информация об их встрече, переписке и историческом контексте, что делает его не просто медиапродуктом, а образовательной платформой. Таким образом, любой пользователь может в удобной форме познакомиться с данной темой и глубже понять значение их дружбы.

Данный бот был предложен студентам и школьникам для ознакомления. Учащиеся могли изучить материал в удобной для них форме – через визуальный контент, аудио и текст. По результатам наблюдения и опроса было выявлено, что такой формат подачи вызывает больший интерес и способствует лучшему пониманию темы по сравнению с традиционным текстовым способом. Особое внимание мы уделили эмоциональной стороне проекта. С помощью приложения «Sunu AI» мы создали музыкальную композицию, основанную на идее: если бы Достоевский жил в наше время и написал песню о своём близком друге, какой бы она была? В результате получилась трагичная и в то же время лиричная музыка, передающая глубокую внутреннюю привязанность, уважение и духовную близость Достоевского к Чокану. Эта композиция помогает лучше почувствовать эмоциональную сторону их отношений и делает исторический материал более живым и понятным для современного слушателя.

Проведённое исследование показало, что использование трансмедийных технологий и искусственного интеллекта позволяет значительно повысить интерес к историческим личностям и культурному наследию. Диалог между Достоевским и Уалихановым, представленный в современном формате, становится более понятным и доступным для молодёжи. Таким образом, можно сделать вывод, что использование современных цифровых технологий, включая искусственный интеллект и мультимедийные форматы, является эффективным способом популяризации исторических личностей среди молодёжи.

Литература

1. Письма Шокана и Достоевского-URL:<https://ru.ult.kz/2016/07/26/pisma-shokana-i-dostoevskogo/>
2. Дружба Ф. М. Достоевского и Чокана Валиханова подняла отношения между русскими и казахами на духовно-осмысленную высоту- <https://godliteratury.ru/articles/2021/05/27/rossiia-i-step-dostoevskij-i-valihanov?ysclid=mnki349xkg92766555>
3. Официальный сайт Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского г. Семей. – URL: <https://dostoevsky.kz/>

4. Дружба гениев |Литературный портал-URL: <https://adebiportal.kz/ru/news/view/druzba-geniev24521?ysclid=mnkkutjpcz55081611>

5. Шоқан мен Достоевскийдің хаттары-URL: <https://massaget.kz/persona/shokan-men-dostoevskiydn-hattaryi-42082/?ysclid=mnkkxlaj4t334645377>

Ажарова Камила Бериковна
студент педколледжа им. М. О. Ауэзова
руководитель: **Шоманова Г. К.**
Семей, Казахстан

ДРУЖБА И ПЕРЕПИСКА Ч. ВАЛИХАНОВА И Ф. ДОСТОЕВСКОГО: ДИАЛОГ КУЛЬТУР И РОДСТВО ДУШ

THE FRIENDSHIP AND CORRESPONDENCE OF CH. VALIKHANOV AND F. DOSTOEVSKY: A DIALOGUE OF CULTURES AND A KINSHIP OF SOULS

Актуальность: В эпоху глобализации и поиска межэтнического согласия пример дружбы Ч. Валиханова и Ф. Достоевского обретает новое звучание. Это не просто биографический факт, а исторический прецедент равноправного диалога «Востока» и «Запада». Тема актуальна для музейного дела и современного образования как образец интеллектуального партнерства, основанного на взаимном уважении, а не на идеологическом доминировании.

Цель статьи: Проанализировать духовную связь и рассмотреть переписку Ч. Валиханова и Ф. Достоевского как уникальный феномен взаимопроникновения культур.

Статья посвящена духовной дружбе двух выдающихся личностей XIX века – Чокан Валиханова и Фёдора Достоевского. Их взаимоотношения представляют особый интерес не только с литературной или биографической точки зрения, но и как уникальный пример диалога культур – европейской и степной.

Знакомство Валиханова и Достоевского состоялось в 1854 году в Омске. В тот период Достоевский находился в сложном жизненном этапе после каторги, а Валиханов, напротив, был молодым, перспективным офицером и исследователем. Несмотря на различие в возрасте и жизненном опыте, между ними установилась глубокая духовная связь.

Их пути пересеклись в начале 1854 года в Омске, в доме военного инженера К. И. Иванова. Достоевский в это время только вышел из каторги, а 19-летний Валиханов был блестящим выпускником Сибирского кадетского корпуса. Несмотря на разницу в возрасте (14 лет) и социальном статусе (бывший «государственный преступник» и офицер по особым поручениям), между ними мгновенно возникло духовное родство. Общение продолжилось в Семипалатинске, где Достоевский отбывал солдатскую службу. Город стал местом их «сердечных бесед» о политике, литературе и будущем Азии. Достоевский, живя в скромной избе вдовы-солдатки, с жадностью впитывал знания молодого ученого о Востоке, а Валиханов находил в писателе наставника, разделявшего его демократические взгляды.

Особое место в их дружбе занимает Семипалатинск – город, который сегодня является важным культурно-историческим пространством. Именно здесь проходили их встречи, беседы и формировалось то интеллектуальное взаимодействие, которое мы сегодня рассматриваем как феномен.

Переписка 1856–1862 годов представляет собой ценнейший историко-культурный источник. В письмах Достоевский не только делится личными переживаниями, но и высоко оценивает личность Валиханова, называя его выдающимся представителем своего народа. Он убеждает его продолжать научную деятельность и фактически предвидит его миссию как посредника между культурами.

Переписка 1856-1862 годов – это документ высочайшего гуманизма. Одним из самых значимых является письмо Достоевского от 14 декабря (в некоторых источниках 9 ноября)

1856 года, написанное из Семипалатинска в Омск. В нем писатель открывается с необычайной нежностью: «Вы пишете мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам, и бог знает, как это сделалось...».

Ключевые темы их диалога: 1. Оценка таланта и предназначения Шокана. Достоевский видел в Валиханове не просто друга, а «первого из своего племени», получившего европейское образование. Он убеждал его: «Вспомните, что вы первый киргиз [казах] – образованный по-европейски вполне... Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам и душу, и сердце». 2. Призыв к деятельности. Писатель настойчиво советовал Шокану не оставлять науку. Он рекомендовал написать «Записки о степном быте» или статью о Степи, которые могли бы заинтересовать Географическое общество в Петербурге. Достоевский пророчески предвидел, что Валиханов станет мостом между народами. 3. Личные откровения. В письмах Достоевский доверял Шокану свои самые сокровенные чувства, включая рассказы о любви к Марии Дмитриевне Исаевой (своей будущей первой жене), называя её «лучшим другом».

Важно подчеркнуть, что их диалог был взаимным. Валиханов способствовал формированию интереса Достоевского к Востоку, его культуре и духовным традициям. Диалог Валиханова и Достоевского был двусторонним процессом. Выделим следующие аспекты:

- **Интерес к Востоку и Исламу:** Под влиянием друга Достоевский начал изучать казахскую этнографию, интересоваться арабской поэзией и даже просил прислать ему Коран;

- **Тюркские корни писателя:** Существует мнение, что Достоевский осознавал свои корни (род Достоевских ведет начало от мурзы Аслана Челеби, выходца из Золотой Орды). Это объясняет, почему он общался с Валихановым на равных, без имперского превосходства, обращаясь к младшему другу на «Вы».

- **Взгляд на Россию и Азию:** Валиханов, будучи казахским султаном и русским офицером, поражал Достоевского своей патриотической позицией и глубоким знанием восточных языков, географии и фольклора.

Особую ценность для музейного и исторического осмысления имеют и материальные свидетельства их дружбы. Например, известно, что Достоевский до конца жизни хранил подарок Валиханова – деревянный сундук, в котором находились его рукописи. Этот предмет можно рассматривать как символ доверия, памяти и духовной близости. Он говорил своей жене Анне Григорьевне: «Это подарок моего сибирского друга Шокана Валиханова. За это он мне дорог».

Знаменитая совместная фотография, сделанная в 1859 году в Семипалатинске фотографом Лейбиным, запечатлела этот союз: 37-летний Достоевский, готовящийся к возвращению в Петербург, и 23-летний Валиханов, только что вернувшийся из легендарной экспедиции в Кашгар.

Снимок представляет собой не просто изображение двух людей, а визуальное свидетельство встречи двух миров – европейской интеллектуальной традиции и культуры Великой Степи.

Таким образом, можно утверждать, что дружба Чокана Валиханова и Федора Достоевского вышла далеко за рамки частного биографического эпизода. Это был уникальный «мост цивилизаций», в котором европейский гуманизм встретился с мудростью Великой Степи. Несмотря на краткость их жизненных путей и тяжелые испытания, выпавшие на долю обоих, их интеллектуальный союз оставил неизгладимый след в истории двух народов.

Взаимное влияние этих выдающихся личностей – от интереса Достоевского к Корану до призывов писателя к Валиханову стать просветителем своего народа – доказывает, что истинная культура не имеет границ. Сегодня их переписка и совместные труды служат эталоном искреннего уважения, толерантности и духовного родства. История их дружбы

напоминает нам, что именно через диалог, соперничество и признание таланта другого рождается подлинное величие, способное пережить века и вдохновлять новые поколения на поиск согласия и взаимопонимания.

Литература

1. Заитов С. Чокан Валиханов и Ф. М. Достоевский. – Алма-Ата: Казахстан, 1985.
2. Маргулан А. Х. Мир Чокана. – Алма-Ата: Мектеп, 1985.
3. Ауэзов М. О. Ф. М. Достоевский и Чокан Валиханов. // Сборник статей и материалов. – Алма-Ата, 1956.
4. Якубович И. Д. Достоевский и Валиханов. // Русская литература. – 1973. – № 2.
5. Материалы Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в г. Семей. (Методические пособия и публикации музея последних лет).

Дәуренқызы Аяжан, Берік Айым
ШТ 24-09-01 2 курс педколледжа им. М. О. Ауэзова
Руководитель Муздыбаева А.
Семей, Казахстан

«ДОСТОЕВСКИЙ МЕН УӘЛИХАНОВ: ЕКІ ӘЛЕМНІҢ ДОСТЫҒЫ» ДОСТОЕВСКИЙ И УАЛИХАНОВ: ДРУЖБА ДВУХ МИРОВ

DOSTOEVSKY AND UALIKHANOV: THE FRIENDSHIP OF TWO WORLDS

Андапта: Мақалада Фёдор Михайлович Достоевский мен Шоқан Шыңғысұлы Уәлиханов арасындағы достық, олардың әдебиет пен мәдениетке тигізген ықпалы зерттеледі. Автор хат алмасуларды, шығармашылық байланыстарды және екі тұлғаның өзара әсерін талдайды. Сонымен қатар Достоевскийдің қазақ тарихы мен мәдениетіне, ислам дініне қызығушылығы сипатталады. Мақала гуманитарлық зерттеушілер үшін практикалық маңызға ие.

Кілт сөздер: Достоевский, Уәлиханов, достық, мәдени ықпал, хат алмасу, қазақ тарихы.

Аннотация: В статье рассматривается дружба между Фёдор Михайлович Достоевский и Шоқан Шыңғысұлы Уәлиханов, а также их влияние на литературу и культуру. Автор анализирует переписку, творческие связи и взаимное воздействие этих двух личностей. Кроме того, описывается интерес Достоевского к истории и культуре Казахстана, а также к исламу. Статья представляет практическую ценность для исследователей гуманитарных наук.

Ключевые слова: Достоевский, Уалиханов, дружба, культурное влияние, переписка, история Казахстана.

Annotation: This article explores the friendship between Fedor Mikhailovich Dostoevsky and Shokan Shyngysuly Ualikhanov as well as their influence on literature and culture. The author analyzes their correspondence, creative connections, and mutual impact. The article also highlights Dostoevsky's interest in Kazakh history and culture, as well as Islam. This study holds practical value for researchers in the humanities.

Keywords: Dostoevsky, Ualikhanov, friendship, cultural influence, correspondence, Kazakh history.

Ф.М. Достоевский мен Шоқан Уәлихановтың достығы орыс пен қазақ халықтары арасындағы қатынастарды рухани және терең мағыналы деңгейге көтерді. Өз тарихын терең білу және басқа халықтардың әдебиеті мен мәдениетіне құрметпен қарау бір әдебиеттің екіншісіне тигізетін әсерін объективті бағалауға көмектеседі, осылайша жалпыадамзаттық құндылықтарды байытады.

Сібірдегі белгілі айдауда болған кезінде Федор Достоевский өзінің ең ерекше достарының бірі – Чокан Уәлихановпен танысты. Ол өз елінде, Қазақстанда этнография мен тарихнаманың негізін қалаушы болатын аса зерек жас еді. Бұл 1854 жылы болды, Достоевский алғаш рет Омбы

кадет училищесінен келген 19 жастағы Уәлихановпен кездесті. Кейін Достоевский Семейге көшкеннен соң олар қайта кездесіп, ортақ қызығушылықтары мен өзара құрметтің арқасында хат жазысып тұратын болды. Өмірінің қиын кезеңдеріне қарамастан, әсіресе денсаулығының нашарлығы мен Мария Исаевамен отбасылық өміріндегі қиындықтарға байланысты, Достоевский Қазақстан тарихы мен археологиясына шынайы қызығушылық танытып, орыстардың дала өмірін түсінуі мен бағалауы қажет деп санады. Уәлиханов Достоевскийді Орталық Азия мәдениетімен және араб поэзиясымен таныстырды. Орыс жазушысы Семейде тұрған кезінде исламды да зерттеген, алайда жас қазақ ғалымы исламға сын көзбен қараған. Ол батыстандырудың артықшылықтарына сенгенімен, өз халқының орыстар тарапынан дұрыс қабылданбауына наразы болды.

Ол сондай-ақ географ Петр Семеновтың идеяларымен таныс болған. Семенов Ресей географиялық қоғамын 40 жыл бойы басқарған және Достоевскиймен Санкт-Петербургтегі кезеңінен бастап таныс еді. Уәлиханов 1857 жылы Ыстықкөл мен Құлжаға жасаған экспедициядан кейін Ресей Географиялық қоғамының мүшесі болды. Осыдан кейін Батыс Сібір генерал-губернаторы Уәлихановқа Қытайдың Орталық Азиясындағы Қашғар оазисіне жана экспедицияны басқаруды ұсынды. Бұл экспедиция 1858 жылы 43 адамнан, 101 түйеден және 65 аттан тұратын керуенмен жүзеге асырылды. Бұл сапар Уәлихановқа географиялық ерекшеліктерді, әдет-ғұрыптарды, тілдерді және көптеген деректерді мұқият зерттеуге мүмкіндік берді. Экспедициядан кейін Уәлиханов Санкт-Петербургтің зияткерлік өміріне белсене араласты. Алайда 1861 жылдың көктемінде ол ауыр туберкулез ауруына шалдығып, далаға қайта оралуға мәжбүр болды. Сол жылы Достоевскийдің «Өлі үйден жазбалар» атты романы жарық көрді. Кейінгі жылдары Уәлиханов Қазақстанның сот тәжірибесін зерттеп, полковник Черняевтің Орталық Азияны жаулау жорықтарында қантөгісті болдырмау үшін делдал ретінде қызмет етті. Осы уақытта Достоевский Батыс Еуропаға сапар шегіп, құмар ойындарда ақшасынан айырылып, жұбайынан айырылды. Уәлиханов сұлтан Тезектің қарындасына үйленді және өмірінің соңғы жылдарында Семей облысының әскери губернаторы генерал Колпаковскиймен хат жазысып тұрды. Ол 30 жасқа да жетпей қайтыс болса да, қазақ халқының тарихи ғылымының негізін қалауға үлес қосты. Оның есімімен Қазақ академиясы аталады, ал Семей қаласында Достоевский мен Уәлихановтың ескерткіші олардың достығының символы ретінде сақталған.

Шоқан мен Достоевскийдің достығы – екі халықтың интеллектуалдық санасының көрінісі. XIX ғасырда қазақ даласына батыстық білім енді. Сол кезде білімді қазақ жастары Еуропа ғылымымен және әдебиетімен танысу мүмкіндігіне ие болды. Ал Ресейде «бүлікшіл ойлары» үшін зиялы адамдар империяның алыс аймақтарына жер аударылды, олардың бірі Ф. М. Достоевский болды. Ол 1854 жылдың наурызынан 1859 жылдың 2 шілдесіне дейін Семейде тұрды. Семейде Достоевский Мария Исаева атты әйелге үйленді. Шоқан мен Федордың таныстығы 1854 жылы Омбыда басталғаны белгілі. Кейін Достоевский Семейде тұрған кезде Уәлиханов Құлжа, Қашғар сапарларынан оралып, осы қалада ұзақ уақыт болған. Бұл кезеңде екі тұлға терең әңгімелесіп, тығыз қарым-қатынас орнатты. Жасы жағынан 14 жас үлкен болса да, Достоевский Шоқанды қатты құрметтеді. Достоевский Шоқан сыйлаған сандықта қолжазбаларын сақтаған.

Біз Ф. М. Достоевский Шоқан Уәлихановтан алғанның бәрін ең қымбат естелік ретінде сақтағанын білеміз. Шоқан қайтыс болғаннан кейін, яғни 1866 жылы Достоевский өзінің әйелі Анна Достоевскаяға былай деген: «Сіз сол үлкен ағаш сандықты көрдіңіз бе? Бұл – менің Сібірдегі досым Шоқан Уәлихановтың сыйы. Сол үшін ол мен үшін қымбат. Сондықтан мен мұнда өз қолжазбаларымды, хаттарымды және өте қымбат естеліктерімді сақтаймын», – бұл екі ұлы тұлғаның арасындағы өзара құрметтің қаншалықты жоғары болғанын байқауға болады. Достоевскийдің тегі Алтын Ордадағы ақсүйек текті әулеттен шыққан. 1389 жылы оның арғы атасы Аслан Челеби Алтын Ордадан бөлініп шығып, орыс князінің қызына үйленген. Осыдан кейін оның ұрпақтары орыстармен сіңісіп кеткен. Бірақ Ресей тарихында олар құрметті қызметтер атқаратын шенеуніктерге айналған.

Әрине, Достоевский өзінің арғы тегі түркі екенін білген. Және бірнеше ғасыр артқа көз жүгірте отырып, ол Шоқан екеуінің туыстық тамыры бар екенін түсінген. Сондықтан ол Шоқанды ақсүйектер заңына сай төмен санамаған, керісінше өзін одан жоғары қойған жоқ. Жасы кіші болса да, оған «Сіз» деп құрметпен сөйлеген. Бұл олардың хат алмасуларынан да байқалады

Екі ұлы адамның бірге түскен суреті 1858 жылды көрсетеді. Демек, сол кезде Достоевский 37 жаста, ал Шоқан 23 жаста болуы тиіс. Ол уақытта Достоевский Семей қаласынан кетуге дайындалып жүрген, ал Шоқан Қашғарияға жасаған сапарынан енді ғана оралған болатын. Бұл фотосуретті сол кездегі танымал фотограф Левин түсірген. Ол Семей қаласының алғашқы фотографы ретінде тарихқа енген. Верный (қазіргі Алматы) қаласындағы алғашқы фотографтардың бірі де осы Левин болған.

Қызығы, ол кезде тек бір ғана фотосурет данасы жасалған, оның көшірмесі болмаған. Шоқан мен Достоевскийдің бірлескен суреттері тек осы ғана емес. Уәлиханов пен Достоевский бірнеше рет бірге суретке түскен деген болжам бар. Мысалы, Федор Михайловичтің танысы Капустин оған былай деп жазған: «Сізден көп нәрсе сұрағым келеді. Қазір менде сіздің Уәлихановпен түскен суретіңіз бар. Бұл сурет менің басқа достарымның портреттерінің арасында тұр»

Шоқан мен Достоевскийдің хаттары. Шоқан Шыңғысұлы мен Федор Михайловичтің достығы Омбыда, Семейде, Санкт-Петербургте бірге болған кезеңдерінде ешқашан үзілмеген, әрі келесі алты жыл ішінде (1856–1862) бұл достық хат алмасу арқылы одан әрі нығайған.

Достоевский – қазіргі батыс әдебиеті мен философиясына үлкен әсер еткен тұлға. Тіпті Ницшенің әйгілі «Заратуштра осылай деді» шығармасы Достоевскийдің «Қылмыс пен жаза» романынан әсер алып жазылған деген пікір бар. Пикассоның кубизм бағытының қалыптасуына да Достоевский шығармалары ықпал еткен.

Ал Шоқан – шағын халықтың перзенті еді. Қазақ халқына түскен ауыр қысым салдарынан ол толыққанды көркем шығармашылықпен айналыса алмады. Дегенмен Достоевский Шоқанды прозамен айналысатын тұлға деп санаған. Шын мәнінде, оның роман жазуға өмірі жетпеді. Егер өмірі ұзақ болғанда, ол ұлы жазушы ретінде танылуы мүмкін еді. Біздің ойымызша, империялық жүйенің қысымы оның жолын бөгеді... Ал әлемдік мәдениетке феномен ретінде енген Достоевский болса, Шоқанды биік деңгейде бағалаған. Біз жоғарыда олардың хаттарында Достоевский Шоқанға «Сіз» деп құрметпен сөйлегенін, ал Шоқан Достоевскийге «сен» деп жазғанын айттық. Төменде Достоевскийдің Шоқанға жазған хаты берілген. Ол кезде Шоқан 21 жаста болған. Бұл оның Жетісу, Ыстықкөл, кейін Құлжаға сапарға дайындалып жүрген уақытына сәйкес келеді.

Достоевскийдің Шоқанға хаты (қазақша аударма).

«Сіздің хатыңызды, ең мейірімді досым, Александр Николаевич маған жеткізді [1]. Сіз соншалықты жылы әрі ілтипатты жазғансыз, мен Сізді қайтадан көз алдымда көргендей болдым. Сіз мені жақсы көретіндігіңізді жазыпсыз. Ал мен Сізге ешқандай рәсімсіз-ақ айтамын: мен Сізге ғашық болып қалдым. Мен ешқашан, тіпті туған ағамды да қоспағанда, Сізге дегендей қатты тартылыс сезінген емеспін. Қалай болғанын өзім де білмеймін. Мұны көп түсіндіруге болар еді, бірақ Сізді мақтаудың қажеті жоқ! Сіз, әрине, дәлелдеусіз-ақ менің шынайылығым сенесіз, қымбатты Валиханов мырза. Осы тақырыпқа 10 кітап жазса да, сезімді толық түсіндіру мүмкін емес: сезім мен тартылыс – түсіндірілмейтін нәрсе. Сізбен арбадан қоштасқаннан кейін біз бәріміз күні бойы мұңайып жүрдік. Жол бойы Сізді еске алып, жарыса мақтадық. Сізбен бірге бара алсақ қандай жақсы болар еді! Барнауылда Сіз үлкен әсер қалдырар едіңіз. Кузнецкіде мен бір өте ақылды, жанды, жүрегі таза бір әйелмен таныстым, ол менің ең жақын досым. Мен оған Сіз туралы көп айттым, ол Сізді көрмесе де, менің сөзім арқылы жақсы көріп қалды. Мүмкін Сіз оны бір күні көрерсіз. Сіз Омбыда жалықтым деп жазыпсыз – бұған таң қалудың қажеті жоқ! Сіз қызметіңіз бен жағдайыңыз туралы кеңес сұрапсыз. Менің ойымша, мынаны істеңіз: оқуды тоқтатпаңыз. Сізде көп материал бар. Дала туралы мақала жазыңыз. Оны басып шығарады (бұл туралы біз сөйлескенбіз). Ең дұрысы – Сіз өзіңіздің дала өміріңіз туралы жазбаларға ұқсас еңбек жазсаңыз. Бұл үлкен жаңалық болар

еді. Сіз не жазу керегін жақсы білесіз (мысалы, Пушкин аударған Джон Теннер сияқты). Сізге Петербургте де, Омбыда да назар аударылады. Географиялық қоғам Сізге қызығушылық танытар еді. Барлығын бір жыл ішінде ойланып шешуге болады. Бір жылдан кейін Сіз Ресейге барып, өміріңізді қайта құра алар едіңіз. Сосын Еуропаға да сапар шегу мүмкін болар еді. 7–8 жылдан кейін Сіз өз халқыңызға үлкен пайда әкелетін тұлға болар едіңіз. Сіз Ресейде дала туралы алғаш болып толық түсіндірген адам бола аласыз. Сіз – өз халқыңыздан шыққан алғашқы еуропалық білім алған адамсыз. Мұны ұмытпаңыз. Ешқашан тоқтамаңыз, әрекет етіңіз, қажет болса айла да қолданыңыз. Сізге сәттілік тілеймін. Қош болыңыз, қымбатты досым. Мені ұмытпаңыз, жиі жазыңыз. Мен де әрқашан жауап беремін...».

1856 жылғы 14 желтоқсан. Семей.

Достоевский Шоқанға жазған хатында Еуропаға екі жылдық сапар туралы айтады. Әрине, отбасымен бірге бару жоспарланған. Енді Шоқанның Достоевскийге жазған хатына көшейік:

«Қымбатты досым, Федор Михайлович! Менің өлдім деп ойлауыңның өзі қисынсыз. Соған қарамастан, мен тірімін. Осы хат арқылы менің уәждерімді түсінуге тырыс. Бұған дейін саған хат жазбауымның әртүрлі себептері болды, енді соның бәрін түсіндіріп берейін. Біріншіден, мен қазан айында Петербургке баруды жоспарлаған едім. Бірақ ауырып қалуыма байланысты бұл ойымды желтоқсанға қалдырдым. Желтоқсанда да денсаулығым жақсармаған соң, Сібір дәрігерлерінің кеңесімен қысты ауылда өткізуге шешім қабылдадым. Сонымен қатар, Петербургте өмір сүру денсаулығымға сай келмейтініне көзім жетті. Сондықтан Қашғарияда консулдық қызметке орналасу туралы ойланып жүрмін. Егер ол да мүмкін болмаса, қызметтен кетіп, сайлау арқылы өз халқымның мүддесіне қызмет етемін. Мен Қашғардың климаты денсаулығымды жақсартады деп ойлаймын. Егер ол да көмектеспесе, туған жерімде де өмір сүре аламын. Шаруашылықпен, саудамен айналысып, сайлауда жеңіске жетсем, сауатты шенеунік ретінде қараңғы, надан сұлтандардан гөрі өз еліме көбірек пайда әкелемін. Біз Петербургке барып, бірнеше ай бойы достармен кездесіп, жаңа кітаптар алып, жаңа ойлармен қаруланып, кейін өз қазақтарымызға қайта оралар едік! Қалай ойлайсың, Федя, жаман ба?! Мұның бәрі менің денсаулығым түзелсе ғана мүмкін. Қазір жағдайым жаман емес, бірақ толық айықтым деп те айта алмаймын. Сондықтан қысты ауылда өткізіп, жазда далада болып, қымызбен емделуді жалғастырмақпын. Ал күзге қарай, егер тірі болсам, Петербургке жетемін. Сонда сені қатты құшақтап, сен айқайлап жіберетіндей боламын. Біздің сұрғылт даламыз түссіз көрінгенімен, демалыс үшін өте қолайлы! Ешкім мазаламайды. Сібірдегі бір білікті дәрігердің кеңесімен қазір ештеңе жазбаймын да, оқымаймын. Қысқасы, ой еңбегін ұмыттым – бұл менің қазіргі «емделуім». Бірақ мұның бәрі жалықтырады. Бүркітпен, мылтықпен, итпен аң аулауға болар еді, бірақ оған да денсаулығым жарамайды. Михайло Михайлович не істеп жүр? Оның «Время» журналы қалай? Мен газет алмаймын, сондықтан ештеңеден хабарым жоқ. Оған, Николайға және басқаларға үлкен сәлем айт! Майков пен оның әйеліне де сәлем! Сол сияқты Полонский мен Страховқа да жеткіз. Егер Николай Курочкинді көрсең, мен оған хат жазамын деп айт. Енді саған бір өтінішім бар. Жоғарыда айтқанымдай, менде оқитын ештеңе жоқ. Маған «Время» журналын жіберіп тұрсаң жақсы болар еді. Кейін ақшасын қайтарамын. Егер мүмкіндік болса, менің атымнан «Современникке» жазыл. Менің мекенжайым: Батыс Сібір, Петропавл арқылы Көкшетау станицасы. Мені ұмытпа. Маған өз фотосуретіңді жібер. Майков, Полонский, Крестовский де өз фотоларын жібереміз деп уәде еткен. Оларға да ескертіп қой. Мария Дмитриевнаға үлкен сәлем! Біз сияқтыларды ұмытпа!»**

Ш. Уәлиханов. 14.01.1862 жыл

Мұндай хаттар Шоқан мен Достоевский арасында жиі болған. Осы екі хат арқылы екі халықтың ұлы тұлғаларының кім екенін көруге болады. Иә, Шоқан – шағын халықтың перзенті еді. Өте ерте, тым ерте осындай жарқын жұлдыздың өмірі үзілді. Иә, шағын халықтың көз жасы ауыр... А. Н. Пуриков Достоевскийге Омбыдан Шоқанның 1856 жылғы 5 желтоқсандағы хатын жеткізген. Барнаул сапары туралы Достоевский Врангельге хатында жазған. Мұнда М. Д. Исаева туралы айтылған. Шоқан Омск туралы пікірін білдірген.

Қорытындылай келе, Фёдор Михайлович Достоевский мен Шоқан Шыңғысұлы Уәлиханов достығы – екі халық арасындағы рухани, мәдени және интеллектуалдық байланыстың символы болып табылады. Бұл байланыс тарихи, ғылыми, әдеби және рухани тұрғыдан маңызды. Олардың өмірлері мен хаттары мәдениетаралық диалогтың, адамгершілік пен білімге құштарлықтың үлгісі ретінде зерттеушілер үшін құнды материал болып қала береді.

Әдебиеттер

1. О Змиеве (Змеиногорске) см. письмо 42, примеч. 2. Локтевский сереброплавильный завод и рудник в Алтайском горном округе находился в 304 верстах от Барнаула и в 70 верстах от Змеиногорска на крупном изгибе реки Алея, известном под именем Локтя (см.: Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. Семенов. СПб., 1867. Т. 3. С. 84).

2. П. П. Семенов (позднее Тянь-Шанский), с которым Достоевский познакомился в кругу петрашевцев, находился в это время в Семипалатинской области как глава экспедиции, снаряженной Географическим обществом в Среднюю Азию. О встречах с Достоевским в Семипалатинске и Барнауле он оставил воспоминания (см.: Достоевский в воспоминаниях. Т. 1. С. 217-221).

3. По свидетельству друга Валиханова по Сибирскому кадетскому корпусу, последний с юношеских лет мечтал об изучении киргизской степи: «...нас обоих интересовал один и тот же предмет – Киргизская степь и Средняя Азия» (Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб. 1904. Т. 29. С. XVI–XVII).

4. Географическое общество по отделению этнографии, том XXIX. СПб, 1904 г.

5. Валиханов Ч. Ч. Этнографическое наследие казахов. Астана, Алтын Кітап, 2007.

УДК 94(574.41):72.03

МРНТИ 03.19.00; 18.31.00

А. К. Балтабекова, Н. Әсетқызы
педколледж им.М. О. Ауэзова
руководитель: Сәулетбек И. Д.
Семей, Қазақстан

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕМЕЯ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛЕД

THE ARCHITECTURAL HERITAGE OF SEMEJ AND ITS HISTORICAL TRACE

Аннотация. Статья посвящена изучению исторических зданий города Семей XIX – начала XX века. Рассматриваются их архитектурные особенности и роль в культурно-историческом развитии региона. Особое внимание уделяется связи объектов с выдающимися личностями, такими как Ф. М. Достоевский, Абай Кунанбаев и деятели движения Алаш.

В работе анализируется значение данных зданий в формировании гражданского сознания и патриотического воспитания. Практическая часть включает создание цифрового ресурса об исторических объектах города. Сделан вывод о важности сохранения и популяризации исторического наследия.

Annotation. This article examines the historic buildings of Semey from the 19th and early 20th centuries. Their architectural features and role in the region's cultural and historical development are examined. Particular attention is paid to the buildings' connections to prominent figures, such as Fyodor Dostoevsky, Abai Kunanbayev, and the Alash movement.

The paper analyzes the significance of these buildings in fostering civic consciousness and patriotic education. The practical component includes the creation of a digital resource about the city's historic sites. The importance of preserving and promoting historical heritage is highlighted.

Ключевые слова: Семей, Мухтар Ауэзов, Алаш, историко-культурное наследие, Музей-дом, история Казахстана, национальная интеллигенция, гимназии, культурное наследие.

Keywords: Semey, Mukhtar Auezov, Alash, historical and cultural heritage, Museum-house, history of Kazakhstan, national intelligentsia, gymnasiums, cultural heritage.

В осмыслении важной роли культурного наследия в духовной жизни народа большое значение приобретают архитектурные и исторические памятники, придающие облику нашего города неповторимое своеобразие. Рассмотрим основные из них.

Областной историко-краеведческий музей города Семей был основан в 1883 году по инициативе политических ссыльных русских демократов – Евгения Михаэлиса, Нифонта Долгополова, Павла Лобановского, а также казахского поэта Абая Кунанбаева. Значительный вклад в создание музея внесли и другие политические ссыльные. Поддержку в организации музея и общественной библиотеки оказал член статистического комитета, военный губернатор Александр Праценко. В дальнейшем развитию музея способствовали Абай, его ученик – поэт и философ Шакарим Кудайбердиев, а также выдающийся писатель Мухтар Ауэзов. С момента основания музей восемь раз менял своё местоположение. С 1978 года он располагается в здании бывшего генерал-губернатора, построенного в XIX веке. В годы революции и гражданского противостояния это здание носило название «Дом свободы». В 1917 году здесь состоялась встреча лидера движения «Алаш» Алихана Букейханова с жителями города. В том же году в этом здании прошёл первый областной съезд казахов, на котором было принято решение о создании казахской автономии. Абай Кунанбаев неоднократно посещал Семей и принимал участие в сборе этнографических и бытовых предметов. По данным исследователей, он намеревался лично передать часть экспонатов в музей, однако по определённым причинам не смог этого сделать. Впоследствии собранные им материалы были переданы в музейный фонд. В 1940-х годах, после открытия отдельного музея Абая, часть этих экспонатов была передана туда. В настоящее время фонд музея насчитывает более 130 тысяч экспонатов. Экспозиции охватывают различные направления: природу региона, археологию, историю города и края, этнографию, период независимости, идеи движения «Алаш», историю Семипалатинского ядерного полигона, а также деятельность Абая, Мухтара Ауэзова и Шакарима. В выставочных залах регулярно проводятся тематические экспозиции. Формирование фондов музея происходило за счёт личных коллекций политических ссыльных и местной интеллигенции. В начале XX века, в период создания Семипалатинского отделения Русского географического общества, музейный фонд насчитывал 2489 экспонатов, большинство из которых относились к ценным артефактам ранних и средневековых эпох. В настоящее время они входят в «золотой фонд» музея. Одним из старейших экспонатов является коллекция бабочек и жуков, переданная в 1883 году зоологом Виктором Селевиным. В экспозиции также представлены редкие виды бабочек, занесённые в Красную книгу Казахстана, обитающие в лесных и лесостепных зонах. Библиотека музея является гордостью региона и насчитывает более 35 тысяч редких изданий. В её фонде представлены словари, справочники, научные труды, исследования учёных Средней Азии, Китая и России, статистические материалы, атласы и географические карты. Здесь можно найти печатные издания конца XIX – начала XXI века. В музейных фондах широко представлены минералы, образцы полезных ископаемых, артефакты каменного, бронзового и железного веков, археологические инструменты, а также ювелирные изделия. Украшения из серебра и драгоценных камней – браслеты, серьги, кольца, пояса – демонстрируют высокий уровень мастерства ювелиров Восточного Казахстана. Особое место занимают традиционные украшения, такие как шолпы и шашбау. Таким образом, музей представляет собой крупный научный, культурный и исторический центр, который аккумулирует и сохраняет наследие различных эпох, передавая его будущим поколениям. Собранные материалы систематически изучаются и широко используются в научной и образовательной деятельности.

Заметное место в облике города занимает Дом-музей Ф. М. Достоевского в Семей. В XIX веке город Семей (бывший Семипалатинск) являлся одним из центров политической ссылки. Здесь более пяти лет проживал выдающийся русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский, отбывавший наказание после каторги. В период пребывания в Семей Достоевский создал ряд известных произведений, в том числе повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Писатель проживал в деревянном доме, расположенном в центральной части города. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Семей был открыт в 1971 году к 150-летию со дня рождения писателя. Достоевский прибыл в Семей в 1854 году для прохождения военной службы после освобождения из каторги. Одним из первых людей, с которыми он познакомился еще в Омске, был молодой учёный и исследователь Шокан Валиханов. Несмотря на значительную разницу в возрасте, между ними установились тёплые дружеские отношения, сыгравшие важную роль в культурной жизни региона. Именно в Семей Достоевский познакомился со своей первой любовью – Марией Исаевой. Позднее он писал о ней как о человеке, который поддержал его в один из самых сложных периодов жизни. Следует отметить, что музей Достоевского в Семей является единственным музеем писателя, расположенным за пределами России. Всего в мире насчитывается семь музеев, посвящённых его жизни и творчеству. Рядом с музеем установлен памятник, символизирующий дружбу Ф. М. Достоевского и Ш. Валиханова, что подчёркивает культурные связи между русской и казахской интеллигенцией. В Семей Достоевский проживал с 1854 по 1859 годы. За это время он прошёл путь от рядового солдата до офицера. В настоящее время музейный фонд включает более 25 тысяч экспонатов, среди которых представлены книги писателя на различных языках, издания русских классиков, а также редкие экземпляры с авторскими автографами. Экспозиция музея постоянно пополняется и отражает не только личную и творческую биографию писателя, но и историческую атмосферу эпохи. Семей в тот период являлся местом сосредоточения политических ссыльных и представителей интеллигенции, что способствовало развитию культурной среды региона. Таким образом, дом-музей Ф. М. Достоевского в Семей представляет собой значимый культурно-исторический объект, отражающий важный этап в жизни писателя и играющий существенную роль в сохранении литературного наследия.

Особое место в облике города занимают образовательные учреждения. Напомним, что в Казахстане гимназическое образование стало активно развиваться в конце XIX века. Мужская гимназия считалась учебным заведением высокого уровня среднего образования и готовила учеников к поступлению в вузы. Она подчинялась Министерству народного просвещения и работала по классической программе. Гимназия была основана в 1894 году. В первые годы абитуриенты часто обучались в других городах, например, в Омске. Подготовительный отдел помогал ученикам адаптироваться к гимназическому курсу, развивал навыки письма, арифметики и языковой грамотности. Основные классы включали русский язык, латинский и греческий, логику, историю, географию, алгебру, геометрию, физику, тригонометрию, естествознание, французский и немецкий языки, чистописание и гимнастику. В гимназии работали директор, инспектор, классные руководители и предметные преподаватели. В старших классах открывались курсы для подготовки будущих учителей. Прием в гимназию требовал свидетельство о рождении, медицинскую справку и документы, подтверждающие социальное положение. В 1894-1918 годах многие казахские юноши получили здесь образование, продолжили обучение в вузах и работали в сфере права, науки и администрации. Мужская гимназия стала важным центром классического образования и заложила основу системы просвещения в Восточном Казахстане.

Образование для девочек в Семей также развивалось с конца XIX века. В 1871 году была основана женская прогимназия, которая позже стала полной гимназией. Управление осуществляли директор и инспекторы. Программа гимназии включала классические предметы: русский язык, математику, иностранные языки, историю и географию. Прогимназия была

промежуточным этапом перед полноценной гимназией. По архивным данным, в 1896 году здесь обучалось 209 девочек. Данных о казахских ученицах нет, что объясняется социальными и языковыми барьерами и ограниченным доступом к образованию. После преобразования в гимназию потребовалось отдельное здание. В 1903 году городская управа предложила кредит на строительство нового каменного двухкорпусного здания. Женская гимназия входила в региональную сеть учебных заведений и обеспечивала девочкам Восточного Казахстана доступ к среднему образованию.

Важное историко-культурное значение в контексте духовного наследия играет музей-дом «Алашарыстары – Мухтар Ауэзов». Он является историко-культурным объектом, который подробно знакомит с Алашским движением, деятельностью национальной интеллигенции и жизнью выдающегося представителя казахской литературы – Мухтара Ауэзова. Этот музей входит в состав государственного историко-культурного и литературно-мемориального заповедника «Жидебай-Берілі» в городе Семей. Здание музея построено во второй половине XIX века и представляет собой ценный исторический памятник. Изначально дом принадлежал Аниару Молдабаеву – современнику и земляку Абая, а также его ученику. Дом был приобретён в 1898 году при финансовой поддержке Абая. Материалы фонда музея-дома посвящены не только отдельной личности, но и деятельности героев Алашской партии и Алашской автономии, демонстрируя их общественную и историческую роль. Экспозиции позволяют посетителям познакомиться с жизнью и деятельностью Алашских деятелей, а также с участием в этом Мухтара Ауэзова.

Историческое значение музея заключается в развитии национального сознания и идеи независимости: музей демонстрирует идеологическую деятельность казахской интеллигенции, особенно представителей Алашского движения, их борьбу за независимость. Экспозиции включают выпуск газеты «Қазақ» и документы, отражающие идеологическое развитие казахского общества. Связь литературы и общества несомненна: музей показывает личную и общественную жизнь Мухтара Ауэзова, включая его деятельность в области литературы, театра и образования в Семее, что помогает понять влияние казахской интеллигенции на общество. Экспозиции музея играют важную роль в воспитании исторического сознания и патриотизма у молодёжи, студентов и туристов, способствуя более глубокому пониманию национальных историко-культурных ценностей.

Музей-дом «Алашарыстары – Мухтар Ауэзов» сыграл значительную роль в культурной, политической и литературной истории казахского общества. Он функционирует как центр сохранения, изучения и популяризации национальной истории. Экспозиции дают представление о формировании казахской интеллигенции и ответственности за культуру, превращая музей в школу национального сознания и культуры. Ценные архивные материалы и исторические документы служат источником науки, образования и духовного развития для будущих поколений.

Практическую помощь в осмыслении культурно – исторических памятников края оказывает специальный сайт города: <https://semeyhistory.tilda.ws>. Сайт содержит информацию о ключевых исторических объектах Семей и края: Краеведческий музей, Дом Достоевского, музей деятелей Алаша и старые гимназии. Визуальная галерея показывает архивные и современные фотографии зданий, что позволяет проследить развитие городской архитектуры. Интерактивная карта с GoogleMaps демонстрирует точное расположение объектов и предлагает исторические маршруты для пеших экскурсий. Мобильная версия сайта включает элементы дополненной реальности (AR), что помогает современно продвигать историческое наследие через гаджеты.

Итак, в ходе работы была проведена всесторонняя оценка исторических зданий города Семей XIX–XX вв. и их культурно-исторической роли. Значение историко-культурного наследия подтверждается такими объектами, как Дом губернатора, Дом – музей Ф. М. Достоевского,

мужская и женская гимназии, музей «Алашарыстары – Мухтар Ауэзов». Эти здания представляют собой не только архитектурные памятники, но являются свидетельством национального сознания и исторических событий, отражая культурное и социальное развитие региона. Архитектурный анализ показал, что здания демонстрируют мастерство кирпичной кладки XIX века, элементы модерна и классические архитектурные решения. Например, архитектура Дома генерал-губернатора и деревянная стилистика Дома Достоевского имеют особое историческое значение. Связь с историческими личностями раскрывает историю Алашского движения, национального образования и культурного развития Семейского края. Исторические здания обладают значительным туристическим и образовательным потенциалом. Они могут использоваться для экскурсий, формирования исторической памяти молодежи, а музеи и гимназии способствуют образовательной и культурной деятельности. Результаты исследования подтверждают гипотезу: продвижение исторических зданий не только как архитектурных памятников, но и как свидетелей национального наследия и Алашского движения, увеличивает туристический потенциал города и углубляет историческое сознание молодежи.

Литература

1. Семейский областной краеведческий музей. Официальные материалы. – <https://semeymuseum.kz>
2. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. – <https://dostoevsky-museum.kz>
3. Архивные документы о Семейской мужской гимназии // Центральный государственный архив Республики Казахстан.
4. Архивные данные о Семейской женской гимназии // Восточно-Казахстанский областной государственный архив.
5. Музей-дом «Алаш арыстары – Мухтар Ауэзов» // Государственный историко-культурный и литературно-мемориальный заповедник <https://abai-museum.kz>
6. Койгельдиев М. Алашское движение. – Алматы: Санат, 1995.
7. История Казахстана (XIX-XX вв.). – Алматы: Атамұра, 2010.

Исакова Дарья
МНО 25-09 1 курс педколледжа им. М.О. Ауэзова
руководитель: Муздыбаева А. К.
Семей, Казахстан

ЛИТУРГИЯ ВНЕ ХРАМА: ОБРАЗЫ ОБЩИХ ТРАПЕЗ И МИЛОСТЫНИ В ПЯТИКНИЖИИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

LITURGY OUTSIDE THE TEMPLE: IMAGES OF COMMON MEALS AND ALMS IN THE PENTATEUCH OF F. M. DOSTOEVSKY

Тема «литургии» в произведениях Ф. М. Достоевского заинтересовала меня своей неординарностью. Я решила полнее осмыслить эту тему.

Литургия (греч. – общее дело, служение) – это главное христианское богослужение, во время которого совершается таинство причащения. Ключевая идея литургии – единство (соборность). Люди разных сословий, возрастов и судеб собираются вместе, чтобы стать единым целым.

У Достоевского данная логика богослужения переносится в обычную, повседневную жизнь. Люди объединяются вокруг общего стола и разделение хлеба становится актом прощения и принятия друг друга. Достоевский пытается сделать мир «соборным», где каждый чувствует вину и ответственность за всех.

Тема «литургии вне храма» у Ф. М. Достоевского раскрывает одну из ключевых особенностей его художественного мира: граница между священным и обыденным у него практически стирается. Писатель убежден, что истинная духовная жизнь совершается не только в храме, но и в самой повседневности — в простых человеческих жестах, в сострадании, в умении

быть рядом с другим. Достоевский считал, что истинное христианство должно проявляться не столько в обрядах, проведении ритуалов, соблюдении всех религиозных праздниках, сколько в соборности, т. е. духовном единении людей через сострадание, милостыню и общую трапезу.

Его «пятикнижие» – «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» – образует своеобразный духовный цикл, в котором бытовые сцены постепенно обретают символическое и даже сакральное значение.

Рассмотрим образ «общей трапезы». В произведениях Достоевского совместная трапеза выступает как важный знак человеческой связи. Сцена еды перестает быть рамками быта. Это не просто удовлетворение физической потребности, а акт общения, внутреннего сближения, иногда – примирения, либо трагического разобщения.

В «Преступлении и наказании» пища, которую получает Раскольников, становится выражением заботы и любви. Через эти простые действия окружающие пытаются «вернуть» его к жизни среди людей. Сам герой, оторванный от общества, сначала отталкивает эту связь, но именно через такие жесты постепенно начинает чувствовать свою принадлежность к миру. Здесь же Достоевский показывает пример «неудавшейся», когда Катерина Ивановна, считая последние деньги, пытается показать достоинство семьи, но все это оборачивается скандалом.

В «Братьях Карамазовых» сцены у старца Зосимы наполнены тихой духовной силой. Простая еда, отсутствие роскоши, равенство всех присутствующих создают атмосферу подлинного братства. Здесь трапеза становится символом гармонии, к которой стремится человек. Алеша Карамазов, после похорон Илюшечки, собирает мальчиков у камня. Здесь показано, что это не просто «поминки», а происходит установление нового братства. Мальчики, разделяя пищу, одновременно разделяют память, боль и дружбу. Эта сцена показывает, что даже в скорби возможно единение, близкое по смыслу к духовному причастию.

В романе «Идиот» трапеза показана как духовное испытание или Голгофа. На званом вечере у Настасьи Филипповны, Достоевский показывает нам «анти-трапезу». Вместо того, чтобы еда объединяла – произошел торг и хаос. Именной пирог остался нетронутым, общая трапеза стала зрелищем разрушения.

В «Бесах» же, обед у губернатора Лембке показан через образ формализма и бюрократического «пира во время чумы», который прерывается пожаром и бунтом.

В романе «Подросток» общая трапеза связана с поиском корней. Подросток пытается обрести отца. Каждый совместный обед – это шаг к примирению. А обеды «золотой молодежи» становятся инструментом самоутверждения и духовной пустоты. Отсюда вывод: у Достоевского стол – это всегда алтарь. Если на этом алтаре любовь и самопожертвование, то это истинная «литургия» в миру. Если, в противовес этому гордыня и расчет, то, как считает писатель, это «пир бесов», который ведет к разрушению.

Рассмотрим мотив милостыни как путь к нравственному пробуждению. Мотив милостыни у Достоевского всегда связан с внутренним движением души. Это не формальный акт помощи, а событие, меняющее человека – как дающего, так и принимающего, т.е. восстановление связи между людьми. Здесь, как считает Федор Михайлович, нет «дающего» и «берущего», есть лишь два «божиих человека». Писатель утверждает, что настоящая милостыня возможна лишь тогда, когда дающий не чувствует превосходства, а принимающий не чувствует унижения.

В «Преступлении и наказании» Раскольников, несмотря на свою теорию, постоянно отдает свои последние деньги: семье Мармеладовых, на похороны, пьяной девочке на бульваре. Это говорит о том, что его «живая душа» сопротивляется «мертвой идее». Лизавета же – воплощенная милостыня и кротость, но Раскольников ее убивает. Значит, по Достоевскому, это символическое убийство милосердия.

В романе «Идиот» отношение князя Мышкина к людям – это непрерывная духовная милостыня. Он отдает не только деньги, но и свое время, внимание. Когда все презирали девушку Мари, только Мышкин помогал ей – здесь писатель показывает модель идеального милосердия.

Грушенька в романе «Братья Карамазовы» рассказывает историю о злой бабе, которая в жизни подала лишь одну луковку нищему, но смысл здесь в том, что даже самое ничтожное добро имеет огромный вес. Достоевский подчеркивает, что Бог ищет малейший повод, чтобы спасти человека. Даже ничтожный поступок, совершенный без корысти, имеет сакральный вес.

Писатель часто подчеркивает, что важен не размер дара, а движение сердца. В «Подростке» и «Бесах» милостыня выступает как проверка. Герой проверяется на способность к смирению. Смысл здесь в том, что «весь мир за всех виноват», и милостыня – это способ разделить эту общую вину.

Таким образом, в творчестве Достоевского повседневность обретает высокий смысл. Простые действия – накормить, поддержать, выслушать – превращаются в акты духовного единения.

«Литургия вне храма» у Достоевского – это идея о том, что святость доступна каждому и проявляется не в особых условиях, а в обычной жизни. Именно через любовь к другому человеку раскрывается присутствие высшей истины. Трапеза – это символ соборности: мы все за одним столом Всевышнего.

Милостыня – это признание равенства и преодоление гордыни, а литургия вне храма – это превращение каждого социального акта в добрые дела и поступки. Отсюда: элементы Литургии в произведениях писателя означают жертвенность, т.е. готовность отдать последнее. Литургия у Достоевского – это этический идеал человеческих отношений, построенный не на выгоде, а на любви.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990. Т.6, 8, 10, 13, 14, 15
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972.
3. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. – Прага: YMCA-Press, 1923.
4. Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в произведении искусства как основа «реализма в высшем смысле». – М.: ИМЛИ РАН, 2004.
5. Сальвестрони С. Библейские и литургические источники романов Достоевского. – СПб.: Академический проект, 2001.
6. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. – М.: Круг, 2004.
7. Левина Л. А. «Луковка» Ф. М. Достоевского: генезис, мифологема, текст // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 15. – СПб.: Наука, 2000.
8. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Опыт прочтения романа «Преступление и наказание». – СПб.: Серебряный век, 2005.

Симонова Светлана
МНО 25-09 3 курс педколледжа им. М. О. Ауэзова
руководитель: Муздыбаева А. К.
Семей, Казахстан

«ФЕНОМЕН «ПРИЖИВАЛЬЩИКА» И ДЕСПОТА: ФОМА ОПИСКИН КАК СЕМИПАЛАТИНСКОЕ ОТКРЫТИЕ ДОСТОЕВСКОГО».

«THE PHENOMENON OF THE ‘SPOONIST’ AND THE DESPOTE: FOMA OPISKIN AS THE SEMPALATINE DISCOVERY OF DOSTOEVSKY»

Достоевский жил в Семипалатинске с 1854 по 1859 год. Это время пришло после Омского острога. Он не просто отбывал ссылку, для него это стало периодом внутреннего восстановления и анализа пережитого ужаса. До каторги Достоевский писал о «маленьком человеке». Страдания «маленького человека» казались благородными, унижения казались несправедливыми.

Четыре года в кандалах открыли Федору Михайловичу другую правду. Страдание не всегда делает человека лучше. Оно может породить жуткое желание власти. Это попытка отыграться за боль. В Омске зло было грубым. В Семипалатинске оно приняло бытовую форму. Писатель наблюдал за местными жителями. Семипалатинск стал для него зеркальной комнатой. Здесь пороки общества отражались карикатурно. Это помогло изучить писателю природу тирании на бытовом уровне.

В 1859 году Достоевский написал повесть «Село Степанчиково и его обитатели». Нам она еще интересна и тем, что повесть была написана в Семипалатинске. Опискин Фома – герой данной повести. Он стал первым художественным итогом размышлений писателя о природе зла, власти и самолюбия. И хотя повесть не связана с темой каторги, но в образе этого героя Федор Михайлович показал психологию униженного и властного человека.

Фома Опискин воплощает психологию каторжника. Ее перенесли в дворянскую усадьбу, которое позволило писателю разглядеть вывернутого арестанта. В «Мертвом доме» даже забитый заключенный может стать деспотом с властью. Опискин – приживал, он зависит от хозяина, но мы его видим как деспота, который требует поклонения от окружающих. В нем, Федор Михайлович показал образы каторжан, которые были жертвами системы, но в остроге сами становились тиранами. На каторге люди сами ищут тирана: им проще переложить ответственность за жизнь.

Фома Фомич идеально воплощает такое превращение. Поэтому такой персонаж не мог появиться до 1854 года. Эта идея легла в отношения Фомы и полковника Ростанева. В остроге шутство помогало выжить. Здесь же, Опискин использует маску шута, чтобы войти в дом, где потом он превращает свои обиды в право мучить других.

В Семипалатинске Достоевский нащупал черты человека из подполья. Опискин – первый черновик такого героя. Он мстит миру за чувство «червяка», чтобы в дальнейшем требовать признания себя богом. Живет за счет других, паразитируя на чувствах окружающих. В «мертвом доме» писатель сталкивался с такими личностями, которые использовали религию или «страдания» для собственной выгоды.

Работа над повестью шла в информационном голоде, так как Достоевский был отрезан от столицы. Но Семипалатинск стал для него пространством внутренней работы – периодом осмысления пережитого на каторге. Он брал материал из провинциальной жизни. Скука провинциального городка создала атмосферу замкнутого пространства. В этой тишине Опискин раздул свою значимость. В другом месте он бы лопнул как пузырь. В эти годы Достоевский возвращается к вере. Но здесь он видел опасность: святые истины становятся инструментом попытки в руках лицемера. Опискин стал предупреждением о лжесвятости. Для Достоевского Семипалатинск – состояние души, потому что для писателя это не просто географическая карта, а символ переломного периода – когда началось духовное и творческое возрождение после каторги. Опискин – первый результат анализа.

Писатель говорил, что в Семипалатинске увидел: человек может быть каторжником без кандалов. Он строит тюрьму у себя в гостиной.

После каторги Достоевский написал комическую повесть. На первый взгляд это легкая комедия. Но за юмором скрывается исследование деформированной души. Через преувеличение он показал нелепость в Степанчикове. Сильные люди добровольно становятся рабами ничтожного. Без абсурда читатель не поверил бы в такое подчинение. Смех стал терапией. Высмеивая тиранию, Достоевский дистанцировался от своей боли. Он превратил опыт подавления в сатиру.

Семипалатинск дал готовую декорацию: жизнь здесь была как на ладони. Поведение превращалось в перформанс. Опискин – театральная персонаж: он не живет, он играет роль. Его проповеди, обиды и обмороки – отрепетированные сцены. Манипулятору же всегда нужна

аудитория. И для него Степанчиково – идеальный зал, который верит пафосным словам. Фома цитирует и подражает великим, так он прячет пустоту за красивыми текстами.

Этот жанр помог вернуться Достоевскому в литературу, где он создал психологический роман под маской анекдота. Через Опискина он спорит с Гоголем. Комическая форма безопасно высмеивает фальшивый пафос, и юмор показывает бесовщину в бытовом виде. Семипалатинск стал репетиционной сценой. Под маской комедии проработаны темы будущих трагедий.

Опискина часто считают комичным деспотом вроде Тартюфа. Но в Семипалатинске Достоевский шагнул вперед. Он перешел к изучению глубоких смыслов. Опискин – первый идейный тиран в его творчестве. Он зародыш будущих героев-идеологов. В нем видны черты человека из подполья. Это болезненное самолюбие и утверждение за счет других. Метод захвата власти через идею станет ключевым позже. Фома не капризничает, с его точки зрения он строит базу из идей справедливости и морали. Это первый шаг к пониманию мысли писателя: благая идея может стать насилием.

С точки зрения психологии Опискин – портрет манипулятора. Он заставляет сомневаться в адекватности, это – газлайтинг. Он использует честность Ростанева как рычаг. Достоевский заметил: тиран не сильный. Тиран – тот, кто лучше играет жертву. Сегодня этот образ актуален, так все чаще мы видим несоблюдение границ и абьюза в полном расцвете.

Образ приживальщика связан с подстройкой под среду. В комедиях Плавта паразит получал еду за лесть. Читая Мольера, Достоевский изучил Тартюфа. Тартюф – первый идеологический паразит. Мольер показал систему систему, где хозяин виноват, а паразит свят. У Диккенса Урия Хип показал агрессивное смирение. В России приживальчество было обычным. В усадьбах жили добровольные шуты из разорившихся дворян. Опискин имеет корни у Гоголя. Но Хлестаков – это «пустота». Опискин – пустота с весом. Он строит тюрьму из лжи. А для Достоевского это болезнь духа – человек теряет лицо. Вырастает маска, которая диктует волю.

Достоевский сделал открытие. Он создал приживальщика, который запрещает смех над собой. Пока смеются, он шут, когда боятся, он господин. Опискин превратил унижения в нравственный капитал: он использует обиды как хлыст, он заставляет искупать грехи человечества.

В Семипалатинске Достоевский вывел закон. Человек без прав может обрести власть. Страшно не то, что Опискин плохой. Страшно, как он эксплуатирует добро.

Он выбирает честного Ростанева. Честный беззащитен перед обвинением в подлости. Это деспотизм на доверии. Опискин мстит за свою посредственность.

Опискин ставит точку в истории «маленького человека». Достоевский закрывает дверь для жалости. «Маленький человек» может быть палачом. Раньше просили пожалеть бедного. Теперь предупреждают: берегитесь его слабости. Это ловушка. Бедность – оправдание жестокости. Тартюфу нужны деньги и жена. Опискину – признание гением. Это духовный вампиризм. В Семипалатинске Достоевский видел домашних святых. Они держали семьи в страхе под маской бедных родственников.

Семипалатинск стал лабораторией. После жесткого Омска глушь показала вязкое болото. Пороки раздувались до нелепых размеров. Семипалатинск был отрезан от культуры. Информационный вакуум породил провинциальный культ. Любой с претензией на знание становился центром. Люди от скуки искали кумира. В повести все слушают бред Фомы. Тиран создается средой. Общество само жаждет подчинения.

Достоевский вывел закон. Чем ниже статус, тем агрессивнее самолюбие. Опискин – крайняя точка озлобления. Ничтожество властвует над силой. Он издевается над Ростаневым за его свободу. Мстит обидами.

Фома нуждается в Степанчикове. В Петербурге его не заметили бы. Ему нужны зрители из маленьких людей, а в изоляции обида одного становится законом. Он требует признать его обиду главной ценностью. Семипалатинск – это Степанчиково для изучения деспотизма.

Чтобы стать тираном, хватит аудитории и громкого крика о страданиях. Опискин – памятник провинциальному озлоблению.

В основе Опискина – прошлое в доме Крахоткина. Его унижали системно. Заставляли играть роли, били, травили. Рабство не научило сочувствию. Оно выжгло человеческое. Осталась жажда реванша. Опискин превращает роль жертвы в инструмент пытки. Он инвестирует унижение в власть. Упоминание генеральского сапога или собак становится ультиматумом. Он создает атмосферу вины у благодетелей. Они виноваты за чужие преступления. Фома говорит: мир жесток ко мне, теперь вы мои рабы. Страдание как моральный капитал – самая пугающая черта.

Опискин понимает свою неполноценность. Он никто по закону. Материальная зависимость толкает на агрессию. Он заставляет верить: это он делает одолжение, соглашаясь есть здесь. Он требует звания превосходительства. Это магия. Согласие на ложь – уже власть. Он твердит об образованности. Выставляет других ограниченными.

Он контролирует все в доме. Решает обед, разговоры, радость. Создает тоталитарное государство в усадьбе.

Приживальчество – психологическая болезнь. Он лечит комплексы, заражая виной. Среда Степанчикова идеальна для паразита. Нет дел – все говорят о морали.

Фома захватывает тему. Объявляет себя экспертом по совести. Он бьет по слабым местам. У генеральши – на суеверия. У слуг – на страх перед умными словами.

Он превращает дом в вечное покаяние. Заставляет извиняться за доброту, семью, здоровье. Трагедия вывернутого раба: он не хочет свободы. Он хочет, чтобы не осталось свободных. Его зависимость перекрывается психологической зависимостью Ростанева.

Образ Опискина – важный этап в понимании свободы. В Семипалатинске Достоевский осознал: рабство не только кандалы. Самое страшное – когда униженный наслаждается положением и использует его как лицензию на деспотизм.

Опискин – памятник провинциальному озлоблению из скуки и пустоты. Это опасный симптом. Открыв тип, Достоевский перешел к анализу бесовства в масштабе страны.

Семипалатинск – зеркало, где он увидел прообраз Степанчикова. Здесь начитанность стала уродством. Красивые фразы заменили поступки. Маска приросла к лицу. В тихом домике Достоевский понял: самая страшная ложь звучит возвышенно и прикрывается святостью. Это фундамент его великих романов. Слово может спасать или убивать миры.

Семипалатинск стал для Достоевского ключевой лабораторией, где он переосмыслил страдание как источник тирании и создал образ Фомы Опискина – идейного деспота-приживальщика, использующего вину и мораль для власти. Этот персонаж стал мостом от ранних тем маленького человека к поздним романам о бесовщине, показав, как домашняя тирания рождает большие трагедии.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 150–162. (Разбор типажа «человека из подполья» и диалогической природы героев Достоевского).

2. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Полное собрание сочинений в 30 т. – Л.: Наука, 1972. – Т. 4. – С. 5–232.

3. Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели // Полное собрание сочинений в 30 т. – Л.: Наука, 1972. – Т. 3. – С. 5–168. (Основной текст исследования).

4. Ермаков И. Д. Психоанализ у Достоевского // Психоанализ литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 320–345. (К вопросу о патологическом самолюбии и комплексах героев).

5. Кунильский А. Е. О возникновении замысла повести «Село Степанчиково и его обитатели» // Филологические науки. – 1982. – № 4. – С. 68–73.

6. Сараскина Л. И. Достоевский. – М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 2011. – С. 280–315. (Подробное описание жизни в Семипалатинске, службы в 7-м линейном батальоне и окружения писателя).

7. Селезнев, Ю. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 1981. — С. 145–160.
8. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — С. 198–226. (Ключевой источник о связи Фомы Опискина и Гоголя, о литературной пародии).
9. Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. — М.-Л.: Наука, 1964. — С. 84–95.
10. Якубович И. Д. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993. — Т. 1 (1821–1864). — С. 230–285.

Шмунк Ангелина
МНО 25-09 1 педколледжа им. М. О. Ауэзова
руководитель: Муздыбаева А.К.

ДИАЛОГ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ: ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ИДЕАЛЫ В ПИСЬМАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО К Ч. Ч. ВАЛИХАНОВУ

DIALOGUE ON PURPOSE: ENLIGHTENMENT IDEALS IN THE LETTERS OF F. M. DOSTOEVSKY TO CH. CH. VALIKHANOV

Сегодня я хочу рассказать о дружбе и переписке двух выдающихся людей XIX века – Фёдора Михайловича Достоевского и Чокана Чингисовича Валиханова. Их общение – это не просто интересный факт биографии. Это пример настоящего духовного и интеллектуального союза, который объединил русскую и казахскую культуры. Меня особенно заинтересовало письмо Достоевского к Валиханову от 14 декабря 1856 года. В нём писатель не только выражает искреннюю дружбу, но и говорит о высокой миссии Чокана как учёного, просветителя и человека, способного служить своему народу.

В феврале 1854 года в г. Омске, в доме военного инженера К. И. Иванова произошло событие: здесь впервые встретились две великие личности двух народов: Фёдор Достоевский и Чокан Валиханов. Достоевского только что освободили из омского острога. Он ждал дальнейших распоряжений о своем назначении. Валиханов уже окончил Сибирский кадетский корпус и служил адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Густава Гасфорта, также исполняя обязанности толмача (переводчика).

Жена Иванова – Ольга Анненкова – была дочерью декабриста Ивана Александровича Анненкова. Она была умной, начитанной, образованной. В доме всегда было уютно, что создавало особую атмосферу. В этом доме Достоевский провел около месяца после острога. Частым гостем дома был также и Чокан Валиханов. Во время одного из посещений Валиханова, он встретился и познакомился с Федором Михайловичем. Несмотря на разницу в возрасте, между ними возникла взаимная симпатия. Достоевский был впечатлен умом, образованностью, талантом, стремлением к знаниям, владением европейскими и восточными языками молодого человека.

Валиханова же заинтересовал «настоящий писатель», скорее всего, он вероятно был уже наслышан о Достоевском, так как был знаком с русской литературой и журналами того времени «Современник», «Отечественные записки».

Затем Федора Михайловича отправили в Семипалатинск, где Валиханов периодически бывал «по делам службы». Здесь друзья продолжали встречаться. Летом 1855 года Чокан Валиханов в качестве толмача прибыл с генералом Гасфортом в новую губернию. По приезду в Семипалатинск, Валиханов приглашает Ф. Достоевского на встречу с чиновником В. П. Демчинским. Предполагается, что они обсуждали Крымскую войну и «Восточный вопрос».

В 1859 году мае месяце Чокан приехал в Семипалатинск, в это время у него закончилась экспедиция в Кашгар. Достоевский собирается покинуть Семипалатинск, т. к. получил разрешение покинуть место ссылки. В этот момент друзья сфотографировались на память: Достоевский в военном мундире, Валиханов в шинели. Этот снимок стал единственным сохра-

нившимся совместным портретом писателя и его друга. Лейбин, известный фотограф того времени, сделал эту фотографию. Он вошел в историю как первый Семипалатинский фотограф. По мотивам фотографии была создана скульптурная композиция, которую установили возле здания Семипалатинского литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского. Последняя встреча друзей состоялась в Петербурге в 1860-61 годах.

Письмо 1856 года

Дружба этих великих людей продолжалась до последних дней жизни Чокана Валиханова. На протяжении всего времени они переписывались. Переписка длилась с декабря 1856 по октябрь 1862 годов.

Особое место в их переписке занимает письмо Достоевского от 14 декабря 1856 года. Здесь он выражает сильную привязанность к другу: «Вы пишете мне, что любите меня. А я вам объявляю без церемоний, что и я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже и не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам, и Бог знает, как это сделалось». Эти слова показывают, насколько глубокой была их дружба. Достоевский видел в Валиханове не просто друга, но и человека редкого ума, честности и внутренней силы. Писатель верил в большое будущее Чокана. Он убеждал его не оставлять научную деятельность и посвятить себя служению народу. Достоевский писал, что именно такие люди способны изменить жизнь общества к лучшему.

Образ «европейски образованного человека»

Достоевский называл Валиханова человеком, который смог соединить европейское образование и глубокую связь со своей родной культурой. Это было особенно важно в XIX веке, когда вопрос о путях развития народов стоял очень остро. Валиханов, по мнению Достоевского, мог стать мостом между Востоком и Западом. Он прекрасно знал культуру своего народа и одновременно был открыт достижениям европейской науки и мысли. Эту мысль писатель раскрывает все в том же письме: «Лет через 7–8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, её значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за неё у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу, и сердце».

Писатель советует Чокану написать статью о Степи, ссылаясь на пример «Записок» Джона Тернера, которого в свое время высоко оценил А. С. Пушкин. Достоевский считал, что данная работа может открыть новые возможности, усилит его роль как просветителя. Для Валиханова эти слова могли стать важным стимулом. Хотя его работы – это научные и географические исследования, но, по мнению писателя, работы должны быть направлены на изучение и популяризацию культуры казахского народа.

Для Валиханова дружба с Достоевским стала важной моральной поддержкой. Она укрепила его уверенность в том, что просвещение, наука и образование необходимы для развития общества. Для Достоевского общение с Валихановым также имело большое значение. Благодаря ему писатель глубже понял культуру, историю и духовный мир народов Степи. Это расширило его взгляды и помогло преодолеть узкие рамки европоцентризма. Их дружба стала примером взаимного уважения, равенства и открытого диалога культур.

Сегодня, когда особенно важно сохранять взаимопонимание между народами, история дружбы Достоевского и Валиханова звучит очень современно. Она напоминает нам о том, что настоящая культура строится на уважении, доверии и стремлении понять друг друга. Их пример показывает, что разные народы могут не только сотрудничать, но и духовно обогащать друг друга.

Подводя итог, хочется отметить: переписка Достоевского и Валиханова – это не просто обмен письмами. Это настоящий диалог двух великих умов, объединённых общими идеалами.

Достоевский увидел в Валиханове будущего просветителя, человека, способного служить своему народу и соединять разные культурные традиции. А Валиханов нашёл в Достоевском мудрого друга и наставника. Их дружба остаётся для нас примером того, как взаимное уважение, образование и духовная близость помогают строить мосты между культурами.

ИЗ АРХИВА

**М. Е. Сасанов,
Председатель ОО «Краеведческое общество
«Прииртышь» города Семей»
Семей, Казахстан**

Марат Сасанов. Из находок краеведа: Очерки. Дом Белослюдова. Семей: Издательство «Ямышевские ворота», 2024. 63-73 с

ДОМ КРАЕВЕДА Ф.Н. БЕЛОСЛЮДОВА

THE HOUSE OF THE LOCAL HISTORIAN F.N. BELOSLUDOVA

Мне повезло, что в своё время я приобрел и живу в доме, которым владел Федор Николаевич Белослюдов. Это известный краевед Семипалатинска, член Русского императорского географического общества, инженер, фотограф, один из четырех братьев Белослюдовых. Дом расположен в центре города, в исторической его части. После революции Федор Николаевич приобрел его (тогда на улице Госпитальной угол Аптечной), где поселился с супругой Анной Ивановной и сыном Львом. В 1926 году Федор Николаевич производит ремонт дома и делает пристройку. Я, как краевед и поисковик, считаю, что мне повезло жить в таком доме! Я даже вижу в этом особый знак! И действительно, все в доме дышит историей, и не только! Как следствие, дом преподнес много интересных находок. О них я и хочу рассказать. **МОНЕТЫ ПОД ПОЛОМ** Как-то однажды решил я выровнять пол в одной комнате. Дело оказалось непростым, так как в доме все полы были двойные, доска половая толщиной в 10 сантиметров! Двойные полы делались в старинных домах для утепления, все-таки климат в Семипалатинске суровый, недаром к нам отправляли каторжан. С большим трудом снял огромные доски в комнате размером 5х5 метров. Второй пол представляет собой мелкие бревнышки, которые плотно накатаны по периметру всей комнаты, сверху которых засыпана смесь из шлака и опилок слоем 15 см. Разобрав все половые доски, не удержался, чтобы прозвонить металлоискателем утеплительную засыпку, благо, прибор всегда под рукой. Первый же взмах катушкой металлоискателя выдал звонкий звук, означающий, что прибор видит предмет из цветного металла. Копнул саперской лопатой и поднял старинную монету – это была 1 копейка 1845 года. Дальше монеты посыпались как из рога изобилия. В итоге получилось 22 штуки. Кроме монет, из заслуживающих внимания предметов, были найдены: металлические пуговицы, деревянный мундштук со вставленной в него сигаретой и свинцовая эмблема. Что же интересного можно узнать по этим находкам? На самом деле, многое... Итак, по порядку. Самое главное, что под полом оказалось большое количество монет. Дело в том, что по монетам можно более точно установить датировку какого-либо события. В моем случае, я смог определить дату постройки своего дома. Из 22 монет, 2 оказались раннего советского периода, 2 полушки Екатерины II, остальные монеты Николая I. Две монеты советского периода лежали сверху насыпки, они просто упали в щели полов в более поздний период. Две монеты Екатерининского периода, тоже являются случайными, их просто принесли строители вместе со шлаком, когда готовили смесь для засыпки. Интересно, что это указывает на то, что в городе находилось место, куда свозили шлак со всего города. Напомню, что Семипалатинская крепость была перенесена на новое место (место нынешнего города) в середине XVIII века,

именно в период правления Екатерины Великой. Остаются восемнадцать монет Николая I, этого вполне достаточно, чтобы утверждать, что именно в период правления этого монарха и было возведено строение. Самая поздняя монета 1846 года – это и есть год, когда поставили мой дом. Эта дата ещё интересна тем, что позволяет понять, в каких пределах находился город в 1846 году. Меня, как нумизмата, порадовало превосходное состояние монет. Монеты пролежали в теплом сухом месте и отлично сохранились, причем их состояние улучшается, от ранних к более поздним. На монетах 1845 и 1846 присутствует даже штемпельный блеск, на момент потери они имели малое время хождения. Конечно, такие экземпляры пополнили мою нумизматическую коллекцию. Отдельно хочется сказать о строителях. Меня удивляет, как можно было умудриться выронить такое количество монет?! Причем, среди найденных монет были два пятака, а это, нужно сказать, немаленькие по размеру монеты. Складывается такое впечатление, что при возведении дома использовались зажиточные строители, у которых были полные карманы денег. И это ещё не всё, в засыпке был найден деревянный мундштук, который строители явно вырезали из дерева сами. Но примечательно то, что в него была вставлена фабричная сигарета с изображением двуглавого орла и производителя Андреева! Дело в том, что готовые сигареты в те времена были дорогим удовольствием. Обычно курильщики делали самокрутки, для этого продавались специальная сигаретная бумага. Но чаще использовалась обычная газета. Так для меня и останется загадкой, что за строители возводили мой дом! Ещё один предмет, найденный под полом, заслуживает внимания. Это свинцовая эмблема. Прочитав надписи на ней и поискав в Интернете, мне удалось установить, что это эмблема от одеколona. Но это был не просто одеколон! Производителем был сам Иоганн Мария Фарина! Это основатель самого старейшего в мире производства парфюма. Иоганн Мария Фарина был уроженцем Италии, но, переехав в Германию, в Кёльн, основал там парфюмерную мануфактуру в 1709 году. Производя духи, он называет их в честь своей новой родины, города Кёльна: ОДЕКОЛОН (фр. eau de Cologne «Кёльнская вода»). Парфюмерная продукция Фарина пользуется большим спросом в высшем свете Европы, одеколон поставляется в королевские семьи Пруссии и Англии. В России одеколоном пользовалась Екатерина II и Александр I. После войны 1812 года одеколон становится популярным во всей России. Русские парфюмеры добавляют в одеколон три эфирных масла: бергамотное, лимонное и нероли, так появляется «Тройной одеколон»! Конечно, я не берусь утверждать, что и одеколон принадлежал строителям моего дома – это было бы уже слишком! Пусть это останется интригой. Главное, что столько интересного можно найти под полами старинных домов!

НЕИЗВЕСТНЫЕ РИСУНКИ АННЫ БЕЛОСЛЮДОВОЙ

Супруга Федора Николаева Белослюдова, Анна Ивановна, была творческим человеком. Она вязала крючком искусные салфетки, рисовала картины. Я ее при жизни не застал, она умерла в 1971 году, в этом же году на свет появился я. Но мне о ней много рассказывал сын Федора Николаевича и Анны Ивановны – Лев Федорович. Говоря о маме, он отмечал, что она создавала уют и стиль в доме. Одним словом, в семье царил творческая атмосфера! Лев Федорович после окончания Великой Отечественной войны, служил на Дальнем Востоке. Говоря о службе, он часто вспоминал, как США сбрасывали ядерные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки в 1945 году. Взрывы были такой силы, что зловещие «грибы» были видны даже на Дальнем Востоке. Лев Федорович отмечал, что это зрелище одновременно завораживало и ужасало! Часто бывая в гостях у Льва Федоровича, я обратил внимание на небольшого размера рисунки, выполненные на шпоне, которые присутствовали в доме, кроме этого, там же я видел чистые листы шпона. Все рисунки выполнены в одном стиле – это восточные пейзажи. Я поинтересовался, откуда они? Лев Федорович ответил мне, что привез их с Дальнего Востока. Так бы наш разговор и забылся, если бы в 2018 году музей изобразительных искусств

имени семьи Невзоровых не выпустил каталог «Художники города Семей. XIX-XXI вв.». В этом каталоге были представлены работы семипалатинских художников и их небольшое жизнеописание. Просматривая каталог, я решил посмотреть работы Анны Белослюдовой, в сборнике были представлены несколько рисунков с тем же, восточным, пейзажем. Мой взгляд задерживается на информации о размере рисунков, где указано 8x11 см. Меня это немного удивило, так как в моем представлении картины представлялись несколько большего размера. И тут меня осенила догадка, а не могут ли эти маленькие рисунки, которые остались в доме после того, как я купил дом, принадлежать руке Анны Белослюдовой?! После того, как специалисты музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых, изучив рисунки, подтвердили мои предположения, сомнений не осталось! Имело место недоразумение, когда Лев Федорович говорил, что привозил открытки из Дальнего Востока, он имел в виду чистый шпон. А его мама уже позже создавала свои рисунки на этом тёплом, древесном материале. Теперь понятно, почему вместе с рисунками находились и чистые листы шпона. Просто Анна Белослюдова не успела на них нарисовать свои восточные пейзажи. Вот так жизнь, по своему обыкновению, расставляет всё по своим местам! Недоразумения и ошибки, взяв свою плату в виде потерянного времени, растворяются под действием истины и фактов. Так город обрел ранее не известные рисунки Анны Белослюдовой, которые я передал в музей изобразительных искусств имени семьи Невзоровых.

НЕГАТИВ НА ЧЕРДАКЕ

Как-то однажды полез я на чердак. Нужно было навести там порядок. Хотя вещей там было немного, тем не менее, в целях пожарной безопасности, нужно было все лишнее удалить. Очистив чердак от крупных предметов, я принялся за мелкий мусор. В углу чердака я обратил внимание на кусок полиэтиленовой пленки. Кусок был небольшой и весь заляпанный грязью. Но, то ли моя наблюдательность, то ли мой опыт фотографа, помогли разглядеть в высохшем от времени куске полиэтилена фотонегатив! Обнаруженная находка меня порадовала, но не вызвала удивления, так как я знал, что бывший владелец дома – Федор Белослюдов – был фотографом. Скорее всего, отбраковка от фотодела отправлялась на чердак. Теперь мне стало понятно зачем поместили на чердак стопку мелкого по размеру стекла?! Я ещё подумал, кому понадобилось так много стекла, которым не застеклишь даже форточку. Скорее всего, эти узкие полоски стекла служили заготовками для изготовления фотонегативов. И действительно, всматриваясь в каждое стеклышко на чердаке, я нашел несколько кусков стекла с негативным изображением. Во время уборки на чердаке также был найден латунный футляр для канцелярских принадлежностей инженера и обломок гарды от офицерской сабли. Но, конечно, самой главной находкой в этот день был негатив! Мне не терпелось узнать, что было запечатлено на этой пленке. Дождавшись следующего дня, я отправился в фотостудию. Негатив оказался хорошего качества, и с него удалось распечатать приличного качества фотографию. На фото была запечатлена переправа через реку Иртыш в городе Семипалатинске, предположительно, в начале XX века. Интересна авторская задумка Федора Белослюдова, дело в том, что снимок был сделан с парома в момент, когда он находился посередине реки. На фото видно, как ранее переправившиеся люди, кто пешком, кто на лошадях, поднимаются на высокий берег казачьей слободы. Нужно отметить, что в Семипалатинске долгое время действовала переправа через реку Иртыш в районе железнодорожного моста. В наши дни, об этой переправе напоминает лишь маленькая часовня Николая святителя, что стоит на левом берегу (тогда в Заречной слободе). В те далекие времена, человек мог поставить свечку в этой часовне за благополучную переправу через могучие воды Иртыша. Купцы, в свою очередь, ставили свечи, отправляясь с караванами в далекие страны, чтобы им благоволила удача, так как Николай святитель является покровителем путешественников. Таким образом, благодаря счастливому стечению обстоятельств, история нашего города обогатилась еще одним старинным, ранее неизвестным снимком!

Л. Шлихтемаер
Фленсбург, Германия

ЕВРОПА. ПО МЕСТАМ ДОСТОЕВСКОГО

EUROPE. IN THE PLACES OF DOSTOEVSKY

В жизни каждого человека есть даты, которые очень часто меняют всю его жизнь. Для меня такой датой стало 10 сентября 1984 года, правда, все произошло несколько раньше: так случилось, что день был ясным, но понедельник - настроение у меня было хуже некуда, я проходила мимо музея Достоевского и решила зайти. Был понедельник — посетителей не принимали... Тем не менее я разговорилась с сотрудниками и рассказала о том, что мне нужна работа... Мне сказали, что директор в отпуске и выйдет 10 сентября.

10 сентября в 9.30 я стояла на крыльце музея, а к 12 часам дня стала сотрудником музея Достоевского, что и связало меня с его именем, его биографией, творчеством...

За 19,5 лет работы мне довелось поработать во всех отделах музея, но мое место оказалось в просветительском отделе: я с удовольствием водила экскурсии, писала методички, проводила уроки для школьников всех возрастов... И каждый раз, рассказывая о жизни писателя за границей, я мечтала о заграничной командировке...

Судьбе же было угодно, чтобы наша семья переехала в Германию и если Достоевский, отправляясь в свое первое заграничное путешествие, мечтал увидеть «страну святых чудес», то я была уверена, что сумею посетить те места, где бывал Достоевский.

Начало нашей жизни в Германии было многообещающим: я совершенно случайно познакомилась с фрау Лакнер. Именно эта женщина организовала общество любителей Достоевского в Германии. Во время одной из своих поездок в Москву она познакомилась и приобрела картины Е. Д. Ключевской, результатом этой дружбы (по словам фрау Лакнер), и стало образование общества Достоевского. Я не могу знать всех подробностей, но имя Эллен Лакнер почему-то забыто.

В жизни все не так просто, как бы хотелось... тем не менее мне удалось, так же как и Достоевскому, побывать проездом в Кельне... и увидеть тот собор, перед которым он хотел «на коленях просить у него прощения за то, что не постиг в первый раз его красоту».

В 2017 году мне удалось впервые побывать в Дрездене.

Дрезден - один из старинных и красивейших европейских городов, который значительно пострадал в годы Великой Отечественной войны и который был восстановлен на пожертвования горожан.

Достоевские, спасая свой брак, прибыли в Германию весной 1867 г.

Они буквально пробыли пару дней в Берлине и сразу же отправились в Дрезден. Поселились в одной из лучших, на тот период, гостиниц «Stadt Berlin» и первое, что они сделали – отправились в Картинную галерею.

В своих воспоминаниях А. Г. красочно описывает их диалог с одним из жителей Дрездена, у которого они, заблудившись, попросили показать им дорогу к Цвингеру. Достоевские почти каждый день посещали картинную галерею, подолгу задерживаясь у любимых творений. Впечатление потрясающее! Зная историю этих творений, рассказывая о них на экскурсиях и видеть их воочию - огромная разница.

Это совершенно другой мир! Он поглощает тебя, завораживает, на какое-то время просто забываешь, где ты...

Единственная проблема - это большое количество людей. Мы тоже пытались прийти и рано утром, и перед закрытием...

Что же было несколько неприятно, то вот эта табличка «Проверено, мин нет», но о ней не знают даже служители галереи...

В первый же день Достоевские «наняли» себе квартиру на Johannesstraße. Сегодня, к сожалению, сохранилось только название улицы, на которой расположилось что-то вроде детской спортивной площадки, на которой подростки катаются на скейт-бортах.

Между улицей, где жили Достоевские и Цвингером находилась почтовая площадь (Postplatz). Здесь тоже сохранилось название и даже есть троллейбусная остановка с таким названием, но почтамта нам найти не удалось, хотя видели необычные почтовые ящики. Действующие они или нет, я сказать не могу.

Зато сохранился очень красивый Холерный фонтан, который находился не так далеко от почтовой площади. Этот фонтан не остался без внимания А.Г.Достоевской, которая каждый день, в ожидании писем из России, посещала почтовое отделение на Постплатц. «В Дрездене ужасный ветер. Это город ветров... Вследствие этого в нем здоровый воздух. Говорят, ... когда в Европе была сильнейшая холера, здесь не было о ней и помину, несмотря на то, что она была очень близка и что в городе находилось ужасное множество раненых... И вот в память этого и был выстроен одним гражданином такой Cholera-brunnen, который я видела на площади близ почтамта»

История возникновения этого фонтана относится к 1841-1842 годам, когда в Европе свирепствовала эпидемия холеры. К счастью, Дрезден, действительно, был обойден этой страшной болезнью и один из жителей Дрездена, капитан Евгений фон Гутшмид, подарил городу фонтан с сорока водяными струями как символ очищающей силы воды.

Довольно много страниц своего дневника уделяет Анна Григлрьевна описанию Großen Garten – это большой городской парк, который невозможно оставить без внимания. Федор Михайлович любил этот парк за «прелестные луга в английском стиле и роскошную растительность». Мы тоже гуляли в этом парке, наслаждаясь его растительностью, архитектурой и фонтанами...

А также в парке и сегодня есть ресторанчик «Zum großen Wirtschaft», где по вечерам на небольшой возвышенности звучит музыка.

Украшает Дрезден и Брюльская терраса, где довольно часто проводила свои вечера чета Достоевских. Эту уникальную по своей красоте террасу с прекрасным видом на Эльбу местные жители называют «Балконом Европы», т. к. она как бы висит над Эльбой. Лестница шириной 13,5м, имеющая 41 ступень.

Жизнь Достоевских в Дрездене была относительно спокойна и размеренна, без особых денежных забот и постоянных требований родственников... Только вот все чаще Федор Михайлович говорит о рулетке, что именно там можно поправить их материальное положение... Ему удается убедить Анну Григорьевну и он уезжает Гомбург.

А. Г. пыталась не плакать, чтобы не расстраивать любимого мужа, но когда поезд тронулся, она не могла сдержать слез. Она почувствовала себя одинокой и брошенной и поэтому, когда квартирная хозяйка предложила ей совершить небольшую прогулку - с удовольствием согласилась.

Взяв корзинку с провизией, они отправились в Waldschlösschen, что расположен на правом берегу Эльбы, в те времена это место можно было назвать пригородом Дрездена. На правый берег они переправились на пароходике.

А. Г. описывает дорожку, по которой они поднимались вверх и беседку, где можно было передохнуть... Беседка существует и сегодня, но значительно поздней постройки...

Прожив какое-то время в Дрездене, Достоевские решили покинуть его. В письме к Майкову (август 1867г.) пишет: «Наконец в Дрездене тоска измучила и меня и Анну Григ. Если зимовать, то зимовать где-нибудь на юге. Да к тому же хотелось хоть что-нибудь показать А.Г.-не, развлечь ее, поездить с ней. Решили зимовать где-нибудь в Швейцарии или Италии».

Достоевские побывали в Швейцарии, Италии, коротко в Австрии... пережили печальные события (их первенец- Сонечка, простудившись, умерла), но возвращаться в Россию было все еще опасно... Следующий год они решили провести в Праге... Денежные обстоятельства все также были сложными, но появилась надежда на новое счастье: А.Г. была беременна. В Праге

же их ожидало разочарование: не было меблированных квартир для семейных... Им пришлось вернуться в Дрезден, условия жизни в котором были уже хорошо известны.

Здесь, в сентябре 1869 года появилась на свет их вторая дочь – Любовь. Крещение девочки состоялось в январе 1870 года о чем сохранилась запись в церковной книге

Таинство крещения совершил священник Александр Розанов.

А. Розанов приехал в Дрезден из Петербурга в 1869 году, он был первым священником в православной домово́й церкви Святого Симеона Дивного́рца. Он же принимал участие в освящении храма. Похоронен Розанов на Троицком кладбище в Дрездене.

А. Г. в «Воспоминаниях...» пишет, что они часто бывали у него в гостях, хотя Федор Михайлович не особенно его ценил, т.к. «в силу своего характера и некоторой легкомысленности в суждениях он не олицетворял типа служителя алтаря, каким представлял его себе Ф.М».

Мы тоже побывали в православной церкви. Это не та домовая церковь, в которой крестили Любочку, т. к. она была частично разрушена в феврале 1945 года при налете англо-американской авиации.

Мы же пообщались с протоиереем Георгием Давыдовым, который с 1984 года является настоятелем дрезденской церкви. Удивительный человек, искренне преданный своему делу, благодаря его стараниям проводятся реставрационные работы.

Я держу в руках именно ту книгу, где сохранилась запись о крещении Любочки.

О. Георгий рассказал нам, что в храме хранятся реликвии, переданные в 1928 году Ольгой фон Ланге, старшей дочерью барона Врангеля. Это издание Нового Завета, несколько молитвенников и образ, который когда-то висел в посольской канцелярии ее отца.

На дипломатической службе в Дрездене барон Врангель прослужил с 1898-го по 1906 год. Выйдя в отставку, он остался здесь жить, где и написал известные нам «Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири».

Скончался барон Врангель 25 сентября 1915 года. Похоронен на кладбище Св. Троицы рядом со своей матерью Дарьей Александровной, скончавшейся в Дрездене в 1851 году. В этом же семейном склепе покоятся его жена Анна и дочь Ольга.

Фото барона Врангеля из книги «Русский мир Дрездена» 34.

В 2006 году на берегу Эльбы, по инициативе Немецко-русского института культуры, был установлен памятник Достоевскому.

Бронзовая фигура писателя в натуральную величину была выполнена известным московским скульптором Александром Рукавишниковым.

К сожалению, на сегодняшний день памятник хранится где-то в запасниках, в виду реконструкции площади.

Получается так, что около 2-х лет своей заграничной жизни Достоевские провели в Дрездене. Здесь писатель много и плодотворно работал, здесь окрепли их семейные взаимоотношения и вместе они многое пережили и, наверное, не случайно в романе «Бесы», который был большей частью написан в Дрездене, террорист Петруша Верховенский советует одному из заговорщиков эмигрировать, чтобы спастись от заслуженного возмездия за совершенные преступления: «И знайте, я советую вам в Дрезден, а не на тихие острова. Во-первых, этот город никогда не выдавший никакой эпидемии, а так как вы человек развитый, то, наверно, смерти боитесь... во-вторых, близко от русской границы, так что можно скорее получать из любезного отечества доходы; в-третьих, заключает в себе, так называемые сокровища искусств, а вы человек эстетический, бывший учитель словесности, кажется, ну и наконец, заключает в себе собственную карманную Швейцарию - это уж для поэтических вдохновений. Одним словом, клад в табакерке!»

Баден-Баден – удивительный город, само его расположение сказочно: он находится в долине реки Оос (кстати, дно речки выложено плиткой) и с трех сторон окружен горами Шварцвальда, поэтому здесь очень мягкий климат (весь год тепло и солнечно, говорят, но лично мне не повезло, т. к. шел дождь). Здесь еще в 70-е годы были обнаружены термальные воды, которые

обладают целым рядом целебных свойств. Поэтому город стал модным курортом на водах для «богатых и красивых». А для того, чтобы отдыхающим было не скучно, французы Жак Беназе (1835-1848), а чуть позже его сын Эдуард Беназе, придумали нечто особенное: открыли казино... Баден-Баден мгновенно превратился в «летнюю столицу Европы»

С начала 19 века в городе очень часто появляются гости из России: это и царствующая семья, и великие князья и писатели... Ехали сюда на отдых и чтобы поправить свое здоровье ... Гоголь же в письме к матери от 10 августа 1836г. писал: «Здесь нет никого, кто был бы серьезно болен... все сидят целый день за маленькими столиками под деревьями» Кто-то останавливался на короткое время, а кто-то оставался надолго ...

Ф.М. Достоевский побывал в этом городе дважды. Первый раз в 1863 году вместе с А. Сусловой, о которой никому не рассказывал, лишь в письме к М.М. Достоевскому пишет: «В Бадене видел Тургенева. И я был у него два раза, и он был у меня. Тургенев Аполлинарии Прокофьевны не видал. Я скрыл.»

Во второй раз Федор Михайлович приехал со своей молодой женой в 1867 году как бы совершенно случайно. В письме к Майкову (28/16 67 года) пишет: «Проезжая недалеко от Бадена, я вздумал туда завернуть»

Мы приехали на Баденский вокзал и пешком пошли к дому, где сняли для себя апартаменты. Неожиданно для себя мы оказались на Лихтентальской аллее. Место, где жители Бадена и его гости, отдыхая, любясь декоративными деревьями и многочисленными цветниками, проводят свободное время.

Этот место, где Достоевский, не имея денег, поэтому, не имея возможности играть, прогуливался с А.Г. «Вечером я Феде предложила идти гулять. Мы отправились по Лихтентальской аллее. Это прекрасная аллея, идущая, я думаю, версты полторы до Лихтентальского монастыря. Здесь большую часть прогуливаются и катаются на экипажах. Шли мы довольно весело с Федей, то есть он ужасно скучал, зато я безумолку говорила, говорила, кажется, часа 2 сряду, не прерывая, но этим никак не могла развлечь Федею».

Позднее мы встретились с фрау Ренате Ефферн. Она пригласила нас в кафе отеля Атлантик, сказав, что именно здесь начинается «русская» история Бадена. В 19 веке он назывался Englischer Hof, Английский двор.

Это удивительная женщина, которая любит свой город и прекрасно знает его историю. В 1992 году она создала тургеневское общество, и все годы является его бессменным председателем,

где проводит большую работу по популяризации изучения истории города и его связей с культурой, в частности, с русской литературой.

Она рассказала нам о том, что в этом отеле останавливались все члены царствующей династии Романовых и представители высшей русской аристократии, которые в скором времени стали строить или покупать здесь красивые дома и виллы. Сегодня все также высокопоставленные гости из России, прибывающие в Баден-Баден, останавливаются здесь же...

Фрау Эфферн рассказывала также о русских писателях (Жуковский, Вяземский, Тургенев, Гоголь, Достоевский, Гончаров...)

Проходя по городу, мы встречали много признаков пребывания России и русских в Баден-Бадене. Это мемориальные доски, герб русских царей, барельеф Гоголя «Нос» на доме, в котором он жил бронзовое изваяние юной баденской принцессы, (исполненное российским скульптором Салаватом Щербаковым) – это императрица Елизавета Алексеевна (1779-1826), супруга Александра I, бюст И.С. Тургенева (работа скульптора Юрия Орехова), бюст Полины Виардо (работа Ю. Орехова) театр, в котором неоднократно давала бенефис Полина Виардо в пользу «нуждающихся «баденцев», где бывал Тургенев... есть здесь музей Фаберже (это частная коллекция российского коллекционера А.Н. Иванова, памятник Ф. М. Достоевского (трехметровое изваяние работы московского скульптора Леонида Баранова).

Виллу И. С. Тургенева нам удалось увидеть только издалека, т. к. владельцы запретили вход не только на территорию виллы, но и даже на улицу.

Вилла Сергея Сергеевича Гагарина – это место, где собирались многие известные русские, гостившие в Бадене. Я думаю, что Достоевский там не бывал, т.к. у него были совсем другие цели, а А.Г. писала: «...дошли до виллы Гагарина. Здесь, кажется, все русские имеют свои виллы, в которых проживают летом. Но, право, здесь вовсе не стоит жить: мне кажется, можно найти местность лучше здешней».

Так случилось, что фото виллы нет, но вот мы находимся на нижнем этаже дома, здесь находится ресторан «Pizzi». На верхнем этаже ЗАГС, в котором могут зарегистрировать свой брак и иностранцы.

Наконец-то мы подошли к тому, ради чего собственно приехали в этот удивительный город. Мы отправились в Kurhaus.

«Мы пошли к Conversationshaus. Все дамы необыкновенно как разодеты, в светлых красивых платьях. Но публики масса, – просто яблоку негде было упасть. Мы несколько времени гуляли по боковой аллее; в главную входить не могли по причине моего дурного наряда...»

Именно здесь собиралось отдыхающее общество. Здесь общались, пили вино и целебную воду, дамы демонстрировали наряды...

Сегодня, как и в прежние времена, можно пообедать, выпить кофе, послушать музыку...

Здесь начинается действие романа Тургенева «Дым»: «10 августа 1862 года в четыре часа пополудни на улице было много народу. Погода стояла прелестная: все кругом – зеленые деревья, светлые дома уютного города, волнистые горы – все празднично, полную чашей раскинулось под лучами благосклонного солнца...» Лучше о городе и месте не скажешь...

На окраине же города находится улица Gernsbacherstr.2. На этой улице располагалась кузница, во дворе которой Ф. М. снимал квартиру.

А. Г. писала в своем дневнике: «Федя хотел переменить квартиру, потому что ему не дают спать наши кузнецы, да и дети кричат так немилосердно. Вечером я умоляла Федю уехать из Бадена, но он ни за что не согласился и даже на меня рассердился». Из окон этого дома видна монастырская церковь

«На соседней башне с колокольной стоит флюгер – фигура апостола Петра. Когда он стоит к нам не спиной, а прямо, держа ключи в правой руке, то это добрый знак. Когда мы жили изо дня в день и должны были все закладывать, фигура Петра стояла к нам так, что его даже и не было видно»

Думается, что каждый раз отправляясь в казино, Достоевский мысленно с надеждой обращал свой взор на этот флюгер...

Вечером мы пошли в казино.

Место, в котором за считанные минуты можно стать миллионером или же проиграть целое состояние... В холле нас встречает парадный портрет Жан Жака Беназе, все очень торжественно, официально и почему-то волнительно...

Мы покупаем жетоны и входим в зал. Залов здесь несколько. Играют не везде. Новсюду неопишуемая роскошь: везде позолота, огромные светящиеся люстры, великолепнейшие картины, кресла... это надо видеть...

Поскольку рулетка была и остается для меня «тарабарскою грамотою», то я, вспомнив, как играл в первый раз Алексей Иванович из романа «Игрок», решила ставить точно также, пропустив первую проигравшую ставку. Я сразу поставила на красное и еще раз на красное... Удивительное дело! Оба раза, как и в романе, вышли красные! Потом, по системе Достоевского, надо было поставить на двенадцать средних цифр, что это такое я не знала, куда-то ставила, какие-то жетоны приходили, какие-то уходили безвозвратно... Я оказалась не азартным игроком и когда жетоны не стали помещаться в руках мы просто пошли гулять по залам...

И уже в день отъезда мы добежали до цистерцианского монастыря.

«Мы пришли к монастырю и зашли на его двор. У входа в церковь стоит изображение распятого Христа. Среди двора находится большой бассейн с темной водой. По всему двору сделана аллея из прекрасных буковых деревьев. Тут выстроена и другая церковь вроде какой-то молельни или погребальной часовни. Мы несколько времени слушали во дворе музыку органа.» – так описывает монастырь А. Г.

Во внутреннем дворе мы тоже увидели бассейн с темной водой, нам сказали, что это «Mariengruppen» (Колодец Св. Марии). Это женский монастырь, один из старейших, который был образован еще в 13 веке. Многие монахини работают в монастырской школе, кто-то занимается шитьем, кто-то художественным ремеслом... Интересно то, что монахиням разрешается разговаривать только два часа в сутки...

В этот же день, полные впечатлений, мы отправились в обратный путь, сожалея о том, что побывать в этом удивительном месте удалось мало, и, давая себе слово, непременно еще раз вернуться...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРОХОВСКАЯ Любовь Самуиловна, журналист Семейайнасы медиа РК

БЕЛЯКИНА Алла Николаевна, завсектором по организации экспозиций и выставок литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского Семей, РК

БОРЗЫХ Людмила Анатольевна, хранитель фонда литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского Семей, РК

ВАЛИУЛИНА Асия Ринатовна, завотделом иностранной литературы областной универсальной библиотеки имени Абая Семей, РК

ВЕДЕНЯПИН Виктор Валентинович, ФИЦ Институт Прикладной Математики им. М. В. Келдыша РАН, ВНС, дфмн, профессор Москва, РФ

ВИСТЕРМАН Эдуард Робертович, руководитель международного проекта «Звезда Достоевского» Кемерово, РФ

ВОХМИНЦЕВА Алина Витальевна, ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета Воронеж, РФ

ГАЙНУЛЛИНА Фарида Ахметовна, ассоциированный профессор (доцент) кафедры филологии Alikhan Bokeikhan University Семей, РК

ГЛАЗИНСКАЯ Евгения Тимофеевна, старший преподаватель кафедры литературы ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» Барнаул, РФ

ДЕМЕЖАНОВ Тулеубек Мухамедиевич, к. филолог. наук, доцент кафедры иностранного и русского языка НАО «Шэкәрім университет» Семей, РК

ДУРНОВО Ирина Васильевна, краевед-исследователь, Усть-Каменогорск, РК

КАЛАНЧИНА Ирина Борисовна, исследователь, публицист Усть-Каменогорск, РК

КАЛИВОШКИНА Дарья Владимировна, зав. научно-исследовательским отделом историко-краеведческого музея г. Семей, Семей, РК

КИСЕЛЕВА Светлана Вениаминовна, независимый исследователь Анжеро-Судженск, РФ

КУЗНЕЦОВА Наталья Леонидовна, писатель, драматург, Санкт-Петербург, РФ

ЛЕВЧЕНКО Наталья Ивановна, независимый исследователь Новосибирск РФ

МИРСАЛИМОВА Владимира Владимировна, хранитель фонда литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского Семей, РК

НУРГАЗИНА Перизат Сартаевна, старший преподаватель НАО «Шәкәрім университет» Семей, РК

ОСИПОВА Татьяна Степановна, зам.директора по библиотечной деятельности «Централизованной библиотечной системы» Нижний Новгород, РФ

ПАШЕНЦЕВ Александр Петрович, кандидат исторических наук, профессор, старший преподаватель Alikhan Bokeikhan University Семей, РК

ПАШЕНЦЕВА Элина Александровна, аспирант кафедры Отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского ГУ Барнаул, РФ

ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской литературы и методики обучения Узбекского государственного университета мировых языков УзГУМЯ Ташкент, Узбекистан

РЕКИДА Ирина Михайловна, руководитель отдела научной и выставочной работы областного музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых Семей, РК

САСАНОВ Марат Еркембекович, председатель ОО «Краеведческое общество «Прииртышье» города Семей» Семей РК

САХНИК Ольга Николаевна, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник музейного центра «Московский дом Достоевского» ГМИРЛИ им. В. И. Даля Москва, РФ

СИВИЦКАЯ Анастасия Владимировна, преподаватель латинского языка РАН-ХиГС («Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации») Москва, РФ

СИВАШОВА Юлия Валерьевна, младший научный сотрудник областного музея изобразительных искусств имени семьи Невзоровых Семей, РК

СКУРИДИНА Светлана Анатольевна, зав.кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета Воронеж, РФ

СОЛОВЬЁВА Ирина Анатольевна, директор КГКП «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского города Семей» Семей, РК

СОНУ САИНИ, индийский филолог-славист, переводчик, преподаватель, писатель, поэт, почетный член Союза писателей России, инноватор методов обучения иностранным языкам Дели, Индия

СУЛТАНБЕКОВ Нариман Муратович, член Союза журналистов РК Мадрид, Испания

ТИТАЕВА Татьяна Геннадьевна, главный хранитель фонда литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского Семей, РК

ШЛИХТЕМАЕР Людмила Федоровна, член региональной группы Германского общества Достоевского в г. Эккенферде (до 2022 г.) Фленсбург, Германия

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«Достоевский и мировая культура:
художественное наследие и духовность»**

Подписано в печать 01.06.2026 г. Формат 60x90, 1/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman» Усл. п.л. 13,5.
Тираж 1000 экз.

ТОО «Expoprint»
г. Астана, р-н «Есиль», пр. Кабанбай батыра, дом 48/1, н.п.7

